ПЯТИКРАТНЫЙ ЛАУРЕАТ ПРЕМИИ АГАТЫ КРИСТИ ЗА ЛУЧШИЙ ДЕТЕКТИВ ГОДА

ЛУИЗА ПЕННИ

Природа зверя

Это превосходная детективная история в классическом стиле Агаты Кристи, и она, безусловно, заставит поклонников с нетерпением ожидать продолжения.

Booklist

Annotation

Роман «Природа зверя» продолжает серию расследований старшего инспектора Армана Гамаша. Этот обаятельный персонаж создан пером Луизы Пенни, единственного в мире пятикратного лауреата премии Агаты Кристи.

Не проходит и дня, чтобы девятилетний Лоран Лепаж не сочинил какую-нибудь фантастическую историю – о вторжении марсиан, громадной пушке, крылатых монстрах, увиденных им в лесу. Конечно, никто из жителей деревушки Три Сосны не воспринимает всерьез его болтовню, в том числе бывший старший инспектор полиции Арман Гамаш, поселившийся здесь после выхода в отставку. Но мальчик исчезает, и вскоре поисковая группа глубоко в лесу натыкается на загадочную находку, доказывающую, что монстр все-таки побывал в здешних местах. Люди начинают подозревать, что далеко не все из рассказов Лорана чистая выдумка. Арман Гамаш понимает: возможно, он сам, не поверив мальчику, повлиял на роковой ход событий.

Впервые на русском языке!

Луиза Пенни
Природа зверя

Louise Penny
THE NATURE OF THE BEAST

*** * ***

Нашим друзьям и соседям – семье, родной по духу

Глава первая

Все вперед и вперед. Спотыкаясь на бегу, он мчался с поднятой рукой, чтобы ветки не хлестали по лицу. Корня не заметил. Рухнул на землю, ладони впечатались в мох и слякоть. Его автоматическая винтовка упала, подпрыгнула и куда-то откатилась. Лоран Лепаж оглядел лесную подстилку, лихорадочно обшарил руками слой мертвых гниющих листьев.

У него за спиной раздавались шаги. Топот ботинок. Он почти чувствовал, как содрогается земля под чьей-то тяжелой поступью. Пока он на четвереньках разгребал листья, шаги неумолимо приближались.

– Ну же, ну! – взмолился Лоран.

Наконец он нащупал ствол винтовки окровавленными грязными пальцами, вскочил и побежал. Пригнувшись. Хватая ртом воздух.

Казалось, он бежит уже несколько недель, месяцев, стремительно петляя между деревьями. Целую жизнь. И все же он знал, что его бег скоро закончится.

Однако он продолжал мчаться вперед, так велико было его желание выжить. И спрятать находку. Если не удастся доставить ее в безопасное место, то он хотя бы попытается сделать так, чтобы ее не нашли преследователи.

Он может спрятать ее. Здесь, в лесу. И тогда лев сегодня уснет. Наконец-то.

Бабах. Бах-бах-бах. С деревьев вокруг него посыпались щепки, сорванные пулями.

Он пригнулся, перекатился и спрятался за пнем, уткнувшись плечом в гнилое дерево. Нет, укрыться от пуль здесь не получится.

Его мысли в эти последние мгновения были не о родителях и не о родном доме в маленькой квебекской деревушке. И не о щенке, который вырос и стал огромным псом. Лоран не думал ни о друзьях, ни о летних играх на деревенском лугу, ни о бесшабашном катании на санках по заснеженному склону холма под крик грозящей им кулаком сумасшедшей старой поэтессы. Он не думал о горячем шоколаде в конце дня перед камином в бистро.

Он думал только о том, как бы убить тех, кто попадет в прицел его винтовки. И выиграть время. И тогда, может быть, может быть, ему удастся спрятать кассету.

И тогда, может быть, может быть, жители деревни будут спасены. И

жители других деревень будут спасены. Он находил утешение в том, что его труды не пропадут даром. Его жертва послужит великому благу и принесет мир людям, которых он любит, и месту, которое он любит.

Лоран поднял свое оружие, прицелился и нажал на спусковой крючок.

– Бах, – сказал он, почувствовав удар приклада по плечу. – Бах-бах-бах-бах-бах.

Те, кто бежал впереди, упали.

Он вскочил и перекатился за крепкое дерево, прижался к стволу с такой силой, что жесткая кора разодрала кожу на спине, а в голове промелькнула мысль, устоит ли дерево под этим напором. Он обхватил винтовку обеими руками. Кровь пульсировала в жилах. Стук сердца в ушах грозил заглушить все другие звуки.

Например, звук быстро приближающихся шагов.

Лоран попытался успокоиться. Выровнять дыхание. Унять дрожь.

Он напомнил себе, что уже попадал в такие переделки. И ему всегда удавалось ускользнуть. Всегда. Удастся и сегодня. Он вернется домой. А там его ждет горячий чай и что-нибудь сладкое. И ванна.

И он смоет с себя все ужасы, которые совершил и еще собирается совершить.

Он сунул руку в карман порванной грязной куртки. Пальцы с ободранными до крови костяшками нащупали то, что там лежало, – кассету. В целости и сохранности.

Или, по крайней мере, в такой же целости и сохранности, как и он сам.

Его обостренное обоняние инстинктивно впитывало сладковатый запах лесной подстилки, глаза ловили проблески солнечных лучей. У себя над головой он слышал суетливую возню бурундуков в ветвях.

Но вот чего он больше не слышал, так это шагов.

Неужели он убил или ранил всех преследователей? Неужели он все-таки доберется сегодня до дома?

Но потом он кое-что услышал. Характерный треск веточки. Близко.

Они тихо подкрадывались к тому месту, где он находился. Окружали его.

Лоран попытался сосчитать, сколько врагов к нему приближается, оценить их количество по звукам. Но не смог. И понял, что это не имеет значения. На сей раз ему не уйти.

И тогда он ощутил что-то незнакомое. Горькое.

Вкус страха во рту.

Он глубоко вздохнул. В оставшиеся ему мгновения Лоран Лепаж посмотрел на свои грязные пальцы, сжимающие винтовку. А увидел их

чистыми и розовыми, держащими бургер, картофель фри, початок кукурузы, pets de soeurs[1] на сельской ярмарке.

Увидел щенка у себя на руках. Харвеста. Названного по любимому альбому его отца.

И наконец, сжимая в руках винтовку, он тихонько запел. Песню, которую отец напевал ему каждый вечер перед сном.

– «Старик, взгляни на жизнь мою, – пел он еле слышно. – Двадцать четыре мне, и столько еще впереди»[2].

Он опустил винтовку и вытащил кассету. Время его истекло. Он проиграл. И теперь должен спрятать эту кассету. Упав на колени, он нашел переплетение ветвей ежевики, старых и одеревеневших. Больше не думая о приближающихся звуках, Лоран попытался раздвинуть ветви. Они были толще и плотнее, чем показалось вначале, и его охватила паника.

Неужели он опоздал?

Лоран раздирал и разрывал путаницу ветвей, пока не появилось небольшое отверстие. Он просунул туда руку с кассетой и разжал пальцы.

Возможно, эту кассету никогда не найдут те, кому она необходима. Зато не найдут и те, кто вот-вот убьет его из-за нее.

– «Но вот остался я один, – прошептал он, – и домой к тебе возвращаюсь».

Что-то сверкнуло за переплетенными ветвями.

Что-то лежало там. Оно не выросло – его туда положили. Кто-то побывал здесь до Лорана.

Забыв о своих преследователях, Лоран Лепаж придвинулся ближе, ухватил ветви обеими руками и принялся их раздвигать. Ползучие стебли переплетались, цеплялись друг за дружку. Годы, десятилетия, эоны роста. И сокрытия.

Он продолжал разрывать, раздирать и раздвигать ветки. Наконец солнечные лучи проникли сквозь густые заросли и подлесок, и Лоран увидел то, что там находится. То, что было спрятано там, когда он еще и на свет не появился.

Глаза его широко распахнулись.

– Ух ты!

Глава вторая

– Ну так что?

Изабель Лакост поставила стакан с яблочным сидром на поцарапанную деревянную столешницу и посмотрела на человека, сидящего напротив нее.

– Ты же знаешь, я не стану отвечать на этот вопрос, – сказал Арман Гамаш, отхлебнул пива и улыбнулся ей.

– Что ж, теперь, когда вы мне больше не начальник, я могу вам сказать, что думаю на самом деле.

Гамаш рассмеялся. Его жена Рейн-Мари наклонилась к Лакост и прошептала:

– И что же вы думаете на самом деле, Изабель?

– Я думаю, мадам Гамаш, что ваш муж стал бы замечательным суперинтендантом Квебекской полиции.

Рейн-Мари откинулась на спинку стула. Через сводчатые окна бистро она видела разношерстную группу играющих в футбол детей и взрослых, среди которых были ее дочь Анни и муж Анни – Жан Ги. Стояла середина сентября. Лето прошло, и осень стучалась в дверь. Листва меняла цвет. В лесу и садах пламенели красные, желтые и янтарные клены. На траве деревенского луга уже лежали опавшие листья. Это было прекрасное время года, когда поздние летние цветы еще цвели и трава оставалась зеленой, но по вечерам становилось прохладно, так что обитатели деревни вытащили из шкафов свитеры и начали протапливать дома. И домашние очаги по вечерам напоминали лес днем – такие же веселые, яркие и привлекательные.

Скоро все будут уезжать после уик-энда в город, но они с Арманом могли не возвращаться. Их дом был здесь.

Рейн-Мари кивнула месье Беливо, владельцу магазина, усевшемуся за соседний столик, а потом снова перевела взгляд на женщину, которая приехала к ним на выходные. Изабель Лакост. Старший инспектор Лакост, исполняющая обязанности главы отдела по расследованию убийств Квебекской полиции. Этот пост в течение двадцати лет занимал Арман Гамаш.

Рейн-Мари всегда думала о ней как о «юной Изабель». Она надеялась, что в этом нет никакого покровительства или снисходительности, просто Арман нашел, принял и обучил Изабель, когда та была совсем юной

девушкой.

Но теперь на лице Изабель появились морщинки, в волосах – седые пряди. Казалось, все произошло за одну ночь. Они знакомились с ее женихом, гуляли на ее свадьбе, присутствовали на крещении двух ее детей. Она так долго была юным агентом Лакост, а теперь, как-то вдруг, стала старшим инспектором Лакост.

А Арман ушел в отставку. Ушел явно слишком рано, но все же ушел.

Рейн-Мари снова посмотрела в окно. Для них наступили золотые годы.

А может быть, и нет.

Рейн-Мари переключила внимание на Армана, который сидел в облюбованном им «ушастом» кресле в бистро, попивая пиво из микропивоварни. Расслабленный, довольный, веселый. Его шестифутовая фигура обрела нормальную массу. Нет, он не растолстел, просто оставался крепким. Волнолом во время шторма.

Но шторма прекратились, напомнила себе Рейн-Мари. Они наконец могли перестать противостоять волнам и побыть обычными людьми. Арманом и Рейн-Мари. Двумя деревенскими жителями. Никем больше. И этого вполне достаточно.

Для нее.

А для него?

Волосы у Армана сильно поседели, но, как всегда, слегка завивались над ушами и сзади. Они отросли чуть длиннее, чем во времена его работы в полиции. Скорее не потому, что он махнул на себя рукой, а потому, что он этого не замечал.

Здесь, в Трех Соснах, они замечали многое: перелет гусей, колючие каштаны, вызревающие на деревьях, покачивание цветущих «черноглазых Сюзанн»[3]. Они замечали бочку яблок у магазина месье Беливо – бери сколько хочешь. Они замечали фрукты и овощи нового урожая на фермерской ярмарке и новые поступления в книжный магазин Мирны. Они замечали ежедневные специальные блюда в бистро Оливье.

Рейн-Мари замечала, что Арман счастлив. И здоров.

И Арман Гамаш замечал, что Рейн-Мари тоже счастлива и здорова здесь, в этой маленькой деревне. Три Сосны не могли защитить их от горестей мира, но способствовали исцелению ран.

Шрам пересекал висок Армана, лоб бороздили морщины. Некоторые из них возникли под воздействием стресса, забот и печалей. Но большинство, как те, что обозначились сейчас, появились благодаря его смешливости.

– Я думала, вы мне скажете, что на самом деле думаете о нем как о

человеке, – снова заговорила Рейн-Мари. – Поведаете обо всех тех недостатках, которые видели за годы совместной работы. – Рейн-Мари заговорщицки подалась вперед. – Ну же, Изабель, расскажите мне о вашем наставнике.

На деревенском лугу двое детей Лакост сражались с Жаном Ги Бовуаром за мяч. Взрослый Жан Ги, казалось, искренне и даже с каким-то отчаянием старался завладеть мячом. Лакост улыбнулась. Инспектор Бовуар не хотел проигрывать даже детям.

– Вы имеете в виду его жестокость? – спросила она, переводя взгляд на свою собеседницу в уютном бистро. – Его некомпетентность? Нам приходилось будить его и подсказывать решения, чтобы он мог приписать себе все заслуги в раскрытии преступления.

– Это правда, Арман? – спросила Рейн-Мари.

– Pardon? Я вздремнул.

Лакост рассмеялась:

– А теперь я заняла ваш кабинет и ваш диван. – Она посерьезнела. – Я знаю, вам предлагали должность суперинтенданта, patron. Старший суперинтендант Брюнель сообщила мне об этом по секрету.

– Хорошенький секрет, – заметил Гамаш.

Однако он не выглядел обескураженным.

Неделю назад в Три Сосны приезжала старший суперинтендант Тереза Брюнель, после скандалов и перетряски назначенная главой Квебекской полиции. Считалось, что она просто приехала в гости. Но когда они сидели на веранде за утренним кофе, Тереза предложила ему работу:

– Должность суперинтенданта, Арман. Вы будете курировать отдел по расследованию убийств и тяжких преступлений, а также по охране Санта-Клауса на Рождество.

Он недоуменно поднял брови.

– Мы проводим реструктуризацию, – пояснила Тереза. – Иоанна Крестителя мы отдали отделу по борьбе с организованной преступностью.

Гамаш улыбнулся, улыбнулась и она, но ее взгляд тут же снова стал острым:

– Что нужно, чтобы вы вернулись?

С его стороны было бы лицемерием сказать, что он не предвидел такого развития событий. Он предчувствовал что-то подобное с тех пор, как стала достоянием гласности вся глубина беззакония, в котором погрязло совершенно деградировавшее руководство Квебекской полиции.

Им требовался лидер и управленец, и чем скорее, тем лучше.

– Дайте мне время подумать, Тереза, – сказал Гамаш.

– Время не ждет.

– Я понимаю.

Тереза поцеловала Рейн-Мари на прощание, потом взяла Армана под руку, и двое старых друзей и коллег пошли к ее машине.

– Гниль из полиции вычистили, – сказала она, понизив голос. – Но теперь нам необходима перестройка. На сей раз настоящая. Мы оба понимаем, что болезнь может вернуться. Разве вы не хотите, чтобы полиция Квебека стала сильной и здоровой? И двигалась в правильную сторону.

Она посмотрела на своего друга. Было очевидно, что он оправился от физических травм. Гамаш излучал силу, благополучие и энергию, сдерживать которую ему не составляло труда. Но причиной отставки Гамаша стали не физические раны, какими бы серьезными они ни были. Эмоциональный груз – вот чего он не смог вынести. Гамаш повидал достаточно: коррупцию, предательство, удары ножом в спину. Он долго жил в разрушительной, насыщенной флюидами корысти атмосфере. Он видел достаточно смертей. Старший инспектор Гамаш изгнал порчу из Квебекской полиции, но воспоминания остались, пустили корни в его душе.

«Исчезнут ли они со временем? – спрашивала себя Тереза Брюнель. – Исчезнут ли они с расстоянием? Смоет ли их эта деревенька, подобно крещению?»

Возможно.

– Худшее позади, Арман, – сказала Тереза, когда они подошли к машине. – Теперь пришло время для конструктивной работы. Для перестройки. Неужели вы не хотите принять в ней участие? Или вам достаточно этого?

Она обвела взглядом деревенский луг. Увидела старые дома, стоящие вокруг. Бистро, книжный магазин, пекарню и продуктовый. Гамаш знал, что, по ее мнению, это хоть и милая, но скучная тихая заводь. Тогда как для него здесь было пристанище. Место, где потерпевший кораблекрушение может наконец отдохнуть.

Арман, конечно, сообщил Рейн-Мари, что ему предлагают работу, и они обсудили это.

– Ты хочешь вернуться, Арман? – спросила она, стараясь говорить равнодушным тоном.

Но он слишком хорошо ее знал.

– Я думаю, рановато. Для нас обоих. Однако Тереза подняла интересный вопрос. Что дальше?

«Дальше?» – подумала Рейн-Мари, когда услышала от него это неделю назад. О том же самом думала она и теперь, в бистро, среди шума, болтовни других посетителей, сидящих вокруг. О том, что одно дурное слово выброшено на ее берег и пустило корни и усики, как вьюнок. Прилипчивое слово.

«Дальше».

Когда Арман вышел в отставку и они переехали из Монреаля в Три Сосны, ей и в голову не приходило думать о том, что будет «дальше». Она все еще удивлялась и радовалась тому, что есть «сейчас».

Но вот теперь «сейчас» перешло в «дальше».

Арману еще не исполнилось и шестидесяти, да и сама она оставила очень успешную карьеру в Национальной библиотеке.

«Дальше».

Говоря по правде, Рейн-Мари все еще наслаждалась тем, что они здесь и что «сейчас» существует. Но на горизонте появилось «дальше» и стало приближаться к ним.

– Привет, вы еще здесь?

Габри, большой и многословный, прошел по бистро, которым владел вместе со своим партнером Оливье. Он обнял Изабель Лакост.

– Я думала, вы уже уехали, – заметила Мирна, подошедшая вместе с Габри, и заключила стройную Изабель в свои могучие объятия.

– Вот-вот уеду. Только что посетила ваш магазин, – сказала Изабель Мирне. – Вас не увидела и оставила деньги у кассы.

– Нашли книгу? – спросила Мирна. – Какую?

Они разговорились о книгах, а Габри отправился за пивом для них, на ходу обмениваясь репликами с другими посетителями. У Габри, который неуклонно приближался к сорокалетию, в темных волосах появилась седина, а на лице – морщинки, когда он смеялся, что делал довольно часто.

– Как прошла репетиция? – спросила Рейн-Мари у Габри и Мирны. – Постановка продвигается?

– Спросите у Антуанетты, – ответил Габри, показывая кружкой с пивом на женщину средних лет, сидящую за соседним столиком.

– Кто она? – спросила Изабель.

Женщина выглядела примерно как дочь Лакост, хотя дочери было семь, а женщине – лет сорок пять. Она носила одежду, больше подходящую для ребенка. В ее стоящих торчком фиолетовых волосах красовался бант, на обширную задницу была натянута цветастая юбка, слишком короткая и тесная, а пышную грудь обтягивала майка, поверх которой был надет ярко-розовый свитер. Если бы у кондитерского магазина случилась рвота, то

результатом стала бы Антуанетта.

– Это Антуанетта Леметр и ее партнер Брайан Фицпатрик, – сообщила Рейн-Мари. – Она художественный руководитель Ноултонского театра. Сегодня они приглашены к нам на обед.

– Мы тоже участвуем, – сказал Габри. – Пытаемся убедить Армана и Рейн-Мари присоединиться к нам.

– Присоединиться? – спросила Изабель. – К нам?

– К Труппе Эстри[4], – пояснила Мирна. – Я и Клару уговаривала участвовать. Не обязательно играть какую-то роль, можно, к примеру, создавать декорации. Что угодно, лишь бы вытащить ее из мастерской. Она целыми днями сидит и смотрит на незаконченный портрет Питера. По-моему, она уже несколько недель не брала кисти в руки.

– У меня от этой картины мурашки по коже, – пробормотал Габри.

– А это не перебор? – спросила Рейн-Мари. – Просить одного из лучших художников Канады делать декорации для любительского театра?

– Декорации делал и Пикассо, – заметила Мирна.

– Но для «Русского балета Дягилева», – возразила Рейн-Мари.

– Живи он здесь, он бы наверняка нарисовал для нас декорации, – сказал Габри. – Если кто и смог бы убедить его, то это она.

Он махнул рукой в сторону Антуанетты и Брайана, которые как раз подходили к их столику.

– Как прошла репетиция? – спросила Рейн-Мари, представив их Изабель Лакост.

– Она прошла бы лучше, если бы он… – Антуанетта мотнула головой в сторону Габри, – слушался моих указаний.

– Я должен чувствовать себя свободным, чтобы принимать собственные творческие решения.

– Вы изображаете его как гея, – сказала Антуанетта.

– Я и есть гей, – кивнул Габри.

– Но ваш персонаж не гей. У него только что развалилась семья, и он пытается прийти в себя.

– Oui[5]. А почему у него развалилась семья? Потому что он… – произнес Габри, наклоняясь к Антуанетте.

– Гей? – спросил Брайан.

Антуанетта рассмеялась. Смех у нее был искренний, от души, безудержный, и она понравилась Изабель.

– Хорошо, играйте его как хотите, – сказала Антуанетта. – На самом деле это не имеет значения. Постановка станет настоящим хитом. Даже вам

ее не испортить.

– Так и напишем на афише, – подхватил Брайан. – «Даже Габри не испортит».

Он развел руки в стороны, обозначая громадную афишу.

Рейн-Мари рассмеялась и подумала, что так оно, возможно, и будет – хороший маркетинговый ход.

– А у вас какая роль? – спросила Изабель у Мирны.

– Владелица пансиона. Я хотела играть ее как мужчину-гея, но поскольку Габри застолбил эту территорию, то я решила пойти другим путем.

– Она играет владелицу пансиона – крупную чернокожую женщину, – сказал Габри. – Гениально.

– Спасибо, дорогой, – откликнулась Мирна, и они обменялись воздушными поцелуями.

– Видела бы ты их постановку «Стеклянного зверинца»![6] – сказал Арман и округлил глаза, словно намекая, что Изабель увидела бы именно то, что она и предполагает.

– Кстати, вы говорили с Кларой? – спросила Антуанетта у Мирны. – Она согласится?

– Нет, не думаю, – ответила Мирна. – Она еще не пришла в себя.

– Ей нужно отвлечься, – заметил Габри.

Изабель посмотрела на сценарий в руках Антуанетты.

– «Она сидела и плакала», – прочитала она. – Комедия?

Антуанетта рассмеялась и протянула ей сценарий:

– Все не так мрачно, как может показаться.

– Напротив, все замечательно, – сказала Мирна. – И очень смешно.

– Ну, мне пора. – Изабель поднялась. – Я смотрю, футбольный матч закончился.

На деревенском лугу взрослые и дети прекратили играть и уставились на каменный мост через речушку Белла-Белла, по которому в сторону деревни с криком бежал парнишка.

– Господи! – застонал Габри, глядя в окно бистро. – Неужели опять?

Мальчишка остановился на краю луга и принялся бешено махать палкой. Поскольку никто не прореагировал, он стал озираться по сторонам, и его взгляд уперся в бистро.

– Прячься! – закричала Мирна. – Спасайся кто может!

– Только не говори мне, что Рут тоже идет, – испуганно сказал Габри.

Но было слишком поздно. Мальчишка вбежал в дверь и оглядел собравшихся. Наконец его блестящие глаза остановились на Гамаше.

– Вы здесь, patron, – выпалил мальчик, подбегая к нему. – Идемте со мной! Скорее!

Он схватил Гамаша за руку и попытался стащить этого крупного мужчину со стула.

– Погоди, – сказал Арман. – Успокойся. Объясни, что случилось.

Мальчишка был весь в грязи, словно его изрыгнул лес. В волосах мох, листья, веточки, одежда порвана, в расцарапанных грязных руках палка размером с трость.

– Вы не поверите, что я нашел в лесу. Идемте. Скорее!

– Что на сей раз? – спросил Габри. – Единорог? Космический корабль?

– Нет, – обиженно произнес мальчик. Он снова посмотрел на Гамаша. – Такая большая. Огроменная.

– Что именно? – спросил Гамаш.

– Не подначивайте его, Арман, – сказала Мирна.

– Пушка, – ответил мальчик и увидел искорку интереса в глазах Гамаша. – Здоровенная пушка, старший инспектор. Вот такая. – Он взмахнул руками, и палка ударилась о соседний столик, сбив на пол стаканы.

– Ну все, – сказал Габри, вставая. – Хватит. Дай-ка ее мне.

– Не отдам! – заявил мальчик, защищая палку.

– Либо ты мне ее отдашь, либо уйдешь отсюда. Извини, но здесь больше никого нет с древесными ветками.

– Это не ветка, – возразил мальчик. – Это ружье, которое может превращаться в меч.

Он принялся размахивать палкой, но тут к нему подошел Оливье и ухватил ее. В другой руке он держал швабру и совок.

– Убери-ка тут, – велел Оливье хоть и дружеским, но твердым голосом.

– Ладно. Держите. – Мальчик протянул палку Гамашу. – Если со мной случится что-то плохое, вы будете знать, что делать. – Он посмотрел на Гамаша с необычайной серьезностью. – Я вам доверяю.

– Понятно, – так же серьезно произнес Гамаш.

Мальчик начал подметать, а Арман прислонил палку к стулу, отметив, что на ней метки и зазубрины, а еще вырезано имя мальчика.

– Чего он хочет на сей раз? – спросил Жан Ги Бовуар. Вместе с Анни он вошел в бистро и тоже стал свидетелем неистового подметания пола. – Предупреждает о нашествии марсиан?

– Это случилось на прошлой неделе.

– Oui. Я забыл. Может, ирокезы вышли на тропу войны?

– С этим покончено, – сказал Арман. – Мир восстановлен. Мы вернули

им землю.

Он посмотрел на мальчика, который перестал мести и оседлал метлу, словно жеребца, а совок использовал как щит.

– Милый парнишка, – заметила Анни.

– Милый? Это Годзилла милая. А он – чистый ужас, – сказал Оливье, ссаживая мальчика с «жеребца» и направляя его усилия на разбитые стаканы.

– Мы поначалу тоже считали, что он забавный. Настоящий маленький человек с характером. Но потом он прибежал сюда и начал рассказывать, что его дом горит, – сказал Габри.

– А дом не горел? – спросила Анни.

– А вы как думаете? – ответил ей вопросом Оливье. – Вся наша добровольная пожарная команда помчалась туда, и что они увидели? Что Ал и Иви преспокойно работают у себя в саду.

– Мы пытались поговорить с его родителями, – сказал Габри. – Но Ал только рассмеялся и сказал, что не сможет остановить Лорана, даже если бы захотел. Уж такая у него природа.

– Наверно, так оно и есть, – кивнула Мирна.

– Ну да, землетрясения и торнадо – тоже часть природы, – сказал Габри.

– Так вы правда считаете, что Клару не удастся убедить помочь нам с декорациями? – спросил Брайан. – До премьеры всего несколько недель, и помощь нам бы не помешала. Пьеса и в самом деле выдающаяся, хотя и неизвестно, кто ее написал.

– Что? – удивилась Изабель Лакост. Она взглянула на обложку сценария и только теперь обратила внимание, что имени автора нет. – Никто не знает? Даже вы?

– Ну, мы-то знаем, – ответила Антуанетта. – Просто не говорим.

– Поверьте мне, – сказал Габри, – мы спрашивали. Я думаю, ее написал Дэвид Бекхэм.

– Да ведь он… – начал Жан Ги, но Мирна перебила его:

– Не дергайтесь. На прошлой неделе он решил, что пьесу написал Марк Уолберг. Пусть себе фантазирует. И я пофантазирую. Дэвид Бекхэм, – проговорила она мечтательным голосом. – Он должен прийти на премьеру. Один. Они с Викторией разругались.

– Он остановится в нашей гостинице, – продолжил Габри. – От него будет пахнуть кожей и лосьоном «Олд спайс».

– Ему понадобится книга для чтения перед сном, – сказала Мирна. – И я принесу ему какую-нибудь…

– Ну все, хватит, – сказал Жан Ги.

– Я хочу послушать дальше, – заявила Рейн-Мари, и Арман с усмешкой посмотрел на нее.

– Вы никогда не догадаетесь, кто написал пьесу, – сказал Брайан. Он рассмеялся и ткнул пальцем в то место, где было вымарано имя. – Вы его не знаете. Это парень по имени Джон Флеминг.

– Брайан! – прикрикнула на него Антуанетта.

– Что?

– Мы же решили, что никому не будем говорить.

– Да про него никто даже не слышал, – сказал Брайан.

– Но в этом-то весь смысл, – проворчала Антуанетта. – Ты геодезист, что ты знаешь о маркетинге? Я хотела создать атмосферу тайны, подозрений. Чтобы люди думали, что пьесу написал Мишель Трамбле[7] или что это потерянное творение Теннесси Уильямса.

– Или Джорджа Клуни, – подхватил Габри.

– О-о-о, Джордж Клуни… – пропела Мирна, снова закатив глаза.

– Джон Флеминг? – переспросил Гамаш. – Вы не возражаете?

Он взял сценарий со стола и уставился на название. «Она сидела и плакала».

– Мы связались с людьми, которые занимаются авторскими правами, чтобы узнать, кому мы должны платить за разрешение, но у них такая пьеса ни под каким именем не числится, – сказал Брайан, словно оправдываясь перед полицейскими.

У сценария, который держал в руках Арман, были обтрепаны уголки, бумага покрыта кофейными пятнами, испещрена записями.

– Распечатка старая, – заметила Рейн-Мари.

Шрифт был неровный – не чистый, компьютерный, а корявый шрифт пишущей машинки.

Арман кивнул.

– Что там? – тихо спросила она.

– Ничего. – Он улыбнулся, но лучики смеха не побежали от уголков его глаз.

– Я тоже играю роль, – сказал Брайан, поднимая свой экземпляр рукописи.

– Моего соседа-гея, – объяснил им Габри.

– Никакой он не гей, так же как и ваш персонаж, – сердито фыркнула Антуанетта.

– Только не говорите об этом Оливье, – сказала Мирна. – Он будет немного разочарован.

– И очень удивлен, – добавил Габри.

Мальчишка, к порванной куртке и джинсам которого все еще цеплялись пожухлые листья, закончил сметать разбитое стекло и вернулся к столику Гамаша.

– Просто чтобы вы знали, – сказал он, протягивая метлу и совок Оливье. – Я совершенно уверен, что там есть алмазы.

– Merci, – поблагодарил его Оливье.

– Ну-ка, – сказал Арман, вставая и возвращая парнишке палку. – Время уже позднее. Бери свой велосипед. Я засуну его в машину и отвезу тебя домой.

– Пушка и вправду была очень, очень большая, patron, – сказал парнишка, следуя за месье Гамашем из бистро. – Не меньше этого дома. А на ней монстр. С крыльями.

– Я тебе верю, – услышали они слова Армана. – И не допущу, чтобы монстр тебя унес.

– А я защищу вас, – сказал мальчишка и так замахнулся палкой, что ударил Армана по колену.

– Надеюсь, у вас есть в запасе новый муж, – сказала Антуанетта. – Не уверена, что этот дойдет до машины живым.

Они наблюдали за Арманом, который уложил велосипед в багажник «вольво», потом сунул палку на заднее сиденье. Но мальчик вытащил ее и, судя по всему, не собирался с ней расставаться. Он и шагу не делал без палки в руках. Ведь мир – такое опасное место.

Арман признал поражение и сдался, хотя они видели, что он все еще пытается внедрить в голову паренька некие основные правила жизни.

– Я бы на вашем месте сейчас же посетила сайт знакомств, – сказала Мирна, повернувшись к Рейн-Мари.

Через несколько километров мальчишка спросил у Гамаша:

– Что вы напеваете?

– Разве я напевал? – удивился Гамаш.

– Oui. – Парнишка идеально воспроизвел мелодию.

– Это называется «На реках Вавилонских», – сказал Арман. – Псалом.

Джон Флеминг. Джон Флеминг. Это имя вызвало у Гамаша ассоциацию с псалмом, хотя он и не мог понять почему.

Он подумал, что это не может быть тот самый человек. Имя распространенное. А он видит призраков там, где их нет.

– Мы не ходим в церковь, – заговорил парнишка.

– И мы тоже, – сказал Арман. – А если и ходим, то редко. Хотя я

иногда захожу посидеть в церквушку в Трех Соснах, если там никого нет.

– Зачем?

– Там очень спокойно.

Парнишка кивнул:

– Я иногда сижу в лесу, потому что там спокойно. Но туда непременно слетаются инопланетяне.

Мальчишка снова стал выводить тонким голоском мелодию, которую Гамаш знал очень давно.

– Откуда ты знаешь эту песню? – спросил Гамаш. – Она вышла из моды задолго до твоего рождения.

– Папа поет ее мне каждый вечер перед сном. Это песня Нила Янга. Папа говорит, что он гений.

Гамаш кивнул:

– Согласен с твоим отцом.

Мальчишка покрепче обхватил палку.

– Я надеюсь, она у тебя на предохранителе, – сказал Гамаш.

– Ну да. – Лоран повернулся к Гамашу. – Та пушка настоящая, patron.

– Oui, – согласился Гамаш.

Но он не слушал. Он смотрел на дорогу и думал о мелодии, застрявшей в его голове.

На реках Вавилонских
Мы сидели и плакали.

Однако пьеса называлась иначе. Пьеса называлась «Она сидела и плакала».

Тот Джон Флеминг не мог написать эту пьесу. Он не писал пьес. А если бы и написал, то ни один режиссер в здравом уме не взялся бы за ее постановку. Вероятно, речь идет о другом человеке с таким же именем.

Мальчик, сидевший рядом с ним, смотрел в окно, за которым уплывали назад пейзажи ранней осени, и сжимал в руках палку чуть ниже того места, где отец вырезал его имя.

Лоран. Лоран Лепаж.

Глава третья

Когда Гамаш вернулся, приглашенные на обед гости уже собрались и теперь выпивали, ели яблоки и сальсу из авокадо с кукурузными хлопьями.

– Вижу, ты благополучно довез Лорана до дома, – заметила Рейн-Мари, встретив его у двери. – Нашествия инопланетян не случилось?

– Мы пресекли его в зародыше.

– Не совсем, – возразил Габри, стоявший у двери в кабинет. – Один сумел просочиться сквозь защитные сооружения.

Арман и Рейн-Мари заглянули в маленькую комнату при гостиной, где сидела в кресле и читала пожилая костлявая женщина со стрелками на чулках и с пятнами на свитере.

– Пробился самый опасный, – удрученно вздохнул Габри.

На них пахнуло ароматом джина. На коленях у женщины сидела утка, а Анри, немецкая овчарка Гамашей, лежал, свернувшись клубком, у ног старухи и восторженно смотрел на утку.

– Можешь не встречать меня у дверей, – сказал Арман псу. – Я перебьюсь. Правда.

Он взглянул на собаку и покачал головой. До чего же странные формы принимает любовь. Однако Анри явно прогрессировал: до этого он был влюблен в подлокотник дивана.

– Первым признаком проникновения был запах джина, – сказал Габри. – Кажется, ее раса только им и питается.

– Что будет на обед? – спросила их соседка Рут Зардо, с трудом вставая с кресла.

– И давно вы здесь? – спросила Рейн-Мари.

– А какой сегодня день?

– Я думал, ты сегодня забиваешь дубинкой детенышей тюленя, – сказал Габри, подхватывая Рут под руку.

– Этим я займусь на следующей неделе. Ты что, не читаешь обновления у меня в «Фейсбуке»?

– Комик.

– Гомик.

Рут похромала в гостиную. Утка Роза вразвалочку прошествовала за ней. А за уткой последовал Анри.

– А ведь когда-то я был главой отдела по расследованию убийств Квебекской полиции, – задумчиво протянул Гамаш, глядя на это шествие.

– Я в это не верю, – сказала Рейн-Мари.

– Bonjour, Рут, – сказала Антуанетта.

Рут, которая только теперь заметила, что в комнате есть кто-то еще, посмотрела на Антуанетту и Брайана, потом на Мирну:

– Они-то что здесь делают?

– Нас пригласили, в отличие от тебя, пьяная маразматичка, – сказала Мирна. – Как ты можешь быть поэтессой и ничего и никого вокруг не замечать?

– Мы что, знакомы? – спросила Рут и повернулась к Рейн-Мари: – А где придурок?

– Они с Анни уехали в город вместе с Изабель и детишками, – ответила Рейн-Мари.

Она знала: ей следовало бы отчитать Рут за то, что та называет ее зятя придурком, но старая поэтесса называла Жана Ги придурком так давно, что Гамаши к этому уже привыкли. Даже Жан Ги откликался на придурка. Но только если его так называла Рут.

– Я видела, как мальчишка Лепаж опять стрелой выскочил из леса, – сказала Рут. – Что на сей раз? Зомби?

– Вообще-то, мне кажется, он растревожил гнездо поэтов, – ответил Арман. Он взял бутылку красного вина и принялся доливать в бокалы гостей, а себе положил сальсу, приправленную медом и лаймом. – И пришел от этого в ужас.

– Поэзия пугает большинство людей, – сказала Рут. – Я знаю, что моя точно пугает.

– Пугаете их вы, Рут, а не ваши стихи.

– О да. Так даже лучше. И что говорит мальчишка? Что он там видел?

– Гигантскую пушку, а на ней монстра.

Рут кивнула, явно впечатленная.

– Воображение не такая уж плохая вещь, – сказала она. – Мальчишка напоминает мне меня в его возрасте, и посмотри, что из меня получилось.

– Никакое это не воображение, – сказал Габри. – Просто откровенная ложь. Я не уверен, что парнишка вообще отличает правду от лжи. А ты что думаешь? – спросил он у Мирны. – Ты же мозгоправ.

– Я не мозгоправ, – обиделась Мирна.

– Шутишь! – фыркнула Рут.

– Я психотерапевт, – сказала Мирна.

– Ты библиотекарша, – возразила Рут.

– В последний раз тебе говорю, – сказала Мирна. – У меня книжный магазин. Прекрати таскать оттуда книги. Впрочем, бог с тобой. – Она

махнула рукой на Рут, которая улыбалась, глядя в стакан, и повернулась к Габри. – О чем мы говорили?

– О Лоране. Он не сумасшедший? Хотя я и понимаю, что здесь планка здравомыслия стоит очень низко. – Он посмотрел на Рут, которая о чем-то разговаривала с Розой.

– Вообще-то, так сразу не скажешь. В своей практике я встречала много людей, которые теряли связь с реальностью. Но я говорю о взрослых людях. У детей грань между реальностью и воображением размыта, однако с возрастом становится все четче.

– Не знаю, к худу это или к добру, – вставила Рейн-Мари.

– То, с чем сталкивалась я, было к худу, – сказала Мирна. – У моих клиентов галлюцинации часто носили параноидальный характер. Они слышали голоса, видели всякие ужасы. И совершали всякие ужасы. Лоран, как мне кажется, счастливый ребенок. Хорошо приспособившийся к обстоятельствам.

– Невозможно одновременно быть счастливым и приспособившимся, – возразила Рут, у которой одна только эта мысль вызвала смех.

– Вряд ли он хорошо приспособился, – сказала Антуанетта. – Слушайте, я совсем не против воображения. Театр живет за счет воображения. Зависит от него. Но я согласна с Габри. Здесь есть кое-что еще. Не пора ли ему вырасти? Как это называется, когда человек не понимает последствий своих поступков или не думает о них?

– Рут Зардо? – предположил Брайан.

Наступила неожиданная тишина, затем последовал взрыв смеха. Смеялись все, включая и Рут.

Брайан Фицпатрик был человеком неразговорчивым, но если открывал рот, то нередко попадал в самую точку.

– Не думаю, что Лоран психопат, если вы об этом спрашиваете, – сказала Мирна. – Не в большей степени, чем любой другой мальчишка. У некоторых воображение настолько сильно, что оно берет верх над реальностью. Но я уже сказала, что они вырастают из этого. – Она посмотрела на Рут, которая гладила свою утку и что-то ей напевала. – По крайней мере, большинство из них.

– Один раз он заявил, что его одноклассницу похитили, – сказал Брайан. – Вы помните?

– Правда? – спросил Арман.

– Да. Потребовалась целая минута, чтобы понять, что он врет. Но минута была долгая. Родители девочки находились в бистро, когда он прибежал со своей новостью. Сомневаюсь, что они когда-нибудь придут в

себя после шока или смогут его простить. Он не самый популярный мальчишка в округе.

– Зачем он лжет? – спросила Рейн-Мари.

– Ваши дети тоже, наверное, приходили к вам с выдумками, – сказала Мирна.

– Да, случалось, но никогда ничего столь серьезного…

– И столь образного, – заметила Антуанетта. – Он умеет дорого продать свои выдумки.

– Может быть, он просто хочет привлечь к себе внимание, – сказала Мирна.

– О господи, разве ты не ненавидишь таких людей? – пробормотал Габри.

Он пристроил морковку себе на нос и пытался удержать ее там.

– Тут один тюлень напрашивается, чтобы его забили дубинкой, – сказала Мирна.

Рут прыснула со смеху, потом уставилась на Мирну:

– А ты разве не должна быть в кухне?

– А ты разве не должна вырезать дырки в простыне? – парировала Мирна.

– Слушай, мне нравится мальчишка, но давай смотреть правде в глаза, – сказала Рут. – Он был обречен с момента зачатия.

– Что вы имеете в виду? – спросила Рейн-Мари.

– Да ты посмотри на его родителей.

– На Ала и Ивлин? – уточнил Арман. – Мне они нравятся. Кстати, вспомнил. – Он пошел к дверям и поднял с пола полотняную хозяйственную сумку. – Это мне Ал дал.

– Боже мой, – сказала Антуанетта. – Только не говорите мне…

– Яблоки.

Арман взвесил сумку в руке и улыбнулся. Когда он завез Лорана, отец мальчика встретил его на веранде, где отбирал и сортировал свеклу для наборов органических продуктов.

Ала Лепажа было невозможно перепутать с кем-нибудь другим. Если бы гора ожила, она походила бы на отца Лорана. Мощный, с рублеными чертами лица, с длинными седыми волосами, завязанными в хвостик, который не распускался, наверное, с семидесятых.

Окладистая борода, тоже поседевшая, закрывала бо́льшую часть его груди, так что клетчатую фланелевую рубашку было и не разглядеть. Иногда борода отпускалась на свободу, иногда заплеталась косичками, а иногда, как сегодня, когда Гамаш заехал к нему, была, как и волосы на

голове, схвачена в хвостик, словно ее подготовили к узелковой окраске.

Рут однажды сказала про него, что он конь с двумя задницами.

– Привет, коп, – сказал Ал, когда Арман остановил машину и Лоран выпрыгнул из нее.

– Привет, хиппи, – ответил Арман, подходя к багажнику.

– Что он сегодня натворил, Арман? – спросил Ал, когда они вытаскивали из машины велосипед.

– Ничего. Только немного похулиганил в бистро.

– Что на этот раз? Зомби? Вампиры? Монстры? – спросил отец Лорана.

– Монстр, – ответил Лоран, закрывая заднюю дверь. – Всего один.

– Что-то ты стал мелочиться, – заметил Ал.

– Он был на громадной пушке, папа. Она больше дома.

– Иди-ка умойся к обеду. Грязный, как черт. И побыстрее, пока мать тебя не увидела.

– Слишком поздно, – раздался женский голос.

Арман повернулся и увидел Ивлин на веранде – она стояла, уперев руки в широкие бедра и покачивая головой. Ивлин была гораздо моложе Ала – лет на двадцать как минимум, а значит, ей было около сорока пяти. Она вышла на веранду в широкой юбке до щиколоток и такой же, как у мужа, клетчатой фланелевой рубахе. Волосы она тоже стягивала в хвостик, но несколько прядей выбились и ниспадали на ее грубоватое лицо.

– Что ты отмочил на сей раз? – спросила она Лорана со смесью иронии и долготерпения.

– Я нашел в лесу пушку.

– Да?

Ивлин явно встревожилась, и Гамаш в который уже раз удивился тому, что она продолжает верить сыну. То ли из любви, то ли и сама страдает той же манией, что и Лоран. Мощное сочетание безумия и способности выдавать желаемое за действительное.

– Она по ту сторону моста. В лесу.

Лоран показал направление палкой, чуть не задев Гамаша по лицу.

– И где она теперь? – спросила его мать. – Ал, может быть, сходим посмотрим?

– Не спеши, Иви, – ответил ей муж низким терпеливым голосом.

– Она огромная, мама. Больше дома. А на ней монстр. С крыльями.

– Ох-ох-ох, – сказала Ивлин. – Спасибо, что привезли его, Арман. Вы уверены, что не хотите взять его на время себе?

– Мама!

– Иди в дом и умойся. У нас на обед белка.

– Опять?

Гамаш улыбнулся. Он никогда не знал, всерьез они говорят о своих блюдах или нет. Вообще-то, он думал, что они – вегетарианцы. Он знал, что они стараются жить на самообеспечении и продают органические продукты в корзинках. Среди их клиентов были и Гамаши.

Зимой Лепажи сводили концы с концами, читая лекции о здоровом образе жизни. Гамашу казалось величайшим чудом, что эти двое нашли друг друга. Как Анри и Роза. И еще было чудом, что Ал и Иви произвели на свет ребенка, в их-то годы. Одно чудо породило другое. Дикое дитя.

– Почему ты всегда находишь оружие? – спросил Ал.

– Ведь ты сам подарил ему палку на день рождения, – напомнила Иви. – Теперь он только тем и занят, что стреляет по монстрам, которые прячутся за мебелью. Я вам даже сказать не могу, сколько раз меня скосили его пули, – доверительно сообщила она Арману.

– Подразумевалось, что это волшебная палочка, – сказал Ал. – В крайнем случае – меч. Но не ружье. Я бы никогда не подарил ему ружье. Я ненавижу ружья.

– Ты дал ему палку и воображение, – сказала Иви. – И что, по-твоему, девятилетний ребенок будет с этим делать?

– Я подарил ему волшебную палочку, – пожаловался Ал Гамашу.

Арман улыбнулся. Если бы он на девятилетие подарил своему сыну Даниелю палку, то и двадцать лет спустя тот лил бы слезы. Какой мальчишка не только примет палку в подарок, но и не будет благоговеть перед ней?

– Передайте привет Рейн-Мари, – сказала Иви. – Следующая корзинка почти готова, мы заканчиваем убирать урожай. А пока возьмите это.

Она протянула ему сумку с яблоками.

– Merci, – поблагодарил он, стараясь выразить голосом искренность и удивление.

Иви пошла в дом, и Ал последовал за ней, но у двери повернулся к Гамашу:

– Спасибо, что привезли его.

– Не за что. Он у вас замечательный.

– Он сумасшедший, но мы его любим. – Ал покачал головой. – Пушка.

«Монстр», – подумал Гамаш, садясь в машину и направляясь домой.

Но монстр, о котором он думал, был порожден не воображением Лорана. Монстр Гамаша принадлежал реальности. Имел имя и тело, но, как подозревал Гамаш, не сердце.

– Почему вы не любите родителей Лорана? – спросила Рейн-Мари у Рут, поставив на стол блюдо с тушеной курицей и пельменями с зеленью.

Они перешли в большую кухню и расселись за сосновым столом. Антуанетта нарезала хлеб, а Габри перемешивал салат.

– К ней у меня нет претензий, – ответила Рут, ставя стакан на стол и оглядывая всех. – Только к нему. Он трус.

– Ал Лепаж? – спросил Брайан. – Я слышал, что он уклонился от службы в армии, но ведь это еще не означает, что он трус, правда?

Рут и Роза смерили его гневным взглядом, но ничего не сказали.

– Они в то время сами были детьми, а их призывали на чужую для них войну, – сказал Арман. – Они бросили свои дома, семьи и друзей, приехали сюда. Не самый легкий выбор. Они отстаивали свою точку зрения. Думаю, они были далеко не трусы. Мне Ал нравится.

– Отстаивали точку зрения с помощью бегства? – сказала Рут. – Вместо него взяли кого-то другого. Ты считаешь, его это волнует?

– Всю эту деревню основали люди, бежавшие от войны, в которую они не верили, – возразила Мирна. – Три сосны – старый символ убежища.

– Скорее психиатрической лечебницы, – заметил Габри.

– Я знаю историю нашей деревни, – проворчала Рут.

– Давайте поменяем тему, – предложил Брайан. – Вы собираетесь присоединиться к Труппе Эстри?

– Присоединиться? – переспросил Арман, взглянув на жену.

– Я подумала, это будет забавно.

– Забавно-забавно, – заверил их Габри. – Приходите завтра на репетицию, и сами увидите. Я оставлю вам мой экземпляр пьесы – почитайте.

– Отлично, я приду. Когда? – спросила Рейн-Мари.

– В семь часов, – ответил Брайан. – Наденьте что-нибудь, что не жалко. Мы будем красить. А вы, Рут?

– Пожалуй, у тебя это хорошо получится, – вмешался Габри. – Ты уже столько лет притворяешься человеком.

– Хотя и не очень убедительно, – сказала Мирна. – Я ей никогда не верила.

Но Рут впала в ступор, погрузившись в размышления.

Когда трапеза закончилась, Рейн-Мари сказала:

– Давайте теперь в гостиную. Тарелки оставьте. Анри вылижет их дочиста.

Гости, встававшие из-за стола, переглянулись, но потом увидели, что

Рейн-Мари улыбается. В гостиной Арман подбросил еще полено в камин и вытянул руки ладонями к огню.

– Тебе холодно? – спросила Рейн-Мари. – Ты не заболел?

Она потрогала его лоб.

– Нет, просто что-то стало зябко, – ответил он.

Подошла Антуанетта и, кивнув в сторону камина, сказала:

– В сентябре огонь в самый раз, правда? Веселый. А в июне нагоняет тоску.

Рейн-Мари рассмеялась и направилась к Рут. Антуанетта повернулась, чтобы отойти, но Гамаш окликнул ее.

– Ваша пьеса, – тихо сказал он.

– Да?

– Брайан сообщил, что ее автор – Джон Флеминг.

Антуанетта замерла, изучая его своими светлыми глазами.

– Он не должен был говорить.

– Но он уже сказал. Почему вы держите это в тайне?

– Я уже сказала: маркетинг. Пьеса новая, и мы должны делать все, чтобы подогреть интерес.

– Неизвестный драматург вряд ли привлечет телекамеры.

– Поначалу – вероятно, да. Но это не какая-то рядовая работа неизвестного автора, Арман. Вещь блестящая. Я работала много лет, работала в профессиональных и любительских театрах, и эта пьеса – одна из лучших.

– Для любительского театра, – сказал Гамаш.

– Для любого. Вот подождите и сами увидите. Она уровня Миллера, Стоппарда и Трамбле. «Наш городок»[8] плюс «Суровое испытание»[9].

Гамаш часто слышал преувеличения, в особенности от людей театральных, так что не удивился словам Антуанетты.

– Я не оспариваю качество работы, – сказал он, понижая голос так, что его было едва слышно за потрескиванием огня, пожиравшего сухое дерево. – Я думаю об авторе.

– Ничего не могу вам про него сказать.

– Вы с ним встречались? – спросил Гамаш.

После некоторой заминки Антуанетта ответила:

– Нет. Брайан нашел рукопись среди бумаг моего дядюшки после его смерти.

– А почему вы вымарали имя автора?

– Я уже говорила. Чтобы подогреть интерес. После премьеры все захотят узнать, кто автор пьесы.

– И что вы им скажете?

Теперь Антуанетта насторожилась по-настоящему.

– Кто написал «Она сидела и плакала»? – вполголоса спросил Гамаш.

– Брайан же сказал: человек по имени Джон Флеминг.

– Я знаю одного Джона Флеминга, – сказал Гамаш. – И вы тоже его знаете. И все знают. – Он сурово посмотрел на нее. – Это тот самый Джон Флеминг?

– Не знаю, – ответила она после паузы.

Он не сводил с нее взгляда, пока она не покраснела.

– Нет, знаете.

– Знает что? – поинтересовался Габри, предлагая им кофе.

Он слишком поздно заметил напряжение, возникшее между двумя собеседниками.

– Пожалуйста, скажите мне, что это другой человек, – взмолился Гамаш, вглядываясь в глаза Антуанетты. А потом его лицо обмякло, и он прошептал: – Бог мой, это тот самый, правда?

– Кто «тот самый»? – спросил Габри, жалея, что уже поздно отступать.

– Вы сами ему скажете? – спросил Арман. – Или мне сказать?

– Сказать ему что? – подхватила подоспевшая к ним Мирна.

Арман прошел к столику у двери, где Габри оставил свою копию сценария.

– Скажите всем, кто автор пьесы, – велел он, протягивая рукопись Антуанетте. – Назовите им истинную причину того, почему вы не хотели, чтобы они знали.

Услышав его требовательный голос, Рейн-Мари с тревогой посмотрела на мужа. Он подошел опасно близко к тому, чтобы оскорбить гостью. За всю их совместную жизнь такого еще не случалось. Конечно, не все их гости ему нравились и не со всеми он соглашался, но всегда оставался в рамках приличий.

Однако теперь он наступил на черту, а затем и пересек ее, всучив рукопись Антуанетте.

– Скажите им, – повторил он.

Она взяла рукопись, потом повернулась к другим гостям:

– Пьесу написал Джон Флеминг.

– Мы уже знаем, – кивнула Мирна. – Брайан сказал нам днем в бистро, помните?

– Это и должно привлечь всеобщее внимание? – спросил Габри. – Ваш блестящий маркетинговый план? Имя вряд ли известное.

– Напротив, очень даже известное, – возразил Арман. – Его знает вся

Канада. Вся Северная Америка. Он знаменит. Печально знаменит.

Все пребывали в искреннем недоумении, озадаченные поведением и настойчивостью Гамаша. Но тут Мирна начала медленно оседать. Если бы у нее за спиной не стоял диван, она свалилась бы на пол. Брайан успел забрать у нее чашку с блюдцем, прежде чем она расплескала чай.

– Тот самый Джон Флеминг? – прошептала Мирна.

Габри, в отличие от нее, застыл на месте, словно превратился в гранит при взгляде на Антуанетту. На Медузу, затесавшуюся в их среду.

– Это неправда, – пробормотал он. – Скажите, что это неправда.

Оказавшись дома, Рут повернула ключ в замке и прислонилась к двери. Сердце ее колотилось, дыхание было учащенным и прерывистым. Она прижимала к груди Розу, наваливаясь на тонкое дерево двери. Это было все, что защищало ее и Розу от враждебного мира, который произвел на свет божий некоего Джона Флеминга.

Затем она задернула занавески и вытащила из авоськи украденный сценарий.

Приготовив себе чашку чая, Рут открыла пьесу и принялась читать.

Вечеринка закончилась, и Арман отправился в кухню. Рейн-Мари слышала шум льющейся из крана воды и позвякивание тарелок и приборов.

Потом позвякивание прекратилось, и остался только шум воды. Рейн-Мари пошла в кухню, но остановилась в дверях. Арман склонился над раковиной, вцепившись в нее большими руками, словно боялся, что его вот-вот вырвет.

– Ты все еще намерена пойти завтра на репетицию? – спросил Габри, пока они с Мирной шли домой.

– Пожалуй. Не знаю. Я… Я…

– Я знаю. И я тоже.

Габри поцеловал ее на прощание в обе щеки и отправился в бистро помогать Оливье обслуживать последних клиентов. Мирна поднялась по лестнице в свою квартирку на чердаке над магазином, надела пижаму и только тут поняла, что устала, а сна у нее ни в одном глазу. Она посмотрела в окно и увидела свет в доме Клары.

Было одиннадцать часов вечера.

Набросив на плечи шаль и натянув резиновые сапоги, Мирна прошла по краю деревенского луга, постучала в дверь и вошла.

– Клара?

– Я здесь.

Мирна нашла подругу в ее мастерской – та сидела перед незаконченным полотном. На нее смотрел призрак Питера Морроу. Полузавершенный. Получеловек в незаконченной жизни.

На Кларе был спортивный костюм, во рту она держала кисть, словно Франклин Рузвельт в юбке[10]. Волосы, по которым она слишком часто проводила пятерней, торчали в разные стороны.

– Обедала пиццей? – спросила Мирна, выуживая гриб из волос Клары.

– Да. Рейн-Мари меня приглашала, но я была не в настроении.

Мирна взглянула на мольберт и сразу поняла, почему Клара не в настроении. Ее подруга снова впала в одержимость портретом. Даже мертвый, Питер по-прежнему умудрялся разрушать искусство жены.

– Хочешь поговорить? – спросила Мирна, подтаскивая к себе табуретку.

Клара положила кисть и с такой яростью провела рукой по седеющим волосам, что из них посыпались кусочки пеперони и хлебные крошки.

– Я больше не понимаю, что делаю, – сказала Клара, показывая на портрет. – Словно впервые в жизни взяла в руки кисть. О боже, что, если я не сумею?

Она в панике посмотрела на Мирну.

– Сумеешь, – заверила ее Мирна. – Может быть, ты просто пишешь не тот портрет. Может быть, еще слишком рано писать портрет Питера.

Питер как будто наблюдал за ними. На его красивом лице застыла едва заметная улыбка. Мирна спросила себя, осознает ли Клара, что уже сумела передать главное в своем покойном муже. Мирна очень хорошо относилась к Питеру, но прекрасно понимала, каким сукиным сыном тот бывал. Вот таким, как на картине Клары. И еще Мирна не могла понять, добавляет ли Клара что-нибудь к портрету или убавляет от него. Не делает ли она Питера все менее и менее материальным?

Она отвернулась, слушая рассказ Клары о том, что произошло. С Питером. Мирна хорошо знала эту историю. Она была там, когда это случилось.

Но все же не прерывала подругу. Выслушивала ее снова и снова.

И с каждым разом Клара избавлялась от частички невыносимой боли. От собственного чувства вины. От печали. Клара словно вытаскивала себя из океана, она все еще источала горе, но больше не тонула.

Клара высморкалась и отерла слезы.

– Как у Гамашей – интересно было? – спросила она. – И вообще, который теперь час? Почему ты в пижаме?

– Сейчас половина двенадцатого, – сказала Мирна. – Мы можем пройти в кухню?

«Подальше от этой чертовой картины», – подумала Мирна.

– Чай? – спросила Клара.

– Пиво? – предложила Мирна и вытащила из холодильника две бутылки.

– Что случилось? – спросила Клара.

– Ты знаешь, что я поступила в Труппу Эстри, – сказала Мирна.

– Только не проси меня опять делать им декорации, – всполошилась Клара.

Поскольку Мирна не ответила, Клара поставила пиво и потянулась к руке подруги:

– Что случилось?

– Пьеса, которую мы ставим. «Она сидела и плакала»…

– Мюзикл?

Но Мирна не улыбнулась:

– Антуанетта вымарала имя автора на рукописи. Она хотела сохранить его в тайне.

Клара кивнула:

– Вы с Габри так радовались, думали, что автор, возможно, Мишель Трамбле или Леонард Коэн.

– Габри надеялся, что это Уэйн Гретцки.

– Уэйн Гретцки – хоккеист, – возразила Клара.

– Ну ты же знаешь Габри, – сказала Мирна. – Как бы то ни было, Антуанетта сказала, что она хочет привлечь внимание, разбудить интерес. Заставить людей говорить о постановке.

– А на самом деле? – спросила Клара, предчувствуя, к чему клонит подруга.

– Как выясняется, пьеса эта знаменита, – сказала Мирна. – Но не в том смысле, в каком мы надеялись. Ее написал Джон Флеминг.

Клара отрицательно покачала головой. Это имя ничего ей не говорило. Но все же ею овладело какое-то неясное чувство, довольно неприятное.

Мирна ждала.

Клара отвела взгляд, пытаясь вспомнить это имя. Этого человека. Джона Флеминга.

– Мы что, знакомы с ним? – спросила она.

Мирна помотала головой.

– Но мы его знаем?

Мирна кивнула.

И тогда Клара вспомнила. Заголовки. Телевизионную картинку: толпа фотографов, отталкивающих друг друга, чтобы сделать снимок маленького человека в аккуратном костюме, которого ведут в суд.

Как же настоящие монстры не похожи на кинематографических!

Джон Флеминг действительно был знаменит.

Рут закрыла последнюю страницу сценария и положила на стопку бумаги руку с набухшими венами.

Потом, приняв решение, она разожгла огонь в камине, взяла сценарий и какое-то время держала его над огнем, обжигающим ее тонкую кожу. Но все же не смогла сделать это.

– Оставайся здесь, – приказала она Розе, которая наблюдала за ней из своего фланелевого гнездышка.

Отыскав небольшую лопатку, Рут вышла во двор, опустилась на колени и принялась копать. Срезала траву и стала вгрызаться в почву, с трудом преодолевая каждый дюйм, словно земля знала о намерениях старухи и противилась им. Но Рут не сдавалась. Если бы она решила докопаться до твердой породы, то и тут бы не отступила. Наконец она достигла глубины, отвечающей ее целям.

Рут взяла рукопись и положила в ямку, потом засыпала землей, подгребая ее руками. Она уселась на пятки под темным небом и подумала, не произнести ли что-нибудь. Короткую молитву. Или проклятие?

Наконец она прошептала над перекопанной землей строки из собственного стихотворения:

Вот час настал,
и тьма накрыла свет,
и ничего другого нет;
остались лишь воспоминания…

Она поднялась на ноги, посмотрела вниз и подумала о том, что сделала. И о том, что сделал он.

Воспоминания о страхе[11].

Наверное, ей следовало сказать что-нибудь Арману. Но может, все и обойдется. Может быть, оно останется похороненным.

Рут вошла в дом и заперла за собой дверь.

Глава четвертая

– Наверное, я не буду участвовать в постановке, – сказал Габри.

Утренний наплыв посетителей в бистро сошел на нет, а клиенты, останавливавшиеся в его гостинице на выходные, уехали. Габри сидел в удобном кресле у эркерного окна в книжном магазине Мирны. Мирна сидела напротив него в своем насиженном кресле, которое за долгие годы успело принять ее обширные формы. Рядом с ней на полу стояла стопка книг, ожидающих, когда она наклеит на них ценники и поставит на полки.

Заглянув в окно с улицы, Мирну и Габри можно было бы принять за манекены, если бы не мрачное выражение лиц.

– Я решила не участвовать, – сказала Мирна.

– Правильно ли мы поступаем? – спросил Габри. – Премьера совсем близко, а если мы откажемся, я не знаю, что будет делать Антуанетта.

– Сделает то, что и должна сделать, – раздался из недр магазина голос Клары, изучавшей полку с новыми поступлениями, хотя слово «новые» здесь имело лишь относительное значение. – Снимет пьесу с постановки.

– Ты знаешь, что эта книга была запрещена? – сказала Мирна, увидев в руках у подруги «451 градус по Фаренгейту».

– А ее, часом, не сжигали? – спросила Клара, присоединяясь к ним. – Может быть, огонь в аду из этого и состоит. Из горящих книг. Интересно, они там могут оценить такую иронию?

– Сомневаюсь, – ответила Мирна. – Но не делаем ли и мы то же самое?

– Мы не сжигаем пьесу, – возразил Габри. – Мы просто отказываемся в ней участвовать. Сознательный отказ по этическим соображениям.

– Слушай, если мы отказываемся, то должны посмотреть правде в глаза и сказать, что мы делаем и почему, – произнесла Мирна. – Мы требуем снять пьесу с постановки не из-за ее зловредного содержания, а потому, что нам не нравится человек, который ее написал.

– По твоим словам, тут какой-то личностный конфликт, – возмутился Габри. – Дело же не в том, что нам не нравится Джон Флеминг. Нам не нравится то, что он сделал.

– Тук-тук, – раздался знакомый голос от дверей магазина.

Они повернули голову и увидели Рейн-Мари, Армана и Анри.

– Вышли прогуляться и заметили вас в окне, – сказал Арман.

– Мы не помешали? – спросила Рейн-Мари, видя их лица.

– Нет, – ответила Клара. – Можете догадаться, о чем мы говорим.

Рейн-Мари кивнула:

– О том же, о чем и мы. О пьесе.

– Треклятая пьеса, – выпалила Мирна. – Противно. Я откажусь, и Антуанетта будет ходить с кислой миной. Я чувствую себя скотиной.

– Ты понимаешь, что говоришь в рифму? – спросил Габри. – Противно. Миной. Скотиной. Просто сонет Шекспира.

– Вам кажется, что вы подводите подругу, – сказала Рейн-Мари.

– Отчасти. Но у меня книжный магазин. – Мирна оглядела ряды стеллажей, стоящих вдоль стен и создающих коридоры в пространстве магазина. – Многие из книг были запрещены и сожжены. Вот эта. – Она показала на «451 градус по Фаренгейту», которую все еще держала в руках Клара. – «Убить пересмешника», «Приключения Гека Финна». Даже «Дневник Анны Франк». Все они запрещались людьми, которые считали, что делают благое дело. Может, мы ошибаемся?

– Вы ведь ее не запрещаете, – сказала Клара. – Ему позволено писать, а вам – поддерживать его или нет.

– Но результат тот же. Если мы с Габри откажемся от участия и сообщим правду всем остальным, то постановка будет похоронена. И знаете что? Я не против. Когда Антуанетта узнала об авторстве, она должна была выкинуть из головы все мысли о постановке. Я правильно говорю, Арман?

– Правильно.

Если кто-то ждал колебаний, размышлений над вопросом, то они ошибались. Ответ последовал быстро и не допускал двух толкований.

Арман Гамаш не испытывал абсолютно никаких сомнений. Пьеса никогда не должна увидеть свет. Так же, как и ее автор никогда не должен увидеть света дня.

– Но другие убийцы тоже писали книги, в том числе и пьесы, – возразила Мирна.

– Однако Джон Флеминг – другое дело. Мы все это знаем, – проговорила Клара.

– Вы – художник, – сказала Рейн-Мари. – Неужели вы считаете, что о произведении искусства можно судить по его автору? Или оно должно существовать само по себе?

Клара тяжело вздохнула:

– Я знаю правильный ответ на ваш вопрос. И я знаю, что я чувствую. Захотела бы я иметь картину Джеффри Дамера[12] или готовить блюдо по рецепту семьи Сталина? Нет.

– Дело не в этом, – сказал Габри. – Речь идет о том, чтобы у человека

была возможность делать выбор. Может быть, пусть Антуанетта поставит пьесу, а там уж люди сами решат, захотят они смотреть или нет.

– Ты передумал насчет ухода из труппы? – спросила Мирна.

– Да нет же, черт побери, – ответил он. – Я к этой пьесе и близко не подойду. Пьесу написал говнюк, и она вся в говне. Справедливо или нет, но дела обстоят именно так.

– Возьмите, к примеру, Вагнера, – сказала Рейн-Мари. – Его имя так прочно ассоциируется с нацистами и холокостом, что его музыку, какой бы блестящей она ни была, многие считают замаранной.

– Нельзя забывать, что Вагнер к тому же проявил себя как воинствующий антисемит, – напомнил Габри.

– Но разве это причина, чтобы не исполнять такую возвышенную музыку? – спросила Рейн-Мари.

– Доводы разума тут ни при чем, – ответила Мирна. – Я первая готова признать, что проиграю любой спор о том, следует ли ставить пьесу Флеминга. Умом я понимаю, что у него есть право писать, а у труппы есть право ставить. Но просто я не хочу в этом участвовать. Я не могу защищать свои чувства – они такие, какие есть.

– Я возвращаюсь к своему вопросу, – сказала Рейн-Мари. – Следует ли судить о творении по его творцу? Имеет ли значение личность творца?

– Имеет, – ответил Гамаш. – Иногда цензура оправданна.

Все посмотрели на него, удивленные его уверенностью. Поразилась даже Рейн-Мари:

– Но ты же всегда выступал за свободу слова, Арман, даже если это вредило тебе.

– В свободном обществе существуют исключения, – отрезал Арман. – Исключения всегда существуют.

И он знал, что случай Джона Флеминга – случай исключительный.

– А пьеса… она об убийствах? – спросила Клара.

– Нет, – ответил Габри. – Откровенно говоря, пьеса довольно смешная. Ее герой – человек, который все время выигрывает в лотереях и пускает коту под хвост все шансы, которые ему предоставляются. И каждый раз возвращается в те же меблированные комнаты, к тем же людям.

– Местами пьеса забавная, – согласилась Мирна. – Но потом вы вдруг чувствуете, что она трогает вас до глубины души. Я не знаю, как он это сделал.

– Значит, пьеса не имеет никакого отношения к Флемингу и его преступлениям? – спросила Рейн-Мари. – Никакого отношения к его личности?

– Нет, имеет, от первого до последнего слова, – сказал Арман четким, напряженным голосом.

Все снова посмотрели на него. Никогда прежде они не слышали, чтобы он расходился во мнениях с женой.

– Если пьесу написал Джон Флеминг, то какие могут быть разговоры? Она непременно будет связана с ним. Может быть, неочевидно, но он присутствует в каждом слове, в каждом поступке персонажей. Творец и творение едины. – Арман переплел пальцы. – Так он ищет спасения. Через письменное слово и порядочность других людей. Так Джон Флеминг проникает в ваши головы. А он не должен там находиться. Поверьте мне.

Несколько мгновений он казался одержимым. Потом это прошло, потеряло интенсивность, и наконец на лице Армана Гамаша осталась только обеспокоенность. В книжном магазине воцарилась тишина, если не считать позвякивания ошейника Анри, который подошел к Гамашу и прижался к его ноге.

– Прошу прощения, – сказал Арман Гамаш, потирая лоб и слабо улыбаясь. – Извини меня. – Он взял Рейн-Мари за руку и сжал ее.

– Я понимаю, – произнесла Рейн-Мари, хотя и знала, что на самом деле ничего не понимает.

Дело Флеминга было единственным, о котором Арман ей не рассказывал, хотя она и следила за ним по прессе.

– Чем скорее мы сообщим Антуанетте о нашем неучастии, тем лучше. Мне нужно прибраться в бистро. Давай-ка я вернусь через час и заберу тебя, – сказал Габри Мирне. – Можем поехать туда вместе.

Мирна согласилась. Габри вышел, за ним последовала Клара, помахав на прощание книгой.

– Я иду в продуктовый, – сказала Рейн-Мари и вышла, оставив Армана и Анри в книжном магазине.

Мирна села в свое кресло и посмотрела на Армана, который устроился на том месте, где только что сидел Габри.

– Желаете еще поговорить о пьесе? – спросила она.

– Упаси бог, – отказался Арман.

Она хотела было спросить, почему он так разволновался, но не стала. И задала другой вопрос:

– Что вам известно такого, чего не знаем мы?

Арман ответил не сразу.

– Вы имели опыт общения с душевнобольными преступниками, – заговорил наконец он, поглаживая Анри по огромным ушам и глядя на урчащую от удовольствия собаку.

Но потом Арман посмотрел на Мирну, и она увидела в его умных карих глазах печаль. Неподдельную боль.

Он держался за собаку, как за спасательный плотик после кораблекрушения.

Мирна кивнула:

– У меня была частная практика, но я, как вы знаете, работала также на полставке в пенитенциарной системе.

– А в зоне для особо опасных преступников вы бывали?

– В ЗООП? – переспросила Мирна. – Меня просили поработать там. Я съездила туда один раз, но так и не вышла из машины.

– Почему?

Она открыла рот и тут же закрыла, собираясь с мыслями. Пытаясь найти слова, чтобы выразить то, что и мыслью-то нельзя было назвать.

– Вы знаете такое словосочетание – «забытый богом»?

– Конечно, – кивнул Арман.

– Вот почему. Я сидела на парковке ЗООП и смотрела на стены. – Мирна покачала головой. – Так и не смогла заставить себя войти в такое забытое богом место.

Оба они знали это здание – жуткого вида монолитное сооружение, поднимающееся из земли.

– В других местах заключения вы по-прежнему работали с преступниками, – заметил Арман. – С убийцами, насильниками. Но в конечном счете бросили все и приехали сюда. Почему?

– Потому что перебрала. Я их не виню – вина тут только моя. Они были слишком искалечены умственно. Я не могла им помочь.

– Может быть, некоторые из них не подлежали лечению, потому что вовсе не были искалечены, – предположил Арман.

За окном он видел всплески удивительных красок в лесу, покрывающем горы. Клены, дубы, яблони преображались. Готовились. Вот где начиналась осень. Высоко в горах. А потом она спускалась, настигая их в долине. Осень, разумеется, наступала со всей неизбежностью. Арман лицезрел ее приход.

– Кофе? – спросил он, поднимаясь из кресла и перешагивая через Анри.

– Будьте добры.

Наливая кофе, он продолжал говорить:

– Джона Флеминга арестовали и судили восемнадцать лет назад.

– Такие преступления не стираются из памяти, верно? – сказала Мирна, заканчивая его мысль, и взяла у него кружку. – Вы его знаете?

– Я следил за делом, – сказал Гамаш, возвращаясь на прежнее место. – Он совершил свои преступления в Нью-Брансуике, но судили его здесь, так как считалось, что в Нью-Брансуике суд не может быть объективным.

– Я помню. Он все еще здесь?

Гамаш кивнул:

– В зоне для особо опасных преступников.

– Вы поэтому спросили меня про ЗООП?

Гамаш кивнул.

– Он получает помощь?

– Помочь ему невозможно.

– Послушайте, я ведь не говорю, что из него когда-нибудь получится примерный гражданин, – сказала Мирна. – Я не говорю, что смогла бы доверить ему своего ребенка…

Мирна хорошо знала Армана, а потому не могла не заметить легчайшую тень, промелькнувшую по его лицу. Всего лишь тень.

– …но он человеческое существо, и его, вероятно, преследуют кошмары после всех совершенных им преступлений. Не исключено, что время и терапия помогут и ему. Я не говорю о его освобождении. Я говорю о том, чтобы помочь ему освободиться хотя бы от части его демонов.

– Джон Флеминг никогда не исправится, – тихо произнес Гамаш. – И поверьте мне, нам бы не понравились его демоны, отпусти мы их на свободу.

Мирна хотела возразить, но не стала. Если кто и верил во второй шанс, так это Арман Гамаш. Она была его другом и неофициальным психотерапевтом. Знала его сокровенные тайны, его неколебимые убеждения, его самые глубинные страхи. Но теперь она засомневалась, знает ли. И еще она спросила себя, какие демоны могут обитать в этом человеке, специализирующемся на раскрытии убийств.

– Что вам известно такого, чего не знаем мы, Арман?

– Я не могу сказать.

– Я тоже следила за судебным процессом… – Она замолчала и посмотрела на него.

И тут ее осенило. Она поняла, *что* именно он говорит, не говоря ничего.

– Мы знаем не все, верно, Арман? Состоялся еще один процесс, закрытый.

Процесс в процессе.

Мирна, сотрудничавшая с полицией, знала, что законодательство допускало такое, но сама никогда не слышала ни о чем подобном.

Один процесс был публичным, но за плотно закрытыми и запертыми дверями проводилось другое заседание. И на нем оглашались сведения, которые считались слишком страшными, а потому непосильными для общества.

Насколько же страшным должно быть преступление, если оно могло потрясти фундаментальные основы общества? Насколько страшна эта правда, если ее невозможно предъявить обществу? На таком процессе присутствовали только обвиняемый, судья, прокурор, адвокат, охранник и стенографист. И еще один человек.

Один человек, не имеющий никакого отношения к расследованию, но специально избранный, чтобы представлять всех канадцев. Он принимал на себя весь ужас. Он слышал и видел то, что невозможно забыть. А по окончании процесса жил с этим и уносил свои знания с собой в могилу, чтобы остальному обществу не нужно было нести на себе этот страшный груз. Одного человека приносили в жертву ради всеобщего блага.

– Вы не просто читали материалы дела, да? – спросила Мирна. – Проводился еще и закрытый процесс, верно?

Арман смотрел на нее, чуть сжав губы.

Гамаш и Анри вышли из книжного магазина и двинулись вокруг деревенского луга, вдыхая свежий, прохладный осенний воздух. Вдыхая запах перезревших яблок и свежескошенной травы, слушая, как шуршат под ногами только что опавшие листья.

Конечно же, он ничего не сказал Мирне. Не мог. Информация была засекречена. И даже если бы он имел право рассказать ей о преступлениях Джона Флеминга, то не стал бы этого делать.

Ему и самому хотелось бы не знать.

Каждый день, когда двери закрытого суда открывались и выпускали его, Арман возвращался в управление полиции в Монреале и смотрел через окно своего кабинета на горожан, снующих внизу. Они стояли под светофором, спешили кто в бар, кто к дантисту. Думали о покупках, о счетах, о начальстве.

Они не знали. Они читали газеты, смотрели телевизионные отчеты о процессе и считали Флеминга монстром, но они не знали и половины правды.

Арман Гамаш чувствовал, что будет до гробовой доски благодарен судье, которому хватало мужества рассматривать самые жуткие подробности дела. И еще он спрашивал себя, вычищают ли зал после каждого заседания. Дезинфицируют ли. Или сжигают дотла.

Или же просто закрывают двери и возвращаются к своей жизни, а по вечерам в темноте молят Бога, которого считают всемогущим, о том, чтобы Он даровал им забвение? Чтобы даровал им ночи без сновидений. Чтобы перевел часы назад – в то время, когда они не знали.

Знание не всегда сила. Иногда оно калечит.

Мирна предполагала, что терапия может со временем излечить Флеминга от его демонов. Но Арман Гамаш знал: это невозможно. Потому что демоном был сам Джон Флеминг.

И теперь ему удалось бежать из тюремной камеры. Проскользнуть сквозь решетку. В виде слов.

Джон Флеминг снова объявился в мире.

Пришел, чтобы сыграть в свою игру.

Глава пятая

– Что вам надо? – крикнула в темноту Антуанетта.

Она стояла на ярко освещенной сцене, приложив руку ко лбу и вглядываясь в темноту, как мореход в поисках земли.

– Поговорить с вами, – прозвучал в зале голос Армана.

– Мне кажется, вы уже и без того наговорили немало!

Брайан вышел из-за кулисы с бутафорской лампой:

– Ты с кем говоришь?

Арман поднялся по ступенькам:

– Со мной. Salut, Брайан.

– Ну, вы довольны? – спросила Антуанетта, подходя к нему. – Мирна и Габри отказались участвовать. Теперь главную роль, которую собирался играть Габри, придется исполнять Брайану.

– Мне?..

– Пьесу довольно трудно поставить, даже когда актеры не отказываются от ролей, – продолжила Антуанетта.

– Значит, вы не отказались от постановки? – спросил Гамаш.

– Конечно, – резко сказала она. – Несмотря на все ваши усилия. Остальные актеры появятся через несколько минут. Я прошу вас уйти, прежде чем вы нанесете нам еще больший вред.

– Вы скажете им, кто написал пьесу?

– То есть если не скажу я, то скажете вы? Вы поэтому здесь? Чтобы убедиться, что наверняка уничтожили постановку? Боже милостивый, да вы же настоящий фашист!

– Я не хочу дискутировать с вами, – произнес Гамаш.

– Ну конечно, потому что независимое суждение вам поперек горла, – сказала Антуанетта.

Брайан стоял у дивана, продолжая держать лампу. Словно неудавшийся Диоген.

– Габри и Мирна сами принимали решение, – сказал Гамаш. – Но я не стал их разубеждать. По моему мнению, постановка такой пьесы вредна.

– Да, я поняла. Но мы все равно ее поставим. И знаете почему? Потому что, как бы ни был ужасен автор, его пьеса – выдающееся произведение. Если вы будете продолжать в том же духе, то ее никто никогда не прочтет и не увидит. Тоже мне, поборник свободного общества.

– Свободное общество требует своей платы, – отрезал Гамаш, но тут

же взял себя в руки.

Антуанетта улыбнулась:

– Наступила на больную мозоль? Чего вы так боитесь, Арман? Автор в тюрьме, уже сколько лет там провел. И никогда не выйдет на свободу.

– Я не боюсь.

– Вы в ужасе, – перебила его Антуанетта. – Если бы мне требовался актер для роли одержимого ужасом, я бы умоляла вас сыграть ее.

– Я бы хотел поговорить, – сказал Гамаш, игнорируя ее слова. – Мы можем присесть?

– Давайте. Только поскорее, пока не приехали остальные.

– Могу я к вам присоединиться? – спросил Брайан, ставя лампу. – Или вы хотите говорить конфиденциально?

– Давайте, – ответил Арман. – К вам это тоже имеет отношение.

Гамаш сел в потертое кресло – часть сценического реквизита. Он редко поднимался на сцену, и его каждый раз удивляло, насколько здесь все ветхое. С расстояния, из зала, актеры могли выглядеть как короли и королевы, титаны бизнеса. Но вблизи? Костюмы были дешевые, поношенные, зачастую пропитанные запахом пота. Их за́мки разваливались.

Потеря иллюзий. Такова цена близости к искусству.

Будучи следователем, Арман бо́льшую часть жизни изучал предметы, изучал людей. Заглядывал за фасад, чтобы понять, что там находится в действительности. Поношенные, потертые, старые вещи.

Но иногда, иногда, стряхивая пелену с глаз, он обнаруживал нечто светящееся, яркое, и это было лучше, чем сценические декорации.

Он посмотрел на Антуанетту. Средних лет, яростно цепляющаяся за иллюзии юности. Волосы покрашены в фиолетовый цвет, одежду можно было бы назвать богемной, не будь она так тщательно подобрана.

Он искренне восхищался Антуанеттой, симпатизировал ей. Даже сейчас восхищался тем, что она до конца отстаивает то, во что верит. И в конце концов, она ведь не знала всей правды о Флеминге.

– Я здесь, потому что мы друзья, – сказал он. – Я не хочу, чтобы между нами возникло непонимание.

– Арман, вы даже не прочитали пьесу, – упрекнула его Антуанетта, уже без гнева. – Как вы можете ее порицать?

– Вероятно, жизнь художника не должна иметь значения, – сказал он смягчившимся голосом. – Но для меня это не так. В данном случае.

– Я все равно поставлю пьесу, – заявила она. – Хотя теперь, с Брайаном в главной роли, она станет ужасным дерьмом…

– Эй-эй, – подал голос Брайан.

– Извини, ты вполне годишься, но у тебя мало времени для подготовки, а когда ты сегодня опоздал на репетицию, мне показалось, что ты тоже…

– Я никогда тебя не оставлю, – сказал Брайан, потрясенный и расстроенный. – Как тебе только могло такое прийти в голову?

Интересно, подумал Гамаш, понимает ли Антуанетта, какой у нее преданный партнер. А еще он подумал о Брайане, столь ослепленном любовью.

– Откровенно, Арман, – сказала Антуанетта, – вы ведете себя так, будто речь идет о судьбах мира. Но ведь это всего лишь пьеса.

– Если это всего лишь пьеса, снимите ее с постановки, – парировал он, и они вернулись к тому, с чего начали.

Она уставилась на него. Он уставился на нее. А Брайан совсем пал духом.

– Как у вас вообще появилась пьеса Флеминга? – спросил Гамаш.

– Я вам сказала: Брайан нашел ее в бумагах моего дядюшки, – ответила она.

– А как звали вашего дядюшку?

– Гийом Кутюр.

– Кем он был? Театральным режиссером? Актером? – спросил Арман.

– Вовсе нет. Насколько мне известно, он вообще не бывал в театре. Он строил мосты. Маленькие мосты. Точнее, развязки. Он был мягким, тихим человеком.

– Тогда как у него оказалась пьеса? Он знал Флеминга?

– Нет, конечно! – воскликнула она. – Он почти всю жизнь провел в Трех Соснах. Вероятно, купил ее на какой-нибудь дворовой распродаже. Мы не обязаны вам что-то объяснять. Мы не совершили никакого преступления, а вы не коп. – Она встала. – А теперь, пожалуйста, уходите. У нас работа.

Она, а за ней и Брайан повернулись к нему спиной, но Брайан, прежде чем сделать это, скорчил извиняющуюся гримаску.

Понимание пришло к Гамашу, пока он ехал по грунтовой дороге к Трем Соснам, чувствуя под собой знакомые и почти утешительные неровности. Вероятно, он подспудно знал это с того момента, когда понял, кто автор пьесы «Она сидела и плакала».

Ему придется прочесть эту пьесу.

Арман прошел по тропинке к покосившемуся крыльцу. Постучал.

– Чего тебе надо? – спросила Рут, не открывая дверь.

– Прочесть пьесу.

– Какую пьесу?

– Да бога ради, Рут, откройте дверь.

Что-то в его голосе, вероятно усталость, тронуло ее за живое. Он услышал скрежет задвижки, потом дверь чуть приоткрылась.

– С каких это пор вы стали запираться? – спросил Арман, протискиваясь внутрь.

Рут захлопнула дверь с такой поспешностью, что защемила полу его пиджака, и пришлось выдергивать ее.

– С каких это пор тебе стало не все равно? – спросила старая поэтесса. – И с чего ты взял, что пьеса у меня?

– Видел, как вы ее взяли, уходя от нас вчера вечером.

– Зачем тебе ее читать?

– Я могу задать тот же самый вопрос.

– А вот это не твое дело, – отрезала Рут.

– Я могу сказать то же самое.

Рут не сумела спрятать улыбку:

– Ладно, Клузо[13]. Если найдешь, забирай свою пьесу.

Он отрицательно покачал головой и вздохнул:

– Просто отдайте ее мне.

– Ее здесь нет.

– Тогда где она?

Рут и Роза похромали к кухонной двери, из которой Рут показала на сад. На клумбах отцветали розы, нежно-розовые гортензии, по деревянным решеткам вился полевой вьюнок.

– Нанесло с твоего сада, – посетовала Рут. – А ведь это сорняк.

– Агрессивный, грубый, требовательный. Впитывает в себя все удобрения. – Арман посмотрел на старую поэтессу. – Да, мы знаем. Но он нам все равно нравится.

И опять заметил мимолетную улыбку на ее лице. Глаза Рут остановились на большой кадке в середине газона.

Гамаш проследил за ее взглядом, спустился с крыльца и прошел к кадке. Она оказалась пустой. Не говоря ни слова, он оттащил ее на несколько шагов и увидел квадратик свежевскопанной земли. Плодородной и темной.

– На. – Рут протянула ему лопату.

Он опустился на колени и стал копать.

Рут и Роза наблюдали за ним с крыльца.

Копать пришлось глубже, чем предполагал Гамаш. Он повернулся и посмотрел на Рут, худую и немощную. Но она откопала – откопала глубокую яму. Копала, сколько хватало сил. Арман скинул с лопаты очередную порцию земли в образовавшийся у него за спиной холмик и снова вонзил ее в почву.

Наконец он почувствовал, что лопата уперлась во что-то. Отгреб землю в сторону, наклонился и увидел темные буквы на белой бумаге.

«Она сидела и плакала».

Он смотрел, а из земли раздавались звуки записи, проигрывавшейся на процессе. Крики о помощи. Мольбы. Просьбы перестать.

– Арман?

Голос Рейн-Мари прорвался сквозь те звуки, и, даже еще не повернувшись, Гамаш понял: что-то произошло. Что-то плохое.

Держа запачканную землей рукопись в одной руке, а лопату – в другой, он встал и увидел фигуру Рейн-Мари в проеме кухонной двери Рут.

– Что случилось? – спросил он.

– Это насчет Лорана. Он вечером не пришел домой к ужину. Только что звонила Иви, хотела узнать, не у нас ли он.

Гамаш почувствовал, как груз рукописи тянет его к земле. Прах к праху.

Лоран не вернулся домой.

Рукопись выпала из рук Гамаша.

Глава шестая

После целой ночи поисков, уже под утро, отец и мать нашли Лорана. В овраге, куда он упал. Рядом лежал его велосипед. Утреннее солнце коснулось отполированных ручек руля, и родители по наводке солнечного зайчика нашли сына.

Другие участники поиска, собравшиеся из деревень по всем Восточным кантонам, услышали дикий вопль.

Арман, Рейн-Мари и Анри прекратили поиск. Перестали звать Лорана. Перестали продираться сквозь густые заросли вдоль обочин. Перестали понукать Анри пробираться глубже, еще глубже в колючие кусты и репейник.

Рейн-Мари повернулась к Арману, ошеломленная, словно этот крик превратился в кулак и ударил ее. Она подошла к мужу, ухватилась за него и спрятала лицо у него на груди. Его одежда, его плечо, его руки почти заглушили ее рыдания.

Она ощутила его запах – сандаловое дерево с примесью розовой воды – и впервые не испытала утешения. Таким подавляющим было горе. Так потрясал этот вопль.

Анри, весь в колючках репейника, обеспокоенный услышанными звуками, подбежал, повизгивая, и остановился, глядя на своих хозяев.

Рейн-Мари отстранилась от мужа и отерла лицо платком. Но, увидев влажный блеск в глазах Армана, снова вцепилась в него. Теперь она держала его, как только что он держал ее.

– Я должен… – проговорил он.

– Иди, – сказала Рейн-Мари. – Я за тобой.

Она взяла Анри на поводок и поспешила вслед за мужем. Арман уже преодолел половину расстояния до поворота дороги. Он бежал на крик горя.

А потом вопли прекратились.

За поворотом Арман увидел Ала Лепажа внизу, у подножия холма, – тот стоял посреди грунтовой дороги и смотрел в никуда.

Арман сбежал вниз по крутому спуску, слегка оскальзываясь на сыпучем гравии. Вдали он заметил Габри и Оливье, приближавшихся к Алу с противоположной стороны.

Из подлеска до него донеслись стоны и ритмичное шуршание.

– Ал? – позвал Арман, замедляя шаг, и остановился в нескольких шагах от этого крупного, неподвижного человека.

Лепаж махнул рукой, но не повернулся.

Даже не успев еще взглянуть, Гамаш знал, что он увидит.

Позади него стихли шаги Рейн-Мари. Потом раздался ее стон. Стон матери, увидевшей воплощенный в жизнь кошмар другой матери. Любой матери.

А Арман смотрел на Ала. Воплощенный кошмар любого отца.

Быстрым, опытным взглядом Арман оценил местонахождение велосипеда, поломанные кусты, примятую траву. Расположение камней. Детали прочно запечатлелись в его памяти.

Потом он спустился в овраг через высокую траву и заросли, скрывающие Лорана и его велосипед. У него за спиной Оливье и Габри говорили с Алом. Пытались успокоить.

Но отец Лорана был безутешен. Он ничего не видел и не слышал. Он был бесчувствен в бесчувственном мире.

Иви обнимала Лорана, прижимала к себе, закрывала его своим телом. Баюкала. Ее темно-русые волосы выбились из резинки и упали, образовав завесу, скрывавшую ее лицо. И лицо мальчика.

– Иви, – прошептал Арман, опускаясь рядом с ней на колени. – Ивлин.

Он медленно и нежно отвел волосы с ее лица.

Гамаш повидал немало мест преступлений и знал, когда уже ничем нельзя помочь. Но он все равно протянул руку и пощупал холодную шею мальчика.

Рыдания Иви перешли в пение, и на мгновение ему показалось, что этот звук издает Лоран. Знакомая мелодия, мальчик напевал ее двумя днями ранее, когда Арман вез его домой.

«Старик, взгляни на жизнь мою, – тихонько пел он. – Двадцать четыре мне, и столько еще впереди».

Позади них, на дороге, раздался резкий вздох, такой громкий, что заглушил пение.

Вздох, а потом звук рвотного позыва. И еще один. Это Ал Лепаж пытался дышать сквозь комок горя в горле.

За этими жуткими звуками Арман услышал, как Оливье вызывает «скорую». Подошли другие люди, встали в полукруг возле Ала. Смотрели на него, не зная, что делать с таким неизбывным горем.

Ал упал на колени и, медленно опустив голову, уткнулся лбом в землю. Потом сцепил руки на своей седой голове и превратился в камень, булыжник на дороге.

Арман повернулся к Иви. Она прекратила раскачиваться и тоже окаменела. Она напоминала откопанное в развалинах Помпеев тело, навечно застывшее в мгновении ужаса.

Арман ничем не мог им помочь. И поэтому сделал кое-что для себя. Он взял Лорана за руку, бессознательно пытаясь ее согреть. Он так и держал руку мальчика, пока не приехала «скорая». Машина примчалась на полной скорости под звук сирены. А подъехала медленно. Беззвучно.

Некоторое время спустя Рейн-Мари и Арман задернули шторы на окнах, чтобы не проникали лучи солнца. Они отключили телефон. Осторожно выбрали репейник из шерсти терпеливого Анри. А потом, во тьме и тишине своей гостиной, они сидели и плакали.

– Примите мое сочувствие, patron, – сказал Жан Ги. – Я знаю, вы любили мальчонку.

– Ну, приезжать было необязательно, – сказал Гамаш и направился от входной двери в глубину дома. – Мог бы просто позвонить по телефону.

– Я хотел привезти вам это лично, а не отправлять по электронке.

Гамаш посмотрел на то, что держал в руке Жан Ги.

– Merci.

Жан Ги положил папку на кофейный столик перед диваном:

– Судя по данным местного отделения полиции, смерть наступила в результате несчастного случая. Лоран ехал домой на велосипеде вниз по склону, попал в рытвину. Вы же знаете, какая там дорога. Они считают, что он ехал на большой скорости и от толчка перелетел через руль в овраг. Не знаю, видели ли вы там поблизости камни.

Гамаш кивнул и потер большой рукой лицо, пытаясь прогнать усталость. Они с Рейн-Мари сумели поспать несколько часов, прежде чем их разбудил стук дождя по карнизу.

День клонился к вечеру, и Жан Ги приехал из Монреаля с предварительным заключением о смерти Лорана.

– Я видел камни. Быстрая работа, – сказал Гамаш, надевая очки и открывая папку.

– Данные предварительные, – напомнил Жан Ги, садясь рядом с тестем на диване.

За окном дождь лил как из ведра. Холодный дождь, пробирающий до костей. Растопили камин, и угольки весело потрескивали и вспыхивали, отскакивая от поленьев. Но двое мужчин, склонивших голову над бумагами, не замечали жизнерадостного танца пламени.

– Посмотрите вот сюда. – Бовуар ткнул пальцем в строчку

полицейского отчета. – Коронер говорит, что он умер сразу же, как только ударился о дорогу. Он не…

Он не лежал там, страдая от боли, пока становилось все темнее. И холоднее.

В свои девять лет Лоран умер не испуганным в ожидании помощи.

Жан Ги увидел короткий кивок Гамаша, сжавшиеся губы. В том, что случилось, утешения искать не приходилось. Он примет то, что сможет принять. Как в конечном счете сделают это Иви и Ал. Что может быть хуже потери ребенка? Только мысль о том, что он умер в страданиях.

– Его травмы соответствуют тому, что обнаружила полиция, – сказал Жан Ги. Он откинулся на спинку дивана. – Почему вы думаете, что здесь возможно нечто большее?

Гамаш читал еще несколько секунд, потом поднял голову и посмотрел на Жана Ги над полукруглыми линзами очков:

– С чего ты решил, что я так думаю?

Жан Ги едва заметно улыбнулся и кивнул на бумаги:

– Я видел ваше лицо, когда вы читали отчет. Вы ищете улики. Я двадцать лет сидел напротив вас, patron. И знаю, как вы выглядите в такие минуты. Потому-то я и хотел присутствовать, когда вы будете читать это. – Он постучал пальцем по отчету. – Мне мальчишка тоже нравился. Забавный паренек.

Гамаш улыбнулся и кивнул.

– Ты прав, – признал он. – Я считал, что дело тут нечисто, с того момента, как мы его нашли. Об этом говорило множество мелочей. И одно серьезное соображение. Дети все время падают с велосипедов. Не могу тебе сказать, сколько раз Анни приземлялась на голову. Только многочисленные травмы головы и могут объяснить ее любовь к тебе.

– Merci.

– Однако смертельных случаев на удивление мало. И потом, Лоран почти всегда ездил в шлеме. Почему вчера он оказался без шлема? Шлем был при нем – привязан к рулю велосипеда.

– Возможно, Лоран надевал шлем, уезжая из дома и возвращаясь. А бóльшую часть времени, когда его никто не видел, ездил без шлема. Все дети так делают. Я снимал шапочку зимой, как только заворачивал за угол и мать переставала меня видеть. Я бы скорее отморозил голову, чем выставил себя дураком. Не надо, – поспешно произнес Жан Ги, предвидя логичный комментарий.

Гамаш покачал головой:

– Просто что-то там было не так, Жан Ги. Что-то не укладывалось.

Траектория, расстояние, которое пролетело тело. Расстояние, которое пролетел велосипед…

– …все это здесь разобрано.

– В отчете, состряпанном за несколько часов? И к тому же нужно учитывать положение тела Лорана относительно велосипеда.

Жан Ги взял из полицейского отчета фотографии, рассмотрел их и передал Арману, который убрал их в папку.

Вид этого лица и тела преследовал его весь день. Он впечатался в его память. Нет нужды смотреть еще раз.

– Выглядело так, будто они были сброшены туда.

– Oui. Когда он попал колесом в выбоину, – сказал Жан Ги, стараясь проявлять терпение.

– Жан Ги, я расследовал немало несчастных случаев и вижу, что здесь смерть не была случайной.

– Однако все, кроме вас, patron, считают иначе.

Бовуар сказал это тихим, но твердым голосом. Гамаш снял очки и посмотрел на зятя.

– Ты думаешь, мне хочется, чтобы это оказался не несчастный случай? – спросил он.

– Нет. Но иногда наше воображение уносит нас в дали дальние. Сочетание горя, усталости, чувства вины.

– Вины?

– Хорошо, может быть, не вины, но вы наверняка чувствовали ответственность за мальчика. Он вам нравился и относился к вам с почтением. И тут случилось такое. – Бовуар показал на фотографии. – Я понимаю, patron. Вы хотите что-то сделать и не можете.

– И превращаю несчастный случай в убийство?

– Ну, вы же оспариваете выводы, – сказал Жан Ги, пытаясь разрядить неожиданно возникшее напряжение. – Только и всего. Но картина абсолютно ясна.

– Все это слишком уж предварительно. – Гамаш закрыл папку и отодвинул ее. – Они поспешили сделать очевидные выводы, потому что так им проще. Но дело нужно расследовать дальше.

– Почему?

– Потому что я должен быть уверен. Они должны быть уверены.

– Нет, я что хочу сказать: допустим на минуту, что это не несчастный случай. Он совсем мальчик. Насилию не подвергся. Следов истязаний нет. Слава богу. Зачем кому-то его убивать?

– Не знаю.

Гамаш не глядел на стопку грязных листов, лежащих на столике у задней двери, где они и оставались после того, как он откопал их и принес в дом. Но он ощущал их присутствие. Ощущал присутствие Джона Флеминга – вот он присел на корточки, слушает, наблюдает.

– Иногда мотив очевиден, иногда это просто неудачное стечение обстоятельств, – сказал он. – Убийца строит свои планы, а жертва выбирается без разбора.

– Вы думаете, Лоран стал жертвой серийного убийцы? – спросил Жан Ги, впадая в скептицизм. – Обычного убийцы вам недостаточно?

– Недостаточно? – Гамаш сердито посмотрел на зятя. – Что ты имеешь в виду?

Его голос, поначалу чуть не сорвавшийся на крик, упал до опасного шепота, но потом Гамаш взял себя в руки.

– Извини, Жан Ги. Я знаю, ты пытаешься помочь. Я ничего не выдумываю. Понятия не имею, зачем кому-то могло понадобиться убивать Лорана. Я лишь говорю, что сомневаюсь, с несчастным ли случаем мы имеем дело. Может быть, его сбила машина и водитель скрылся. Но что-то тут не складывается.

Гамаш снова открыл папку. Список того, что полиция нашла в карманах Лорана. Маленький камешек с вкраплением пирита. Золотая обманка. Плитка шоколада. Сломанная. А еще чешуйки и семена сосновой шишки, земля и галета.

Затем Гамаш отыскал в отчете описание рук мальчика. Они были поцарапанные, грязные. Коронер обнаружил под ногтями сосновую смолу и кусочки растительного вещества, но ни кожи, ни крови.

Никаких признаков борьбы. Если Лорана убили, то у него не было возможности защищаться. По крайней мере, такие результаты хоть немного утешали. Они свидетельствовали о том, что Лоран в последние часы, минуты жизни занимался обычными мальчишескими делами. Не сражался за жизнь, а явно наслаждался ею. До самого конца.

Гамаш перевел взгляд на Жана Ги:

– Ты займешься этим?

– Конечно, patron. Я приеду на похороны, а к тому времени постараюсь получить более определенные ответы.

Бовуар задумался, с чего начать. Но в голову ничего не приходило. Когда умирает ребенок, что делают в первую очередь?

– Вы сказали, отец не хотел смотреть на мальчика, на его тело. Не может ли быть, что…

Гамаш на миг задумался. Вспомнил обветренное, словно высеченное

из камня лицо Ала Лепажа, стоявшего спиной к мертвому сыну и рыдающей жене.

– Такое возможно.

– Но?

– Если он убил Лорана в приступе ярости, то мог бы попытаться замести следы, но поступил бы проще, мне кажется. Он бы закопал тело где-нибудь в лесу. Или отнес в лес поглубже и оставил там. Чтобы природа сделала свое дело. Если было совершено убийство, то кто-то попытался придать ему видимость несчастного случая.

– Обычная история, – заметил Жан Ги. – Лучший способ скрыть убийство – это сделать его непохожим на убийство.

Они прошли в кухню, налили кофе, сели за сосновый стол и стали греть руки о кружки.

Бовуару не хватало этого. Долгих, долгих часов со старшим инспектором Гамашем. Когда они размышляли над уликами. Обсуждали подозреваемых. Сравнивали записи. Сидели друг против друга в столовых, машинах, захолустных гостиницах. Разбирали дело по крупицам.

И сейчас, сидя за кухонным столом в Трех Соснах, инспектор Бовуар спрашивал себя, не потворствует ли он шефу, соглашаясь взяться за дело, которое почти наверняка существовало только в воображении Гамаша. А может, он потворствует самому себе?

– Если это убийство, то почему просто не закопать его в лесу? – спросил Жан Ги. – Найти тело практически невозможно. И как вы сказали, волки и медведи…

Гамаш кивнул.

Он посмотрел на Жана Ги. Бовуар нахмурил брови, размышляя. Выстраивая логические цепочки. Сколько же раз, вспомнил Гамаш, они сидели, обдумывая тонкости дела, в маленьких рыбацких деревнях, на фермерских полях, в глуши, в занесенных снегом хижинах. Пытаясь найти убийцу, который делал все, чтобы скрыться от правосудия.

Ему не хватало того прошлого.

Не потому ли он и занялся этим? Не превратил ли он трагическую смерть ребенка в убийство ради своих эгоистичных целей? Не заставляет ли Жана Ги поверить в то, чего не существует? Потому что ему скучно. Потому что он тоскует по тем временам, когда был великим старшим инспектором Гамашем.

Потому что тоскует по аплодисментам.

Как бы там ни было, Жан Ги задал хороший вопрос. Если кто-то действительно убил Лорана, почему просто не спрятать тело в глуши

темного леса? Зачем устраивать инсценировку несчастного случая?

На этот вопрос имелся единственный ответ.

– Убийца хотел, чтобы тело Лорана обнаружили, – сказал Жан Ги, опережая Гамаша. – Если бы Лоран пропал, мы бы начали поиски. Перевернули бы все вокруг.

– И могли бы найти что-нибудь такое, что хотел скрыть убийца, – добавил Гамаш.

– Но что? – спросил Жан Ги.

– Что? – повторил Гамаш.

Час спустя Рейн-Мари вернулась от Клары и увидела мужа и зятя в кухне. Они сидели молча, уставившись перед собой.

Она понимала, что это значит.

Похороны Лорана Лепажа состоялись два дня спустя.

Дождь перестал, небеса прояснились, день выдался яркий и неожиданно теплый для сентября.

Священник, который, похоже, не знал Лепажей, старался как мог. Он говорил о доброте Лорана, его мягкости, невинности.

– Того ли мы хороним? – прошептал Габри, когда снова началась молитва.

Священник попросил подойти отца Лорана. Ал вышел вперед, облаченный в плохо сидящий черный костюм. Волосы его были туго схвачены сзади, борода расчесана. Держа в руках гитару, он сел на стул, поставленный для него.

Гитара покоилась у него на коленях, готовая к действию. Но Ал просто сидел и смотрел на людей, пришедших проводить его сына. Он пребывал в оцепенении. Иви подошла к нему и помогла вернуться на скамью в первом ряду.

Погребение на кладбище над деревней Три Сосны прошло в узком кругу. Только Ивлин и Алан Лепаж, священник и люди из похоронной конторы.

В подвале церкви учителя Лорана, одноклассники и соседские дети вяло жевали еду, принесенную жителями деревни.

– Могу я поговорить с вами, patron? – спросил Жан Ги.

– Слушаю, – сказал Арман, когда они отошли в сторону.

– Мы перебрали все варианты. Нет ничего, что указывало бы на убийство.

Бовуар смотрел на этого крупного человека и пытался понять по его лицу, о чем он думает. Испытывает ли облегчение? Да. Но Бовуар увидел и

кое-что еще.

– Все-таки вас что-то беспокоит, – сказал Жан Ги. – Я могу показать, что мы обнаружили.

– Нет нужды, – сказал Гамаш. – Merci. Я тебе благодарен.

– Но вы верите нашим выводам?

Гамаш задумчиво кивнул:

– Верю. – А потом, совершенно неожиданно для Жана Ги, улыбнулся. – Похоже, Лоран был здесь не единственным человеком, наделенным живым воображением. Способностью видеть то, чего нет.

– Так вы не будете подавать заявление о нашествии марсиан?

– Ну, теперь, когда ты об этом упомянул…

Гамаш кивком указал в сторону буфета, и Бовуар улыбнулся, заметив, что Рут наливает что-то из фляжки в свой картонный стаканчик с пуншем.

– Merci, Жан Ги. Я ценю то, что ты сделал.

– Благодаря Лакост. Она одобрила расследование, даже людей дала. Мальчик погиб в результате несчастного случая, patron. Он упал с велосипеда.

Гамаш снова кивнул. Они вернулись к остальным, по пути пройдя мимо Антуанетты и Брайана.

Брайан поздоровался, но Антуанетта отвернулась.

– Вижу, она все еще злится, – сказал Жан Ги.

– И все сильнее.

– Вы это о ком? – спросила Рейн-Мари, когда Арман и Жан Ги присоединились к ней.

– Об Антуанетте, – ответил Жан Ги.

– Она с такой ненавистью посмотрела на меня, – сказала Мирна.

– И на меня тоже, – подхватил Габри, подходя к ним с тарелкой яблочного пирога.

На тарелке Оливье громоздилась гора киноа, кинзы и яблочного салата.

– Пьеса плохо продвигается? – спросил Жан Ги.

– Когда люди узнали, кто автор, большинство актеров отказались участвовать, – пояснил Габри. – Я думаю, Антуанетта была искренно удивлена.

Мирна взглянула на Антуанетту и покачала головой:

– Она, кажется, действительно не понимает, чем могут быть обеспокоены люди.

– Значит, постановка отменяется? – спросил Жан Ги.

– Нет, – ответила Клара. – Вот что странно. Она не хочет отменять

постановку. По-моему, теперь все роли исполняет Брайан. Она никак не хочет смириться с реальностью.

– Похоже, это всеобщее поветрие, – заметил Арман.

– Вы имеете в виду Лорана? – спросил Оливье. – Вот был парень, чье понимание реальности было расплывчатым.

– Помните, как он рассказывал о динозавре в пруду? – улыбаясь, спросил Габри.

– И почти убедил тебя, – сказал Оливье.

– А как он говорил, что три сосны разгуливают по деревенскому лугу? – напомнила Мирна.

– Они все время разгуливают, – заявила Рут, втискиваясь между Габри и Оливье.

– Накачавшись джина, – добавила Клара. – Забавно, как это действует.

– Кстати, никакого джина тут нет. Вероятно, кто-то все выпил. Принеси-ка еще, – велела Рут Мирне.

– Принеси свой…

– Тсс, мы же в церкви, – прервала Мирну Клара.

– Мы на похоронах ребенка, – сказал Оливье, обращаясь к Рут. – Здесь нет алкоголя.

– Если и есть повод для выпивки, то именно сейчас, – возразила Рут.

Она держала Розу так, как Ивлин Лепаж держала Лорана. Прижимая к груди. Защищая.

А потом прозвучали истинные надгробные слова Лорану Лепажу. Истории о его историях. О забавном парнишке с палкой, который причинял всем беспокойство. Создавал хаос, монстров, марсиан, пушки, бомбы и гуляющие деревья.

Таким был мальчик, которого они хоронили.

– Сколько раз мы смотрели на луг и видели там, как Лоран из своего «ружья» палил по инопланетянам, – сказала Клара, когда они вышли из церкви и направились по грунтовой дороге в деревню.

– Бросал сосновые шишки, как гранаты, – сказал Габри.

– Бам-бам-бам! – Оливье держал в руках воображаемый автомат и производил звуки, которые они не раз слышали от Лорана, отстреливающегося от врагов.

Клара швырнула воображаемую гранату:

– Шарррах!

– Он всегда был готов защищать деревню, – сказала Рейн-Мари.

– Верно, – подтвердил Оливье.

Гамашу вспомнились семена сосновой шишки, найденные в кармане

Лорана. Мальчик был на задании – он защищал мир. Вооруженный до зубов. В момент смерти.

– Вообще-то, я думал, что его смерть не была несчастным случаем, – сказал Арман Мирне, когда остальные оторвались от них, уйдя вперед по деревенскому лугу. – Я считал, что это убийство.

Мирна остановилась и посмотрела на него:

– Правда? Почему?

Они сели на скамью в лучах вечернего солнца.

– Я всегда об этом думаю. Наверное, я так часто сталкивался с убийствами, что они мне видятся, даже когда их нет?

– Вы создаете монстров. Как и Лоран, – сказала Мирна.

– Да. Жан Ги считает, что часть меня хотела, чтобы это было убийство. Потому что мне стало скучно.

– Уверена, что он ничего такого не говорил.

– Не говорил. Но я воспринял это так.

– И как вы отвечаете на подобные подозрения?

– Полагаю, в его словах была доля правды. Не то чтобы мне стало скучно, и, уж конечно, убийство меня не забавляет. Оно вызывает у меня отвращение. Но…

– Продолжайте.

– На прошлой неделе приезжала Тереза Брюнель. Она предлагала мне должность суперинтенданта, курирующего отделы по расследованию убийств и тяжких преступлений.

Брови Мирны взлетели.

– И?..

– По правде говоря, я нигде не чувствовал такого душевного покоя, такой душевной гармонии, как здесь. Я не испытываю ни малейшей потребности возвращаться в полицию. Но я чувствую, что должен принять ее предложение.

Мирна рассмеялась:

– Как я вас понимаю! Когда я оставила свою психотерапевтическую практику, меня мучило чувство вины. Мы не из поколения наших родителей, Арман. Теперь у людей есть много возможностей. Перестав практиковать, я задала себе один вопрос: чего мне хочется на самом деле? Не для моих друзей. Не для моей семьи. Не для совершенно незнакомых мне людей. А для себя. Наконец-то. Наступил мой черед, мое время. А теперь – ваше, Арман. Ваше и Рейн-Мари. Чего вы хотите на самом деле?

Он услышал, как упала шишка, и с трудом удержался, чтобы не повернуться посмотреть, где там забавный мальчишка, кидающий

«гранаты». Шарр-ррах.

Потом упала еще одна. И еще. Словно три громадные сосны стучали в землю. Просили принять Лорана. Того маленького волшебника, который заставлял их гулять.

Арман закрыл глаза, вдохнул запах свежескошенной травы, ощутил тепло солнечных лучей на лице.

«А чего я хочу?» – спросил он себя.

Ветерок донес до него первые слабые ноты знакомой мелодии. Из «Урожая» Нила Янга. Арман взглянул в сторону маленького кладбища на вершине холма. На фоне ясного голубого неба он увидел крупную фигуру человека с гитарой в руках.

И с холма донеслись слова: «…и столько еще впереди».

Глава седьмая

– Вот вы где, – сказал Оливье, усаживаясь вместе с Габри за столик Гамашей в бистро. – Мы вас искали.

– Ну, наверное, искали недолго, – заметила Рейн-Мари. – Где еще нам быть?

– Дома? – предположил Габри.

– Разве наш дом не здесь? – прошептал Гамаш на ухо Рейн-Мари.

– Да, конечно, mon beau[14]. – Она одобрительно похлопала мужа по колену.

Оба все еще носили траурную одежду: на Рейн-Мари было темно-синее платье, на Армане – темно-серый костюм, белая рубашка, галстук. Сшитые на заказ, классические.

Они еще не готовы были переодеться, словно снять траур означало отказаться от скорби и оставить Лорана в прошлом.

Оливье и Габри, вероятно, чувствовали то же самое. Они тоже носили траурную одежду и галстуки.

Оливье махнул одному из официантов, и вскоре на их столике появились два пива и вазочка со смесью орешков.

Габри и Оливье сидели, потягивая пиво, и поглядывали друг на друга – никто не хотел начинать первым.

– Так по какой причине вы нас искали? – спросил наконец Арман.

– Давай ты, – сказал Габри.

– Нет, ты, – ответил Оливье.

– Это же была твоя идея, – возразил Габри.

– Пожалуйста, пусть кто-нибудь из вас уже начнет, – взмолился Арман, переводя взгляд с одного на другого.

Он был не в настроении играть в «двадцать вопросов».

– Есть маленькая проблема, – сказал Оливье.

– Может, и говорить о ней не стоит, – перебил его Габри. – Просто у нас возник вопрос.

Гамаш широко раскрыл глаза, побуждая их к более конкретному разговору.

– Я говорю о палке, – сказал Оливье.

– О палке Лорана, – уточнил Габри.

Они уставились на Гамаша, но, увидев его недоумевающий взгляд, Оливье рискнул продолжить:

– Когда мы говорили в церкви о Лоране, мы все вспоминали его с палкой.

– С его ружьем, – сказала Рейн-Мари.

– С его ружьем, его мечом, его волшебной палочкой, – подхватил Оливье. – Сколько раз мы видели, как он на велосипеде съезжает по склону в Три Сосны, держа перед собой палку, словно рыцарь – копье?

– Он был защитником, – с улыбкой сказал Габри, вспоминая бесстрашного, отважного паренька, сражавшегося бог знает с кем, исполненного решимости спасти деревню и ее обитателей.

Гамаши смотрели на Оливье и Габри, ожидая продолжения.

– Он повсюду носил с собой свою палку, – сказал Габри. – Мы подумали, может, Ал и Иви захотят, чтобы палка вернулась к ним.

– Да, конечно, – сказал Арман. – Вероятно, вы правы.

Он пожалел, что сам не додумался до этого, но порадовался, что додумались Габри и Оливье.

– Палку, наверное, взяла полиция, – сказал Оливье. – Вы не знаете, когда они ее вернут? Нельзя ли получить ее поскорее?

Арман открыл рот, собираясь сказать, что, по его сведениям, все вещи Лорана уже возвращены. Но он ничего не сказал, потому что вспомнил полицейский отчет. Там ничего не говорилось о палке. Правда, даже если бы криминалисты увидели ее на земле, то не обратили бы внимания. Она ничем не отличалась от любой другой палки.

А еще он вернулся к собственным воспоминаниям о месте смерти Лорана.

Холм, гравий, высокая трава, велосипед с привязанным к рулю шлемом. Память Гамаша не зафиксировала никакой палки. Никакой ветки. Только овраг, траву, рыдающую мать и холодное тельце ребенка.

Он встал:

– Полиция ее не нашла. Мы должны вернуться туда и поискать. Давайте-ка переоденемся и встретимся здесь.

Двадцать минут спустя они вышли из машины Гамаша в свободных брюках, свитерах, куртках и резиновых сапогах. Вчетвером спустились по невысокой насыпи и принялись искать.

Но палки Лорана нигде не было.

Ни в овраге. Ни на обочине грунтовой дороги. Ни в высокой траве, ни в круге вытоптанной травы, ни вдоль кромки леса.

Арман поднялся на вершину холма и представил, как Лоран несется вниз по склону на своем велосипеде. Представил последние мгновения Лорана.

Вниз, вниз, вниз. Лоран набирал скорость, его ноги крутили педали, а палка почти наверняка торчала вперед, как копье. Рыцарь, геройски скачущий на врага.

Но тут что-то случилось. На его пути оказалась выбоина или кочка. На языке старых обитателей кантонов – колдобина.

Арман встал у вероятной точки – у рытвины. Испугался ли Лоран, вылетев из седла? Гамаш подозревал, что нет. У мальчишки, наверное, от возбуждения голова пошла кругом. Может быть, он даже закричал: «Колдо-о-о-о-обина!»

Взлетел в воздух. А потом его не стало.

«Тупая травма головы» – так сказано в отчете. Но вскрытие не могло определить душевную травму всех, кто любил мальчишку.

Арман встал на выбоину, приподнялся на цыпочки, вытянул перед собой руки. Вообразил, что взлетает в воздух, летит. Сначала вверх, вверх, а потом – вниз. В овраг.

Куда же в таком случае могла упасть палка? Возможно, на большом расстоянии от Лорана, вылетела из его маленькой руки, как метательное копье.

Рейн-Мари, Оливье и Габри принялись повторять его действия и искать в наиболее вероятных местах, затем в наименее вероятных.

– Пока ничего, – сказала Рейн-Мари, оглянулась и увидела, что мужа нет поблизости.

Он стоял на том месте, куда упал Лоран, вглядываясь в землю. Потом повернулся и осмотрел склон холма.

– Нашли что-нибудь? – спросил Оливье.

– Нет, – ответил Габри, смещаясь ближе к лесу. – Здесь только трава и размокшая земля. – Он поднял ногу, и почва издала чавкающий звук, неохотно отпуская резиновый сапог.

Арман вернулся на дорогу и пошел в противоположном направлении по холму. Рейн-Мари, Габри и Оливье последовали за ним.

– Не нашли? – спросил Гамаш.

Они отрицательно покачали головой.

– Может быть, ее подобрали Ал и Иви, – сказал Оливье.

Но все понимали, что шансы на это невелики. Родители Лорана и себя-то с трудом смогли подобрать.

– Может, он ее потерял, – предположил Габри.

Но они знали, что Лоран мог потерять палку только вместе с рукой. Для мальчика это была не просто палка.

Услышав звук подъезжающей машины, Ал Лепаж вышел из сарая. На нем была рабочая одежда, и он вытирал свои большие руки.

– Арман.

– Ал.

Мужчины обменялись рукопожатием, а Рейн-Мари обняла Ала.

– Иви дома? Я привезла картофельную запеканку.

Ал показал на дом и, когда Рейн-Мари ушла, повернулся к Гамашу:

– Это дружеский визит?

– Не совсем.

Арман и Рейн-Мари высадили Габри и Оливье в деревне, а сами поехали на ферму Лепажей. Арман внимательно посмотрел на Ала. Тот стал похож на бумажный пакет, который смяли, перед тем как выбросить. Но Арман впервые по-настоящему вгляделся в его лицо и увидел не только бороду и морщинистую кожу, но и светло-голубые глаза миндалевидной формы. Глаза Лорана. И его нос. Тонкий и длинноватый для такого лица. Нос Лорана.

– У меня к вам вопрос.

Ал показал на бревно, и они сели бок о бок.

– Скажите, палка Лорана у вас?

Ал посмотрел на Гамаша как на сумасшедшего:

– Его палка?

– Он всегда носил ее с собой, но мы не смогли ее найти. Вот и подумали, может, вы ее взяли.

Прежде чем Ал ответил, прошла целая вечность. Арман безмолвно молился, чтобы Ал сказал: «Да-да, я ее взял». И тогда Арман и Рейн-Мари смогут поехать домой и начать долгий процесс воспоминаний о живом мальчике и прощания с мертвым.

– Нет.

Ал не мог заставить себя взглянуть на Армана. Его миндалевидные глаза остекленели из страха увлажниться. Но губы дрожали, а на подбородке образовалась ямочка.

– Было бы хорошо ее вернуть, – выдавил он наконец.

– Мы попытаемся найти ее для вас.

– Я подарил эту палку ему на день рождения.

– Oui.

– Работал над ней каждый вечер, после того как он ложился. Он хотел айфон.

– Нет, не хотел, – возразил Арман.

– Ему девять.

Гамаш кивнул.

– Девять, – прошептал Ал Лепаж.

И они уставились в разные стороны. Перед глазами отца возник мир, в котором девятилетние мальчики умирают от несчастных случаев. Гамаш видел перед собой мир, в котором случаются вещи и похуже.

– Она должна быть там, где мы нашли Лорана, – сказал наконец Ал. – Если ее не забрали копы.

– Нет. Мы искали ее там. И полиция ее тоже не нашла. Если палки нет здесь, дома, и нет там, где нашли Лорана, то мы должны ее найти.

– Зачем?

Гамаш не стал медлить. Он понимал, что для таких слов никогда не бывает подходящего времени.

– Это может означать, что Лорана, возможно, убили где-то в другом месте и сбросили в овраг.

Ал открыл рот, и слово готово было сорваться с его губ. Может быть, «зачем». Или «что». Но он так и не проронил ни звука. И Гамаш увидел, как отец Лорана закрыл свой дом, собрал все пожитки и переехал. В тот другой мир. В котором совершают преступления. В котором убивают девятилетних мальчиков.

Арман Гамаш был перевозчиком, паромщиком, доставившим Ала в тот жестокий мир.

А для тех, кто попал туда, пути назад уже не было.

– Вы говорите – палка? – Голос Жана Ги в телефонной трубке сорвался на пронзительный крик.

– Oui, – ответил Гамаш.

Он стоял в своей гостиной и смотрел через окно на деревенский луг. Там были Клара и Мирна – сидели на скамье, болтали с месье Беливо.

– Вы хотите, чтобы я пришел к старшему инспектору Лакост и сказал, что мы должны заново открыть дело о смерти Лорана Лепажа, расследование, которое мы проводили только из уважения к вам, и все из-за пропажи какой-то палки?

– Oui.

Арман Гамаш понимал, какие чувства должен был испытывать Лоран, стараясь убедить людей, что видел монстра. Гамаш еще не видел монстра, но знал: он где-то здесь. Нужно было только убедить в этом других.

– Я понимаю, каким смешным это может показаться, Жан Ги.

– Не думаю, что вы понимаете, patron, иначе никогда бы такого не сказали.

– Прошу тебя, сделай это.

– Но что мы должны делать? Мы уже закончили расследование. Установили, что произошел несчастный случай.

– Не несчастный случай, – произнес Гамаш осипшим голосом. – И дело не только в палке. Мы были вчера днем на том месте, искали палку, но меня поразило кое-что еще. То, как лежало тело. Если ты допустишь, как допускаем и мы, что он ехал на велосипеде вниз по склону и попал колесом в выбоину, то наверняка полетел головой вперед. Верно?

– Так оно и случилось. Он ударился головой. Простите, шеф, но к чему вы клоните?

– Он лежал головой не в том направлении, Жан Ги. Ваши же фотографии подтверждают это.

– Что?

Гамаш услышал, как засуетился Жан Ги, застучал пальцами по клавиатуре, открывая папку с фотографиями.

Затем наступила пауза.

– Господи Исусе… – выдохнул Жан Ги. – Вы уверены?

– Если ты съездишь на то место, то сразу же увидишь: Лоран не мог двигаться вниз по склону холма, когда упал.

– А в другом направлении?

– Там плоско. Колесо могло попасть в выбоину или на камень, но он в худшем случае ободрал бы себе коленку или сломал руку. Но улететь так далеко он бы не смог.

– Черт, вы, вероятно, нащупали кое-что. Но как быть дальше?

– Если Лорана убили, то убийца совершил серьезную ошибку. Он переместил тело, но оставил палку. Когда мы найдем палку, то будем знать место, где убили Лорана.

– И будем знать, кто его убил, – сказал Бовуар. – Но если все так и обстоит, как вы предполагаете найти палку в лесу?

Гамаш посмотрел в окно поверх деревенского луга, поверх старых домов. На лес. На чащу. Сотни квадратных миль леса вокруг деревни. На земле миллионы палок.

Но Лорану было девять лет, а мальчишки такого возраста даже на велосипеде не объезжают сотни квадратных миль. И уж точно не углубляются в лес.

Если его убили, то где-то неподалеку.

– На днях ты играл в футбол на лугу, когда Лоран прибежал в деревню.

– Да, – сказал Жан Ги.

– С какой стороны он прибежал?

– Со стороны старого вокзала, – ответил Бовуар.

– Через мост, – уточнил Гамаш. – Да, кажется, он сам об этом говорил. Вот оттуда и начнем.

– Почему оттуда?

– Недавно ты спросил меня, кому могло понадобиться убивать девятилетнего мальчишку, – напомнил Арман. – Мне приходит в голову два ответа. Первый: без всякой причины, только из удовольствия. Тогда убийца – психопат. А второй ответ: причина была.

– Но опять же зачем? – спросил Жан Ги.

– Вспомни Лорана, – сказал Гамаш. – Что он делал? Выдумывал истории. Всякие истории. Мирна считает, что он таким образом привлекал к себе внимание. Как тот мальчик из сказки, который кричал «волки, волки». Но даже тот мальчик в конце концов сказал правду. Что, если то же самое произошло и с Лораном?

– О нашествии марсиан?

– О пушке.

– И монстре на ней? – осведомился Жан Ги.

Арман вздохнул.

– Парнишка привык к преувеличениям, – признал он. – Вот почему и не достучался до нас. Если бы он ограничился одной пушкой…

– Пушкой, которая больше дома?

– …то мы бы ему поверили. А так никто его и не слушал. Мы его просто проигнорировали. Он просил меня сходить с ним в лес, но я даже и не подумал это сделать, – сказал Гамаш. – Если бы я сходил с ним…

Голос его стих. Эта мысль весь день терзала его, но сейчас он впервые облек ее в слова.

– Я еду, – сказал Жан Ги.

– Не спеши. Я уже снарядил несколько человек на поиски. Это займет некоторое время. Может, мы ничего и не найдем.

– Так что же я могу сделать?

– Попроси коронера перепроверить медицинские данные. Спроси, могли ли такие повреждения быть получены не вследствие несчастного случая, а из-за чего-то другого.

– D’accord[15]. А еще я пересмотрю фотографии и другие улики. – Жан Ги помолчал. – Вы правда считаете, что его кто-то убил? Вы понимаете, что это означает?

Арман прекрасно понимал, что это означает.

Детей убивают люди особого сорта. За свою долгую карьеру старший инспектор Гамаш несколько раз сталкивался с такими. Он прилагал все

силы не только для того, чтобы найти убийцу, но и чтобы побороть собственное отвращение, ярость. Старался не думать о своих детях, не включать их в эту и без того сложную гремучую смесь.

Вот в чем состояла проблема. Находить таких убийц было чрезвычайно трудно не только потому, что люди, готовые убивать детей, способны на все, но и потому, что эмоции родни разогревали свидетелей, друзей, общество и следователей. До вулканических температур. А это могло затмевать истину, искривлять восприятие.

И давало убийце большое преимущество.

А еще такие убийства могли сеять раздор в обществе. Даже сам Гамаш, глядя в окно на жителей деревни, занятых своими делами, думал только об одном.

Возможно, преступник – один из них.

Люди со всей округи вызвались помочь прочесать лес в поисках маленькой палки парнишки. Арман не стал объяснять им, зачем ему нужна эта палка. По крайней мере, не сказал правду. Он говорил всем, что для Ала и Иви важно вернуть вещь, которая имела огромную ценность для их сына.

После двух дней поисков в лесу они кое-что нашли. И это была вовсе не палка. Вернее, палку нашли уже потом. Сначала они нашли монстра.

Глава восьмая

На второй день поисков Жан Ги Бовуар приехал в Три Сосны и присоединился к остальным.

Это была нудная, монотонная, изнурительная работа в темном сыром лесу. Но никто из жителей деревни не бросил ее, не сдался. Они подменяли друг друга, работали по два часа и почти все желали дойти до победного конца.

– Коронер согласилась, что травмы Лорана могли быть получены скорее в результате удара, чем падения на землю, – сказал Жан Ги. – Он был совсем маленьким, несмотря на свои девять лет. Расправиться с ним не составляло труда. Страшное дело – убить ребенка.

– Да, страшное.

– Я еще раз вернулся к фотографиям, а по дороге сюда остановился там, где это случилось. Вероятно, вы правы.

– Merci, – сказал Гамаш, поднял с земли палку, осмотрел ее и кинул себе за спину.

– И поскольку вы просили меня о помощи, вот самое малое, что я мог сделать.

Арман улыбнулся:

– Без тебя я просто пропаду.

Жан Ги огляделся. Они слышали шаги других участников поиска, но не видели их.

– Со мной вы тоже вполне можете пропасть.

Столетние слои опавших листьев высыхали и сгнивали на лесной земле, а потому из-под ног идущих поднимался терпкий древесный запах, нельзя сказать, что неприятный.

Листья наверху меняли окраску, и в лучах яркого солнца возникало впечатление, что люди идут под громадным куполом из витражного стекла.

– Сюда! – раздался крик.

Гамаш и Бовуар остановились и повернулись на голос.

– Я тут нашел что-то!

Это был месье Беливо, владелец продовольственного магазина. Высокий и худой, он стоял посреди леса и махал, чтобы его заметили. Гамаш и Бовуар ускорили шаг, потом перешли на бег.

Другие, услышав крик, тоже стали сворачивать в ту сторону.

– Стойте! – прокричал Гамаш и прибавил ходу, стараясь опередить

остальных. – Arrêtez![16] Немедленно! Остановитесь!

И они остановились. Не сразу, но властные нотки в его голосе в конечном счете возымели действие, и все замерли на своих местах.

– Вы нашли палку Лорана? – спросил Бовуар, приблизившись к владельцу магазина.

– Non, – ответил месье Беливо. – Я нашел вот что.

– Что? – крикнула Антуанетта.

Она остановилась чуть дальше в лесу, в компании с Брайаном. Ее невозможно было не заметить или не узнать в этом ярко-розовом шерстяном свитере, на который налипли листья и кусочки коры. Она выглядела так, словно сбежала со страниц книги Доктора Сьюза. Сбежала от зеленых яиц и окорока[17].

Месье Беливо показывал на что-то, но они не видели на что.

– Что там? – тихо спросил Гамаш, подходя поближе.

– Вы не видите? – прошептал месье Беливо.

Он описал рукой круг, но Гамаш увидел лишь более густую, чем в других местах, лесную чащу.

– Ни хрена себе, – раздалось за спиной у Гамаша.

Он подумал, что это, наверное, Клара, но не стал поворачиваться. Вместо этого Арман Гамаш остановился. Потом сделал шаг назад. И еще один.

И поднял голову.

– Merde, – услышал он шепот Жана Ги.

Теперь он посмотрел туда, куда указывал месье Беливо. Там, в переплетении вьющихся стеблей, было небольшое отверстие. А за ним – чернота.

– Фонарик у тебя с собой? – спросил он у Жана Ги, протягивая руку.

– С собой, только я пойду первым, patron.

Бовуар надел перчатки, опустился на колени, включил фонарик и сунул в дыру голову. Он напомнил Гамашу (хотя Гамаш ни за что не сказал бы ему это) Винни-Пуха, чья голова застряла в горшке с медом.

– Что там? – спросил Гамаш.

– Не уверен. Вы должны взглянуть сами.

Сказав это, Бовуар залез в дыру целиком и исчез из виду. Арман последовал за ним, предварительно приказав всем оставаться на своих местах. Уговаривать никого не пришлось. Протискиваясь в отверстие, Гамаш увидел куски порванной камуфляжной сетки.

А потом он оказался в мире без солнца. Здесь царили темнота и

тишина. Даже грызуны не копошились. Ничего. Кроме луча фонарика Бовуара.

Он почувствовал крепкую хватку Жана Ги – зять ухватил его за руку и помог подняться.

Никто не произнес ни слова.

Гамаш двинулся вперед и почувствовал на лице паутину. Смел ее, сделал еще один осторожный шаг вперед.

– Что это за место такое? – спросил Жан Ги.

– Не знаю.

Оба говорили шепотом, опасаясь потревожить то, что может здесь оказаться. Но интуиция Гамаша говорила ему, что здесь ничего нет. По крайней мере, ничего живого.

Жан Ги порыскал вокруг лучом фонарика, чтобы оценить ситуацию. Потом круговые движения луча замедлились.

Луч останавливался то тут, то там. Внезапно он замер, и Бовуар отпрыгнул назад, столкнулся с Гамашем и выронил фонарик.

– Что там? – спросил Арман.

Жан Ги быстро нагнулся за фонариком:

– Не знаю.

Но он знал, что здесь с ними есть что-то еще.

Бовуар повел лучом вверх. Вверх. Еще выше. И у Армана отвисла челюсть.

– Боже мой, – прошептал он.

Это было невероятно. Немыслимо.

Камуфляжная сетка и старые вьющиеся стебли образовали громадное пространство. Полое пространство. Но не пустое. Внутри находилась пушка. Огромное артиллерийское орудие. В десять, в сто раз больше, чем все, что видел когда-либо Гамаш. Или о чем слышал. Или считал возможным.

А от основания лафета, словно из земли, тянулась вверх фигура.

Крылатый монстр. Извивающийся.

Гамаш шагнул вперед, но остановился, почувствовав, что наступил на что-то.

– Жан Ги, – сказал он, показывая на землю.

Бовуар направил туда луч фонарика, и в круге света они увидели палку.

Слух распространился быстро. Через несколько минут уже вся деревня знала: в лесу что-то найдено.

Ал и Иви Лепаж не пропускали ни одной смены, разыскивая в лесу палку сына, а отдыхали, только когда сырость и холод пронизывали их до костей и лишали сил.

Они сидели в бистро в минуты редкого отдыха, когда Жан Ги Бовуар быстрым шагом прошел в дом Гамашей. Лепажи последовали за ним и в дверях услышали, как он разговаривает с кем-то в местном отделении Квебекской полиции.

Потом он сделал еще один звонок – в свой отдел в Монреале. Просил прислать криминалистов.

– Что вы нашли? – спросила Иви от дверей кабинета.

За ней стоял Ал, полный решимости не выпускать Бовуара, пока тот не ответит.

– Мы нашли палку Лорана, – сказал Жан Ги.

Он говорил тихим, мягким голосом. Подтверждая их худшие страхи. О том, что на чердаке обитает призрак, под кроватью прячется монстр, а в подвале – вампир.

Монстры существовали. И один из них убил их сына.

– Я хочу увидеть это сам, – сказал Ал.

Они с Иви последовали за Бовуаром в лес, где их встретил Гамаш. Бовуар снова пролез внутрь сквозь дыру и начал проводить предварительное следствие, а Армана оставил снаружи, чтобы тот никого не пускал внутрь.

Габри и Оливье вернулись в деревню, чтобы встретить полицию и провести по лесу.

– Я не могу вас впустить туда, – сказал Арман Алу и Иви. – Извините. Пока не могу.

Ал Лепаж, и без того крупный, раздулся от ярости, даже его борода как будто стала гуще.

Если Арман надеялся, что Ивлин станет голосом разума, то он ошибался. Хотя она и уступала мужу в размерах, ее ярость была не меньше.

– Прочь с дороги! – рявкнула она, наступая на него и пытаясь оттеснить плечом в сторону.

Но Арман удержал ее на месте, обняв за талию, и прошептал в ее длинные растрепавшиеся волосы:

– Нет, Иви, пожалуйста. Пожалуйста, остановитесь.

Он знал, что бессмысленно взывать к ее разуму, говорить, что она может уничтожить улики, что сначала туда должны пройти криминалисты.

Доводы рассудка тут не действовали, только инстинкты. Нечто

первобытное. Она должна была попасть на то место – не туда, где ее сын умер, а туда, где прошла его последняя минута.

А Арман должен был остановить ее. Остановить их.

– Что еще там находится, Арман? – спросил Ал, беря жену за руку. – О чем вы не хотите нам говорить?

Гамаш не ответил.

– Мы слышали, Жан Ги по телефону вызывал подмогу, – не отступал Ал. – Он просил их привезти мощные фонари и прожектора. И приставные лестницы.

Отец Лорана посмотрел на стену зарослей, переплетенных, сросшихся стеблей, которые создавали практически непреодолимое препятствие. Кроме того, они создавали trompe l'oeil, оптическую иллюзию того, что перед вами просто густые заросли. Любой человек, случайно забредший сюда, подумал бы, что это самый обычный лес.

Но сюда никто никогда не забредал. Они находились в глубине леса, в полукилометре от Трех Сосен. С дороги, ведущей в деревню, можно было разглядеть лишь старую, заросшую тропинку, но даже и она исчезала метров через сто.

– Что там? – повторил Ал.

Гамаш посмотрел на родителей Лорана, на других участников поиска, включая и Рейн-Мари, – у всех на языке вертелся тот же вопрос.

– Я пока не могу вам сказать, – ответил Арман.

Тревожное выражение на лице Рейн-Мари стало еще явственнее.

– Не говорите нам все, – сказала Антуанетта. – Просто несколько слов, чтобы мы не беспокоились.

Эта просьба была вполне обоснованной, но Арман не мог ее удовлетворить. Пока не мог.

Послышался звук шагов по сухим листьям, и вскоре из-за деревьев появились трое – Габри и двое полицейских.

– Дальше мы сами, – сказал один из этих молодых агентов, отпуская Габри. Он посмотрел на жителей деревни, которые явно испытали облегчение, увидев полицию. – Почему мы здесь? – спросил он, оглядевшись. – Это что, шутка?

– Вовсе нет, – ответил Гамаш. Он шагнул вперед и протянул руку. – Меня зовут Арман…

– Разве я спрашивал, как вас зовут? Non. Я спросил, почему мы с напарником стоим здесь, посреди леса.

Оливково-зеленая форма молодого полицейского была жесткой и свежей. Но не после стирки, а оттого, что была почти неношеной.

Возможно, подумал Гамаш, сегодня первый день его работы. Почти наверняка первый месяц. Бовуар позвонил в полицию больше часа назад. Они явно не спешили с приездом.

У агента был раздраженный и надменный вид, рука его лежала на рукояти пистолета – он впервые вкусил, что такое настоящая власть.

На верхней части левого рукава его полицейской формы Гамаш заметил нашивку с именем.

Фавро.

Фамилия знакомая. И тут Гамаш вспомнил: это ведь та самая фамилия, которая стояла под рапортом о смерти Лорана. Тот самый полицейский, который сделал заключение о несчастном случае.

– Нам сказали приехать сюда, потому что здесь обнаружилось нечто странное. – Он посмотрел на Гамаша и спросил: – Это не вы, mon vieux?[18]

Его напарник одобрительно фыркнул.

– Вы хоть представляете… – начал было Габри, но Арман поднял руку, призывая его к молчанию.

– Представляю что? – поинтересовался полицейский.

– Полагаю, вам всем сейчас лучше вернуться домой, – сказал Арман участникам поиска. – Насколько я понял, Оливье ждет старшего инспектора Лакост?

Габри кивнул:

– Oui. Он покажет ей дорогу сюда.

Гамаш обратился к месье Беливо:

– Старший инспектор Лакост, вероятно, привезет приставные лестницы, но я надеюсь, у вас тоже есть.

– Лестницы? – переспросил владелец магазина. – Да, моя собственная, но я могу найти еще.

– Лестницы, Арман? – спросила Рейн-Мари, вглядевшись в лицо мужа, потом перевела взгляд ему за спину.

– Oui. И кстати, месье Беливо, ваши лестницы высокие?

– Конечно, – ответил Беливо.

Обычно невозмутимый, сейчас он казался слегка растерянным.

– Постойте, – вмешался агент Фавро. – О чем это вы тут толкуете? Никто отсюда не уйдет, пока мы не получим объяснения!

Гамаш сделал шаг в его сторону, и агент отступил, положив руку на дубинку.

Гамаш наклонил голову, оценивая его движение. Потом повернулся к жителям деревни, которые с беспокойством наблюдали за происходящим.

– Вы можете идти, – сказал он.

– Арман? – позвала Рейн-Мари.

– Я скоро буду дома. – Он успокаивающе улыбнулся.

И они пошли прочь, время от времени оглядываясь на этого крупного человека и двух молодых людей, принявших боевую стойку в чаще древнего леса. Трудно было отделаться от впечатления о двух проворных молодых волках, готовящихся напасть на оленя. И не имеющих понятия о том, каким опасным может быть олень.

Родители Лорана не двинулись с места, но Гамаш и не рассчитывал, что они уйдут. У них было особое положение.

Гамаш повернулся к двум молодым агентам:

– Вы их видите?

Они не ответили, и он продолжил:

– Это Ивлин и Ал Лепаж. Несколько дней назад они потеряли сына. Насколько я понимаю, именно вы составляли заключение.

– Да, – ответил агент Фавро. – Несчастный случай. Мальчик не удержал велосипед на дороге. При чем тут та история?

– Его смерть не была несчастным случаем. – Гамаш понизил голос, чтобы его не слышали Лепажи, хотя они и так знали это. – Его убили здесь, а тело выкинули в тот овраг. Вещественное доказательство находится вон там. – Гамаш повернул голову назад.

– Где? – спросил агент Фавро.

– Отсюда трудно увидеть. Место спрятано под сетью.

– Покажите мне, – велел агент, направляясь к Гамашу, но тот преградил ему дорогу.

– Прошу вас, ни шагу дальше, – сказал он, глядя в глаза молодому копу. – Вы рискуете уничтожить улики.

– А вы рискуете помешать следствию.

– Я пригласил вас сюда, чтобы охранять место преступления, пока не прибудут криминалисты из Монреаля, – сказал Гамаш.

– Вы пригласили нас сюда? – Агент рассмеялся. – Мы не гости на вашей вечеринке. Отойдите и не мешайте.

– Я никуда не отойду, – сказал Гамаш. – Вы не готовы для таких действий. Я тоже работал в Квебекской полиции. Пусть криминалисты из отдела убийств делают свое дело, а вы делайте свое.

– Отойдите, или я буду вынужден применить силу. – Фавро взял в руку дубинку.

От неожиданности Гамаш широко раскрыл глаза. Молодой полицейский ошибочно принял это за испуг и ухмыльнулся:

– Ну же, старик, дай мне повод!

– Господи, неужели вы учились в академии? – спросил Гамаш.

– Перестань говорить со мной таким тоном, иначе ты узнаешь, как академия обучила нас обходиться с людьми, которые мешают полиции исполнять свои обязанности.

– Фавро, – прошептал агент Брассар, но его напарник ничего не хотел слышать.

– Ты будешь моим первым арестованным. Арестованным, который, как я подозреваю, окажет сопротивление.

Гамаш посмотрел на него с такой тревогой, что тот рассмеялся:

– Что, наложил в штаны, mon vieux? А ну-ка, прочь с дороги!

Агент хотел было пройти мимо Гамаша, но тот встал перед ним.

– Стой! – приказал Гамаш. – Назад!

Удивленный властными интонациями его голоса, Фавро отступил.

– Вы новенькие, – сказал Гамаш. – Я прав?

Брассар кивнул, но Фавро не шелохнулся.

– Я понимаю, вы хотите отличиться, но ваша работа состоит не в том, чтобы запугивать граждан. И не в том, чтобы собирать улики, а в том, чтобы охранять их. Вам повезло. У вас будет возможность наблюдать, как работает отдел по расследованию убийств в реальной ситуации. Большинству агентов приходится ждать годы, прежде чем им выпадает такой случай. – Он понизил голос. – Но для Ивлин и Алана Лепаж это не уголовное дело. Погиб их сын. Их ребенок. Никогда не забывайте об этом.

– Не учите меня, что мне нужно делать, – огрызнулся Фавро.

– Кто-то ведь должен. Вы слышали, как я сказал, что мальчика убили? А вы подписали отчет, в котором утверждается, что произошел несчастный случай. Вы напортачили. Это ваше первое дело, а вы не смогли должным образом расследовать его. Не обратили внимания, что тело лежит в положении, не соответствующем вашей версии.

Он смотрел в глаза молодого человека. В глаза, которые теперь излучали настоящую агрессию.

– Вы молоды, вы новичок на этой работе. Ошибки случаются. И когда такое происходит, нужно на них учиться. Вы должны подойти к родителям мальчика, признать свою ошибку и извиниться. Не потому, что я вам так говорю, а потому, что именно так вам и следует поступить. – Гамаш немного понизил голос и посмотрел на агента Фавро с искренним сочувствием. – В вашей жизни наверняка есть люди, которые учили вас этому.

Агент Брассар, который внимательно слушал Гамаша, шагнул в сторону Лепажей, но агент Фавро остановил его.

– Не хватало еще, чтобы какой-то вышедший в тираж старый коп учил нас жить, – фыркнул он.

– Я рад, что вы уже здесь, офицеры, – сказал Бовуар, вылезая из отверстия в зеленой стене. Он достал свое удостоверение и показал им. – Инспектор Бовуар, отдел по расследованию убийств. Вижу, вы уже познакомились с месье Гамашем.

– Да, сэр, познакомились, – ответил Фавро. – Я как раз объяснял ему обязанности граждан по отношению к полиции. Насколько я понял, он служил в Квебекской полиции, а значит, должен знать, что лучше не вмешиваться в действия полицейских.

Бовуар поднял брови:

– А он вмешивался? – Бовуар повернулся к Гамашу. – И им пришлось вам разъяснять. Мне казалось, что порядок расследования не особо изменился после вашего ухода из полиции.

– Появились довольно существенные различия, – ответил Арман.

– Правда? Но ведь прошло совсем немного времени с тех пор, как вы были главой отдела по расследованию убийств.

Бовуар повернулся к агентам и увидел, как расширились глаза Брассара.

– Да-да, – сказал Бовуар, наклоняясь к ним. – Ну вы и облажались, ребята!

Гамаш и Бовуар отошли в сторону от полицейских и, сблизив головы, принялись обсуждать находку.

– Идиот, ты хоть понимаешь, кто это? – прошипел агент Брассар в ухо Фавро. – Старший инспектор Гамаш. Тот самый, который раскрыл заговор в полиции. Ты что, не видел его в новостях на процессе? На следствии?

Он посмотрел на Гамаша и Бовуара, которые стояли бок о бок, наклонив друг к другу головы. Инспектор Бовуар говорил, а отставной старший инспектор слушал и кивал.

– Бывший глава отдела. Бывший, – подчеркнул Фавро. – Да, я видел его в новостях. Но он ушел из полиции. Он никчемный, жалкий старик, который не вынес давления и сбежал в эту дыру.

Гамаш и Бовуар, стоявшие в нескольких шагах, слышали слова Фавро.

– Хотите, чтобы я… – начал Жан Ги, но Гамаш улыбнулся и покачал головой:

– Не обращай внимания. Нашел что-нибудь?

Бовуар кинул взгляд на Лепажей, которые внимательно следили за ними.

– Она была засунута сбоку от входного отверстия. Там я ее и оставил

для криминалистов.

– Ты о чем?

– Вам, пожалуй, лучше самому посмотреть.

Гамаш снова пролез вслед за Бовуаром через входное отверстие и увидел находку Жана Ги. Там под гниющими листьями лежала кассета для магнитофона. Арман наклонился и прочел надпись.

– Пит Сигер, – сказал он, выпрямившись. – Судя по всему, старая запись. – Он вытащил из нагрудного кармана очки и изучил находку внимательнее. – Но похоже, она здесь недавно. На ней есть земля, но ни мха, ни плесени.

– Я тоже так думаю, – кивнул Бовуар. – Как она сюда попала? И кто сегодня еще слушает кассеты? И кто такой Пит Сигер?

Гамаш присел на корточки и уставился на кассету, освещенную лучом фонарика. Он ощущал окружающую их темноту, остро ощущал то, что высилось у них за спиной.

– Он был американец, исполнитель народных песен. Очень влиятельный защитник прав человека и активист движения за мир.

– А-а, – сказал Жан Ги.

«А-а», – подумал Гамаш.

Снаружи до них донеслись знакомые голоса. Они выбрались из норы и увидели старшего инспектора Лакост, которая приносила соболезнования Лепажам. Позади нее Оливье как раз опускал на землю приставную лестницу, а команда криминалистов разбиралась с прожекторами и лестницами и раскручивала кабель для подачи электричества.

Изабель Лакост обратилась к Бовуару и Гамашу, возникшим перед ней как по волшебству:

– Откуда вы взялись?

– Оттуда. – Бовуар махнул рукой за спину.

– Откуда?

Лакост пригляделась и широко раскрыла глаза от удивления.

– Что это? – спросила она.

– Камуфляжная сетка и заросли.

– И что она камуфлирует?

– Думаю, тебе стоит посмотреть, – сказал Бовуар.

Старший инспектор Лакост повернулась к Гамашу:

– Не хотите ли?.. – и показала на вход в нору.

Но он покачал головой и слегка улыбнулся:

– Non, merci. Это твое следствие. А я иду домой, если не возражаешь.

– Oui. Ой, секундочку, patron…

Гамаш остановился в двух шагах от нее, и Лакост подошла к нему:

– Извините. Я ошибалась в деле Лорана. Нужно было смотреть внимательнее.

– Я знаю, ты найдешь того, кто его убил. И только это имеет значение.

Гамаш проводил ее взглядом, дождался, когда она скроется в отверстии, потом подошел к двум молодым агентам.

– Вы, конечно же, думаете, что это ниже вашего достоинства, – сказал он. – Считаете меня старым слабаком. И все же я прошу вас: будьте внимательны. Смотрите на мир широко открытыми глазами. Я не шучу. Вам ясно?

– Да, сэр, – ответил агент Брассар.

– Агент Фавро?

– Вы больше не служите в полиции. Вы мне не начальник.

Гамаш заглянул в его дерзкие глаза.

– Ну-ну.

Лакост огляделась, привыкая к необычной обстановке. Инспектор Бовуар дал указания криминалистам и, когда те взялись за работу, присоединился к Лакост.

Они вместе подошли к тому месту, где агенты натягивали желтую полицейскую ленту. Бовуар пошарил лучом фонарика по земле и остановил круг света на палке. Она лежала футах в десяти от входа.

– Здесь его и убили? – спросила Лакост.

– Я думаю, да.

Она кивнула, а затем сама стала обшаривать лучом фонарика землю, описывая все бóльшие круги, захватывая все большее пространство. Но инспектор Бовуар сэкономил ее время.

Техники уже установили привезенное световое оборудование, и Бовуар включил один из прожекторов, направив его вперед.

Изабель Лакост инстинктивно отпрянула, и даже Бовуар, знавший, что там находится, почувствовал, как учащенно забилось его сердце. Вокруг них остановилась работа слаженной команды криминалистов: видавшие виды агенты уставились на открывшееся им зрелище.

– Mon Dieu, – услышали они чей-то шепот, но слова растворились в этом глухом пространстве.

В ярком, мощном луче прожектора пушка выглядела еще массивнее, чем в свете фонарика. Только теперь они начали осознавать истинный масштаб конструкции.

Агенты направляли на нее лучи, словно брали под прицел, обшаривали

со всех сторон, но так и не могли полностью охватить ее громаду.

– Он говорил правду, – задыхаясь, произнесла Лакост. – Господи, значит, Лоран все-таки не врал.

Перед ними стояла громадная пушка, артиллерийское орудие, его длинный ствол уходил в даль, недоступную для установленных прожекторов, и терялся в темноте.

Жан Ги перевел луч прожектора на лафет. И тогда они увидели выгравированного на металле монстра, который словно выползал из земли, извиваясь и корчась. Его крылья были раскинуты, множество его змеиных голов переплетались шеями, как стебли растений, за которыми он скрывался много десятилетий.

– Нам понадобится больше света, – сказала Изабель Лакост. – И лестницы подлиннее.

Глава девятая

Лепажи оставили свой грузовичок на дороге у бистро, и Гамаш вместе с ними дошел до машины.

– Я прослежу, чтобы вам сообщили обо всем, – сказал Гамаш, наклонившись к открытому окну, когда Ал завел двигатель.

– Пока нам ни слова не сказали, – заметила Иви. – Кроме того, что внутри этой норы нашли палку Лорана. Как она там оказалась?

– Мы знаем, как она там оказалась, Иви, – сказал Ал. – Лорана убили там, а потом унесли оттуда, ведь так?

Гамаш кивнул:

– Старший инспектор Лакост и ее команда через несколько часов будут знать больше, но пока складывается именно такое впечатление.

– Но что Лоран делал там? – спросила Иви. – Он кого-то застукал? Что там внутри? Нарколаборатория или посадки марихуаны? Он что, наткнулся на наркодилеров? Почему его убили, Арман?

– Я не знаю.

– Но вы знаете, что там находится, – настаивал Ал. – Что нашел Лоран.

– Пока я не могу сказать больше, – произнес Арман.

– Можете, – возразил Ал. – Просто не хотите. Знаете, вы делаете только хуже, скрывая это от нас.

– Извините, – сказал Арман, отступая назад, и Ал нажал на газ.

Потрепанный пикап объехал деревенский луг, поднялся по склону и исчез из виду. Гамаш проводил его взглядом и пошел домой, погруженный в размышления.

Он знал все, о чем его спрашивали Лепажи. Но он знал и кое-что еще.

Когда он наклонился к открытому окну машины, то заметил несколько магнитофонных кассет, рассыпанных на панели между сиденьями.

– А где Рут?

Мирна не могла и подумать, что когда-нибудь задаст такой вопрос.

– Не знаю, – ответила Клара, окинув взглядом переполненное бистро. – Обычно к этому времени она уже здесь.

Часы показывали половину шестого, и все места были заняты. В зале стоял такой гул, что они почти не слышали собственных слов.

Клара увидела месье Беливо у дверей, соединяющих пекарню Сары с бистро. Он оглядывал зал.

– Спрошу у него, может, он ее видел, – сказала Клара, встала и, выписывая изящные кривые, двинулась по залу.

Проходя между столиками, она ловила обрывки разговоров. Слова и язык могли быть разными, но смысл оставался одним и тем же.

– Meurtre, – слышала она произносимое вполголоса слово.

– Убийство.

А потом еще тише:

– Mais qui?

– Но кто?

И взгляд украдкой на лица. Вокруг сидели друзья, знакомые, соседи, приезжие. На кого, словно топор, обрушится подозрение?

Клара всегда находила утешение в бистро, и в еще большей степени – после смерти Питера. Но даже эта успокоительная атмосфера сегодня давила на нее. Слова, которые она с таким трудом начала изгонять из своих мыслей, появились снова. Свежие, новые, мощные слова. «Убийство», «вина», «преступление» вытесняли из бистро то, что ее утешало.

Лоран умер, и вполне возможно, что его убил кто-то из сидящих здесь.

– Вы не видели Рут? – спросила Клара у месье Беливо.

– Non. Пока не видел. Ее здесь нет?

– Нет.

– У меня для нее кое-какая бакалея. Я принесу и запишу на нее.

По пути назад к столику Клара перехватила еще кое-какие разговоры:

– …наркотики. Картель…

– …алкоголь, оставшийся после сухого закона…

За одним из столиков посетители слушали страстную речь человека, который рассказывал им о Зоне 51[19] и о неопровержимых доказательствах того, что несколько десятилетий назад инопланетяне высадились в штате Нью-Мексико. А также, по утверждению оратора, в Квебеке.

– Помяните мои слова, там космический корабль, – говорил он. – Ведь парнишка постоянно предупреждал нас о вторжении.

Как это ни невероятно, но люди за столиком – а Клара знала их как людей благоразумных и вдумчивых – кивали. Такое объяснение устраивало их больше, чем признание того, что один из них вдруг превратился в чужака и убил мальчика.

Клара с мрачным лицом села рядом с Мирной:

– Ты слышала, о чем болтают люди?

– Да. Ужас какой-то. За тем столиком заказывают все новые и новые порции выпивки и поговаривают о том, чтобы отправиться в лес и силой проникнуть в то, что мы там нашли.

Мирна отодвинула от себя стакан красного вина. Она знала, что природа не терпит пустоты и люди, столкнувшись с информационным вакуумом, заполняют его своими страхами.

Грань между фактом и вымыслом стиралась. Узда, которая держала людей в рамках дозволенного, истончалась. Они видели, слышали, чувствовали, как разваливается мир.

Большинство посетителей бистро знали Лорана. Они беспокоились и о своих детях. Они устали, замерзли, в отсутствие фактов их переполняли страхи и выпитое. Хорошие люди, испуганные люди. И испуганные не без оснований.

Оливье, наклонившись, поставил на столик вазочку со смесью орехов и прошептал:

– Я хочу прекратить на сегодня продажу алкоголя.

– Наверное, это будет правильно, – откликнулась Мирна.

Клара встала:

– Мне кажется, Арману нужно прийти сюда. Я думаю, он держался в стороне, чтобы не усложнять ситуацию, но теперь она выходит из-под контроля.

От столика в углу раздались громкие голоса, когда Габри сказал, что алкоголь им больше отпускаться не будет.

Клара подошла к телефону у стойки бара и позвонила Гамашам.

– Правда ли то, что я слышала, Клеман? – спросила Рут, когда старый владелец магазина уселся на стул в ее гостиной.

– А что ты слышала? – спросил он.

– Что ребенка убили.

Последнее слово она произнесла так, будто оно не несло никакой эмоциональной нагрузки, ничем не отличалось от других слов. Но ее худые руки дрожали, и она сложила пальцы в маленькие, мощные кулачки.

– Да.

– И они нашли что-то в лесу, там, где убили Лорана.

– Да. Я показал им дорогу, – сказал месье Беливо. – Тропинку. Больше никто ее не увидел. Там сплошные заросли.

Рут кивнула. Она считала, что воспоминания стерлись, затерялись под множеством других событий. Написанные стихи, изданные книги, полученные награды. Обеды и разговоры. Новые соседи. Новые друзья. Роза.

Долгие годы накопления плодородной почвы.

Но теперь это вернулось, процарапалось на поверхность. То темное

дело.

– Что там, Клеман? Что они сделали?

Как только Арман и Рейн-Мари вошли в бистро, все разом замолчали.

В этом приветливом зале с балками на потолке и гостеприимно разожженными каминами, где не было места плохому настроению и сердитым лицам, наступила тишина.

– Возникла какая-то проблема? – спросил Арман, переводя спокойный взгляд с одного знакомого лица на другое.

– Да, – сказал человек, вставая из-за столика в глубине. – Мы хотим знать, что вы нашли в лесу.

Габри, Оливье и их официанты воспользовались моментом, чтобы унести выпивку со столов и выставить подносы с хлебом и сыром.

– Мы имеем право знать, – сказал еще один посетитель. – Здесь наш дом. У нас дети. Нам необходимо знать.

– Вы правы, – ответил Гамаш. – Вы имеете право знать. Вам необходимо знать. У вас дети и внуки, которым нужна защита. Один ребенок убит, и мы должны сделать все возможное, чтобы не допустить других трагедий.

Когда все поняли, что он согласен с ними, злость рассеялась.

– Но понимаете, проблема вот в чем, – продолжил Арман, проходя в середину зала. Голос его звучал спокойно, убедительно. – Существует возможность, что Лорана убил один из вас.

Рейн-Мари, остановившаяся рядом с ним, прошептала:

– Арман?

Но тут она увидела его решительный профиль. Его глаза, изучающие лица соседей, смотрели твердо. Он излучал уверенность и спокойствие.

Рейн-Мари обвела взглядом посетителей бистро. Они вдруг протрезвели. Успокоились. Его слова больно били их, вышибали из них хмель, вышибали ярость, спесь.

Несколько человек сели. Потом к ним присоединились другие. Наконец уселись все.

Гамаш сделал глубокий, долгий вдох:

– Я не говорю ничего такого, о чем вы сами уже не догадались. О чем не говорили друг другу. Вы наверняка оглядывались вокруг и спрашивали себя, кто убийца. Кто из вас пресек жизнь девятилетнего мальчика.

И они снова принялись оглядываться и опускали глаза, встречая взгляд друга или соседа.

– Я знаю, что нашли в лесу, – сказал он. – И мог бы сказать вам, но не

скажу. Не потому, что хочу что-то скрыть от вас. Вовсе нет. А потому, что это затруднит поиски убийцы. Может быть, он сейчас сидит здесь, надеясь, что вы все броситесь в лес. Он молится о том, чтобы вы затоптали улики. Убийце легче скрыться в хаосе. Вы не должны облегчать ему жизнь.

– Тогда что мы должны делать? – спросила женщина.

– Не ходить в лес. Не пускать в лес ваших детей. Вы должны быть абсолютно открытыми и честными, отвечая на вопросы следователей. Чем больше света прольется на дело, тем меньше останется темных углов, где может скрыться убийца. Лорана убил не какой-то серийный убийца или заблудший сумасшедший. Убийца имел свои причины. Вы не должны допустить, чтобы вы и ваши дети оказались на его пути или помешали следователям.

Он сделал паузу, давая им возможность осознать его слова.

– Мы, я и Рейн-Мари, гордимся соседством с вами. Дружбой с вами. Мы могли бы поселиться где угодно, но выбрали Три Сосны. Из-за вас.

Гамаш взял жену за руку, и они вместе прошли вглубь погрузившегося в тишину бистро.

– Вы не возражаете? – спросил он у Клары и Мирны.

– Прошу, – ответила Клара, показывая на свободные стулья.

Постепенно зал стал заполняться гомоном голосов, звучавших теперь, после того как возобладал разум, гораздо тише. На какое-то время.

Клара увидела, что Арман, сидящий напротив нее, на миг закрыл глаза и глубоко вздохнул.

– Готова поспорить, что, когда Арман ушел в отставку, вы думали, что все разговоры об убийствах остались позади, – сказала Мирна.

– Ну, мы ведь переехали в Три Сосны, так что сомнения оставались, – улыбнулась Рейн-Мари.

– Patron, – сказал Оливье, наклоняясь к уху Гамаша. – Изабель позвонила из здания старого вокзала. Она хочет поговорить с вами.

– Ты не возражаешь? – спросил Гамаш у Рейн-Мари.

Уходя, он услышал, как Клара обратилась к его жене:

– Ну, так он вам сказал, что они там нашли?

Рут открыла свой затрепанный блокнот на странице, которую читала перед приходом месье Беливо.

Он уже вернулся в бистро. Рут обещала, что подойдет туда позже. Чтобы притвориться, что она в нормальном состоянии, если таковое вообще существовало для Рут. Для Трех Сосен. Для всех.

Она разгладила страницу, ненадолго задумалась, потом прочитала:

Все дети грустны,
но некоторые преодолевают это.
Сочти свои дары от Бога. А лучше
купи шляпку. Купи пальто или котенка.

Рут посмотрела на Розу, похрапывающую во фланелевом гнездышке. Утка издавала звук, похожий на «бред-бред-бред». Рут улыбнулась.

Займись танцами, чтобы забыть[20].

Глава десятая

Оперативный штаб Квебекской полиции снова разместился в здании старого вокзала, который давно уже не использовался как вокзал. Длинное кирпичное здание по ту сторону речушки Белла-Белла занимала добровольная пожарная команда во главе с Рут Зардо, которая, как всем было известно, водила знакомство с адским огнем.

А сейчас вокзал служил вместилищем для команды, занятой еще более скорбными делами.

В здании старого вокзала кипела жизнь – техники и агенты устанавливали оборудование, необходимое для расследования современного убийства. Столы, компьютеры, принтеры, сканеры. Телефонные линии. Много линий, поскольку деревня располагалась в долине среди гор, куда не был проведен высокоскоростной Интернет и не доходили даже сигналы со спутника. Им приходилось пользоваться телефонной линией и модемами.

Подобная техника действовала на нервы, раздражала и работала ужасающе медленно.

Арман Гамаш только что пришел сюда и остановился посреди этого бурления. Теперь ему было под шестьдесят, а когда он поступал в Квебекскую полицию, не существовало даже факсов и последним достижением техники считался телетайп.

Изабель Лакост, глядя на Гамаша, вспомнила свое первое участие в расследовании убийства под руководством старшего инспектора. Они оказались тогда в охотничьем лагере с трупом и отпечатками пальцев, но не имели возможности передать информацию криминалистам.

Старший инспектор Гамаш снял тогда телефонную трубку, отвинтил ее нижнюю часть, удалил микрофон и подключился к линии напрямую.

«Вы закоротили телефон?» – спросила Изабель.

«Вроде того», – ответил он. И показал, как это делается.

«Ну и работенка у вас была в прежние времена, – заметила она. – Когда ничего другого еще не придумали».

«Оставалось больше времени на размышления», – сказал Гамаш.

А потом они сидели у печки и размышляли. И к тому времени, когда информация дошла по телефонной линии до получателя, они раскрыли дело.

Теперь Изабель стала старшим инспектором. И смотрела на всю эту

устанавливаемую аппаратуру в полной уверенности, что техника играет решающую роль в раскрытии дела.

Но она знала, что это еще не все. И Жан Ги Бовуар знал.

И человек, который только что вошел, тоже знал.

– Спасибо, что пришли, сэр, – сказала она, пробираясь вместе с ним через провода и коробки.

– Всегда рад, – ответил Гамаш. – Чем могу быть полезен?

Изабель показала на стол для совещаний в дальнем углу вокзального помещения.

– Настало время подумать, – ответила она и увидела улыбку на его лице.

Она помедлила у стула во главе стола. Неловкая ситуация. Прежде это место неизменно занимал старший инспектор Гамаш.

Но на сей раз он прошел мимо и сел слева от нее. Оставляя инспектору Бовуару место по правую руку от Изабель.

Арман Гамаш знал свое место. Собственно говоря, он сам его и выбрал.

– Итак, вот что нам известно, – сказала Лакост. – У нас есть огромная пушка, спрятанная в лесу, и мальчик, которого убили рядом с ней, а затем перенесли тело в другое место. Вы знали Лорана лучше, чем мы, – сказала Лакост Гамашу. – Что, по-вашему, произошло?

– Очевидно, он обнаружил орудие, – сказал Гамаш. – И похоже, кто-то очень не хотел, чтобы мальчик рассказывал о своей находке.

– Но он уже многим успел рассказать, – возразил Жан Ги. – Для начала – всем нам. Все в бистро тогда слышали его.

– Возможно, убийца не знал этого, – ответил Гамаш. – Возможно, его не было в бистро в тот момент.

– Значит, по-вашему, после нас он рассказал свою историю кому-то еще? – спросила Лакост. – Человеку, который убил его, чтобы заставить замолчать?

Гамаш кивнул:

– Не исключено также, что он сам по себе снова отправился туда и наткнулся на преступника. Хотя на первый взгляд кажется, что там никто не бывает.

– Мы будем знать больше, когда криминалисты закончат, – сказала Лакост. – Но у меня тоже создалось такое впечатление.

– И что же мы тогда имеем? – спросил Бовуар.

– Я думаю, убийца Лорана плохо его знал, – сказал Гамаш.

– Почему вы так думаете? – спросил Жан Ги.

– Ну, прежде всего, он поверил Лорану. Парень он был замечательный, но большой фантазер. Все знали, что он любит присочинить, и рассказ про пушку ничем не отличался от остальных его историй. Гигантская пушка в лесу, больше дома.

– А на ней монстр, – добавила Лакост.

Словно призрак, перед ними возник мальчик. Худенький. Заляпанный грязью и листьями, взволнованный. Глаза горят. Руки распахнуты во всю ширину. Рассказывает очередную свою небылицу. Такую невероятную, что невозможно поверить.

Но кто-то услышал его историю. И поверил в нее.

– Убийца, вероятно, понял, что на сей раз Лоран говорит правду, – сказал Бовуар.

– Exactement[21], – кивнул Гамаш.

– Вы думаете, кто-то знал про пушку и хранил эту тайну долгие годы? Десятилетия? – спросила Лакост.

– Может, даже охранял ее, – подхватил Бовуар, которому понравилась такая версия. – И тут Лоран находит пушку. Катастрофа. Он решает заткнуть рот мальчику единственным возможным способом – убийством.

– Кто мог знать, что там спрятана пушка? – вслух подумала Лакост.

– Прежде всего тот, кто поставил ее туда, – ответил Гамаш.

– Вы думаете, создатель пушки все еще жив? – спросила Лакост.

– Возможно, – сказал Гамаш, подаваясь вперед.

– Кому еще Лоран рассказал о пушке? – спросила Лакост. – Куда он отправился из бистро?

– Домой, – ответил Бовуар, посмотрев на Гамаша. – Вы отвезли его домой.

– Да, отвез. Можно мне?

Гамаш показал на собранные ими улики. Они лежали в пакетиках на столе.

– Oui, – кивнула Лакост. – Они очищены, отпечатки пальцев сняты.

Гамаш взял кассету. «Лучшие песни Пита Сигера».

Он прочитал список песен. «Куда исчезли все цветы?». «Майкл, греби к берегу». «Уимове»[22]. Гамаш улыбнулся. Это была любимая песенка Анни в детстве. Он тоже любил Пита Сигера. Точнее, любил до тех пор, пока не провел первый год ее жизни, ежечасно слушая «Сегодня ночью лев спит». Днем и ночью.

Он просмотрел другие названия. Все классические народные песни, включая «Как было, так и будет». Гамаш и забыл, что эту песню,

основанную на тексте Екклесиаста, написал Пит Сигер.

– Всему свое время[23], – произнес он.

– Pardon? – переспросила Лакост. – Что вы сказали?

– У Ала Лепажа в машине много магнитофонных кассет.

Он протянул ей кассету, думая: неужели, доставив тогда Лорана домой, он отдал его в руки убийцы?

– Генерал Ланжелье? Говорит старший инспектор Лакост из Квебекской полиции.

– Добрый вечер, старший инспектор.

В голосе генерала прозвучала настороженность. Поздний звонок на армейскую базу явно не доставил ему удовольствия. Изабель почти видела, как он смотрит на часы и думает: уж лучше бы вторжение Соединенных Штатов, чем этот звонок.

Шел девятый час, и она осталась в оперативном штабе одна. А перед этим им принесли сэндвичи и кофе из бистро, и они поели, не отрываясь от работы.

Изабель отправила Жана Ги в гостиницу договориться о размещении, а сама уселась заканчивать бумажную работу. Как часто она сама вот так оставляла старшего инспектора Гамаша одного в каком-нибудь оперативном штабе на отшибе, в сарае, лачуге, на заброшенной фабрике. И там до поздней ночи горела одинокая лампочка.

Вот и сейчас наступил вечер. А в оперативном штабе теперь горел ее свет.

Изабель сидела перед компьютером, разглядывая фотографии на экране. Потом нашла номер телефона и позвонила на армейскую базу Валькартье.

И только напористостью и завуалированными угрозами она добилась, чтобы ее соединили с командиром базы в его доме.

– Чем могу вам помочь, старший инспектор?

– Я расследую дело об убийстве, и мне необходима ваша помощь.

После паузы она снова услышала настороженный голос:

– Дело как-то связано с базой Валькартье? Замешан один из наших солдат?

– Нет, сэр, нам ни о чем таком не известно. Убийство произошло в Восточных кантонах, неподалеку от границы с Вермонтом.

– Тогда почему вы звоните мне? Вы наверняка знаете, что мы расположены далеко от тех мест.

– Да, сэр. Ваша база находится близ Квебек-Сити. Но мы нашли кое-

что, и наша находка может заинтересовать вас.

– Что же вы нашли?

Тревога ушла из его голоса, появилось любопытство.

– Громадную пусковую установку. Я поискала в Интернете, но не нашла ничего хотя бы отдаленно похожего на нее.

– Пусковая установка? В Восточных кантонах? – В голосе генерала отчетливо послышалась тревога. – У нас там нет никаких баз. Никогда не было. Как она там оказалась?

Изабель чуть не рассмеялась:

– Поэтому я вам и звоню. Мы не знаем. А установка, которую мы нашли, необычная. Как я уже сказала, она громадная.

– Ну да, они такие и есть, – сказал он. – Вы уверены, что нашли пусковую установку? Может, это какой-нибудь фермерский инструмент или буровой станок?

– Могу послать вам фотографии.

– Если вам угодно, – вяло произнес генерал.

Он дал ей свой электронный адрес с защищенным доступом, и она узнала о прибытии ее письма по словечку «merde», которое он прошептал, увидев фотографии.

Наступила пауза, пока он рассматривал вложения.

– А рядом стоит человек? – спросил Ланжелье, когда обрел способность к членораздельной речи.

– Oui.

– Tabernac[24], – выругался он. – Вы уверены?

– Я сама сделала сегодня эти снимки. Ведь это пусковая установка, верно? Не доильная машина?

– Oui, – растерянно подтвердил генерал. – Не знаю, что вам сказать, старший инспектор. Никогда не видел ничего подобного. Откровенно говоря, хотя размеры громадные, штуковина вроде бы довольно древняя, возможно времен Второй мировой.

– Может, она осталась с тех времен? Поставили ее там для обороны, а потом забыли?

– Мы не оставляем оружия в лесах, – сказал он. – И оборону в то время вынесли на побережье, а не вглубь страны. Она действующая?

– Мы не знаем. Поэтому я и звоню вам. Нам нужна помощь, чтобы понять, с чем мы имеем дело.

– А снарядов вы там не заметили? – спросил генерал. – Орудие заряжено?

– Мы ничего не обнаружили, но продолжаем искать. Пока кажется,

что, кроме пусковой установки, там ничего нет. Вы можете прислать кого-нибудь?

В трубке послышался вздох, и Изабель почти увидела, как генерал чешет в затылке.

– Честно говоря, наши специалисты по баллистике и тяжелым вооружениям знакомы лишь с современным оружием. С межконтинентальными баллистическими ракетами. Сложными системами. А тут динозавр какой-то.

Лакост посмотрела на фотографию на экране. Генерал был прав. В буквальном смысле. Они откопали некое доисторическое животное.

Но почему его спрятали? И кто, черт возьми, его создал? Для каких целей?

И почему сохранить эту тайну было так важно, что ради этого пришлось убить Лорана?

– Давайте-ка я подумаю, а после свяжусь с вами, – сказал генерал.

– Дело, как вы понимаете, секретное, – напомнила Лакост.

– Да, понимаю. Сделаю, что смогу.

Лакост поблагодарила его и повесила трубку. Кое о чем она ему не сказала. О рисунке на лафете орудия.

Изабель Лакост заставила себя успокоиться, жалея, что в здании старого вокзала так темно, тихо и одиноко, потом кликнула по следующей фотографии и стала разглядывать крылатого монстра. Даже на фотографии, даже на расстоянии он производил сильное впечатление. Впечатление ужаса.

Она смотрела на монстра и спрашивала себя, почему не сказала командиру базы в Валькартье о монстре с семью змеиными головами. Может быть, потому, что вспомнила мальчика, вбегающего в бистро с историей про громадную пушку.

Как и говорил Гамаш, если бы Лоран ограничился рассказом только про пушку, они, возможно – всего лишь возможно, – поверили бы ему. Но он в своем рассказе зашел слишком далеко, и его история стала невероятной.

Лакост знала, что генерал Ланжелье почти наверняка не оценил в полной мере размеры орудия. Ни одна фотография не могла их передать, даже притом что для масштаба рядом с орудием поставили агента. И она подозревала, что крылатый монстр не вызвал бы доверия у генерала.

Изабель Лакост разглядывала изображение на лафете. Она не могла не признать, что поверить в такое невозможно.

Жан Ги Бовуар распаковал сумку, повесил рубашки и брюки в стенной шкаф, нижнее белье уложил в сосновый комод, а туалетные принадлежности отнес в просторную ванную.

Он договорился с Габри о номерах в гостинице для Лакост и для себя на такой срок, какого потребует расследование. Габри дал ему тот же номер, в котором Бовуар уже не раз останавливался, – с большой кроватью, крахмальным бельем и теплым пуховым одеялом. С полом из широких сосновых досок и с восточными ковриками.

Жан Ги отдернул занавеси и увидел свет в окне старого вокзала.

Оперативный штаб был оборудован. Собранные улики отправлены в лабораторию в Монреале. Местное отделение полиции согласилось выделить охрану для громадной пушки, хотя качество присланных агентов вызывало сомнения.

– Только что из академии, – заметила Изабель Лакост. – Научатся.

– Может быть.

– Мы когда-то тоже были такими.

– Такими мы никогда не были, – возразил Бовуар. – Не так уж трудно сопоставить факты, Изабель. Они учились в академии три года. А значит, эти двое и все остальные на их курсе поступили на учебу в самый разгар той эпидемии.

– Думаешь, и на них порчу навели?

– Я подозреваю, что в то время набор курсантов проводился по особым критериям, – ответил Бовуар.

«А теперь мы имеем целый выпуск таких полицейских, – подумал он, открывая окно и ощущая холодный ветерок. – Несколько выпусков. Теперь они повсюду в Квебекской полиции. Повсюду в лесу».

Следствием этого безобразия была в лучшем случае некомпетентность, а в худшем – готовность агентов продать честь мундира.

Бовуар взял Библию, которую нашел на книжной полке в номере, пролистал, нашел Книгу Екклесиаста. Его заинтересовали строки из песни Пита Сигера.

В окне он увидел свет, горящий в доме Гамаша, и представил его и Рейн-Мари у камина за чтением.

«Всему свое время», – прочел он.

В доме Клары по другую сторону деревенского луга тоже горел одинокий огонек.

«Время сетовать, и время плясать».

Жан Ги увидел три высоких ствола сосен, которые чуть покачивались на осеннем ветерке. Увидел, как из бистро вышли две темные фигуры.

Одна высокая, сутулая. Вторая, с тростью, прижимала что-то к груди другой рукой.

Две фигуры прошествовали по деревенскому лугу мимо скамьи, мимо пруда, мимо трех сосен.

Жан Ги увидел, как месье Беливо проводил Рут до двери. А потом сделал нечто неслыханное: вошел в ее дом.

Время было позднее, но Бовуар не чувствовал усталости.

«Время молчать, и время говорить».

Он позвонил домой и поговорил с Анни. Они обсудили покупку какого-нибудь дома с двориком близ школы и парка. Потом рассказали друг другу о прошедшем дне. Он лежал на знакомой кровати в гостинице, думая о том, что она лежит на их кровати, болтая ногами.

У Анни был сонный голос, и Бовуар неохотно пожелал ей bonne nuit[25] и повесил трубку.

«Время рождаться, и время умирать».

Его рука задержалась на трубке, и он задумался о Лоране. И о Лепажах. И о том, что чувствует человек, потерявший ребенка.

Бовуар надел халат, спустился по лестнице и подсоединил ноутбук к телефонной линии.

Он все еще сидел внизу, когда в бистро погас свет и пришли Оливье и Габри. Он все еще сидел там, когда все дома в Трех Соснах погрузились в темноту и вся деревня уснула.

Жан Ги сидел там, на его лице мелькали блики монитора. Наконец он нашел то, что искал. И только тогда он откинулся на спинку стула, уставший, с затекшей спиной. Глядя на имя, которое его поиск выудил из глубокой норы.

Он позвонил и оставил послание на автоответчике, потом поднялся в свой номер и забрался под одеяло. И уснул. Свернувшись вокруг плюшевого львенка, которого брал с собой, если знал, что не приедет ночевать домой.

«Время войне, и время миру».

– Гостиница, – ответил по телефону певучий голос.

– Bonjour. Моя фамилия Розенблатт. Майкл Розенблатт.

– Вы хотите забронировать номер?

– Нет, вы мне звонили. Что-то по поводу ракет.

Розенблатт услышал смех.

– Извините, – ответил человек. – Вы, вероятно, ошиблись номером. Здесь гостиница. Никаких ракет у нас нет. Даже ракеток нет.

Майкл Розенблатт уже понял это.

– Désolé[26], – сказал он. – Наверное, я неправильно набрал номер.

Он повесил трубку, проверил номер, покачал головой и вернулся к тому, от чего оторвался, – к приготовлению завтрака. Утренний звонок с кафедры в Университете Макгилла был какой-то невнятный. Что-то о послании, полученном предыдущей ночью, и о каких-то старых ракетах.

Когда полчаса спустя зазвонил телефон, он поднял трубку и услышал незнакомый голос.

– Профессор Розенблатт? – спросил по-английски человек с квебекским акцентом.

– Да.

– Меня зовут Жан Ги Бовуар. Я инспектор Квебекской полиции. Мне дали ваш домашний телефон в Университете Макгилла. Надеюсь, вы не возражаете.

– Вы из полиции? – переспросил он.

– Да.

Бовуар решил не говорить ему о том, что работает в отделе по расследованию убийств. В голосе профессора и без того звучало раздражение. Пожилой человек. Зачем ему еще один покойник?

– Так это вы оставили для меня послание в университете? – спросил Розенблатт. – Я пытался вам перезвонить, но человек, снявший трубку, ответил, что я попал в гостиницу.

Бовуар извинился.

«Говорит дружеским тоном, – подумал Розенблатт. – Обезоруживающим».

Но заслуженный профессор понимал, что это означает. Он знал: самые опасные люди всегда говорят обезоруживающим тоном. Он немедленно перешел к глухой обороне.

– Мой сотовый здесь не работает, – сказал инспектор Бовуар. – Поэтому пришлось оставить вам номер стационарного телефона в гостинице, где я остановился. Мы расследуем преступление и обнаружили в лесу нечто непонятное.

– Правда? – Розенблатт почувствовал, что любопытство пробило маленькую брешь в его обороне. – И что же вы нашли?

– По виду – большую пушку.

Любопытство профессора мигом сошло на нет.

– Я не имею никакого отношения к пушкам, – сказал Розенблатт. – Область моих знаний – физика.

– Да, я знаю. Я читал вашу статью об изменении климата и расчетах

траекторий.

Профессор поставил локти на кухонный стол:

– Вот как?

Бовуар решил не вдаваться в подробности, потому что «поглазел на вашу статью» в большей степени отвечало действительности, чем «прочитал». Тем не менее вчерашние поиски в Интернете вывели его на Розенблатта и его статью, и Бовуар смог из нее понять, что нашел человека, который специализируется на огромных пушках.

А пушка у Бовуара как раз имелась.

– Вряд ли я чем-то могу быть вам полезен, – сказал профессор Розенблатт. – Ту статью я написал двадцать лет назад. Сейчас я на пенсии. Если вы нашли пушку, то вам лучше связаться с каким-нибудь артиллерийским клубом.

Он услышал в трубке тихий смешок.

– Боюсь, мне не удалось адекватно описать нашу находку, – сказал Бовуар. – Моего словаря не хватает, в особенности английского. А впрочем, и французского тоже. Это не какая-то обычная пушка. Она похожа на пусковую установку, но я никогда не видел такой конструкции. Мы обнаружили ее посреди леса в Восточных кантонах.

Профессор Розенблатт откинулся на спинку стула, словно его толкнули:

– В Восточных кантонах?

– Oui. Ее спрятали в зарослях под камуфляжной сеткой. Похоже, очень давно, – продолжил Бовуар. – Возможно, она простояла там не одно десятилетие. Профессор?

Молчание на линии. Жан Ги Бовуар уже начал думать, что связь накрылась. Или сам профессор.

– Я вас слушаю. Продолжайте.

Бовуар глубоко вздохнул и пустился с места в карьер:

– Она громадная. Я таких здоровенных орудий в жизни не видел. В десять, в сто раз больше обычных пушек. Нам понадобились приставные лестницы, чтобы на нее забраться, да и их высоты не хватало.

И опять на линии воцарилась тишина.

– Профессор?

Бовуар не ждал ответа, он скорее предполагал услышать частые гудки.

– Да-да, я слушаю, – раздался голос Розенблатта. – На ней есть какие-нибудь знаки, номера?

– Ни серийного номера, ни названия, – ответил Бовуар. – Хотя, возможно, мы что-то и упустили. Чтобы ее всю осмотреть, нужно время.

Розенблатт издал гудящий звук, словно заработали шестеренки в его голове.

– Но одно мы нашли, – добавил Жан Ги.

– И что же?

– Ну, это не совсем идентификационный знак, но нечто необычное. Рисунок.

Майкл Розенблатт встал перед кухонным столом, пролив кофе на утренний номер монреальской «Газетт».

– Гравировка?

– Oui, – ответил Бовуар, медленно поднимаясь из-за своего стола в оперативном штабе.

– На лафете?

– Oui, – ответил Бовуар, в голос которого вкралась опасливая нотка.

– Это зверь? – спросил Розенблатт, с трудом переводя дыхание.

– Зверь?

– Un monstre. – Его французский был не очень хорош, но для данного случая его вполне хватило.

– Oui. Монстр.

– Семиглавый.

– Oui, – ответил инспектор Бовуар.

Он снова сел на стул в оперативном штабе.

Профессор Розенблатт сел за свой кухонный стол.

– Как вы узнали? – спросил Бовуар.

– Это миф, – ответил Розенблатт. – По крайней мере, мы считали, что миф.

– Нам нужна ваша помощь, – сказал инспектор Бовуар.

– Это точно.

Глава одиннадцатая

– Есть кто-нибудь?

Майкл Розенблатт открыл деревянную дверь и без особой надежды просунул голову внутрь.

«Наверное, я ошибся», – подумал он.

Место казалось заброшенным, как и большинство старых вокзалов в Квебеке. Но человек в бистро указал ему именно на это здание.

– Bonjour? – произнес он немного громче.

Когда его глаза привыкли к полумраку, он увидел очертания чего-то большого и решил не идти дальше в мрачное здание.

Он вгляделся в крупный предмет. «Наверное, глаза играют со мной шутки», – подумал он, потому что это было похоже на пожарную машину. Она стояла прямо посреди здания старого вокзала. В котором, как ему сказали, разместилось отделение Квебекской полиции. Все шло вразрез со здравым смыслом.

Он развернулся, не зная, что ему делать дальше.

– Как вы быстро, – раздался мужской голос.

Из-за пожарной машины вышел человек с протянутой для пожатия рукой.

– Профессор Розенблатт? Меня зовут Жан Ги Бовуар, – сказал он. – Мы с вами говорили по телефону.

– Здравствуйте, – ответил Розенблатт, пожимая сильную руку.

Перед ним стоял офицер Квебекской полиции. Лет сорока, привлекательный и ухоженный. Стройный, но не худой, он производил впечатление человека, из которого так и рвется энергия. Стрела на натянутой тетиве.

Жан Ги Бовуар увидел перед собой невысокого пожилого человека в твидовом пиджаке и с галстуком-бабочкой. Седые волосы на его затылке поредели, а живот по-домашнему округлился.

Пухлой рукой профессор Розенблатт поправил очки у себя на носу, в другой руке он держал видавший виды кожаный портфель.

Но его глаза были яркими и проницательными, смотрели оценивающе. Несмотря на внешнюю рыхлость, в нем чувствовалась строгость и собранность.

– Спасибо, что приехали. Я не ждал вас так скоро, – сказал Бовуар и, развернувшись, двинулся вглубь здания.

– Я живу тут неподалеку.

– Правда?

– Да, после выхода на пенсию. Хотя должен сказать, о существовании этой деревни даже не подозревал.

– Ее трудно найти, – сказал Бовуар. – Надеюсь, вы не очень плутали.

– К сожалению, я плохо ориентируюсь в пространстве, – сказал Розенблатт, следуя за Бовуаром. – Это моя вечная проблема. Подозреваю, что она подрывает мою репутацию специалиста по управляемым ракетам.

Он рассказал, как петлял по проселочным дорогам, все время останавливаясь, чтобы свериться с картой и навигатором. Но деревни под названием Три Сосны, казалось, не существовало в природе. Он все больше и больше нервничал, поворачивал, поворачивал, поворачивал наобум, выбирал ту или иную дорогу, заезжал в тупики.

– Три Сосны, – сказал Розенблатт. – Даже имя звучит странновато в районе, где сосна на сосне и сосной погоняет.

Он уже хотел сдаться, но тут по разбитой грунтовой дороге въехал на вершину холма и нажал на тормоза.

Внизу, словно призрак, перед ним появилась маленькая деревня. И в самом ее центре стояли три высокие сосны. Покачивались.

Профессор посмотрел на навигатор – тот не показывал ничего. В буквальном смысле. Ни дороги, ни населенного пункта. Даже леса не показывал. Просто светился пустым экраном. Словно профессор съехал с лика земли.

Розенблатт вышел из машины, чтобы собраться с мыслями, привести в порядок мозги перед встречей с обезоруживающим офицером Квебекской полиции. Он подошел к скамье на вершине холма, хотел было сесть и тут заметил две фразы, одна над другой, вырезанные на спинке.

Храбрый человек в храброй стране
Удивленные радостью

Профессор Розенблатт повернулся и посмотрел на деревню, увидел людей в садах, на верандах. Кто-то выгуливал собак, останавливался перекинуться словечком с соседом. Деревня казалась бездеятельной и целеустремленной одновременно.

Он не мог понять, кто эти люди, выбравшие жизнь в таком богом забытом месте. И еще он подумал, что две прочитанные им только что фразы, вероятно, много значат для них, если они вырезаны на скамье, стоящей при въезде в деревню.

И вот теперь Майкл Розенблатт шел за офицером Квебекской полиции вглубь старого вокзала, где за столами с телефонами и компьютерами сидели мужчины и женщины, совещались, разглядывая документы. На стенах висели обычные классные и пробковые доски, заполненные фотографиями и схемами. К стене была прикноплена громадная карта близлежащей местности.

Инспектор Бовуар подошел к молодой женщине за столом:

– Старший инспектор Лакост, вот человек, о котором я говорил. Профессор Розенблатт – физик. Он специализируется в баллистике и больших высотах.

– Профессор Розенблатт, – сказала Лакост, вставая. – Большие высоты? Астрофизика?

– Не настолько большие, – ответил Розенблатт, пожимая ей руку. – Самая банальная разновидность физики. К тому же ваш коллега должен был использовать прошедшее время. Я ученый на пенсии.

– Ну а мы нашли пушку-пенсионера, – с улыбкой сказала Лакост.

Но он почувствовал, что она оценивает его. Спрашивает себя, не выжил ли он из ума на старости лет.

– Инспектор, вы не пригласите старшего инспектора? Может быть, он захочет участвовать в нашем разговоре.

– Я так понял, что старший инспектор – вы, – сказал Розенблатт.

Он стоял, сжимая портфель и уговаривая себя расслабиться.

– Так оно и есть. Я заняла его кресло. А он живет здесь в отставке.

– Как и я, – сказал Розенблатт. – Тихое тут местечко.

– Ну, все зависит от того, где вы живете, – сказала Лакост. Она села, указав профессору на стул напротив нее. – Прежде чем мы отправимся в лес, я должна сказать вам кое-что. Место, где обнаружена пушка, – это еще и место преступления. Там убили мальчика. Мы подозреваем, что его убили потому, что он нашел пушку. Кому-то требовалось сохранить ее местонахождение в тайне.

– Я сожалею, – сказал профессор, неохотно садясь.

Ему не терпелось поскорее отправиться в лес.

– Но вы, кажется, не удивлены, – заметила Лакост, внимательно глядя на него.

– Если пушка, о которой вы говорите, окажется тем, что я думаю, то это не первая смерть, связанная с ней.

– Не хотите же вы сказать, что она пróклятая, – возразила Изабель Лакост.

– Не в большей степени, чем любая другая пушка.

«Впрочем, – подумал он, – может, и чуть в большей». Для пушки, которая ни разу не стреляла, она стала виновницей поразительного количества смертей. И смерть мальчика лишь самая поздняя в этом ряду, но, возможно, не последняя.

– Так что же мы нашли? – спросила она.

– Прежде чем что-то утверждать, я должен ее увидеть, – сказал он.

– Но у вас уже есть предположения?

В сводчатом окне профессор Розенблатт заметил человека лет шестидесяти, шедшего по каменному мосту к зданию старого вокзала. Человек был высокий и скорее плотный, чем полный. На нем была шапка, свободные брюки, резиновые сапоги и теплая прорезиненная куртка – как раз для прохладного сентябрьского утра.

Человек показался ему знакомым.

Изабель Лакост повернула голову, чтобы взглянуть, на кого с таким вниманием смотрит профессор.

– Это месье Гамаш, – сказала она.

Гамаш, подумал Розенблатт. Старший инспектор Гамаш. Из Квебекской полиции.

Да, он узнал его. По телевизионным новостям.

Глядя на человека, приближающегося уверенной, решительной походкой, Розенблатт подумал, что Гамаш не более в отставке, чем он сам.

Они прошли по лесу, ориентируясь по ярко-желтым полицейским лентам, привязанным к деревьям. Словно по хлебным крошкам, ведущим к большой пушке бабушки.

Профессор Розенблатт редко бывал в лесу. Или в полях. Или на озерах. Или вообще на природе. Они прошли всего ничего, а он уже чувствовал усталость. Поскользнулся на поросшем мхом камне и ухватился за ствол дерева, чтобы не упасть.

– Все в порядке? – спросил Гамаш, протягивая профессору руку и в очередной раз поднимая его портфель.

Он уже предлагал Розенблатту понести портфель, но профессор вежливо, хотя и твердо отказался и снова взял портфель у Гамаша.

Их продвижение по лесу превратилось в своеобразный танец, в котором профессор обнимал одно дерево за другим, словно пьяный на танцевальной площадке.

Лакост и Бовуар ушли вперед, почти скрылись за деревьями.

– Лес – не моя естественная среда обитания, – сказал профессор, хотя это и без того было ясно. – Я предпочитаю четыре стены, компьютер и

тарелочку с печеньем «мадлен».

Гамаш улыбнулся:

– А для меня это шоколадные булочки.

– Oui. Они тоже годятся, в крайнем случае. У вас, случайно, не…

– К сожалению, нет, – с улыбкой сказал Гамаш.

За звуками своего хриплого дыхания Розенблатт различал обрывки разговора двух полицейских, шедших впереди. До него доносились знакомые по телевизионным фильмам слова.

ДНК. Экспертиза. Анализ крови.

Ему хотелось знать, как погиб мальчик, хотя в данный момент все свои силы он сосредоточил на том, чтобы не умереть самому, пока он пробирается по лесу, пыхтя, отдуваясь и спотыкаясь.

А затем Розенблатт увидел в полутьме нечто такое, от чего его сердце екнуло. Одно из деревьев шевельнулось. Профессор остановился, снял очки и отер пот с глаз тыльной стороной ладони.

Будучи ученым, профессор Розенблатт понимал, что дерево никак не может ходить. Но он подозревал, что в этом лесу возможно все.

Наконец туман перед его глазами рассеялся, и он увидел, что никакое это не дерево, а просто полицейский, одетый в зеленую форму. В стороне стоял еще один.

А из-за холма появился третий.

Потом его глаза привыкли к полумраку, и профессор разглядел тот «холм», из-за которого они появились. И который охраняли.

Он думал, что готов к предстоящему зрелищу, но, глядя на уходящие в высоту переплетающиеся стебли, почувствовал, как все рациональные мысли покинули его, а голова закружилась.

– Готовы? – спросила Изабель Лакост.

Они по одному стали заходить внутрь. Первым – инспектор Бовуар, за ним – старший инспектор Лакост. Потом настала очередь профессора Розенблатта.

Он помедлил, не без удивления осознав, что боится. Боится того, что увидит. Боится, что оно окажется не тем, о чем он думает. И боится, что тем самым и окажется.

Полицейские включили фонарики, но те давали мало света. Затем раздался щелчок, и загорелись мощные прожектора.

Майкл Розенблатт поднес руку ко лбу, защищая глаза от яркого света. Его взгляд стал подниматься вверх – выше, выше, еще выше.

У него отвисла челюсть. Он задержал дыхание, а потом сделал долгий-долгий выдох, в конце которого еле слышно прозвучали слова:

– Он не мог.
И профессор Розенблатт снова уронил свой портфель.

Глава двенадцатая

– О боже, – прошептал Розенблатт.

Но Гамашу, который стоял рядом с пожилым профессором, вовсе не показалось, что тот увидел перед собой бога. Напротив.

– Могу я подойти ближе? Можно ее потрогать?

– Да. Только будьте осторожны, – предупредила Лакост.

Профессор протянул Гамашу свой портфель, утративший важность, и подошел к пушке. Медленно, осторожно. Выставив вперед руки, словно боясь спугнуть.

– Главное, что мы хотим узнать от вас, профессор, – сказала Лакост, идя за ним, – может ли она стрелять. В таком случае нам необходимо вывести ее из строя.

– Да, – произнес Розенблатт, словно во сне.

Он подошел к гравировке и остановился. Стал разглядывать монстра. Потом положил на него ладони. Ощутил холод металла, почти ожидая, что почувствует пульсацию.

Он приник к металлу, и Гамашу показалось, что он слышит шепот, однако слов было не разобрать.

Наконец профессор Розенблатт сделал шаг назад. И еще один. И еще. Запрокинул голову, насколько это возможно. Раскрыв рот и расширив глаза, он пытался оценить масштабы того, что видит. Не столько размеры, сколько сам факт наличия.

Он повернул голову и посмотрел на длинный ствол, исчезающий в темноте. Туда не доходил даже свет прожекторов.

Профессор закрыл глаза, несколько раз глубоко вздохнул и на последнем выдохе повернулся к своим спутникам:

– Мне нужно проверить зарядную камору, нет ли там снаряда.

Теперь он обрел вполне деловой вид.

– Она находится здесь, – сказал он, подходя к орудию сзади. – Вы ее открывали?

Он показал на круглую металлическую заслонку, размер которой позволял войти внутрь.

– Мы пытались, но не смогли ее открыть, – ответила Лакост. – И поэтому оставили попытки – боялись, что выстрелит.

Профессор Розенблатт кивнул:

– Могли не бояться. Спусковой механизм находится в другом месте. А

это затворная часть. Если внутри есть снаряд, то мы увидим его здесь.

Они наблюдали за профессором, который перетрогал все рукоятки, ручки и набалдашники.

– Осторожнее, – предупредил его Бовуар.

Розенблатт не ответил. Он слишком сосредоточился на исследуемом механизме.

– Мы можем быть уверены? – спросила Лакост у Бовуара. – Он знает, что делает?

Прежде чем Бовуар успел ответить, профессор ухватился обеими руками за один из рычагов, подналег и потащил на себя, но ничего не произошло.

– Мне нужна помощь, – сказал он. – Его заело.

Бовуар присоединился к нему, и они принялись тащить вдвоем. Наконец затворное устройство подалось – так неожиданно, что они оба отпрыгнули назад.

Раздалось жужжание, скрежет и громкое шипение.

Гамаш напрягся, опасаясь, что Розенблатт привел в действие спусковой механизм. Впрочем, он все равно не знал, что делать в этом случае.

Наконец массивная заслонка распахнулась, как рот. Как пасть. Приглашая их внутрь.

Четыре человека уставились в пространство за заслонкой. Гамаш услышал тяжелое дыхание. Он знал, что это дышит Бовуар. Не потому, что запыхался, потратив силы на открывание заслонки, а потому, что видел перед собой свой ночной кошмар.

Если Гамаш боялся высоты, то Бовуара ужасали норы. Арман встал между Жаном Ги и отверстием.

– Оставайся здесь, – сказал он. – Если заслонка закроется, пожалуйста, открой ее снова.

Бовуар безмолвно продолжал смотреть перед собой.

– Тебе нужно записать то, что я сказал? – спросил Гамаш.

– А? Pardon? – сказал Жан Ги, выходя из своего полуобморочного состояния. – Хорошо. Постойте, вы хотите залезть туда?

Он махнул в сторону отверстия, у которого уже стоял профессор Розенблатт.

– Да. А если нам потребуется забраться на эту штуку?

– То полезу я, – с улыбкой сказал Бовуар.

– Уж будь любезен.

Гамаш последовал в камору за Розенблаттом и Лакост.

В свете фонариков он увидел лицо профессора. Его глаза. Они горели ярко, но без чрезмерного возбуждения. Профессор казался почти спокойным, контролировал ситуацию.

Здесь он находился в своей естественной среде обитания. В чреве зверя. Вот где маленький профессор чувствовал себя в своей тарелке.

– Невероятно, – пробормотал Розенблатт, покачивая головой. – Никакой электроники. – Он посмотрел на своих спутников. – Похоже на набор «Меккано»[27].

– Но она заряжена? – спросила Лакост, которую начало одолевать беспокойство.

Клаустрофобией она не страдала, но никогда прежде не втискивалась в камору гигантского орудия, да еще с двумя людьми.

– Нет, – ответил Розенблатт, показывая на громадную длинную трубу, уходящую вдаль. Он пригляделся к стенкам трубы. – Пусто. Здесь никогда не было ни одного снаряда. Иначе остались бы следы.

Гамаш потрогал стенку. На ней был тонкий слой масла.

– Но в боевой готовности, – сказал он.

Розенблатт посмотрел на него и кивнул:

– Вы разбираетесь в оружии.

– Как это ни прискорбно, – ответил Гамаш. – Мы все разбираемся. Но никогда не сталкивались с чем-то подобным.

– Никто и не знал ничего подобного, – сказал Розенблатт.

Даже в тусклом свете фонарика Гамаш заметил удивленное выражение в глазах профессора.

– Значит, она способна произвести выстрел? – спросила Лакост.

– Прежде чем ответить, я должен обследовать спусковой механизм. Давайте выйдем отсюда.

Упрашивать никого не пришлось. Лакост мигом оказалась снаружи, а потом направилась за профессором к боковине орудия.

– Интересно. Спусковое устройство должно быть здесь. – Розенблатт засунул кулак в большое отверстие. – Но оно отсутствует.

– Может, оно где-то в другом месте? – предположил Бовуар.

– Нет, оно должно быть здесь, судя по той конфигурации, что мы видели внутри.

Он оглянулся, посмотрел на заднюю стену камуфляжной сетки и отрицательно покачал головой.

– Но главное, что она не заряжена, – сказала Лакост. – А если бы и была заряжена, то не смогла бы произвести выстрел.

– Да, без спускового механизма выстрел невозможен.

– Как он выглядит? – спросил Гамаш.

– Он должен иметь зубчики, соответствующие этому колесу. – Профессор показал на шестерню шириной около фута. – На орудии нет никакой электроники. Даже системы наведения нет. Все делается вручную.

– А может, эта штука выпала? – спросил Бовуар, обшаривая взглядом землю вокруг.

– Ну, это же не набор лего. Ничего отсюда не выпадает. Сложный механизм с идеальной подгонкой деталей. Каждая четко стоит на своем месте.

– Значит, выпасть он не мог? – уточнил Бовуар.

– Не мог, – подтвердил Розенблатт. – Если его нет, значит его кто-то взял. И судя по всему, недавно. Мне нужно еще раз посмотреть на гравировку.

Пожилой профессор говорил с такой решимостью, что Гамаш понял: если сам он боится высоты, а Бовуар – замкнутых пространств, то профессор Майкл Розенблатт боится гравировки.

Они снова подошли к гравировке, и Розенблатт отступил, разглядывая крылатого монстра, который извивался и корчился перед ним. Его семь голов были напряжены, длинные шеи переплетались, как змеи. На спине монстра сидела женщина с вожжами в руках. Зверь был послушен ей. Она смотрела на людей со странным выражением лица. Гамаш подумал, что это не гнев. И не жажда мести или крови. Нет, это было что-то более зловещее. Что-то, чего Гамаш не мог определить.

Профессор Розенблатт прошептал что-то себе под нос.

– Что вы говорите? – спросил Гамаш, ближе всех стоявший к ученому.

Розенблатт показал на то, что выглядело как чешуя на теле монстра.

Гамаш подошел ближе, надел очки и наклонился. Потом выпрямился и посмотрел на профессора:

– Иврит?

– Да. Вы можете прочесть? – спросил Розенблатт.

– Боюсь, что нет.

Розенблатт снова взглянул на монстра. На линии, которые оказались не чешуей, а словами. И прочел вслух:

“עַל נַהֲרוֹת בָּבֶל—שָׁם יָשַׁבְנוּ, גַּם בָּכִינוּ.”

Потом он повернулся к своим спутникам в этом мрачном месте. На лице его появилось торжествующее и одновременно испуганное

выражение. Словно его худшие страхи и самые вожделенные мечты являли собой одно и то же. И сбылись.

– «На реках Вавилонских мы сидели и плакали», – сказал он.

Кровь отхлынула от лица Гамаша. Перед ним в свете прожекторов сверкало орудие, неестественное, сверхъестественное. Оно отбрасывало тени на полог наверху, на это фальшивое небо с гротескными звездами.

– А теперь, – произнес профессор Розенблатт, – я могу рассказать вам, с чем мы имеем дело.

Они сидели в гостиной дома Гамашей, у камина, в котором прыгали и плясали язычки пламени, отбрасывая веселый свет на мрачные лица.

В лесу они промерзли до костей и решили вернуться в какое-нибудь теплое место. Туда, где им никто не помешает.

Они сидели, грея руки о кружки горячего, бодрящего чая, а на столике стояли тарелки с печеньем «мадлен», купленным Арманом в пекарне Сары, мимо которой они проходили.

– То, что вы нашли, – начал профессор Розенблатт, – называется «Проект „Вавилон“». Когда мы утром говорили с вами по телефону и вы описали найденное орудие, я вам даже не поверил. «Проект „Вавилон“» – это такая байка, которой физики пугали друг друга. Это сказка братьев Гримм для ученых.

Он глубоко вздохнул и попытался скрыть беспокойство, съев еще одно печенье. Но дрожащая рука выдала его.

Гамаш не мог определить, чем вызвана эта дрожь – страхом или возбуждением.

– Вы нашли то, что называется суперорудием. Причем единственным в своем роде. В сообществе оружейников «Проект „Вавилон“» – нечто вроде легенды. Долгие годы ходили слухи, что такое орудие создано. Некоторые люди пытались его найти, но сдались. Со временем разговоры о суперорудии стихли.

– Когда вы увидели его, то прошептали: «Он не мог». Кого вы имели в виду? – спросил Гамаш.

Он наклонился вперед, уперев локти в колени и сложив свои большие руки так, что они образовали перед ним некое подобие корабельного носа, рассекающего морские волны.

– Я имел в виду Джеральда Булла, – ответил Розенблатт, явно ожидая какой-то реакции, может быть вздоха.

Но не увидел ничего, кроме напряженного внимания.

– Вы не слышали про Джеральда Булла? – спросил Розенблатт,

переводя взгляд с одного лица на другое.

Все отрицательно покачали головой.

– «Взгляните на мои деянья и дрожите!»[28] – продекламировал Розенблатт, кладя на стол свой потертый кожаный портфель.

– Только не это, – простонал Бовуар. – Теперь у нас двое таких.

– Это «Озимандия», – сказал Гамаш, глядя на Бовуара с отчаянием. – Профессор цитирует один из сонетов Шелли…

– Конечно, он цитирует.

– …в котором говорится о высокомерии, о гордыне. О царе, который думал, что созданное им простоит тысячелетия, но от него осталась лишь разбитая статуя в пустыне.

– И все-таки он стал бессмертным, – заметил Розенблатт. – Но не из-за его деяний, а благодаря стихотворению.

Бовуар хотел было ввернуть что-то хитроумное, но решил промолчать. И задумался.

– Кто такой Джеральд Булл? – спросил он после паузы.

Профессор Розенблатт расстегнул портфель, перебрал его содержимое и вытащил какие-то бумаги.

– Я нашел это в своем архиве после нашего разговора. Подумал, что может пригодиться.

Он положил на кофейный столик бумаги, скрепленные степлером.

– Вот он, доктор Булл.

Изабель Лакост взяла пожелтелые от времени машинописные листы. В пачке лежала и зернистая черно-белая фотография человека в костюме, с узким галстуком. У него был обиженный вид.

– Он был специалистом по вооружениям, – сказал Розенблатт. – В зависимости от того, с кем вы говорили, доктор Булл мог казаться либо пророком, либо безнравственным торговцем оружием. Но на самом деле он был блестящим конструктором.

– И он сконструировал ту штуку в лесу? – спросила Лакост.

– Я думаю, да. Я думаю, то орудие являлось составной частью «Проекта „Вавилон“». Он поставил перед собой цель – создать мощное орудие, способное выводить снаряды на низкую околоземную орбиту, как спутник. И по орбите снаряд должен был преодолеть тысячи миль до цели.

– Но такие устройства существуют, – возразил Бовуар. – Межконтинентальные баллистические ракеты.

– Верно. Однако суперорудие отличалось от них, – сказал Розенблатт.

– Набор «Меккано», – догадалась Лакост. – Без электроники.

– Именно. – Профессор улыбнулся ей. – Никаких компьютерных

систем наведения. Никакой зависимости от программного обеспечения или даже электричества. Старое, надежное орудие, очень похожее на те, которыми воевали в Первую мировую.

– Но с чего вдруг оно стало таким уж достижением? – спросил Гамаш. – Похоже, был сделан шаг назад, а не вперед. Как говорит инспектор Бовуар, если существуют МБР, способные нести ядерные боеголовки за тысячи километров и точно поражать цель, кому может понадобиться суперорудие Джеральда Булла?

– А вы подумайте, – предложил Розенблатт.

Они подумали, но ни до чего не додумались.

– Вы слишком погрязли в настоящем, вы считаете, что современное есть лучшее, – сказал профессор. – Часть гениальности Булла состояла в понимании того, что старинные конструкции не только могут работать, но в некоторых ситуациях могут работать даже лучше, чем современные.

– А гигантскую пращу он не спроектировал? – спросил Бовуар. – Не стоит ли нам заняться поисками одной из них?

– Думайте, – велел Розенблатт.

Гамаш задумался и медленно оглядел свой дом. Посмотрел на бесполезный смартфон на рабочем столе. И модем для дьявольски медленного подключения к Интернету.

Он посмотрел на потрескивающий камин, ощутил его тепло, подумал о печке в кухне. В кухне Клары. В книжном магазине Мирны.

Если электричество отключалось, у них в домах было тепло и светло. Вовсе не благодаря современным технологиям, которые становились бесполезными. Пригодные для жизни условия поддерживались благодаря старым, даже древним инструментам. Печкам. Колодцам.

Возможно, во многих отношениях Три Сосны оставались примитивными, но деревня долгое время могла существовать без электричества. И уже одно это давало жителям преимущество.

– Такое орудие не нуждается во внешнем источнике энергии, – неторопливо заговорил Гамаш. Понимание пришло к нему вместе с вытекающими из него последствиями. – Оно может послать снаряд на орбиту без всякого аккумулятора.

Профессор Розенблатт кивнул:

– Именно. Блеск и кошмар.

– Почему кошмар? – спросил Бовуар.

– Потому что суперорудие доктора Булла позволяло любой террористической ячейке, любому экстремисту, сумасшедшему диктатору стать международной угрозой, – ответил ученый. – Им не требовались ни

технология, ни ученые, ни даже электричество. Им требовалось только одно – суперорудие.

Он дал им время осознать услышанное, и, пока это происходило, даже веселый камин не мог прогнать холодок из комнаты или стереть тревогу с их лиц.

– Но возможно, он не сумел сделать это, – сказала Лакост. – Возможно, его предприятие не увенчалось успехом. Может быть, Булл забросил свое орудие, потому что оно не действовало.

– Нет, – возразил профессор Розенблатт. – Он прекратил работу, потому что его убили.

Все уставились на него.

– Как? – спросил Гамаш.

– Его убили в тысяча девятьсот девяностом году. Некоторые говорят, что убийство было заказное. В то время он жил в Брюсселе. Пять пуль в голову.

– Профессиональное убийство, – сказала Лакост.

Розенблатт кивнул:

– Убийцы так и не были пойманы.

Гамаш задумался, прищурившись.

– Кажется, я припоминаю, – сказал он. – Джеральд Булл был квебекцем…

– Вообще-то, он родился в Онтарио и учился в Университете Куинс. Тут обо всем этом написано. – Розенблатт помахал привезенными бумагами. – Но бóльшую часть работы он проделал здесь, в Квебеке. По крайней мере, в начальной стадии.

– Вы его знали? – спросил Гамаш.

– Практически нет. Он очень недолго работал в Университете Макгилла. Считался сумасбродом. Трудный человек.

– В отличие от физиков? – спросил Гамаш и увидел улыбку на лице Розенблатта.

– К сожалению, я недостаточно гениален, чтобы позволить себе быть трудным человеком, – сказал он. – Я был просто преподавателем, обучал студентов рассчитывать траектории. Вернее, пытался обучать. Когда появились сложные системы, студенты поняли, что могут обойтись без этих знаний. За них все сделают компьютерные программы. С таким же успехом я мог бы обучать их пользоваться логарифмической линейкой и счетами.

– Доктор Булл никогда не обращался к вам за советом? – подначил его Гамаш.

Розенблатт откровенно рассмеялся:

– За советом? Джеральд Булл? Нет. Да он вообще никогда не обратился бы ко мне! Я был гораздо ниже его по положению.

Некоторое время они смотрели друг на друга, наконец Гамаш улыбнулся и опустил глаза. Но Майкл Розенблатт внял предостережению и спросил себя, не слишком ли он разоткровенничался.

– После его смерти начались разговоры, что он действительно сконструировал свою суперпушку, – сказал Розенблатт. – И что она была готова к испытаниям. Но никто не знал, где она находится. К тому же это были всего лишь слухи. Люди любят драматические сюжеты, но на самом деле в них не верят.

– Почему его убили? – спросил Бовуар.

– Никто, конечно, толком не знает, – ответил Розенблатт. – Высказывалось предположение, что таким образом хотели предотвратить создание пушки.

– «На реках Вавилонских мы сидели и плакали», – процитировал Гамаш, глядя на пожилого ученого. – Вы не все рассказали, профессор. Рано или поздно мы все выясним, вы ведь знаете. Откуда на орудии взялась такая гравировка – семиглавый зверь? Зачем она понадобилась Джеральду Буллу? И к чему эта цитата?

Профессор Розенблатт скользнул по комнате взглядом, который мог бы показаться до смешного вороватым, если бы разговор шел не об орудии, само существование которого стоило жизни как минимум двум людям: его создателю и Лорану. И назначение которого состояло в том, чтобы убить гораздо большее число людей.

Майкл Розенблатт слишком поздно понял, что он недооценил своих собеседников, и в первую очередь Гамаша. Все верно, в конечном счете они докопаются до истины.

Но возможно, лихорадочно подумал он, не до всего.

Он вполне может и сам рассказать им кое-что. Но разумеется, не все.

– Джеральд Булл был настоящим человеком Возрождения, – сказал он и, услышав смешок Бовуара, добавил: – В эпоху Возрождения создавались удивительные произведения искусства и техники. Однако это были жестокие времена. Я не закрываю глаза на то, что перед нами оружие, назначение которого – убивать.

– Оружие массового поражения, – вставил Гамаш, которому тоже претили восхваления в адрес конструктора-оружейника, торговца оружием.

Профессор Розенблатт внимательно взглянул на него, проверяя, нет ли скрытого смысла за точными словами, выбранными Гамашем. Вроде бы

нет.

– Верно. Но, кроме того, Джеральд Булл был почитателем классики. Он любил музыку, живопись, историю. Доктор Булл прекрасно осознавал, *что* он проектирует. В среде конструкторов-оружейников ходили слухи, что он не только создал суперорудие, но и выгравировал на нем семиглавого зверя, упомянутого в Апокалипсисе.

Он обвел взглядом собравшихся. Изабель Лакост честно пыталась вспомнить, что ей рассказывали о Библии в школе. Бовуар нетерпеливо качал головой. А Гамаш просто смотрел, но так, что профессору становилось неуютно.

– Вавилонская блудница, – подсказал Розенблатт.

– Да расскажите уже! – выпалил Бовуар, у которого лопнуло терпение.

Профессор извлек из кармана свой айфон, потыкал пальцем в экран и положил аппарат на стол. Возле тарелки с печеньем появилось изображение вставшего на дыбы семиглавого чудовища с длинными змеиными шеями, торчащими из тела.

Верхом на звере сидела женщина, и смотрела она не вперед, куда несло ее чудовище, а назад – на кого-то, кто смотрел на нее.

– И кто она такая, эта Вавилонская блудница? – спросил Бовуар.

Профессор Розенблатт хотел было ответить, но передумал и обратился к Гамашу:

– Полагаю, вы знаете?

– Антихрист, – произнес Гамаш, не отрывая глаз от экрана.

Бовуар поперхнулся от изумления.

– Да бросьте вы! – Его красивое худое лицо избороздили смешливые морщинки. – В самом деле?

Он обвел всех взглядом и наконец обратился к пожилому ученому:

– Вы серьезно говорите, что эта штуковина в лесу – дьявол?

– Я так не сказал. Но вы спросили про Вавилонскую блудницу, и вот вам ответ. Можете найти сами или спросить у какого-нибудь знатока Библии. Существует множество толкований относительно зверя и его семи голов, но большинство приходит к одному и тому же выводу: Вавилонская блудница направляется в Армагеддон.

– Как и Джеральд Булл, – подхватила Лакост. – Создавая свою суперпушку, он приближал конец света.

– Не совсем так, – возразил Розенблатт и зачем-то посмотрел на свои ботинки. – Тут сообщество расходится во мнениях. Многие – и, вероятно, их большинство – считают доктора Булла наемником. Торговцем оружием. Мастером на все руки. Он конструировал, создавал и продавал любое

оружие, отвечающее самым высоким требованиям.

– А остальные? – спросил Гамаш. – Меньшинство?

– Для них доктор Булл – герой, ведь он вовсе не скрывал, зачем создает свое суперорудие и для кого. Они считают, что выгравированный на лафете зверь – это своего рода знак. Наподобие того, как летчики Второй мировой нередко рисовали на своих самолетах пугающие изображения.

– Он назвал свою работу «Проект „Вавилон“», – сказал Гамаш. – Почему?

– Кто был дьяволом в конце восьмидесятых? – спросил Розенблатт.

– Советский Союз, – ответила Лакост, вспоминая историю.

– Холодная война шла на спад, – возразил Гамаш. – Ельцин и президент Горбачев проводили политику гласности.

– Вот именно, – сказал Розенблатт. – Но был кое-кто еще. Союзник, быстро превращающийся во врага. Волк в овечьей шкуре, если использовать еще один библейский образ.

– Вавилон? – повторил Гамаш. – Вы хотите сказать, что Джеральд Булл создал свое орудие для Саддама Хусейна?

Он даже не пытался скрыть свой скептицизм и мог только представить, какое лицо сейчас у Жана Ги.

– Вы в это не верите? – спросил профессор Розенблатт.

Его слова упали в тишину, проплыли по комнате и сгорели в камине.

– А вы бы поверили? – спросила Изабель Лакост, глядя на старика и пытаясь понять, не помешался ли он.

Существование пушки было довольно трудно признать, но ее она по крайней мере видела, прикасалась к ней. И знала: пушка настоящая. А вот предположение Розенблатта было уже за гранью.

– На самом деле не имеет значения, верите вы мне или нет, – сказал Розенблатт, собирая бумаги. – Вы просили рассказать, что мне известно. И я рассказал.

Он поднялся, и Гамаш встал вместе с ним.

– Вы и мальчику не поверили, – тихо произнес Розенблатт. – И посмотрите, что случилось.

Гамаш на миг оцепенел, словно жизнь покинула его. Потом он вздохнул и снова сел.

– Пожалуйста, присядьте, – сказал он, показывая на место рядом с собой.

Профессор Розенблатт поколебался несколько мгновений, но тоже сел.

– Расскажите, что вам известно о «Проекте „Вавилон“» и Джеральде Булле.

Профессор Розенблатт обвел их взглядом и увидел если не доверие, то по крайней мере желание попытаться понять.

– Не секрет, что Саддам хотел уничтожить Израиль, – начал Розенблатт. – И начать полномасштабную войну. Он хотел контролировать весь регион.

Гамаш кивнул, вспоминая конец восьмидесятых – начало девяностых годов ушедшего века. Для Бовуара и Лакост то время принадлежало истории. Для него и Розенблатта – собственным воспоминаниям.

– Вообще-то, существует множество гипотез касательно «Проекта „Вавилон“», – продолжил Розенблатт. – Одни нелепее других.

Никто не смотрел на Бовуара, который изо всех сил пытался скрыть зевоту.

– Некоторые даже считали, что доктор Булл строит свою пушку для израильтян. Для упреждающего удара по Ираку. Они прагматики. Они верят в Бога. Но как сражаться с дьяволом? Молитвами? Так вот, Джеральд Булл стал ответом на такую молитву.

– Но у израильтян есть самое современное оружие, – сказала Лакост. – Зачем им такая суперпушка?

– Им она ни к чему, – ответил Гамаш. – А вот Саддаму Хусейну была бы кстати.

Бовуар нахмурил брови. Наконец-то логика пробила брешь в его скептицизме.

– Да, – сказал ученый. – Оружие массового поражения, которое может быть собрано где угодно. Например, в сердце пустыни. Для него не требуется никакой электроники, никаких особых навыков.

– А как предполагалось производить нацеливание? – спросил Гамаш, вспоминая фотографии израильтян в противогазах, прячущихся в своих домах под вой сирен во время Войны в заливе.

– Там есть система наведения, но без электроники добиться точности невозможно. В особенности при больших расстояниях. Единственный изъян в творении Булла.

– Изъян? – переспросил Гамаш. – Вам не кажется, что это слишком мягкое слово?

Профессор покраснел, чувствуя на себе проницательный взгляд Гамаша.

– И это значит… – напирал Гамаш.

– Это значит, что при больших расстояниях суперпушка не гарантировала поражения только военных целей.

– Это значит нечто большее, – сказал Гамаш. – Она и не строилась для

поражения военных целей, верно?

– Тогда для чего она строилась? – спросила Лакост.

– Для городов, – сказал Гамаш. – Город – самая крупная и доступная мишень. Пушка предназначалась для разрушения Тель-Авива и Иерусалима. Для убийства мужчин, женщин, детей. Учителей, барменов, водителей автобусов. Ее назначение состояло в том, чтобы стереть их с лица земли. Привести Израиль к состоянию каменного века.

– Или Багдад, – заметила Лакост. – Если покупателем был Израиль. Не забывайте, что надпись рядом с гравировкой сделана на иврите.

Бовуар все это время молчал, только негромко хмыкал, пресекая собственные поползновения вставить язвительный комментарий.

– А ты что думаешь? – спросил его Арман.

– Я думаю об Армагеддоне, – ответил он.

– О кинофильме? – осведомилась Лакост и получила от него улыбку.

– Non. Если та штуковина в лесу действует, то Булл создал пушку, которая может выводить снаряд на орбиту с намерением и надеждой стирать с лица земли целые города. В любой точке земли.

Профессор Розенблатт кивнул:

– В любой.

Теперь стало ясно, кто был настоящим монстром. Не Вавилонская блудница. И даже не суперпушка. А человек, который их создал.

Гамаш и Бовуар вышли из дома, следуя в нескольких шагах за Лакост и профессором.

Розенблатт собирался домой – взять кое-какие вещи и вернуться в гостиницу на тот случай, если понадобится его помощь. Лакост и Бовуар должны были заглянуть в оперативный штаб и узнать, не пришли ли отчеты криминалистов. А Гамаш шел к Рейн-Мари в бистро.

Бовуар шагал рядом с Гамашем.

– Вы ему верите? – спросил Бовуар. – Насчет Ирака?

Он шел в ногу с Гамашем и подсознательно подражал ему, сцепив пальцы за спиной.

– Не уверен, – ответил Гамаш.

– Даже если и так, теперь это не имеет значения. Предполагаемая цель – или покупатель – давно исчезла с лица земли. Саддама Хусейна казнили много лет назад. Опасность миновала.

– Гм, – промычал Гамаш.

– Что?

– Кто-то убил Лорана, чтобы сохранить тайну суперпушки, – напомнил

ему Гамаш. – Я думаю, опасность не миновала, а пребывает в спящем состоянии.

Они сделали несколько шагов молча.

– Но теперь она проснулась, – сказал Жан Ги.

– Гм, – опять промычал Гамаш. И еще через несколько шагов: – Ты обратил внимание, куда направлен ствол?

Бовуар остановился и посмотрел в сторону каменного моста и леса:

– Уж точно не на Багдад.

– Верно. Он направлен на юг. В сторону Штатов.

Бовуар уставился на Гамаша, который проводил взглядом пожилого ученого, садившегося в свою машину.

– Не могу понять, какова истинная цель «Проекта „Вавилон“», – сказал Гамаш. – И действительно ли его реализация стала невозможна со смертью Джеральда Булла.

Глава тринадцатая

Подойдя к старому вокзалу, старший инспектор Лакост увидела неприметную машину, припаркованную рядом со зданием.

На переднем сиденье сидели мужчина и женщина, и, когда двери машины открылись, у Лакост упало сердце.

«Журналисты», – подумала она. Так, наверно, врач может подумать: «Чума». Но мысль о журналистах улетучилась, развеялась, как только она пригляделась к этим людям.

– Старший инспектор Лакост? – спросила женщина, резким движением забросив матерчатую сумку себе на плечо.

– Oui.

– Замечательно. А то мы уже думали, что не туда заехали.

Она смотрела с таким облегчением, что его почувствовала и Лакост.

– Я же тебе говорил, что знаю дорогу, – проворчал мужчина. – За весь путь ни разу не сбились.

– Ну так ты же штурман, – сказала женщина.

– Нет. Я штурман, потому что ты не хотела пускать меня за руль.

– Только после… – Женщина подняла руки и прошептала, впрочем достаточно громко, чтобы слышала Лакост: – Поговорим об этом позже.

Изабель Лакост спрятала улыбку, не собираясь вмешиваться в их разборки. Мужчина и женщина напомнили ей о родителях, да и по возрасту они подходили. Лет пятидесяти пяти. Одеты строго, если не сказать без всякого воображения. Женщина в матерчатой куртке хорошего покроя, хотя и чуть мешковатой, мужчина – в плаще, на лацканах которого едва заметный след сахарной пудры от пышки.

Волосы женщина явно красила в домашних условиях и в последний раз делала это довольно давно. Волосы мужчины были зачесаны с одной стороны на другую в тщетной попытке скрыть то, что скрыть было невозможно.

– Меня зовут Мэри Фрейзер. – (Лак на ногтях ее протянутой для пожатия руки частично отшелушился.) – А это мой коллега Шон Делорм.

Он улыбнулся и тоже протянул руку. Кутикула на его пальцах была надорвана, будто обгрызена.

– Мы из КСРБ, – весело сообщила Мэри Фрейзер.

Скажи она, что прилетела с Луны, это вызвало бы больше доверия. Изабель Лакост с трудом скрыла удивление.

– Разве мы должны были говорить ей это? – спросил Шон Делорм, отворачивая лицо от Лакост и закрывая рот рукой.

Он опять пытался скрыть очевидное.

– А что еще мы должны сказать? – прошептала мадам Фрейзер. – Что мы туристы?

– Нет, но надо бы сначала проконсультироваться.

– Мы всю дорогу…

Теперь настала очередь мужчины поднять руку, чтобы остановить спор.

– Поговорим об этом позднее, – сказал он. – Но если нарвемся на неприятности, виновата будешь ты.

Друг с другом они говорили по-английски, а к Лакост обращались на французском с сильным акцентом, но грамматически правильном.

По-видимому, они посчитали, что Лакост не понимает английского. Она решила не разочаровывать их в этом.

– Un plaisir[29], – сказала она, пожав им руки. – Так вы говорите – КСРБ? Канадская служба разведки и безопасности?

Она должна была убедиться. Если кто и не был похож на шпиона или агента службы безопасности, так именно эта парочка.

Мужчина, Шон Делорм, огляделся, потом придвинулся к Лакост и спросил:

– Мы можем поговорить в приватной обстановке?

Он стрелял глазами вокруг себя, словно они находились в Берлине 1939 года и у него при себе были шифры.

– Конечно, – сказала Лакост.

Она отперла дверь оперативного штаба и впустила их внутрь в тот момент, когда появился Бовуар.

Лакост представила их.

Как и она, Бовуар оглядел их и переспросил, явно предполагая, что ослышался:

– КСРБ? Шпионское агентство?

– Мы предпочитаем говорить «разведывательное», – сказала Мэри Фрейзер, но именование шпионкой, казалось, не вызвало у нее особого неприятия.

– Что же привело вас сюда? – спросила Лакост, приглашая их за стол для совещаний.

– Понимаете, – ответил Делорм, понизив голос почти до шепота, – нам стало известно о пушке.

Лакост не удивилась бы, постучи он себя по носу[30].

– Вы уж извините месье Делорма, – сказала Мэри Фрейзер, смерив коллегу уничижительным взглядом. – Нам не очень часто позволяют работать за пределами офиса.

Он посмотрел на нее не менее уничижительным взглядом.

– А где ваш офис? – спросила Лакост.

– В Оттаве, – ответила Фрейзер. – В управлении.

– Позвольте взглянуть на ваши удостоверения? – подал голос Бовуар.

Его просьба доставила им удовольствие, и они не увидели в ней ничего оскорбительного.

Они достали бумажники, но свои ламинированные удостоверения вытащили не без труда. Мэри Фрейзер даже не сразу нашла свое.

Пока они переругивались, Жан Ги и Изабель обменялись гримасами. Вероятно, Оттава и КСРБ не придали особого значения находке в лесу, если прислали сюда таких агентов.

Наконец удостоверения оказались в руках Бовуара и Лакост, и они убедились, что два улыбающихся человека средних лет, сидящих за столом для совещаний, являются агентами Канадской разведывательной службы.

– Как вы узнали про пушку? – спросила Лакост, возвратив им удостоверения.

– Нам сказал наш босс, – ответил Делорм.

– А откуда узнал он? – сделала еще одну попытку Изабель.

– Я толком и не знаю. – Делорм посмотрел на Фрейзер, но та отрицательно покачала головой:

– Честно говоря, мы просто делаем то, что нам велят, а нам велели приехать сюда и взглянуть на пушку.

Лакост предположила, что их появление стало следствием обещания генерала Ланжелье «подумать об этом». Вероятно, он позвонил кому-то в Министерстве обороны, а те связались с КСРБ, которая спустила команду вниз, пока она не дошла до этих двух агентов.

– Но почему вы? – спросил Бовуар. – Поймите меня правильно: мы вам рады. И все же?

– Понимаете, – ответила Фрейзер, – мы и сами задаем тот же вопрос. Мы с Шоном работаем в одном отделе. Много лет работаем. В основном занимаемся архивом.

– Но иногда выходим и в поле, – вмешался Делорм.

– Вводим сведения в компьютер. Отыскиваем перекрестные ссылки, – продолжила она. – Проверяем, не упущено ли что. Мы мастера своего дела.

– Да, – подтвердил Делорм. – Мы видим то, чего не видят другие.

– Лучше не говорить им, что мы видим то, чего не видят другие, – сказала она, и Делорм рассмеялся.

– Ну что ж, – сказала Лакост, проникаясь к ним симпатией. – Думаю, пушка вам понравится.

Она поймала себя на том, что говорит, как домохозяйка пятидесятых годов прошлого века, показывая гостям, где расположены удобства в доме.

– Ты хочешь быть там, с ними? – спросила Рейн-Мари, когда ее муж попробовал сэндвич с копченой ветчиной, выдержанной в кленовом маринаде, яблоком и сыром бри на pain de campagne[31].

Он посмотрел через окно бистро в сторону каменного моста.

– То есть быть с ними в сыром, холодном лесу, на месте преступления?

– Да.

– Отчасти.

– Месье Гамаш, вы даже дурнее, чем думала моя матушка, – сказала Рейн-Мари.

– Твоя матушка меня любила.

– Только потому, что на твоем фоне ее собственные дети казались нормальными. Кроме Альфонса, конечно. Он и в самом деле чокнутый.

Анри лежал, свернувшись, под их столиком в бистро. Голова овчарки, покоившаяся на ботинке Армана, была усыпана крошками грубоватого хлеба.

– Изабель справляется? – спросила Рейн-Мари.

– Не просто справляется – прекрасно работает. Она полностью контролирует работу отдела. Теперь это ее отдел.

Рейн-Мари искала какие-то признаки сожаления, спрятанного за видимым облегчением. Но не увидела ничего, кроме восхищения молодым преемником.

– Жан Ги, кажется, принимает ее в качества начальника, – заметила она, намазывая маслом ломтик свежего багета, принесенного к супу из пастернака и яблок.

– Я думаю, ему все еще приходится преодолевать себя, – сказал Арман. – Но по крайней мере, он уважает Изабель и понимает, что не мог быть назначен старшим инспектором после того, что случилось.

– Ты имеешь в виду, после того как он стрелял в тебя? – спросила Рейн-Мари.

– Это тоже не пошло ему на пользу, – подтвердил Арман. Он снова взял сэндвич, потом положил его. – Вчера мне угрожал молодой агент полиции.

– Я видела, как он взялся за рукоять дубинки, – сказала Рейн-Мари, опустив ложку.

Арман кивнул:

– Только что выпустился из академии. Он знал, что я бывший коп, но ему было все равно. Если он так обращается с бывшим копом, то как же он ведет себя с обычными гражданами?

– Ты, кажется, потрясен.

– Да. Я надеялся, что, когда мы уберем коррумпированных людей из полиции, худшее останется позади, но теперь… – Он пожал плечами и улыбнулся краешком губ. – Он один такой? Или в полицию пришел целый выпуск головорезов? Вооруженных дубинками и пистолетами?

– Прискорбно, Арман. – Рейн-Мари коснулась пальцами тыльной стороны его ладони.

Он посмотрел на ее руку, взглянул ей в глаза и улыбнулся:

– Я больше не узнаю полицию. «Всему свое время». Я собираюсь поговорить с профессором Розенблаттом о его работе в Университете Макгилла.

– Думаешь, он не тот, за кого себя выдает?

– Нет-нет. Я не сомневаюсь, Изабель и Жан Ги его проверили. Нет, у меня личный интерес.

– Правда? Хочешь переквалифицироваться в физика? – спросила Рейн-Мари.

Он не ответил, и она настойчиво проговорила:

– Арман?

Она знала, он не собирался заниматься наукой, но сейчас поняла, что он обдумывает такую вероятность.

Если главный вопрос, стоящий перед ними двумя, был «Что дальше?», то, возможно, ответ на него звучал так: «Университет».

– Тебя бы это заинтересовало? – спросил Арман.

– Вернуться на школьную скамью?

Вообще-то, она об этом не думала, но теперь, когда задумалась, вдруг поняла, что существует огромный мир знаний, в который она не прочь окунуться. История, археология, языки, искусство.

И она видела Армана в этом мире. Да что говорить, для него это стало бы более естественной средой, чем полиция. Рейн-Мари могла себе представить, как он идет по коридору в качестве студента. Или преподавателя.

Но в любом случае он был бы на своем месте в коридорах учреждения, занимающегося наукой. Да и она тоже. Она спрашивала себя, уж не

положило ли убийство маленького Лорана конец тому интересу, который ее муж проявлял к расследованию столь мерзкого деяния, как убийство.

– Тебе понравился профессор? – спросила она, возвращаясь к своему супу.

– Да. Хотя я вижу какое-то странное расхождение между его личностью и тем, чем он зарабатывал себе на жизнь. Его область знаний – расчет траекторий и баллистика. Его исследования главным образом были выгодны конструкторам оружия. А он, как мне кажется, такой мягкий человек. Ученый. Не вяжется одно с другим.

– Правда? – спросила она, стараясь сдержать улыбку. Именно так она думала о своем муже. Человек, склонный к научной работе, но разыскивающий убийц. – Не все люди кажутся тем, что они есть на самом деле.

– Но он, похоже, знает свое дело. Он сразу же идентифицировал пушку. Сказал, что это суперорудие.

– Суперорудие?

Он думал, что она рассмеется. Когда сидишь в светлом бистро и ешь свежий теплый хлеб и суп из пастернака и яблок, само это слово кажется смешным. «Суперорудие». Словечко из комикса.

Но Рейн-Мари не рассмеялась. Нет, она вспомнила (как помнил он, не забывая ни на минуту) Лорана. Живого. И Лорана мертвого. Погибшего из-за той штуки в лесу. Как бы она ни называлась, в ней не было ничего хотя бы отдаленно смешного.

– Его создал человек по имени Джеральд Булл, – сказал Арман.

– Но зачем оно там? – спросила Рейн-Мари. – Профессор Розенблатт знает?

Арман отрицательно покачал головой и показал в окно:

– Может быть, они скажут.

Рейн-Мари посмотрела в окно и увидела Лакост и Бовуара, идущих по грунтовой дороге к тропинке в лесу. С ними шагали двое незнакомых людей. Мужчина и женщина.

– Кто они? – спросила Рейн-Мари.

– На первый взгляд я бы сказал, что они из Министерства обороны или из КСРБ.

– А может, они тоже ученые, – предположила Рейн-Мари.

И снова Жан Ги Бовуар вставил громадный предохранитель в громадный патрон и услышал щелчок, когда загорелись громадные прожектора.

Он не сводил взгляда с агентов КСРБ, и они его не разочаровали.

Только что они стояли плечо к плечу, держа свои портфели, как пассажиры на вокзале, а в следующий миг превратились в двух сумасшедших.

Их глаза широко раскрылись, челюсти отвисли, головы одновременно медленно запрокинулись назад. Они смотрели вверх. Вверх. Если бы шел дождь, они бы захлебнулись.

– Ни хрена себе, – только и смог выдавить из себя Шон Делорм. – Ни хрена.

– Она таки существует, – сказала Мэри Фрейзер. – Он ее создал. – Она посмотрела на Изабель Лакост, стоявшую рядом. – Вы знаете, что это такое?

– Суперорудие Джеральда Булла.

– Откуда вы узнали?

– Нам сказал Майкл Розенблатт.

– Профессор Розенблатт? – переспросил Шон Делорм, достаточно пришедший в себя, чтобы перестать говорить «ни хрена себе».

– Да.

– А он как понял? – спросил Делорм.

– Он его видел, – ответил Бовуар. – Он здесь.

– Ну конечно, он здесь, – сказала Мэри Фрейзер.

– Я его пригласил, – объяснил Бовуар.

– А-а, – сказала Мэри Фрейзер, отворачиваясь.

Ее глаза снова были прикованы к гигантской пушке. Но сейчас клерк из КСРБ смотрела на гравировку.

– Невероятно, – вполголоса произнесла она.

– Значит, легенды не лгали, – сказал Делорм, обращаясь к коллеге.

Мэри Фрейзер сделала несколько осторожных шагов вперед и стала разглядывать изображение.

– Тут надпись, – сказала она, показывая на вязь, но не прикасаясь. – Арабский язык.

– Иврит, – поправила ее Лакост.

– Вы знаете, что тут написано? – спросил Делорм.

– «На реках Вавилонских», – ответила Изабель.

– «Мы сидели и плакали», – закончила цитату Мэри Фрейзер. Она отступила от пушки. – Вавилонская блудница.

– Ни хрена себе, – сказал Шон Делорм.

Гамаш и Анри дошли до конца деревни. У Анри был его мячик, а у

Армана – пьеса.

Он посмотрел на название, запачканное грязью могилы, которую Рут выкопала для рукописи. Но пьеса не упокоилась в мире. Он ее достал, и наступило время ее прочитать.

«Она сидела и плакала».

Это могло быть совпадением. Почти наверняка это совпадение – то, что название пьесы, написанной серийным убийцей, похоже на фразу, выгравированную на лафете оружия массового уничтожения.

Арман знал, что совпадения случаются. И что не стоит придавать им слишком большое значение. Но еще он знал, что не нужно целиком отметать вероятность неслучайности.

Он собирался прочесть пьесу в комнате перед камином, но не хотел марать свой дом. Тогда он решил взять ее в бистро, но и эту идею отверг. По той же причине.

– А ты не вкладываешь в пьесу больше смысла, чем она заслуживает? – спросила у него Рейн-Мари.

– Может быть.

Но они оба знали, что слова – тоже оружие, а будучи вплетены в историю, они обретают силу почти безграничную. Арман остановился на крыльце с рукописью в руках.

Куда пойти?

Наверное, в такое место, которое не подлежит спасению. Гамаш знал одно такое место – лес, где убили мальчика, где несколько десятилетий стояла пушка, созданная для массового убийства. Но там находилось слишком много людей, а ему не хотелось объясняться.

А если не прóклятое место, то существовала единственная альтернатива. Божественное. Место, которому рукопись Джона Флеминга повредить не в состоянии.

Они с Анри дошли до края деревни. Поднялись по лестнице к никогда не закрывающимся дверям старой часовни и зашли внутрь.

В церкви Святого Томаса не было ни души, но она не казалась пустой. Может быть, из-за мальчиков, изображенных на витражном стекле и застывших там в вечности. Иногда Арман приходил сюда только для того, чтобы побыть с ними.

Он сел на удобную, обитую мягким скамью и положил пьесу на колени. Анри улегся у его ног, опустил голову на лапы.

Они посмотрели на витражное окно, созданное в конце Великой войны[32]. Изображенные на нем солдаты, невероятно молодые, шли вперед по пустынной земле, сжимая в руках винтовки.

Арман иногда приходил сюда посидеть в свете, льющемся через витражное стекло. Посидеть в их страхе и в их мужестве.

Он знал: это священное место. Не потому, что церковь, а из-за этих мальчиков.

Он чувствовал груз рукописи на своих коленях. Груз преступлений Флеминга. Груз рос, увеличивался, пока рукопись не превратилась в бетонную плиту, пригвоздившую Гамаша к тем воспоминаниям.

И он снова слышал показания потрясенных полицейских, которым наконец удалось поймать Флеминга. И увидеть, что тот совершил. Перед глазами Армана снова возникли фотографии с мест преступлений. Фотографии демона, созданного другим демоном.

Семиглавый монстр.

Арман опустил глаза на рукопись, купающуюся в золотом и красном свете от витража с мальчиками.

Он собрал все свое мужество, вздохнул и открыл первую страницу.

Глава четырнадцатая

– Я видел, что вы вернулись. Не возражаете, если я присоединюсь к вам?

Жан Ги Бовуар сел напротив профессора Розенблатта в бистро. Пожилой ученый улыбнулся – он явно был рад обществу.

– Я только что оставил вещи в гостинице и решил, что пора перекусить, – сказал профессор Розенблатт.

– Вы делаете записи, – заметил Жан Ги, глядя на открытый блокнот. – Не по поводу пушки?

– Да. Пытаюсь вспомнить все, что знаю о Джеральде Булле. Очаровательная личность.

– Я смотрю, вы заходили в книжный.

Между ними на столе лежала тоненькая книжица.

– Заходил. Замечательное место. Если вижу книжный магазин – обязательно захожу. Вот, нашел там.

Он показал на экземпляр «У меня все ОТЛИЧНО».

– Вообще-то, я собирался купить что-нибудь еще, но у кассы стояла какая-то старуха, которая сказала, что ей нужны все книги, которые я выберу. Это единственная, которую она мне позволила купить.

Бовуар ухмыльнулся:

– Вам нравится поэт, который написал «У меня все ОТЛИЧНО»?

– Очень. По-моему, она – гений.

– «Но кто тебя обидел так, / что ран не залечить, / что ты теперь любую / попытку дружбу завязать с тобой / встречаешь, губы сжав?» – Бовуар покачал головой и постучал пальцем по книге. – Блестяще. Рут Зардо, – сказал Бовуар.

– А, так вы тоже ее знаете.

– Вообще-то, хочу вам ее представить. Профессор Майкл Розенблатт, позвольте познакомить вас с Рут Зардо и ее уткой Розой.

Пожилой ученый поднял голову и испуганно уставился в худое лицо старухи, которая практически вынудила его купить ее книгу.

Он с трудом поднялся на ноги.

– Мадам Зардо, – сказал он и поклонился. – Для меня большая честь.

– Конечно честь, – ответила Рут. – Кто вы и что здесь делаете?

Роза, которую Рут прижимала к груди, уставилась бусинками глаз на профессора Розенблатта.

– Я… я просто…
– Мы попросили профессора помочь нам, – вмешался Бовуар.
– С чем?
– С тем, что мы нашли в лесу, конечно.
– А что вы там нашли? – спросила она.
– Это… – начал было Розенблатт, но Бовуар остановил его.
Рут уставилась на профессора:
– Мы знакомы?
– Не думаю. Я бы запомнил, – сказал он.
– Так-так, – сказал Жан Ги, посмотрев на пустой стул за их столиком, а потом на Рут. – До свидания.
Рут показала ему средний палец и похромала к Кларе, сидевшей за столиком у камина.
– Да, – сказал профессор, садясь на свое место. – Неожиданно. Это ее дочь?
– Утка?
– Нет, женщина, которая сидит с ней.
Сама мысль о том, что Рут могла кого-то родить, вызвала у Бовуара потрясение. Ему все еще трудно было представить себе, что Рут родилась, как все остальные люди. Он представлял ее как крохотного, высохшего седоволосого ребеночка. С утенком.
– Нет, это Клара Морроу.
– Художница?
– Да.
– Я был на ее выставке в Музее современного искусства в Монреале. – Профессор прищурился. – Постойте, ведь это мадам Морроу написала портрет Рут Зардо? В виде постаревшей и хрупкой Богородицы? С таким отталкивающим лицом?
– Все верно.
Профессор Розенблатт окинул взглядом других посетителей бистро. Увидел удобные кресла в приветливом зале с балками под потолком. Посмотрел в сторону книжного магазина, в другую сторону – на пекарню, выпекавшую печенье «мадлен» со вкусом детства.
Потом он посмотрел в окно на старые, надежные дома и три высокие сосны, стражами стоявшие на деревенском лугу. И на Рут Зардо, которая разделяла столик и еду с Кларой Морроу.
– Что здесь за место такое? – спросил он почти шепотом. – Почему Джеральд Булл выбрал из всех именно это?
– Один из тех вопросов, которые я хотел задать вам, профессор, –

сказал Бовуар.

– Salut, Жан Ги, – пробормотал Оливье, подойдя к столику с блокнотом и карандашом. – Bonjour, – сказал он профессору.

– Оливье, познакомься: это профессор Розенблатт. Он помогает нашему расследованию.

– Правда?

– Кажется, я говорил с вашим партнером Габри, – сказал Розенблатт. – Я снял номер в гостинице.

– Замечательно. Значит, будем еще встречаться.

Оливье ждал в надежде получить какую-нибудь информацию. Но услышал только заказ.

После трудной борьбы с самим собой Жан Ги заказал морские гребешки, приготовленные на открытом огне, и теплый грушевый салат. Он обещал Анни, что будет питаться с умом.

– Возможно, Джеральда Булла привели сюда кармические соображения, – сказал Розенблатт, когда ушел Оливье. – Инь и ян. Две половинки целого, – добавил он, увидев, как поморщился его собеседник.

– Да нет, я понимаю, что такое карма, но вы же не верите в такие вещи, правда?

– Вы считаете, что если я ученый, то у меня нет веры? – спросил Розенблатт. – Вы будете удивлены, узнав, сколько физиков верят в Бога.

– А вы?

– Я верю, что каждое действие встречает противодействие. А что иначе означает инь и ян? Рай и ад. Мирная деревенька, где хорошо думается, и страшная машина для убийства под боком.

– Куда же еще идти дьяволу, если не в рай? – заметил Бовуар.

– Куда же еще идти Богу, если не в ад? – парировал Розенблатт.

Пожилой человек поднял руки в старческих пятнах и изобразил с их помощью весы.

Равновесие.

– Merci, patron, – сказал Жан Ги, откинувшись назад, чтобы дать Оливье возможность поставить тарелку.

Гребешки были большие и сочные, зажаренные до золотистого цвета. Они лежали на зерновой подложке со свежими травами, жареными кедровыми орешками и козьим сыром рядом с теплым жареным яблоком. Жан Ги хотел было спросить о грушевом салате, но его отвлек клубный сэндвич с беконом и тонкими ломтиками картофеля фри, поставленный перед профессором.

«Он знает толк в еде», – подумал Бовуар.

– Позвольте мне выступить вашим искусителем? – сказал Розенблатт, пододвигая тарелку на миллиметр к Жану Ги.

– Non, merci, – сказал Жан Ги и взял картофельный ломтик.

Профессор улыбнулся, но улыбка быстро сошла с его лица.

– Кто они?

Бовуар проследил за недовольным взглядом Розенблатта и увидел в дверях Изабель Лакост рядом с Шоном Делормом и Мэри Фрейзер.

Мэри Фрейзер спросила у Лакост:

– Это он?

– Профессор Розенблатт, oui, – ответила Лакост. – Вас представить?

Сделав вид, что не расслышала взволнованного шепота ей в спину: «Non, merci», Изабель двинулась между столиков.

– Они идут сюда, – взволнованным шепотом сказал Розенблатт.

Бовуар не удивился бы, услышав от него выкрик «Бежим, прячемся!».

– Вот вы где! – воскликнула Изабель, словно увидела Бовуара случайно, а не по заранее согласованному между ними плану. – А мы тоже решили поесть. Кажется, вы незнакомы. Профессор Розенблатт, позвольте представить Мэри Фрейзер и Шона Делорма. Только что из Оттавы. Их тоже интересует наша находка.

Розенблатт снова с трудом поднялся на ноги, однако с меньшим энтузиазмом, чем при встрече с Рут Зардо. Он не то чтобы скривился при виде незнакомцев – он был слишком хорошо воспитан для этого, – но явно был недоволен.

– Мы незнакомы, но вроде бы переписывались, – сказал он.

– Да, – коротко подтвердил Делорм.

А Мэри Фрейзер вообще не сказала ни слова, хотя и пожала профессору руку. Как показалось Лакост, скорее по привычке, чем по желанию.

Лакост огляделась и заметила свободный столик вдали от Бовуара и профессора.

– Вон там, кажется, не занято, – сказала она, и агенты КСРБ бросились туда, чуть ли не перепрыгивая через другие столики.

Старший инспектор Лакост просила Оливье не говорить о том, что она по телефону зарезервировала этот столик.

– Они работают на КСРБ, – сказал профессор, поворачиваясь спиной к вновь прибывшим. – Но вам это наверняка известно. Я думаю, секретными агентами их можно назвать лишь с большой натяжкой.

– Тогда кто же они? – спросил Бовуар.

– Канцелярские служащие, – ответил Розенблатт.

– А откуда вы их знаете? И откуда они знают вас?

– Я несколько лет запрашивал у правительства информацию о Джеральде Булле и «Проекте „Вавилон“». Собирался написать о нем монографию к двадцатилетию его убийства. Эти двое работают в отделе, где хранится досье на доктора Булла, но они не пожелали выпустить информацию за стены их конторы.

– Почему?

– Хороший вопрос, инспектор.

Он повернул голову и заметил, как Мэри Фрейзер опустила глаза. Розенблатт снова посмотрел на Бовуара:

– Как они отреагировали на суперорудие?

– Удивились не меньше вашего, – ответил Бовуар.

– Так ли оно на самом деле?

– Джеральд Булл был блестящим ученым, – сказала Мэри Фрейзер. – Самый молодой доктор наук в Канаде – в двадцать два года. Представьте, в двадцать два. Он на несколько световых лет опережал остальных. Но какие-то дефекты у него имелись. Он не знал тормозов. Для него не существовало красной черты. А если вдруг она попадалась на его пути, он спешил ее пересечь.

Изабель Лакост слушала. Два агента КСРБ по очереди рассказывали свою историю. Теперь Лакост понимала, почему прислали именно их.

Мэри Фрейзер и Шон Делорм, вероятно, плохо разбирались в шпионском ремесле, но о Джеральде Булле они знали много. Перед ними поставили задачу собирать и хранить информацию об этом человеке. И сейчас они делились ею.

Если не всей, то по крайней мере какой-то частью.

– Доктор Булл работал на американское правительство, сотрудничал с Британией. Он участвовал в стратосферном исследовательском проекте, – заговорил Шон Делорм. Как заметила Лакост, они рассказывали, не пользуясь шпаргалками. – Некоторое время он работал в Университете Макгилла. А потом уехал в Брюссель, на вольные хлеба.

Делорм снял очки, протер их матерчатой салфеткой.

– И начался кошмар, – продолжил он, водружая очки на нос. – Джеральд Булл из ученого, конструктора превратился в торговца оружием.

– И Канада утратила влияние на него, – сказала старший инспектор Лакост.

– Если мы и имели на него какое-то влияние, то чисто иллюзорное, – возразила Мэри Фрейзер. – Мне кажется, никто не мог влиять на него,

потому что он был неуправляемым.

– А этот тип ничуть не лучше, – заявил Делорм, показывая на Майкла Розенблатта, сидевшего в другом углу бистро. – У нас и на него есть досье. Но не очень объемное. Он вам сказал, что участвовал в создании «Авро Эрроу»?[33] Одного из самых эффективных истребителей в мире, если бы проект не прикрыли. И в торговле оружием он тоже не чужой. Не обманывайтесь, глядя на него.

– Вы всерьез считаете, что Джеральд Булл мог создать суперорудие втайне от правительства? – спросил Розенблатт.

– Не знаю, – ответил Бовуар. – Похоже, он собрал свою пушку близ деревни, а никто из местных об этом и не догадывался.

– А что вас удивляет? Вы только посмотрите на этих агентов. – Розенблатт махнул в сторону столика, за которым сидела Лакост с агентами КСРБ.

Похоже, ученый предлагал два противоречащих друг другу сценария: с одной стороны, правительство знало и де-факто поддерживало работу Булла, а с другой – было слишком некомпетентно и ничего не знало.

Когда Бовуар указал на это противоречие, Розенблатт покачал головой.

– Вы меня неправильно поняли, – сказал он. – Я думаю, правительство поддерживало исследования Булла, даже поощряло их. Финансировало его. Оно прекрасно знало, над чем он работает. И я уверен, что документы, имеющиеся в КСРБ, могут это подтвердить.

– Но потом?

– Потом Булл неожиданно уехал в Брюссель и оборвал связи с Канадой, и тогда правительство повело себя, уж простите за аналогию, как отвязавшаяся пушка. Оно запаниковало. Слушайте, я ничуть не оправдываю Булла. По-моему, он был готов на что угодно, лишь бы сколотить состояние и доказать свою правоту. Утереть нос истеблишменту.

– Какой истеблишмент вы имеете в виду? Других конструкторов оружия? – спросил Бовуар.

– Вы же имеете при себе пистолет, – сказал Розенблатт, глядя на поясную кобуру Бовуара. – Давайте не будем лицемерить? – И тут же улыбнулся, смягчая свое высказывание. – Пожалуй, все мы в той или иной степени лицемерим, – признал Розенблатт. – Я занимался баллистикой и расчетом траекторий, так что моим заказчиком явно был не департамент по рыболовству.

Бовуар улыбнулся, кивнул и наколол на вилку жареный гребешок. Вкус был восхитительный. Если что и можно улучшить, подумал он, то

лишь прожаркой во фритюре.

– У всех нас есть своя красная черта, – сказал профессор. – Даже у тех, кто создает оружие. Есть вещи, за которые я бы никогда не взялся. Они слишком отвратительны, хотя их создание и возможно.

– Мы живем в мире, где существует ядерное и химическое оружие, – сказал Бовуар, кладя вилку. Аппетит у него внезапно пропал. – Неужели есть что-то ужаснее?

К его облегчению, профессор не ответил. Он только посмотрел в окно на тихую деревеньку.

– Не могу поверить, что он создал эту пушку. Его просили оставить этот проект, но он считал, что другие конструкторы просто ему завидуют.

– Вы знали доктора Булла? – спросил Бовуар.

– Я уже говорил: я не был знаком с ним лично. Я работал в другой лиге, но тоже принадлежал к оружейному сообществу, хотя и косвенно, – к его научной части.

– И вы ему завидовали? – спросил Бовуар. – Другие конструкторы ему завидовали?

Розенблатт отрицательно покачал головой:

– Мы боялись.

– Чего вы боялись?

– Мы боялись, что Джеральд Булл создаст то, что собирался создать, хотя до конца и не верили, что это возможно. Несомненно, Булла убили, чтобы остановить его работу. Думаю, в досье КСРБ есть такая информация. Но они не понимали, что опаздывают. Жребий был брошен. Орудие создано.

– Oui, – сказал Бовуар. – Но для кого он создал свою пушку и почему здесь?

– Он больной на всю голову, – сказала Мэри Фрейзер, глядя через весь зал в спину старому ученому. – У него возникали всякие странные мысли о Джеральде Булле. И о нас. У него мания преследования. Он считает, что мы утаиваем от него информацию.

– Но мы действительно утаиваем, – перебил ее Делорм.

– Да, но в этом нет ничего личного, – сказала Мэри Фрейзер. – Все согласно акту о хранении секретных сведений. Мы не можем поделиться этими сведениями, даже если бы и захотели. И кстати, в связи с этим вопрос к вам: кому вы еще говорили о суперорудии, кроме него?

– Оно упоминается в нашем официальном отчете о совершении преступления, – сказала Лакост. – Но отчет – документ служебного

пользования. Никаких заявлений для прессы мы не делали.

– Хорошо. И не делайте, пока мы не разберемся с тем, что происходит.

– Да, всю информацию необходимо засекретить, – сказал Делорм, с явным удовольствием произнося эти слова, вероятно, впервые за его карьеру.

– Я понимаю, почему пока необходимо закрыть информацию о суперорудии, но почему была засекречена информация о Джеральде Булле? – спросила Изабель Лакост, набрав на вилку немного теплого салата из утки. – Ведь человек давно умер.

– По правде говоря, я не знаю, – озадаченно произнесла Мэри Фрейзер.

Похоже, прежде она никогда не задавалась этим вопросом. И в самом деле, ее работа сводилась к анализу информации, а не к оспариванию содержания.

– Вы наверняка читали его досье, – не отступала Лакост. – Вероятно, в мире нет больше никого, кто так хорошо знал бы Джеральда Булла. Что говорится в тех документах?

– Говорится, что он был обычным торговцем оружием, возможно социопатом, – сказала Мэри Фрейзер. Рассказывая о Джеральде Булле, она продолжала смотреть на Розенблатта. – Ему было все равно, кому продавать оружие и как оно будет использоваться.

– Доктору Буллу хотелось только побольше денег и подтверждения правоты его теорий, – добавил Делорм. – А если по ходу дела погибнут сотни тысяч людей, то это его не касалось.

– Если бы ему удалось воплотить свои планы в жизнь, одному богу известно, что бы произошло в том регионе, – сказала Мэри Фрейзер, снова переводя взгляд на Лакост.

– Значит, его клиентом и в самом деле был Саддам? – спросила Лакост.

– Так считали полевые агенты, – подтвердила Мэри Фрейзер.

– Но даже если они ошибались и он имел договоренности с израильтянами или саудитами, это тоже была бы кровавая бойня, – сказал Делорм.

– Армагеддон, – уточнила Мэри Фрейзер.

Ей каким-то образом удалось произнести это слово так, что оно не прозвучало смешно даже здесь, в самом мирном месте.

– А как вы узнали о гравировке на орудии? – спросила Лакост. – О Вавилонской блуднице?

Шон Делорм стремительно подался к Лакост через стол:

– Гравировка – часть легенды. Вот что удивительно. А наша работа –

собирать информацию и вводить ее в систему.

– Нам попадалась информация о гравировке в отчетах некоторых полевых агентов в конце восьмидесятых годов, – сказала Мэри Фрейзер. – Агенты пытались выйти на след доктора Булла. Они практически не сомневались, что его клиент – Саддам Хусейн, но доказательств так и не обнаружили.

– Слухи ходили самые безумные, – продолжил Делорм. – Как детективное чтение – занятно, но для разведки бесполезно.

– Согласно одному из слухов, Булл заказал рисунок на лафет суперорудия, – сказала Фрейзер. – Это была Вавилонская блудница. Из Апокалипсиса.

– Сатана. Армагеддон, – подхватил Делорм.

– Типичный Булл[34], – произнесла Фрейзер, покачивая головой.

– Как ты сказала? – встрепенулся Делорм. – Весьма остроумно!

Наблюдая за своими собеседниками, Лакост подумала, что игра с фамилией доктора Булла скорее очевидная, чем остроумная, но, судя по всему, агентам такой юмор нравился.

– Я хотела сказать, что доктор Булл был знаменит своими экстравагантными жестами, – пояснила Мэри Фрейзер. – Но за ними ничего не стояло. Чем эпатажнее заявление, тем более пустой пузырь.

– Так что суперорудие с выгравированной Вавилонской блудницей – это типичный Булл, – сказал Делорм, все еще посмеиваясь над этой очевидной и уже бородатой шуткой.

– И никто в это не верил? – спросила Изабель Лакост. – Думали, что это уже чересчур. Как с убитым мальчиком, Лораном Лепажем. Ему тоже никто не поверил.

– Но кто-то все же поверил, – сказала Мэри Фрейзер. – И оба они были убиты.

Изабель Лакост пошла в гостиницу Габри вместе с двумя агентами КСРБ, чтобы зарезервировать для них номера.

В гостинице ожидалась толкучка, но Изабель была готова на такую жертву ради любопытства. Свести агентов и ученого и посмотреть, что получится.

Ей, как и Мэри Фрейзер и Шону Делорму, казалось странным, что профессор Розенблатт все еще одержим личностью давно умершего торговца оружием. Странным показалось и то, что Мэри Фрейзер не сумела отличить арабское письмо от иврита.

Но самым странным было то, что Шон Делорм быстро нашел дорогу в

Три Сосны, тогда как любой человек, приезжавший в деревню впервые, непременно долго плутал по дорогам.

Суперорудие было странной штукой, но и вокруг него происходило немало странных вещей.

Глава пятнадцатая

– Ты вернулся, – сказала Рейн-Мари.

Она оторвалась от экрана компьютера и посмотрела на Армана и Анри, которые стояли в дверях кабинета.

– Oui, – кивнул Арман. – Чем ты занимаешься?

– Поиском, – ответила она. – Ну, насколько плоха пьеса?

Арман швырнул рукопись на столик у двери:

– Как пьеса? Вовсе не плоха. Я согласен с Антуанеттой. Пьеса просто блестящая.

Вид у него был такой, словно он проглотил какую-то гадость.

– Я не закончил читать – отложил на потом. Нужно передохнуть. Ты выпьешь?

– Будь добр, – сказала Рейн-Мари, возвращаясь к компьютеру.

Он услышал, как заработал принтер, и оглянулся на пути к чулану, где они прятали от Рут лучшие бутылки.

– «Лисол» или «Мистер Клин»? – крикнул он из чулана.

– Я бы не возражала против «Спик энд Спэн»[35]. Только легкого.

Он принес ей джин с тоником, с преобладанием тоника, и с долькой лимона и обратил внимание, что она читает выведенный на экран сайт Университета Макгилла.

Арман вставил компакт-диск в проигрыватель, и вскоре раздался неподражаемый голос Нила Янга. Взяв стакан с виски и книгу, Арман уселся в кресло.

Прочитав знакомые первые строки, он почувствовал, как спокойствие накрыло его, словно одеялом. Он забылся, хоть и ненадолго, в знакомом мире Глазастика, Джима и Страшилы Рэдли[36].

Полчаса спустя Рейн-Мари обнаружила, что ее муж все так же сидит у окна, засунув палец в книгу вместо закладки, смотрит в сад и слушает музыку. Анри лежал на полу рядом с хозяином.

– Счастлив? – спросила Рейн-Мари.

– Спокоен, – ответил Гамаш. – Нашла какие-нибудь интересные курсы?

– Pardon?

Он показал на распечатку в ее руке:

– Ты заходила на сайт Университета Макгилла. А Монреальский университет не смотрела? У них там есть замечательные курсы. Ты хочешь

поступить просто слушателем или получить степень?

– Я искала не курсы, Арман. Я искала информацию по Джеральду Буллу. Он человек, который вел секретную работу, но в Интернете о нем, как ни странно, довольно много информации, нужно только знать ключевые слова, например «Проект „Вавилон“». Поисковые машины вроде «Гугла» выдают множество ссылок. Но по-настоящему интересно становится, когда заходишь на закрытые сайты.

– Закрытые? – переспросил он, вставая.

– Не забывай, что я – архивист, – напомнила Рейн-Мари. – Мы, как и священники, никогда полностью не уходим в отставку. – Она потрясла пачкой бумаг. – И у меня есть пароли к закрытым архивам Макгилла.

– Умница, – сказал Арман и потянулся за распечаткой и очками. – Что ты нашла?

– Видишь ли, Джеральд Булл считался в некотором роде неудачником, судя по его собственной зачетной ведомости и его работе. Он, видимо, был серьезным геморроем для университета. Я прочитала его досье в Макгилле: он вел себя безобразно, переругался со всеми, с кем сталкивался. Он был яркой личностью с блестящими, безумными с виду идеями. Никто не хотел с ним работать.

– Почему они от него не избавились?

– В конечном счете избавились, хотя обставили это всевозможными дипломатическими оговорками, которые невозможно оспорить в суде. Но держали они его довольно долго в надежде, что одна из его безумных затей может дать результаты.

– Так оно и случилось, – сказал Арман. Он просмотрел бумаги и поднял глаза на жену. – Но к тому времени его уже давно не было в живых. Когда он родился?

Рейн-Мари заглянула в свои записи:

– Девятого марта тысяча девятьсот двадцать восьмого года.

Гамаш быстро сосчитал в уме:

– Значит, сейчас ему хорошо за восемьдесят. Почти девяносто.

Рейн-Мари посмотрела на него с недоумением:

– Но он же мертв. Ты ведь знаешь, что доктора Булла убили в тысяча девятьсот девяностом году, в возрасте… – она тоже подсчитала, – шестидесяти двух лет.

– Да, – сказал Арман, откинувшись в кресле.

– Что у тебя на уме?

– Да так, ерунда. Не важно.

– Ты считаешь, что Джеральд Булл все еще жив? – удивленно спросила

она.

– Я слишком долго имел дело с подозрениями, – сказал он с улыбкой. – Забудь все, что я говорил. – Он поднял стакан с некрепким виски. – Во всем виноват «Лисол».

– Арман, я обнаружила в его документах нечто странное.

Рейн-Мари вытащила из его рук несколько листков и опустила очки со лба на нос. На страницах были вымараны или отредактированы фразы, а иногда целые строки. Даже секретные документы продолжали хранить свои тайны.

– Я привыкла к таким вещам, – сказала она. – Заметки и бумаги присылают в архив, но перед этим их редактирует служба безопасности. Часто это личные дневники политиков или ученых, так что я особо не удивилась.

– Да, – сказал Арман. – Я тоже. Доктор Булл проводил исследования, явно имеющие отношение к производству оружия.

– Верно. Но меня удивило вот что.

Рейн-Мари перелистала страницы. Она засунула авторучку за ухо, ее очки соскользнули на кончик носа. Она стала похожа на Кэтрин Хепбёрн в «Кабинетном гарнитуре»[37]. Умная, эффектная и совершенно не отдающая себе отчета в том, как она прекрасна. Арман мог смотреть на нее целыми днями.

Рейн-Мари нашла то, что искала, и протянула ему. На этой странице было вымарано много текста.

– Это часть внутреннего отчета о работе доктора Булла. Отчет написан уже после убийства. Но ты посмотри сюда.

Она показала на одну из строк. Арман надел очки, прочел раз, другой, нахмурил брови. Выпрямился в кресле.

Цензор пропустил одну ссылку на суперорудие. Не очень большая промашка, поскольку работа доктора Булла по созданию суперпушки была секретом Полишинеля.

– Ты думаешь, тут опечатка? – спросила Рейн-Мари.

– Надеюсь.

Гамаш взглянул на страницу отчета. На слово, которое не вымарали по недосмотру.

«Суперорудия». Множественное число.

«Господи Исусе, – подумал он. – Неужели Булл создал не одну пушку?»

Рейн-Мари вернула очки на переносицу и вытащила ручку из-за уха.

Кэтрин Хепбёрн исчезла. Спенсер Трейси исчез. Сюжет перестал быть

комедийным. Арман поднялся и принялся ходить из угла в угол. Без всякой нервозности. Он мерил гостиную широкими, неспешными шагами, почти грациозными.

– Может, это ничего не значит, – сказал он. – Может, тут действительно опечатка. Почти наверняка так и есть. Давай исходить из того, что нам достоверно известно.

– Судя по документам, доктор Булл работал в Университете Макгилла, проводил исследования в области длинноствольной артиллерии. Мы знаем, что в начале восьмидесятых годов он переехал в Брюссель, а двадцатого марта тысяча девятьсот девяностого года его убили.

– В тех отчетах, что ты видела, что-нибудь говорится об убийце?

– Основная гипотеза – это дело рук МОССАДа. Джеральд Булл явно работал над иракской ракетной программой «Скад». Но главное направление его трудов – создание пушки для Саддама, способной посылать снаряды на орбиту.

– А оттуда поражать практически любую цель, – дополнил Арман.

– «Проект „Вавилон“», – сказала Рейн-Мари. – Значит, все же суперпушка для Ирака.

– Пушка или пушки, – уточнил Арман. – Ты говоришь, его убили двадцатого марта тысяча девятьсот девяностого года?

– Да. А что?

Арман сделал несколько стремительных шагов, потом остановился и покачал головой:

– Нет, такое невозможно. Я знаю, что невозможно.

– Что невозможно?

– Джон Флеминг совершил первое убийство летом тысяча девятьсот девяностого года.

Рейн-Мари потребовалось некоторое время, чтобы осознать услышанное.

– Ты хочешь сказать, что тут существует какая-то связь? Но какая? Я не понимаю.

Арман сел так, что его колени коснулись ее.

– Джеральд Булл, автор «Проекта „Вавилон“», не только изобразил на лафете Вавилонскую блудницу, но и начертал слова: «На реках Вавилонских мы сидели и плакали».

Он посмотрел в другой конец гостиной, где на столике лежала рукопись треклятой пьесы.

– Джон Флеминг пишет пьесу и цитирует ту же строку. Или почти ту же. «Она сидела и плакала».

– Это знаменитая строка, Арман. – Рейн-Мари старалась, чтобы ее голос звучал благожелательно, но не снисходительно. Ее беспокоило напряженное выражение его глаз. – С этими строками связано множество литературных аллюзий. И даже музыкальных. Дон Маклин[38] написал песню на эти слова, верно?

Потом она поняла, *что* у него на уме, и почувствовала укол тревоги.

– Ты думаешь, что Джон Флеминг и Джеральд Булл – одно лицо? Но такое вряд ли можно было бы скрыть.

Арман схватил листы с вымаранными строками:

– Скрыть можно что угодно, в зависимости от того, кто ты.

Рейн-Мари наклонилась к нему и взяла обе его руки в свои. Она заговорила медленно, негромко, глядя ему в глаза:

– Ты только что читал эту пьесу. Она разбудила в тебе воспоминания о Джоне Флеминге. Ты не думаешь, что твоя скорбь по Лорану каким-то образом возродила травму, связанную с процессом над Флемингом? Я не знаю, что он совершил. Может быть, когда-нибудь ты мне расскажешь, но что-то тут не складывается, Арман. – Она помолчала, чтобы он мог осознать ее слова, чтобы они проникли в его мозг, может быть, даже вытеснили его заблуждение. – Между двумя этими людьми нет никакой связи, кроме широко известной цитаты из Библии. Ты это понимаешь? Флеминг у тебя под кожей сидит, изо всех пор просачивается… – Она улыбнулась, увидев, как чуть дрогнули уголки его губ. – Но если ему удалось пробраться тебе в голову, нужно изгнать его оттуда. Ему там не место, и он никак не связан с убийством Лорана. Не путай божий дар с яичницей.

Арман поднялся, подошел к камину и встал спиной к Рейн-Мари, уставившись на пляшущие языки пламени. Наконец он повернулся:

– Ты, конечно, права. Джону Флемингу сейчас семьдесят с небольшим. Он слишком молод, чтобы быть Джеральдом Буллом. Глупо с моей стороны. Опять мое воображение разыгралось.

Он провел большими руками по волосам, и на его лице появилась извиняющаяся улыбка.

– И все же я хотел бы побольше узнать о пьесе. Например, как она попала к дядюшке Антуанетты.

– Это важно? Антуанетта сказала, что он, вероятно, купил ее на блошином рынке. Люди иногда покупают странные вещи. Может быть, он коллекционировал всякие зловещие штуки. Вещи, связанные с преступлениями и преступниками.

– Но ни Брайан, ни Антуанетта не говорили о коллекции, – возразил

Арман. – Зачем инженеру, который не проявлял никакого интереса к театру, покупать какие-то рукописи, а тем более рукопись самого жестокого убийцы в стране?

Рейн-Мари уставилась на него. Она не могла не признать, что Арман сформулировал интересный вопрос.

Он глубоко вздохнул и покачал головой, потом улыбнулся ей:

– У тебя целое море терпения, ma belle.

– Не так уж много, как тебе кажется.

Он снова улыбнулся:

– Оно и верно. Ты слишком долго мирилась со мной. Это должно закончиться.

Он поцеловал ее и пошел к двери, поманив за собой Анри.

– Подышу немного свежим воздухом. Прочищу мозги.

– В нашей деревне поприбавилось народу. Может, встретимся через двадцать минут в бистро и выпьем чаю?

– Parfait[39]. К тому времени извещения о выселении будут уже розданы.

Глава шестнадцатая

Когда Гамаши вернулись домой из бистро, уже смеркалось. В гостиной они обнаружили Рут, которая попивала виски из мерного стакана и доедала остатки жаркого в горшочке, и Розу, которая поклевывала рисовый салат.

Рейн-Мари села рядом с поэтессой, а Арман отправился в кухню помыть руки и приготовить ужин.

– Мы вас ждали.

Гамаш подпрыгнул и ухватился рукой за сердце.

– Господи Исусе, – выдохнул он. – Ты меня до смерти напугала.

– Что-то пошло наперекосяк, patron, – сказала Изабель Лакост, вставая со стула, – если увидеть Рут – это нормально, а наше появление вас пугает.

Он рассмеялся, приходя в себя, хотя и в самом деле испугался.

– Я думал, мы заперли дверь, – сказал он.

– Рут проходит сквозь стены, – объяснил Жан Ги. – Вы уже должны бы это знать.

– Что вы хотели мне рассказать? – Гамаш вытер руки о кухонное полотенце и повернулся к своим бывшим сотрудникам.

– Пришло заключение криминалистов, – сказала Изабель; она взяла себе пиво и вернулась на прежнее место. – Они нашли на пушке свежие отпечатки пальцев. Отпечатки принадлежат Лорану. Но есть еще какие-то мазки. К пушке прикасался и наш убийца. Однако он предварительно надел перчатки.

– А что нашли на палке и кассете Лорана? – спросил Гамаш.

– На палке много отпечатков, включая ваши. Но к кассете прикасались только три человека. Естественно, сам Лоран, ну и его родители. Вы были правы. Кассета, вероятно, из коллекции Лепажей.

– Может быть, это ничего не значит, – сказал Арман, присаживаясь к ним за длинный сосновый стол.

– Да, – согласился Бовуар. – Но с другой стороны, это может значить все. Это может значить, что кассета выпала из кармана убийцы в ходе борьбы. Или когда он поднимал мальчика. А как иначе она могла туда попасть?

Арман кивнул. В словах Жана Ги, безусловно, был смысл. Может, и не дымящийся пистолет в руке убийцы, но по меньшей мере указующий перст. Указующий прямо на Лепажа. Не без удивления Арман понял, что он чувствует себя как бы адвокатом Ала. Может быть, потому, что Ал

нравился ему и Гамаш считал, что отец Лорана и без того страдает достаточно и не следует добавлять к этому груз подозрения.

Но подозрение было неизбежно и нередко оказывалось правдой. Убитые почти всегда становились жертвами тех людей, которых они знали, и знали неплохо, а это лишь ужесточало трагедию и, по убеждению Гамаша, объясняло то, что на лицах убитых не было испуга. Они казались удивленными. И хотя Ал Лепаж нравился Гамашу и вызывал у него сочувствие, старший инспектор за свою карьеру арестовал немало скорбящих членов семьи, виновных в убийстве, а потому считал отца Лорана потенциальным подозреваемым.

И не он единственный так думал. Сидя с Рейн-Мари в бистро, они слышали разговоры соседей, слухи. Отца Лорана подозревали многие.

– Один раз мы уже допрашивали Лепажей, – сказал Жан Ги. – И обыскивали дом. Попробуем еще раз завтра.

Гамаш кивнул. Он понимал, что Бовуар и Лакост не обязаны перед ним отчитываться, да они и не отчитывались. Просто информировали его. Из вежливости, а не по обязанности.

– Я видел, вы ходили в лес с какими-то людьми.

– Да. С Мэри Фрейзер и Шоном Делормом, – сказала Лакост. – Они из КСРБ. Функционеры нижнего уровня.

– Канцелярские клерки, – добавил Жан Ги, открывая холодильник и доставая имбирный эль.

– Но они хорошо осведомлены о Джеральде Булле, – отметила Лакост.

Она сообщила Гамашу то, что рассказали ей агенты разведки о торговце оружием.

– Кроме того, они знают нашего профессора Розенблатта, – сказал Жан Ги. – И он их знает. Хотя особых симпатий они друг к другу не испытывают.

– Почему?

– Он считает, что они укрывают от него информацию, – сказал Жан Ги. – Он подозревает, что канадское правительство имело к Джеральду Буллу более тесное отношение, чем готово это признать.

– Отношение к его жизни или к его убийству? – спросил Гамаш.

– Не могу точно сказать, – ответил Бовуар. – Но профессор говорил, что Фрейзер и Делорм, вероятно, не так уж удивились, увидев суперпушку. Он им не верит.

– А они не верят ему, – сказала Лакост. – Им кажется необъяснимым, что профессор на пенсии настолько одержим давно умершим торговцем оружием.

– А вы что думаете об агентах КСРБ?

– Они мне показались достаточно откровенными, – ответила она. – Может быть, не очень осведомленными.

– Это ты о чем? – спросил Гамаш. – Ты улыбаешься.

– Они напоминают мне моих родителей, – ответила Лакост. – Все время переругиваются, постоянно недоумевают. Они такие милашки. Но они вовсе не глупы. Дело свое знают, просто обычно они занимаются сбором информации и сопоставлением данных. Не полевой работой.

– Тогда почему их прислали?

– Вероятно, потому, что они знают о Джеральде Булле больше, чем кто-либо другой.

– Ты их не вызывала? – спросил он у Лакост, но та в ответ отрицательно покачала головой:

– Сами приехали. Наверное, это генерал Ланжелье с военной базы в Валькартье позвонил кому-то в КСРБ. Он пообещал мне найти кого-нибудь, кто нам поможет. Но я думаю, никто по-настоящему не поверил, что мы нашли результат реализации «Проекта „Вавилон“». Если бы поверили, то прислали бы каких-нибудь высокопоставленных деятелей разведки. Я жду прибытия кого-нибудь подобного в любую минуту. – Она посмотрела в окно на тихую деревню. – Агенты КСРБ хотят сохранить существование суперорудия в тайне, что вполне может отвечать их целям…

– В таком случае расследование убийства Лорана становится практически невозможным, – сказал Жан Ги. – Но по-видимому, у нас нет выбора.

– Мм, – промычал Гамаш. – Тут есть кое-что, о чем вам следует знать.

Он вышел и минуту спустя вернулся с бумагами, которые он и Рейн-Мари оставили в гостиной. Что, если Рут прочитала их? Что, если она узнала о Джеральде Булле и «Проекте „Вавилон“»? И догадалась о том, что нашли в лесу?

У Армана возникло беспокойное ощущение, что так оно, вероятно, и случилось, хотя Рут не сказала ни слова, когда он брал бумаги. И это само по себе вызывало подозрения.

Вернувшись в кухню, Гамаш протянул один лист Изабель.

– Мадам Гамаш нашла это на одном из архивных сайтов, – объяснил он. – Большая часть информации вымарана, но одно упоминание они по недосмотру оставили.

Жан Ги читал документ, стоя за спиной у Изабель. Он первым уловил смысл написанного и с тревогой посмотрел в задумчивые глаза Гамаша.

А немного погодя увидела и Лакост. Одно-единственное слово. Одну

букву.

– Опечатка? – спросила она.

– Может быть. Мы тоже так подумали.

– А если нет? – сказал Бовуар, вернувшийся на свой стул. – Если есть еще одна пушка?

– Или две? Или три? – подхватила Лакост.

Гамаш поднял руку:

– Мы не знаем, есть ли другие. Предлагаю пока помалкивать об этом.

– И даже агентам КСРБ не говорить? – спросила Лакост.

– Предположительно именно они вымарали часть текста, – заметил Гамаш. – Так что и без того знают.

– Тут есть еще одна странность. Арабский и иврит – ведь у этих языков непохожая письменность, верно?

– Совершенно непохожая, – сказал Гамаш. – А что?

– Как по-вашему, агенты КСРБ должны отличать одно от другого?

– Полагаю, да, – ответил Гамаш и пристально посмотрел в глаза Лакост. – Почему ты спрашиваешь? Это как-то связано с гравировкой?

– Да. Мэри Фрейзер увидела надпись, но решила, что она арабская.

Он молча смотрел на нее, не зная, что с этим делать.

– И еще кое-что, – добавила Лакост. – Они не потерялись.

– Pardon?

– Мэри Фрейзер и Шон Делорм, – сказала Лакост. – Они из Оттавы приехали прямо в Три Сосны.

Гамаш задумался. Сама деревня была затеряна. Спрятана среди холмов. Ее не было ни на картах, ни на дисплее навигатора GPS. И все же агенты КСРБ приехали прямо сюда. А из этого вытекало, что они, возможно, знали, где расположена деревня.

Гамаши пригласили их на обед в обществе Рут и утки Розы, но Бовуар и Лакост не остались.

– Мы, пожалуй, поедим в бистро, patron, – сказал Бовуар. – Послушаем, о чем говорят люди.

– Ты знаешь, о чем они говорят, тупица, – рявкнула Рут. – Об Але Лепаже.

– А вы, Рут, способствуете распространению этих слухов? – спросил Арман.

Она сердито взглянула на него, потом отрицательно покачала головой и вернулась к своему стакану.

– А она не?.. – Бовуар поднес руку ко рту.

– Там чай, – ответил Арман, провожая их до двери. – Мы налили чай в бутылку из-под виски.

– И она не заметила разницы?

– Если и заметила, то промолчала, – сказал Гамаш. – Спасибо, что пришли и поделились со мной информацией.

– Всегда рады, patron, – сказала Лакост. – Приходите к нам на завтрак в гостиницу. Посмотрим, каков будет результат нашего маленького социального эксперимента по размещению профессора и агентов КСРБ в соседних номерах.

– Например, взрыв? – осведомился он и согласился прийти к завтраку.

– О боже…

На следующее утро Мэри Фрейзер сидела в кровати, уставившись на тихо прикрытую дверь. В коридоре слышались удаляющиеся шаги, а затем стук в соседнюю дверь.

Габри, владелец гостиницы, разносил постояльцам кофе. И новости.

И теперь Мэри ко всему прочему затошнило.

– Вся деревня говорит об этом, – сообщил ей пару минут назад Габри, ставя на прикроватный столик чашку крепкого ароматного кофе и взбивая ее подушку. – О пушке. Сливки?

– О какой пушке? – спросила у него Мэри Фрейзер.

Она села и из стыдливости натянула на себя до подбородка одеяло, закрывая фланелевую ночную рубашку.

Крупный дружелюбный Габри подошел к двери, повернулся и посмотрел на нее умными глазами. На его лице расцвела всепрощающая улыбка.

– Вы знаете, какая пушка. Та, что в лесу. Та, ради которой вы и приехали.

– Ах, эта. – Никакого более умного ответа ей не пришло в голову.

– Да, эта. Они называют ее «суперорудие».

– Кто «они»? – спросила она.

– Ну вы сами знаете. «Они».

Он отправился дальше разносить утренний кофе и новость. Новость называлась «суперорудие».

– О боже, – прошептала она.

А потом исправила это на «Merde».

– Merci, – сказал Шон Делорм, выходя из ванной с бритвой в руке и пеной на лице.

Он вышел поблагодарить хозяина за кофе. И за новость.

Когда хозяин гостиницы вышел, Шон Делорм опустился на кровать и уставился на закрытую дверь. Потом посмотрел в окно, за которым на деревенском лугу гулял свежий ветерок, дувший из подернутого туманом леса. Он увидел и жителей деревни, остановившихся, чтобы обменяться новостями. Они махали руками, жестикулировали. Он практически слышал их.

«Громадная», – говорил один, раскидывая в стороны руки.

Другой кивал. И показывал в сторону леса.

Несмотря на свежий, чуть пахнущий сосной воздух, агент КСРБ ощущал зловоние.

– Черт, черт, дерьмо собачье. – Он набрал в грудь воздуха и выдохнул. – Боже мой.

– Так.

Майкл Розенблатт сидел в кровати, прихлебывая кофе, и наблюдал за движением на деревенском лугу.

– Так, так, так.

Он взял свой айфон, потом вспомнил, что в этой забавной деревеньке телефон не работает. И все же это было не самое плохое.

Самое плохое было на языке всех жителей Трех Сосен.

Профессор Розенблатт почти сочувствовал агентам КСРБ. Почти.

Арман Гамаш в халате вышел из ванной с полотенцем в руке, вытирая волосы. Потом остановился. И замер посреди спальни.

Из широко раскрытого окна, колыхнув занавеской, до него донеслось слово «суперорудие».

Он посмотрел на Рейн-Мари, чьи глаза широко раскрылись от удивления.

– Ты слышал, Арман?

Он кивнул, выглянул в окно и увидел двух местных жителей, выгуливающих собак и оживленно беседующих.

Гамаш подумал, что ослышался. Они наверняка сказали «супермен». Или «суперлига».

Один из них показал в направлении леса.

Или «суперорудие».

Клару Морроу разбудил телефонный звонок. Полусонная, она пробормотала в трубку:

– Да?

– Ты слышала? – спросила Мирна.

– Что слышала? Звонок, который меня разбудил?

– Нет, что люди говорят. Давай встретимся в бистро.

– Постой, скажи, о чем речь?

– О суперорудии. Давай не задерживайся.

– Что ты сказала?

Но Мирна уже повесила трубку.

Клара приняла душ и быстро оделась, ее любопытство и воображение подпитывали друг друга. Но как бы ни разгулялось ее воображение, она и представить себе не могла, о чем услышит в бистро.

Изабель Лакост сидела на своей кровати в гостинице и думала о том, что она услышала. И что это значит.

Потом она коротко кивнула и отправилась в ванную принять душ и приготовиться к наступающему дню.

Она предчувствовала, что ей придется заплатить немалую цену.

Рут Зардо услышала осторожный стук в заднюю дверь дома.

Она находилась в кухне. На старой плитке стоял кофе, и она только что доела тост с вареньем.

Стук не испугал ее. Она его ждала. А вот Роза удивленно оторвалась от еды. Впрочем, у уток нередко бывает удивленный вид.

Рут открыла кухонную дверь, кивнула и отступила.

– Ты слышал, Клеман? – спросила она.

– Oui, – ответил месье Беливо. – Все хуже, чем мы опасались.

– Называется оно, конечно, «Проект „Вавилон“». А чего еще можно было ожидать?

– Откуда ты знаешь? – спросил пожилой владелец магазина у поэтессы, которая села за стол. – Никто этого не говорил.

– Прочитала кое в каких бумагах вчера вечером в доме Гамаша.

– Так это ты всем?..

– Рассказала? – спросила она. – Нет, конечно. Мы обещали друг другу, что будем молчать. И потом, мы ничего не знали. Ну почти ничего.

Месье Беливо посмотрел на нее, и она опустила глаза на белую пластиковую столешницу.

– Мы знали достаточно, Рут. Более чем достаточно.

– И с чего бы мне после стольких лет молчания начинать болтать?

– Чтобы отвести подозрения от месье Лепажа. – Клеман сделал паузу и

добавил: – Чтобы его защитить.

– Зачем бы я стала это делать? Он мне даже не симпатичен.

– Совсем не обязательно кому-то симпатизировать, чтобы его защищать. Ты думаешь, это сделал он? – спросил месье Беливо.

– Думаю ли я, что Ал Лепаж убил собственного сына? – спросила Рут. – Это было бы ужасно. Но иногда ужасы случаются, верно, Клеман?

– Oui.

Месье Беливо немного помолчал, глядя через кухонную дверь на свежевскопанный прямоугольник земли во дворе. Рут проследила за его взглядом.

– Пьеса Флеминга, – пояснила Рут. – «Она сидела и плакала». Конечно, аллюзия на псалом.

– Вавилон, – кивнул он. – Ты ее закопала?

– Пыталась, но пришел Арман и попросил отдать ему.

– И ты отдала? – Никогда еще месье Беливо не был настолько близок к гневной вспышке.

– У меня не оставалось выбора. Он знал, что рукопись у меня.

Клеман Беливо кивнул и снова посмотрел на черную дыру в ярко-зеленой траве. Мертвое среди живого.

– Он знает?

Рут покачала головой:

– И я ему не скажу. Я сдержу слово.

Хотя Рут знала, что именно из-за слов они и попали в беду.

– «Проект „Вавилон“», – вполголоса произнес месье Беливо. – «Вот час настал, и тьма накрыла свет».

Глава семнадцатая

Жан Ги пришел в ресторан гостиницы и увидел Изабель Лакост, которая в одиночестве сидела за большим столом у камина, перечитывая распечатки о Джеральде Булле. Эти сведения обнаружила мадам Гамаш, а Арман Гамаш передал их вчера полицейским.

Габри растопил камин. На деревню опустился осенний туман, сполз с холодных гор и накрыл долину. Дрова сгорят приблизительно через час, а пока веселый огонек согревал душу.

– Salut, – сказал Бовуар, садясь. – Ты слышала? Кто-то сделал утечку о пушке.

Он взял из корзиночки теплую пышку, посмотрел, как масло тает на ней, проникая внутрь, и намазал пышку джемом. Его дядюшка, фанатичный квебекский сепаратист, познакомил его со вкусом пышек и джема, явно не отдавая себе отчета в том, что общается с врагом и потребляет вражеское лакомство.

Но Жан Ги знал, что привязанности формируются в голове, а не в желудке. Он заглотал громадный кусок и кивнул, когда Габри предложил ему кофе с молоком.

– Да, я слышала, – откликнулась Лакост.

– Это облегчает расследование убийства Лорана, – сказал Жан Ги. – Теперь мы можем говорить о нашей находке. Но я знаю двух человек, которые будут в ярости. Ну вот, легки на помине.

В дверях столовой появились Мэри Фрейзер и Шон Делорм, огляделись.

Изабель Лакост помахала им.

– Присоединяйтесь к нам, – позвала она.

– Вся деревня говорит о суперорудии Джеральда Булла, – без всяких вступлений начал Шон Делорм. – Как это случилось?

Он сердито посмотрел на них.

– Понятия не имеем, – сказал Бовуар. – Мы как раз обсуждали это. Мы потрясены не меньше вас. К счастью, никто не говорит о докторе Булле. Только о пушке.

– «Только»? – переспросил Делорм. – Разве этого мало?

– Могло быть и хуже, – вмешался в разговор профессор Розенблатт.

Ученый появился в столовой в спортивных фланелевых брюках серого цвета, твидовом пиджаке и галстуке-бабочке. Он оглядел столики,

накрытые для завтрака, крахмальные салфетки, столовые приборы из чистого серебра, тонкий фарфор. Растопленный камин.

Стены были толстые, окна сводчатые, и у Розенблатта возникло впечатление, что если он простоит так подольше, то за окном проедет почтовая карета.

Но он остался при прежнем мнении. Это место оказалось гораздо интереснее, чем любое другое, какое он мог себе представить.

– Не буду вам мешать, – сказал профессор Розенблатт, словно его кто-то приглашал. – Вам есть что обсудить.

– Например, последние новости, – сказал Жан Ги.

– Да. – Розенблатт покачал головой. – Обидно.

Но расстроенным он не выглядел.

– Садитесь к нам, – сказала Лакост, улыбаясь профессору и показывая на стул. – Чем больше народу, тем веселее.

«Веселее» никак не отвечало обстановке за столом, сколько бы их там ни сидело.

Профессор Розенблатт уселся и посмотрел на недовольные лица агентов КСРБ.

– Ну так о чем мы говорили? – Он положил белую полотняную салфетку себе на колени, обвел взглядом соседей по столу. – Ах да, утечка информации.

«Вот ведь баламут», – с восхищением подумал Бовуар, которого теперь интересовало одно: насколько заслуженному профессору удастся взбаламутить обстановку.

Бовуар перевел взгляд на агентов КСРБ: на их лицах застыла маска холодной вежливости.

И что же их так встревожило?

– Это ваших рук дело? – спросила Мэри Фрейзер.

Волосы у нее все еще оставались влажными после душа, она надела серый свитер, черную юбку, бижутерию – в общем, предприняла попытку принарядиться, но от этого лишь стала выглядеть еще более неказисто.

– Минуту назад вы обвиняли этого молодого человека. – Розенблатт показал на Бовуара. – Теперь меня? Кто следующий? Он?

Профессор посмотрел на Габри, который шагал по полу из широких сосновых досок, неся кофе с молоком. На нем был передник с клетчатыми рюшками, который выводил Оливье из себя.

«Это же смешно, – отвечал Габри партнеру. – Такой передник делает меня счастливым».

«Он делает тебя гомиком».

«Ну да, а иначе никто бы и не узнал».

Габри подошел к их столу, расставил кружки с кофе и замер в ожидании заказов.

Профессор Розенблатт попросил дать ему пару минут на размышления и изучение меню. Лакост и Бовуар сказали, что они тоже немного повременят, а агенты КСРБ сделали заказ, явно спеша как можно скорее покончить с завтраком.

– Число людей, которые могли допустить утечку, довольно ограниченно, – сказал Делорм, когда Габри отошел. – И большинство из них – за этим столом.

Он оглядел присутствующих, и Бовуар поразился тому, сколько сил прикладывает этот человек, чтобы нагнать на них страху, и насколько неэффективны его усилия. Он казался просто вздорным типом.

– Тот, кто это сделал, будет отвечать по всей строгости закона, – заявила Мэри Фрейзер.

Ей удалось произнести это еще более угрожающим тоном, хотя, вероятно, не так, как ей хотелось бы. Все было похоже на то, будто они огорчили любимую тетушку.

Жан Ги подумал, не отзовут ли их в Оттаву и не пришлют ли настоящих агентов. Он надеялся, что такого не случится. К этим двум он уже проникся симпатией.

– Bonjour, – сказал Арман Гамаш, подходя к столику и снимая куртку. – Туманно сегодня. Хорошо, что камин горит.

Он на миг протянул к огню свои большие руки.

– Patron, – сказал Габри, выходя из кухни. – А я слышу, вы пришли. Кофе?

– S’il vous plaît[40], – сказал Гамаш и обвел взглядом сидящих за столом.

Бовуар и Лакост поднялись, чтобы поздороваться с ним. Он улыбнулся им, потом пожал руку пожилому ученому.

– Профессор, – сказал он, улыбаясь, и посмотрел на двух остальных.

– Позвольте вас познакомить, – сказала Лакост. – Мэри Фрейзер и Шон Делорм из Оттавы. Они служат в КСРБ. А это Арман Гамаш.

Делорм встал и пожал руку Гамашу, Мэри Фрейзер, не поднимаясь, рассматривала вновь прибывшего.

Пыталась вспомнить, кто он такой. Жан Ги знал это выражение. Знакомое лицо, знакомая фамилия. Но в непонятной обстановке.

И тут она вспомнила:

– Конечно же! Гамаш. Из Квебекской полиции.

Это прозвучало почти как «Ренфрю из Королевской конной полиции»[41].

– До недавнего времени из Квебекской полиции, – уточнил он, садясь на свободный стул рядом с ней. – Мои прежние коллеги так добры, что приглашают меня. А мы с женой вышли на пенсию и живем теперь здесь.

Бовуар не уставал удивляться способности Гамаша преуменьшать собственную значимость. А еще он увидел, как крутятся колесики в голове Мэри Фрейзер. На несколько мгновений она стала выглядеть менее похожей на степенную даму и более проницательной. Но потом это прошло.

– Наверное, вас беспокоит вся эта заварушка, ведь вы уже думали, что подобные вещи остались в прошлом, – сказала Мэри Фрейзер.

– Ну, я могу участвовать или не участвовать в деле. Когда ответственность несет кто-то другой, все воспринимается иначе.

Габри принес яйца «бенедикт» для Шона Делорма, а для Мэри Фрейзер – блинчики, начиненные засахаренными яблоками и сбрызнутые сиропом. На краю тарелки лежали кусочки копченого бекона, выдержанного в кленовом сиропе.

– Прекрасный выбор, – сказал Арман, заговорщицки подаваясь к ней.

Мэри Фрейзер вспыхнула от удовольствия, но тут же, пытаясь скрыть непроизвольную реакцию, показала на бумаги в руке Лакост:

– Это по «Проекту „Вавилон“»?

– В некотором роде. В основном здесь про Джеральда Булла. – Лакост подняла бумаги. – Цензурированный текст, поэтому бо́льшая часть о «Проекте „Вавилон“» удалена.

– Откуда вы их взяли? – спросил Розенблатт, взяв лист и просматривая его.

– Из архивов.

– Но как вы их получили? – удивился он. – Я столько лет пытался их раздобыть!

– А вот если бы вы поступили в полицию, вам бы тоже, наверное, повезло, – сказала Лакост.

Она поймала взгляд Гамаша и увидела в нем благодарность. Она не собиралась упоминать про мадам Гамаш.

Розенблатт нахмурился, но ничего не сказал. Мэри Фрейзер взяла бумаги, просмотрела их и задержала взгляд на черно-белой фотографии Джеральда Булла.

– Вы его когда-нибудь видели? – спросила Лакост, и Мэри Фрейзер отрицательно покачала головой.

– Это его известная фотография, – сказала она. – Пожалуй, другие мне не попадались. Странное нежелание фотографироваться для человека с таким самомнением.

Мэри Фрейзер положила фотографию и принялась читать печатный текст.

– Занятное чтение, – заметила Изабель Лакост. – Подробности вымараны, но отчеты подтверждают, что Джеральд Булл был готов продавать оружие кому угодно. Не только иракцам.

– Кажется, мяч послан вам, – сказал Розенблатт агентам КСРБ. – Если только вы не попросите меня ответить.

Мэри Фрейзер посмотрела на него с раздражением, но поняла, что выбора у нее нет:

– Здесь все сказано верно. Джеральд Булл в Брюсселе совершенно распоясался. Он заключал контракты со всеми подряд. Все законные власти, которые прежде с ним сотрудничали, отвернулись от Булла. Он стал прокаженным.

– Расскажите им про СССР, – предложил Розенблатт, явно довольный собой.

Делорм бросил на него испепеляющий, как ему казалось, взгляд, который на самом деле производил смешное впечатление.

– Булл использовал Советы и Южную Африку как распространителей его оружия и конструкций, – сказала Фрейзер. – Но как вам известно, самый крупный контракт он заключил с иракцами. Он был совершенно безнравственным человеком.

– Давайте только не будем обманывать себя, – вмешалась Лакост. – Мы проводили собственные исследования. Саддам получал немало оружия и с Запада. Доктор Булл далеко не единственный.

– Тот регион – настоящий кошмар, – признала Мэри Фрейзер. – Мы поставляли оружие Саддаму, но прекратили поставки, когда поняли, на что он способен. Джеральд Булл не остановился. Он видел возможность заработать, рынок и пускался во все тяжкие. Мы глубоко сожалеем, что продавали оружие Саддаму, но кто же знал, что он окажется социопатом?

Профессор Розенблатт собирался сказать что-то, но Шон Делорм его опередил:

– Никто не гордится нашими решениями, но мы, по крайней мере, пытаемся поддерживать порядок. А вот Джеральд Булл был существом совсем другого порядка. Он не поддавался никакому контролю. Он вышел из официальных каналов и всплыл в темной зоне торговцев оружием. Там не существовало ни правил, ни законов, ни границ. Если даже

правительства умудрялись напортачить, то можете себе представить, какой ущерб наносили торговцы оружием. Мы абсолютно уверены, что пушка предназначалась Ираку. Булл явно убедил Саддама, что сможет сделать его страну единственной сверхдержавой региона.

– То есть вы не имели понятия о том, что происходит? – спросил Бовуар.

Шон Делорм отрицательно покачал головой, и длинная прядь зачесанных для прикрытия лысины волос растрепалась.

– Информаторы сообщали, что Джеральд Булл, скорее всего, заказывал отдельные детали пушки в разных частях света, но его убили, когда пушка еще не была собрана.

– Тогда что же мы имеем там? – Бовуар показал в сторону леса.

Агенты КСРБ синхронно помотали головой. Растрепалась еще одна прядь, обнажив череп Шона Делорма, а может, и его мысли.

– Не знаю, – сказала Мэри Фрейзер. – Нет, мы знаем, что там такое. Супероружие. Но мы не знаем, как оно туда попало.

– И зачем кому-то понадобилось убивать девятилетнего мальчика, чтобы сохранить тайну, – добавил Гамаш.

– Слава богу, пушка не действует, – сказала Лакост.

– Но почему она не действует? – спросил профессор Розенблатт. – Поймите меня правильно, я рад этому не меньше, чем вы, но…

– Где ключ? – спросил Бовуар.

– Что? – опешил Делорм.

– Ключ, – сказал профессор Розенблатт. – Отсутствующий спусковой механизм.

– Но отсутствует не только это, – заметил Бовуар. – Отсутствует кое-что еще, о чем вы не упомянули.

– Что именно? – спросил Делорм.

– Чертежи, – ответил профессор Розенблатт.

Он явно перестал получать удовольствие от происходящего. Теперь он был абсолютно серьезен, его глаза горели, голос звучал глухо. Этот человек пришел сюда не развлекаться.

– Oui, – кивнул Бовуар. – Если я собираю модель самолета, то у меня есть чертежи. Только не говорите мне, будто Джеральд Булл собирал пушку по наитию. Пусть он был гением, но такое не по силам даже гению. Без чертежей он не мог обойтись.

Агенты КСРБ ничего не ответили.

– Так что скажете? – спросил Бовуар.

– Никаких чертежей обнаружено не было, – ответила Мэри Фрейзер. –

И не потому, что плохо искали. Квартира доктора Булла еще до его убийства обыскивалась несколько раз. В качестве предупреждения ему, чтобы он прекратил свою деятельность. Но, по нашим подозрениям, целью был также поиск чертежей.

– По вашим подозрениям? – повторила Лакост. – Значит, не вы обыскивали его квартиру?

– Нет. Мы не знаем, кто проникал в его дом.

– Возможно, те самые люди, которые его убили, – сказал Делорм.

– Профессионально сработали, – проговорила Мэри Фрейзер с огорошивающей легкостью. И обыденностью. – Все выстрелы в голову, чтобы не оставить ему ни единого шанса.

Изабель Лакост посмотрела на эту неряшливую женщину средних лет новыми глазами. Откуда ей знакомы подобные методы – из личного опыта или только из тренировок? Не знает ли она об убийстве Джеральда Булла больше, чем говорит? Ведь очевидно, что она о чем-то умалчивает.

Лакост быстро прикинула: Мэри Фрейзер лет пятьдесят пять, Джеральда Булла убили в Брюсселе двадцать пять лет назад.

Фрейзер в то время было около тридцати.

Вполне возможно. Самый подходящий возраст для солдата.

– Вы уверены, что он мертв? – спросил Гамаш, и все глаза обратились на него.

– Что-что? – удивленно проговорила Мэри Фрейзер.

– Джеральд Булл. Агенты КСРБ видели его тело? Кто-нибудь из канадского посольства его опознал?

– Да, конечно, – ответил Делорм. – Он мертв. Пять пуль в голову – вполне достаточно.

Гамаш улыбнулся:

– Merci. Просто подумалось. А Джон Флеминг?

Агенты КСРБ уставились на него во все глаза, зато Лакост и Бовуар уткнулись взглядом в стол.

– Прошу прощения, – сказала Мэри Фрейзер. – Джон Флеминг?

– Да, – произнес Гамаш обыденным, даже дружеским тоном. – Он тут с какого бока?

Мэри Фрейзер посмотрела на коллегу, потом на полицейских. Наступило неловкое молчание.

– Вы в курсе того, что мы говорим о «Проекте „Вавилон“»? – спросила она.

– Oui, – вступил в разговор Бовуар. – Мы нашли пьесу Джона Флеминга, и тут, похоже, есть некоторое совпадение, только и всего.

– Вы ее нашли там же, где и пушку? – спросил Шон Делорм, пытаясь не потерять мысль и остаться в рамках логики.

– Нет, – признал Гамаш.

– Тогда почему мы об этом говорим? – Мэри Фрейзер снова посмотрела на полицейских, ожидая объяснения.

Но такового не последовало. Они продолжали молчать.

Однако Арман Гамаш не унимался.

– Значит, вам ничего не известно о сотрудничестве Джона Флеминга с Джеральдом Буллом и о его участии в «Проекте „Вавилон“»? – спросил он, переводя взгляд с Мэри Фрейзер на Шона Делорма и обратно.

– Клянусь вам, я даже не знаю, о ком вы говорите, – сказала Мэри Фрейзер, вставая. – Думаю, наш разговор исчерпал себя. Спасибо за компанию и за помощь. А теперь прошу нас извинить.

– У меня тоже дела, – сказал профессор. – Хочу перечитать свои заметки. А еще я хотел бы позаимствовать у вас вот это… – Он показал на листы распечатки. – Если вы не возражаете. Я верну.

– Интересно будет услышать ваше мнение, сэр, – сказала Лакост, передавая листы пожилому ученому.

Профессор Розенблатт уселся на мягкий стул у окна и сразу же погрузился в чтение.

Когда Габри ушел, приняв их заказ, Изабель обратилась к Гамашу:

– Это вы к чему?

– Что ты имеешь в виду?

– Я о Джоне Флеминге.

– Просто хотел увидеть их реакцию, – ответил Гамаш.

– И вы ее увидели, – сказала Лакост. – Они думают, что вы чокнулись.

– А ты? – спросил он, смягчая вопрос улыбкой. – Что думаешь ты?

Изабель Лакост смело встретила его проницательный взгляд:

– Я в жизни не слышала, чтобы вы задавали глупый вопрос, сэр. Иногда вы ошибаетесь, но глупостей за вами не числится. Видимо, вы искренне уверены, что какая-то связь здесь существует.

– А ты – нет?

Он перевел взгляд с Лакост на Бовуара, который опустил глаза.

– Я действительно не вижу тут связи, – призналась Изабель. – Булл и Флеминг использовали для своих творений популярную библейскую цитату, но из этого не вытекает, что они сотрудничали или знали друг друга.

Гамаш продолжал смотреть на Бовуара, и тот немного занервничал:

– Я согласен с Изабель. По-моему, вы подорвали уровень доверия к

вам этих людей. Я видел, как эта Фрейзер пялилась на вас.

– Да, – сказал Гамаш, устраиваясь поудобнее. – Занятный состоялся разговор, правда? Она даже не спросила, кого я имею в виду, когда услышала имя Джона Флеминга.

И опять Лакост и Бовуар быстро переглянулись, что не ускользнуло от Гамаша.

– Что вы думаете об агентах КСРБ? – спросила Изабель с напускной веселостью в голосе, меняя тему разговора.

– Я думаю, что они слишком хорошо осведомлены о пушке, которую, по общему мнению, так и не создал давно умерший конструктор, – ответил Гамаш.

– И я тоже так думаю, – сказала Лакост. – Они совсем не такие путаники, какими кажутся. Неужели они и в самом деле проводят все свои дни за введением информации в компьютеры?

– И за чтением, – сказал Бовуар Гамашу. – Я вам говорил: это опасное занятие.

– Сомневаюсь, что спортивная страничка тебя убьет, mon vieux.

Принесли завтрак. Блинчики и сосиски для Гамаша и Бовуара, яйца «бенедикт» для Лакост.

Габри поставил на стол корзиночку с теплыми круассанами и улыбнулся Лакост.

Бовуар перевел взгляд со своей начальницы на удаляющийся передник Габри.

– Мы с ним провели незабываемую ночь, – сказала Лакост.

Арман медленно опустил нож.

– Это ты. Ты сказала Габри про суперорудие, – прошептал он очень тихо, чтобы не услышал профессор Розенблатт. – И попросила его растрепать всей деревне.

Изабель Лакост слегка пожала плечами:

– Oui.

– Так это ты? – поразился Бовуар. – Зачем?

– Все согласны с тем, что пушка может стать опасной, попади она в руки людей, которые желают нам зла, – сказала Лакост. – Такое орудие опасно даже в руках наших соотечественников. В особенности если оно окружено тайной. Но я сделала это не в целях национальной безопасности. Если честно, то я недостаточно умна, чтобы разобраться во всех деталях этого зверя.

Гамаш никогда не сомневался в уме Изабель Лакост. Он всегда с уважением относился к своей молодой протеже. А сейчас проникся к ней

еще большим уважением.

– Ты сам говорил об этом, Жан Ги, – продолжила она. – Расследовать убийство Лорана практически невозможно, если мы умалчиваем о мотиве. О пушке. Мы в долгу перед Лораном, а не перед КСРБ. И потом, если убийца хочет сохранить существование суперорудия в тайне, то лучшее, что можем сделать мы, – это не идти у него на поводу. Вытащить пушку из тайника. Посмотреть, насколько это испугает убийцу. И, как учили нас вы, месье Гамаш, испуганный убийца разоблачит себя сам.

Он действительно так их учил. Но обоих мужчин поразила не столько ее логика, сколько обращение к Гамашу – «месье». Изабель впервые не назвала его старшим инспектором.

Это было естественно, здраво. И соответствовало действительности. Но Арман Гамаш почувствовал себя так, словно с него соскребли татуировку.

– Чему еще я тебя научил? – спросил он.

– Никогда не пользоваться первой кабинкой в общественном туалете, – сказала Лакост.

– А кроме этого?

– Убийца опасен, – сказала она. – А испуганный убийца опасен вдвойне.

Гамаш поднялся:

– Ты пошла на большой риск, старший инспектор. Нанесла удар КСРБ по самому больному месту. По их тайным планам. Что ж, по крайней мере, теперь мы увидим их реакцию. К тому же ты дала сильный пинок убийце, а он все еще остается невидимым для нас.

– Надеюсь, это заставит его действовать, – сказала Лакост, тоже вставая.

Она вгляделась в лицо бывшего наставника, такое знакомое после множества подобных разговоров. Вот только в прошлые разы тяжесть решения всегда ложилась на его плечи.

– Я совершила ошибку? – спросила она.

– Если и так, то я бы совершил точно такую же, – ответил Гамаш и улыбнулся. – Это опасно, но необходимо. Сейчас не время для робости. Или тайн.

– Кроме наших тайн, – уточнил Бовуар.

Глава восемнадцатая

Майкл Розенблатт оторвал взгляд от своего французского тоста и увидел, что полицейские собираются уходить.

Он читал, делал заметки на память и ел. Приезд в эту деревеньку стал для него открытием. Да и сама деревня была открытием. Как и превосходные французские тосты, сосиски и кленовый сок, почти наверняка добываемый из деревьев, которые он видел в окне.

Но главным откровением стала пушка. Если бы, когда он пролез на четвереньках сквозь то маленькое отверстие, раздался небесный хор, он бы ничуть не удивился.

Перед ним стояло суперорудие Джеральда Булла. Купалось в лучах прожекторов.

Проклятый Джеральд Булл. Он и мертвый не ушел из мира. Как ему это удалось?

Как он собрал это чертово орудие? Профессор Розенблатт посмотрел на бумаги, лежащие рядом с его тарелкой, и в свой блокнот, чуть заляпанный кленовым соком. Одно слово было написано прописными буквами и обведено кружочком.

КАК?

Потом он добавил:

ЗАЧЕМ?

Этот вопрос тоже казался ему неплохим.

Но теперь, когда он задумался, возник еще один вопрос:

КТО?

Профессор Розенблатт опустил авторучку и взглянул на Гамаша, прощавшегося с коллегами.

Джон Флеминг. Это имя в устах отставного старшего инспектора потрясло профессора. Он не слышал его много лет. Разумеется, он знал, кого имеет в виду Гамаш, и понял, что агенты КСРБ тоже знают. Серийный убийца. Человек, далеко шагнувший за черту.

Но чтобы связать между собой Флеминга и Булла? Это казалось невероятным.

Профессор Розенблатт проследил за тем, как Гамаш и полицейские направились в разные стороны. Он видел выражение лиц молодых мужчины и женщины, когда они смотрели на Гамаша. С некоторой озабоченностью и огромной любовью.

Розенблатт чувствовал, что перед ним добрый человек, и понимал, что не так уж часто в своей жизни встречал добрых людей. Умных, хитрых, состоявшихся – да. Но не очень добрых. И не всегда хороших.

– Надеюсь, я вам не помешаю, – сказал Гамаш, подойдя к столику профессора.

– Прошу вас, буду рад. – Розенблатт указал на стул напротив него.

– Хорошо спалось? – спросил Гамаш, подсаживаясь к профессору.

– Не очень, – признался Розенблатт. – Новая кровать. Новое суперорудие.

Гамаш усмехнулся. У профессора и в самом деле был усталый вид. Но его глаза светились умом.

«Вот опасный человек», – подумал Гамаш.

«Вот опасный человек», – подумал Розенблатт. При этом его оценка Гамаша как человека доброго ничуть не изменилась, просто она расширилась. И теперь включала то, что он узнал о Гамаше, проведя вчера вечером кое-какие исследования.

Этот крупный вдумчивый человек не побоялся противостоять начальству. Он убивал. И его самого чуть не убили.

Розенблатт понял: эти глаза, какими бы добрыми они ни казались, видели такие вещи, какие мало кто видел. А рука, которая пожимала его руку, хотя и была теплой, не останавливалась перед убийством.

И не остановится в будущем, если возникнет необходимость.

Арман Гамаш оказывал на Майкла Розенблатта одновременно успокаивающее и слегка пугающее воздействие.

– Вы явно немало размышляли об этой пушке вечером и ночью, – сказал Гамаш. – У агентов КСРБ есть свои сильные стороны, но они далеки от науки. Я бы хотел узнать, что вы думаете о создании Джеральда Булла.

Профессор Розенблатт покачал головой и выдохнул:

– Как ученый? Его пушка размерами даже больше, чем это казалось возможным. Невероятно. Мощная, но в то же время изящная.

– Изящная? – переспросил Гамаш. – Странное словечко применительно к тому, что задумывалось как оружие массового поражения.

– Мое суждение не имеет отношения к нравственной стороне дела, это всего лишь оценка механизма. Говоря «изящная», мы в первую очередь имеем в виду простоту. Легкость в использовании.

– Пушку Булла легко использовать?

– О да. Наилучшие конструкции всегда просты в употреблении. В этом и состоит их гениальность. Пушка кажется сложной из-за своих размеров. Но у нее мало движущихся частей, так что их довольно легко изготовить и

собрать. Почти нечему ломаться. Такое же изящество у пращи, лука и стрелы. Или у пистолета, который вы носите.

– Я редко ношу с собой пистолет, – сказал Гамаш. – Ненавижу оружие. Оружие, видите ли, очень опасная вещь.

– Вы не верите в теорию равновесия сил устрашения? – спросил Розенблатт.

– Фраза, которой премьер Пирсон[42] описывал холодную войну? – сказал Гамаш. – Я думаю, он использовал эту теорию как порицание и предупреждение, а не как цель, к которой нужно стремиться.

– Возможно, – согласился Розенблатт. – Но ведь она действовала, верно? Когда обе стороны могут уничтожить друг друга, ни одна не готова нажать на спусковой крючок.

– Пока оружие не попадет в руки сумасшедшего, – заметил Гамаш.

Розенблатт помрачнел и кивнул:

– Да, тут в моей аргументации имеется изъян.

– Значит, пушка Джеральда Булла изящна, – сказал Гамаш. – Но остается ли она по-прежнему актуальной? Или время и технологии оставили ее на задворках?

– Праща убивает и по сей день, – сказал Розенблатт.

– Как и лук со стрелами. Но какой от них толк против атомной бомбы?

Розенблатт задумался на секунду:

– Видимо, я должен согласиться с тем, что межконтинентальные баллистические ракеты более опасны, чем то, что сконструировал Булл тридцать лет назад, но на самом деле это не так. Вероятно, творение Булла выглядит менее внушительно, но работу свою оно выполнит.

– Вопрос в том, что это за работа, – сказал Гамаш.

– Да, хороший вопрос.

– Если суперорудие на самом деле всего лишь громадная пушка, то может ли она стрелять обычными снарядами или же только специальными? – спросил Гамаш.

– Она может стрелять любым снарядом, каким ее зарядят.

Гамаш задумался над этим утверждением, произнесенным столь обыденным тоном.

– Включая и ядерную боеголовку?

Розенблатт чуть поерзал на стуле и кивнул.

– Химическое оружие? – спросил Гамаш.

Еще один кивок в ответ.

– Биологическое?

Розенблатт подался вперед:

– Она может выстрелить «фольксвагеном» в нижние слои атмосферы. И вообще абсолютно всем, чем ее зарядят.

После этих слов наступила пауза.

– Так что же она делает здесь? – спросил Гамаш.

Снова молчание, и наконец Розенблатт тихо произнес:

– Я не знаю.

– А предположить можете?

– Я не занимаюсь догадками. Я ученый. Догадки не входят в круг моих занятий.

Гамаш улыбнулся:

– Вы не правы. Ученые постоянно выдвигают гипотезы. Разве это не разновидность догадок? Попробуйте. Не верю, что вы сидели здесь и не думали об этом.

Профессор Розенблатт глубоко вздохнул:

– Возможно, мы имеем дело с прототипом для показа потенциальным покупателям. Этим можно объяснить и отсутствие спускового механизма. Стрелять из нее не предполагалось. Она – разновидность макета. Рекламный инструмент.

– Или?..

– Или же она собиралась как боевое оружие. Вы обратили внимание, куда она направлена?

– На Штаты, – ответил Гамаш. – Какая теория, на ваш взгляд, наиболее вероятная? Макет или боевое орудие?

Розенблатт покачал головой:

– Отсутствие спускового механизма для меня загадка. Был ли он изготовлен? Был ли удален? – Он посмотрел в глаза Гамашу. – Я действительно не знаю.

Арман Гамаш не очень поверил ученому, но понял, что сегодня не получит более определенного ответа.

– Хорошая новость состоит в том, что мы нашли суперорудие, прежде чем из него произвели выстрел, если намерение выстрелить вообще существовало, – сказал Гамаш. – К несчастью, это стоило жизни Лорану Лепажу.

Профессор Розенблатт внимательно посмотрел на собеседника:

– Вы в отставке. Почему вы занимаетесь этим делом?

– Лоран был моим другом.

Розенблатт кивнул. Слова Гамаша прозвучали просто. Изящно. И не менее убедительно, чем выстрел из пушки.

– И вы хотите отомстить? – спросил профессор.

Гамаш слегка наклонил голову:

– Надеюсь, что нет.

Теперь пришла очередь Розенблатта наклонять голову.

– Но вы не уверены.

– Вы нашли что-нибудь интересное в этих бумагах? – спросил Гамаш севшим голосом.

Розенблатт мельком посмотрел на него, потом опустил взгляд на бумаги:

– Жаль, много вымарано, но я не думаю, что здесь есть какие-то откровения.

– Откровения?

– После смерти Булла прошло много лет, и часть информации о его работе так или иначе всплыла, – сказал Розенблатт. – Вы и сами, зная ключевые слова, наверняка что-то откопали. Но есть вещи, которые известны только людям, работающим в этой области. Или же тем, кто догадался. – Розенблатт сделал короткую паузу. – Выстроил теорию.

– И что это за область?

Розенблатт с опозданием понял, что интуиция его не обманула. Он имел дело с опасным человеком, который вывел его на опасную территорию.

Мощный мозг профессора лихорадочно заработал, неизменно возвращаясь в одну точку.

Он может солгать, но это рано или поздно всплывет наружу.

– Область конструирования оружия, – сказал профессор Розенблатт и подметил, что Гамаш ничуть не удивился.

– Так оно и должно быть, верно? – сказал Гамаш, проявляя не меньшую откровенность, чем его собеседник. – Ведь иначе вы бы здесь не оказались, да?

Они разглядывали друг друга. Не бросали вызов, не угрожали друг другу. Не вели борьбу за первенство. Напротив.

Они признавали друг друга.

Видели в собеседнике специалиста, лучшего в своей области. А эта область была изрыта ямами, поросла сорняками, усеяна минами. Преодолеть все препятствия невозможно без мудрой осторожности и некоторого коварства. И не получив при этом шрамов.

– О чем вы меня спрашиваете, месье?

– Я спрашиваю, работали ли вы с Джеральдом Буллом.

Глаза его собеседника вспыхнули, в них читалось желание прервать визуальный контакт. Но профессор выдержал. Он коротко кивнул:

– Я уже говорил вашему молодому коллеге инспектору Бовуару, что мы с Буллом в одно и то же время работали в Университете Макгилла, но, боюсь, я был не до конца честен. Мы сотрудничали с профессором Буллом. Числились на разных кафедрах, но работали над одними проектами. Впрочем, по-настоящему никто с Джеральдом Буллом сотрудничать не мог. Начиналось, может, и неплохо, но вскоре вы понимали, что на самом деле работаете на него.

– И вы работали на него, когда у него родились планы создания суперпушки?

– Нет, я ушел, когда узнал, что он пользуется посредничеством Советов для продажи своего оружия. Он был не очень умен.

– Вы поэтому ушли? Испугались, что поймают?

– Нет. Я чувствовал, что это неправильно. Одно дело – конструировать оружие для своей страны, и совсем другое – продавать его тому, кто больше заплатит. Джеральд Булл был продавцом до мозга костей. Совершенно без совести.

– Почему вы сказали, что он был не очень умен? – спросил Гамаш.

– Он сделал несколько глупых шагов. Например, обхаживал Советы. У него было преувеличенное самомнение, которое говорило ему, что он умнее других людей.

– Самомнение его обмануло? – спросил Гамаш.

– Я знаю, это поразительно. Доктор Булл был такой напыщенный. Идеальный характер для человека, который продает пушки, а Булл, как я уже говорил, показал себя продавцом до мозга костей.

– Зачем ему понадобилась гравировка Вавилонской блудницы на пушке? Это что-то вроде визитной карточки? Подписи? Она присутствовала на всех конструкциях Булла?

– Мне об этом не известно. Возможно, гравировка – еще один маркетинговый ход. Что еще могло привлечь такого сумасшедшего деспота, как Саддам, если не символ Апокалипсиса? Да к тому же, ни больше ни меньше, связанного с древним государством, на месте которого находится Ирак. Идеальный ход.

– Но найденная пушка не предназначалась для Саддама, верно? – сказал Гамаш. – Джеральд Булл собирал ее не в Ираке, а в Квебеке. И тем не менее выгравировал на ней Вавилонскую блудницу. Почему?

– Возможно, это подтверждает теорию макета, – задумчиво произнес Розенблатт. – Он собрал пушку, желая продемонстрировать ее иракцам. Тогда все разведки мира интересовались проектом Булла, но никому и в голову не приходило искать пушку здесь. Он мог показать ее иракцам, а

заключив контракт, мог разобрать пушку и частями доставить в Багдад.

Гамаш выслушал эту удивительную гипотезу в подробностях. Он не мог не согласиться, что резон в ней был. Квебек как демонстрационный зал. Хотя существовала и другая гипотеза. Противоположная.

– А может быть, она всегда предназначалась для Квебека, – заговорил Гамаш. – Саддам со своими «Скадами» никак не мог добраться до Штатов. Может быть, Саддам никогда и не имел в виду Израиль, или Иран, или любую другую цель в своем регионе. Может быть, Саддам имел в виду Штаты. Американцы считали, что это оружие массового уничтожения находится на Ближнем Востоке, а оно находилось здесь.

«Может быть, может быть, – подумал Гамаш. – Сплошные „может быть“».

Это разочаровывало. Впрочем, Гамаш чувствовал, что они сделали еще один шаг к истине. Может быть.

Гамаш устроился поудобнее и взглянул через стол на своего собеседника, вспоминая кое-что из найденного Рейн-Мари о Джеральде Булле.

– Джеральд Булл получил докторскую степень по физике в очень молодом возрасте. Примечательное достижение. Но, насколько я понимаю, успеваемостью он не отличался.

– Мне об этом ничего не известно. Я не знал его студентом.

– Верно. Но вы знали его в более поздние годы. Он старше вас лет на двадцать?

– Приблизительно.

Розенблатт внимательно посмотрел на Гамаша. Больше он не попадется на эту удочку. Но ему не удавалось отделаться от чувства, что они опять идут по минному полю.

– Отметки у него были средние, – сказал Гамаш, как бы рассуждая про себя. – А вы несколько раз назвали его продавцом до мозга костей. Не выдающимся ученым, а продавцом.

И теперь Майкл Розенблатт действительно оказался посреди минного поля. Там, куда завел его этот спокойный, рассудительный, добрый человек.

Он ждал следующего неизбежного вопроса.

Гамаш наклонился над столом и почти извиняющимся голосом проговорил:

– Хватало ли Джеральду Буллу ума, чтобы создать суперорудие? Или он умел только продавать? Может быть, конструкторскую работу проделал другой гений, о котором нам не известно?

Бабах!

Глава девятнадцатая

Клара Морроу свернула на подъездную дорожку к дому Лепажей. Длинную, в рытвинах, как и большинство грунтовых дорожек в районе.

Она посмотрела на углубление для ног перед пассажирским сиденьем, где стоял горшочек, завернутый в фольгу, и десерт из печеных яблок. Еще теплый. Она чувствовала запах коричневого сахара и корицы и думала, что, наверно, негоже ей глотать слюнки. И гореть желанием повернуть обратно и съесть все это самой.

Она остановила машину перед небольшим домом.

В окне второго этажа отодвинулась занавеска, и Клара увидела лицо Ивлин, выражавшее отчаяние, словно Клара была бактерией, а Иви – открытой раной.

На траве лежала старая дворняга Харвест. Пес поднялся на ноги, чуть помахивая хвостом.

– Клара, – сказала Иви, подходя к сетчатой двери и вымучивая улыбку.

– Не хотела вас беспокоить, – сказала Клара, держа в руках еду. – Но я знаю, сколько сил нужно, чтобы подняться утром с кровати. Я уже не говорю о том, чтобы доехать до магазина, а потом заняться готовкой. У меня в багажнике два пакета со всякой бакалеей. Это от месье Беливо. А Сара прислала круассаны и багеты. Она говорит, их можно заморозить. Не знаю, правда ли это. У меня дома они не залеживаются.

На лице Иви появилось подобие искренней улыбки. И с некоторым облегчением Клара увидела, как чуть-чуть рассеялся тот густой туман, который отделил Иви Лепаж от мира.

Арман Гамаш проводил взглядом старого ученого, покинувшего ресторан гостиницы.

Стоило Гамашу спросить о реальном вкладе Джеральда Булла в «Проект „Вавилон“», как Майкл Розенблатт посмотрел на часы и неловко поднялся со стула:

– Ой, мне пора. Спасибо за компанию.

Арман тоже поднялся.

Профессор Розенблатт протянул руку, и Гамаш, шагнув к профессору для рукопожатия, шепнул ему что-то на ухо.

Потом отступил, чтобы взглянуть в испуганное лицо.

Розенблатт повернулся и с деланой неторопливостью пошел прочь, а

Арман снова сел за свой кофе и свои размышления.

Был ли Джеральд Булл истинным автором суперорудия? Или же он выступал только в качестве умного подставного лица? Не стоял ли за проектом другой гений? Кто-то помоложе и поумнее? И гораздо опаснее?

И вероятно, все еще живой. Как выяснила Рейн-Мари, Джеральду Буллу, когда его убили, исполнилось шестьдесят два. Гамаш знал, что большинство ученых лучшие свои работы, самые выдающиеся и творческие, завершают до сорока лет.

Не было ли у Булла молчаливого партнера? Ученого-физика, конструктора-оружейника? Не составляли ли они на пару идеальную команду? Один оставался в тени, создавал пушку, не похожую ни на что другое. Изящное оружие. А другой обзаводился связями, вращался во влиятельных кругах, заключал сделки. Находил покупателей. Нашел Саддама.

Оба гении в своих областях. Майклу Розенблатту было около сорока пяти, когда убили Джеральда Булла. Суперорудие сконструировали лет за пять до убийства. Может, больше. Тогда Розенблатту не было еще и сорока.

Логично. Возможно ли, что Майкл Розенблатт и есть отец спрятанного в лесу монстра?

Профессор так торопился уйти, что оставил бумаги на столе. Арман собрал их и подумал: возможно, дело не в забывчивости. Возможно, там просто не обнаружилось ничего нового для пожилого ученого.

Гамаш прихлебывал кофе и думал.

У него возникло ощущение, что Розенблатт – ученый, наделенный совестью. Но не могло ли случиться так, что представления о добре и зле пришли к нему с опозданием? Не успел ли он внести свою лепту в равновесие сил устрашения?

А может быть, его представление о добре отличалось от такового у Гамаша?

«Мы сидели и плакали», – прошептал Гамаш на ухо Розенблатту, когда они прощались. И добавил следующую строку из псалма. Строку, которая не была выгравирована на пушке. «Когда вспоминали о Сионе».

Доктор Булл и профессор Розенблатт, возможно, располагали собственным оружием массового поражения, но имелось оно и у Гамаша. И, судя по выражению лица Розенблатта, когда они расставались, отставной старший инспектор попал точно в цель.

Что, если Розенблатт участвовал в «Проекте „Вавилон“», а потом, поняв, что его покупает Саддам, чтобы использовать против Израиля, постарался остановить создание суперпушки? Убив Джеральда Булла?

Может быть, стрелял не он лично, но кто еще мог знать о перемещениях Булла, кроме близкого коллеги? Достаточно было прошептать одно словечко.

Остальное сделали бы МОССАД, ЦРУ, иранцы, КСРБ.

Но тому убийству исполнилось двадцать пять лет. У Армана Гамаша не имелось никаких обязательств перед пушкой. И конечно, перед Джеральдом Буллом. У него было обязательство только перед Лораном, который предупредил их, а они бездарно проигнорировали его предупреждение.

Изабель Лакост уже заканчивала допросы обитателей деревни.

Следователи полиции получили возможность свободно говорить о суперпушке, и хотя жители Трех Сосен проявляли живой интерес к этому делу, но помочь ничем не могли.

Большинство из них были слишком молоды в то время, когда создавалась пушка, или жили в других местах. Как Мирна. И Клара. И Габри с Оливье.

И теперь Изабель Лакост, вооружившись черно-белой фотографией доктора Булла и своими вопросами, направилась в продовольственный магазин – поговорить с последним человеком в ее списке. Вторым старожилом деревни, месье Беливо. А Жану Ги досталась грязная работа – разговаривать с самым старым жителем деревни.

– Хочешь немного, тупица?

Рут наклонила бутылку виски в сторону Бовуара.

– Вы же знаете, я больше не пью, – ответил он.

– Это не алкоголь. Я взяла ее у Гамашей, – объяснила она. – Здесь чай. «Эрл Грей». Они думают, что я не разобралась.

Бовуар улыбнулся и согласился, хотя какая-то его часть испытывала неловкость при виде янтарной жидкости, переливающейся из бутылки виски в стакан. Он принюхался, но запаха алкоголя не почувствовал.

Тем не менее он отодвинул от себя стакан и подтолкнул к Рут копию фотографии.

Черно-белую фотографию плотного человека в костюме, с узким галстуком и плащом, перекинутым через руку. Типичный бизнесмен, у которого плохо пошли дела. Он стоял в небрежной позе, хотя на его лице со всей очевидностью читалась тревога. Он словно услышал звук выстрела вдалеке.

– Вы знаете этого человека?

Рут посмотрела на фотографию:
– А должна знать?
– Вы знаете о пушке?
– Слышала что-то. Все про нее говорят.
– Этот человек – создатель пушки. Его зовут Джеральд Булл.
– Так, значит, не врут? Про пушку-то?
Жан Ги кивнул.
– Ее называют суперпушкой, – сказала Рут.
Он снова кивнул:
– Я таких пушек никогда раньше не видел.
– Лоран говорил правду, – сказала старая поэтесса.
На взгляд Жана Ги, поэтесса никогда не выглядела такой старой.
– Пушку создали в середине восьмидесятых, – сказал он. – Вы тогда жили в деревне. Не вспомните чего-нибудь? В лесу, наверно, было много шума. Вы не могли не заметить.
– Такой вопрос может задать только горожанин. Ты думаешь, что в деревне стоит тишина, но ты ошибаешься. Случаются дни, когда мы тут Нью-Йорку можем фору дать. Бензопилы работают повсюду и без остановки. Очистка территории, рубка деревьев, спиливание веток, опасно приближающихся к электросетям. Заготовка дров на зиму. В диапазоне от бензопилы до газонокосилок звуки могут быть оглушающими. А уж про лягушек и жуков весной можешь меня вообще не спрашивать. Никто бы и не заметил или не запомнил какой-то шум в лесу тридцать лет назад.
Бовуар кивнул:
– Значит, местных он не нанимал?
– Меня он точно не нанимал, – сказала Рут.
Она перелила чай назад в бутылку.

Вид у месье Беливо был мрачнее обычного.
– Désolé, ничем не могу помочь. Я в то время жил здесь, владел магазином, но ничего такого не помню.
– Пушка просто огромная, – сказала старший инспектор Лакост. – Массивная. Тому, кто ее строил, нужно было очистить площадку, привезти компоненты, собрать их. Вы не помните никакой активности в лесу?
– Non, – ответил он, помотав головой.
Она ждала еще чего-нибудь, но ничего так и не последовало. Значит, ей придется включаться по полной и вытаскивать из него информацию чуть ли не клещами.
– Если бы ему в то время понадобилась чья-то помощь по расчистке

леса, то к кому бы он обратился?

– Жиль Сандон много работал в лесу, – ответил месье Беливо. – Но он слишком молод. А Билли Уильямс, хотя у него есть экскаватор и с бензопилой он в ладах, уже сорок лет как имеет контракт с муниципалитетом. Работы ему хватает.

Лакост уже успела поговорить и с тем и с другим. Никто из них не знал Джеральда Булла. Никто понятия не имел о пушке. Никого не нанимали для расчистки леса или завоза странных деталей в середине восьмидесятых.

– У большинства здесь есть бензопилы, и они заготавливают себе дрова на зиму. Большинство подрабатывает за наличку. – Месье Беливо покачал головой. – Не самая квалифицированная работа.

– Это точно.

– Как эта информация может способствовать обнаружению тех, кто убил мальчика Лепажей? – спросил месье Беливо.

Изабель Лакост взяла в руки фотографию.

– Не могу вам сказать, – призналась она. – Но Лорана убили из-за пушки. Из-за того, что он ее обнаружил. Скажите, вы не видели в деревне в последние дни кого-нибудь постороннего, кто спрашивал бы про пушку в лесу?

– Non, madam, никто не приходил ко мне с вопросами о суперпушке.

Из-за этого мрачного и серьезного тона его ответ становился еще более нелепым.

Лакост убрала фотографию доктора Булла к себе в карман. Они проводили криминалистическую экспертизу, опрашивали жителей, собирали факты. Но Лорана убил не факт. Его убил страх. Кто-то очень испугался, узнав, что мальчик нашел пушку и может кому-нибудь разболтать о своей находке. Испугался и убил Лорана.

Чтобы убить ребенка, нужен человек особого склада. А еще – особая тайна. И сильнейшие, неодолимые, грязные, гнойные эмоции.

Этому научил ее старший инспектор Гамаш.

Да, сбор улик, сбор фактов. Безусловно. С помощью фактов убийца будет осужден, но найти его помогут чувства.

Клара поставила горшочек с картофельной запеканкой и десерт из печеных яблок в холодильник. После смерти Питера она утешала себя этими блюдами. С помощью горшочков возвращалась к реальности. Спасибо доброте соседей, которые готовили все это для нее, приносили. Составляли ей компанию.

И вот настал черед Клары вернуть утешение, и горшочки, и компанию.
– А где Ал? – спросила она.
Ал обычно находился дома, что-нибудь чинил или раскладывал продукты в корзинки.
– В поле, – ответила Иви. – Собирает урожай.
Клара выглянула в кухонное окно и увидела Ала Лепажа, который стоял на коленях в кабачковой грядке. Седые, увязанные в хвостик волосы ниспадали на его широкую спину.
Он стоял неподвижно. Смотрел на плодородную землю.
Это мгновение показалось Кларе слишком интимным, и она снова повернулась к Иви:
– Как у вас дела?
– У меня будто кости растворяются, – ответила та.
Клара кивнула. Ей было знакомо это чувство.
Иви вышла из кухни, и Клара с собакой последовала за ней. Клара думала, что они направляются в гостиную, но Иви поплелась вверх по лестнице и остановилась у закрытой двери. Харвест остался внизу – то ли был слишком стар, чтобы подниматься, то ли не чувствовал мотивации, ведь, кроме мальчика, играть с ним было некому.
– Ал сюда не заходит, – объяснила Иви. – Приходится закрывать дверь. Он не хочет видеть ничего, что напоминает о Лоране. Но я поднимаюсь сюда, когда его нет в доме.
Она распахнула дверь и вошла в комнату. Кровать пребывала в том состоянии, в каком оставил ее Лоран, – незастеленной. Повсюду лежала брошенная одежда.
Две женщины сели бок о бок на кровати.
Старый дом стонал и потрескивал, словно пребывал в трауре, пытаясь залатать зияющие дыры в своем фундаменте.
– Я боюсь, – выдавила наконец Иви.
– Расскажите, – попросила Клара.
Она не сказала: «Расскажите, чего боитесь». Клара знала, чего боится она сама. Она знала единственную причину, по которой Иви позволила ей пересечь порог комнаты сына, и это вовсе не из-за принесенных горшочков. Клара принесла в дом кое-что другое. Рану в собственном сердце.
Клара знала.
– Боюсь, что это не пройдет, что все мои кости растворятся и в один прекрасный день я просто исчезну. Не смогу больше выносить. Не смогу двигаться. – Она посмотрела Кларе в глаза. Зацепилась за них. – Больше всего я боюсь, что это не будет иметь значения. Потому что идти мне

некуда. Делать нечего. Мне и кости-то не нужны.

И Клара понимала, что как ни велика была ее собственная скорбь, ничто не может сравниться с пустотой этой женщины, пустотой ее дома.

Дело было не только в ране, оставшейся на том месте, которое раньше занимал Лоран. Дело было в вакууме, который засасывал в себя все. Большая зияющая черная дыра, пожиравшая весь свет, всю материю, все, что имело значение.

Клара, познавшая скорбь, и сама вдруг испугалась. Ее напугала громада утраты, понесенной этой женщиной.

Они сидели на кровати Лорана в тишине, нарушаемой лишь стонами дома.

Это была комната мальчика. Наполненная камнями, которые могли оказаться осколками метеоритов, и какими-то обломками белого цвета, скорее всего костями саблезубого тигра или динозавра. Тут были кусочки фарфора, возможно из доисторического захоронения абенаков. Если только эти древние индейцы пили чай.

На стенах висели постеры «Гарри Поттера», «Короля Артура» и «Робин Гуда».

До этого мгновения Клара была просто потрясена смертью Лорана и пребывала в ужасе оттого, что это убийство. Но она никогда не думала о Лоране как о личности. Она знала его лишь как странного, вызывающего раздражение мальчика, сочиняющего истории и требующего к себе внимания.

И просто отворачивалась, когда он врывался в бистро с очередной своей фантастической историей.

Но сейчас она сидела на его постели а-ля Базз Лайтер[43]. Видела его ботинки в разных углах комнаты. Носки, свернутые и валяющиеся на полу. И книги. Горы книг. Кто сейчас читает? Какой ребенок? Какой маленький мальчик? Но комната Лорана была наполнена книгами. И рисунками. И чудесами. И такой невыносимой скорбью, что Клара еле дышала в этой атмосфере.

Теперь она видела настоящего Лорана, который ушел навсегда.

Клара встала, подошла к книжному шкафу и ухватилась за него; она стояла спиной к Иви, чтобы неизбывная скорбь, внезапно охватившая Клару, не могла усугубить состояние матери.

Она стояла перед Бабаром, Тинтином, Маленьким принцем. К книгам были прислонены маленькие рисунки в рамочках – изображения игривого ягненка. Авторучка и чернила по белой бумаге. Танцующий ягненок. Как это говорят? Резвящийся. В ряд выстроились девять рамочек,

прислоненные к книгам. Более поздние отличались большей изощренностью, с добавлением акварели. Но все они изображали одного ягненочка в поле. А вдалеке – овца и баран, наблюдают. Охраняют. На задниках каждой надписи: «Лоран, 1 год», «Лоран, 2 года» – и так до девяти. На заднике первого ягненка, самого простого, была приписка: «Мой сын» – и нарисовано сердечко.

Клара посмотрела на Иви. Она и представить себе не могла, что у женщины такой талант. Если отец в семье был певцом, то мать – художником. Вот только ягнят больше не будет. Лоран Лепаж больше не будет взрослеть.

– Расскажите мне о нем.

Клара вернулась к кровати и села рядом с Иви.

И та принялась рассказывать. Сначала резкими, отрывистыми предложениями. Но потом из точек, пятнышек, мазков стали проявляться очертания. Нежданного младенца, который стал нежданным маленьким мальчиком, который всегда говорил и делал неожиданные вещи.

– Ал обожал его с самого момента зачатия, – сказала Ивлин. – Он сидел передо мной, играл на гитаре и напевал. В основном собственные песни. Он ведь человек творческий.

Клара вспомнила, что на похоронах Ал сидел на стуле и держал гитару на коленях. Но молчал. Песни покинули его. И Клара подумала: неужели его музыка, как и ее искусство, ушли навсегда? Огромную радость поглотило горе.

– Это не он.

– Что? – спросила Клара.

– До меня доходят слухи, и мы замечали, как люди посматривают на нас. Хотят сказать что-нибудь утешительное, но боятся – вдруг мы сделали это. Неужели люди и вправду так думают?

Клара знала, что скорбь собирает страшную дань. Ты платишь ее в каждый день рождения, каждый праздник, каждое Рождество. Ты платишь ее, увидев знакомый почерк, или шапку, или сложенный носок. Слыша скрипы половиц, которые могли бы быть, должны быть шагами. Скорбь собирает дань каждое утро, каждый вечер, каждый ночной час, когда те, кто остался в прошлом, просятся в настоящее.

Клара не знала, как бы она вынесла потерю Питера, если бы вместо картофельной запеканки и десерта из печеных яблок слышала обвинения. Если бы вместо доброты видела указующий на нее обвинительный перст. Если бы вместо дружбы, объятий и терпения слышала шепоток, видела повернувшиеся к ней спины.

Ал Лепаж, самый общительный из людей, самый веселый, большую часть времени после случившейся трагедии проводил на коленях в поле. И никто не подошел к нему.

– Они сами не понимают, что говорят, – сказала Клара. – Не понимают, какой вред наносят всем. Люди боятся и потому хватаются за любые нелепости.

– Мы считали их друзьями.

– У вас есть друзья. Много друзей. И мы вас защищаем, – сказала Клара.

Она не солгала, хотя защищать их можно было бы и понастойчивей. И потрясенная Клара поняла, что какая-то ее часть тоже задавалась вопросом, не являются ли нелепые слухи хоть в какой-то, пусть самой малой своей части… верными.

– Ну, теперь у них есть другая тема для разговоров, – сказал Клара.

– Вы это о чем?

Клара поняла, что до них еще не дошла новость о пушке. Они вдвоем жили замкнутой жизнью, словно вокруг них разверзся непроходимый ров.

– Пушка… – начала она, глядя на Ивлин, которая смотрела на нее пустым взглядом.

В окне за спиной Ивлин Клара увидела знакомую машину. Следом подъехали два полицейских патрульных автомобиля. Заметив выражение лица Клары, Иви повернулась и неуверенно встала.

– Полиция. – Она посмотрела на Клару. – Что им надо? Так что вы говорили о пушке?

Глава двадцатая

– Ал, – позвала Иви, подходя к мужу, словно окаменевшему в поле. – Приехала полиция.

Ал не поднялся с колен, но разогнулся. Медленно встал на ноги, повернулся и посмотрел на жену, словно не совсем понимая ее слова.

Иви протянула руку, и Ал взял ее в большую свою. Потом она повела его назад в дом.

– Ал, – сказала Клара, когда они проходили мимо, но он лишь молча взглянул на нее.

Клара не знала, что ей делать. Останься она – и тогда может показаться назойливой, может быть даже отвратительной. Она не хотела выглядеть просто любопытной матроной, собирающей слухи. Но если сейчас уйти, то это может показаться бегством, будто она бросает их на произвол судьбы.

Она решила остаться. Родители Лорана слишком часто и слишком долго оставались предоставленными самим себе.

– Месье, мадам, – сказала Изабель Лакост. – К сожалению, вынуждена просить вас позволить нам снова обыскать дом.

Она посмотрела на Клару и еле заметно кивнула ей.

– А зачем? – спросила Иви. – Что-то случилось? Связанное с пушкой?

– С пушкой? – переспросил Ал. Его обмякшее лицо подтянулось, в глазах появилось осмысленное выражение. – Какой пушкой?

– Я как раз рассказывала Ивлин, – заторопилась Клара. – Но до деталей не дошла. Мне кажется, Ал не в курсе.

Двое полицейских посмотрели на отца Лорана, спрашивая себя, так ли оно на самом деле.

– Не понимаю, – сказал Ал.

«Если он знает про пушку, – подумал Бовуар, – то очень умело выставляет себя абсолютным профаном».

– Мы говорим о том, что было спрятано в зарослях в лесу, под сетью, – объяснила Лакост. – Там, где умер Лоран. Мы нашли там пушку.

– Очень большую, – добавил Бовуар, внимательно глядя на Лепажей. – Пусковую установку. Она называется «суперорудие».

– Значит, Лоран говорил правду, – сказал Ал, обращаясь к Лакост.

Его глаза молили о чем-то, но она не могла понять о чем.

О прощении? О возможности не знать? О том, чтобы она ушла вместе со своей новостью?

– Я ему не поверил. Посмеялся только.

– Мы оба не поверили, – сказала Иви.

– Нет, ты-то хотела пойти посмотреть – может, он правду говорит.

– Но он тут же сказал нам о монстре, – напомнила ему Иви. – Уж в это никак нельзя было поверить.

– Черт, – сказал Ал. Это слово прозвучало скорее как мольба, чем брань. – О нет. – Лепаж закрыл глаза и опустил голову, слабо покачивая ею. – Как я мог?

– Не вы один ему не поверили, – сказала Лакост. – Никто из нас тоже не поверил.

Старший инспектор Лакост говорила сочувственным голосом, однако ни на миг не забывала, что, возможно, говорит с убийцей Лорана.

– Позвольте осмотреть дом? – произнес инспектор Бовуар.

Ал и Иви кивнули и пошли вслед за ними внутрь своего жилища.

Агенты, которые пришли с ними, принялись обыскивать первый этаж, а Лакост и Бовуар поднялись в спальни второго.

Пока Лакост обыскивала комнату Ала и Иви, Жан Ги занимался спальней Лорана, открывал все ящики, заглядывал за постеры, прикнопленные к стенам. Он опустился на четвереньки и заглянул под кровать, под матрас, под подушку, под коврик. Обыскал стенной шкаф, карманы одежды Лорана. Все места, где умный ребенок мог что-то прятать. Но ничего не обнаружил.

Лоран отличался любопытством, фантазией, но вот скрытности в его характере не было. Напротив, он, казалось, стремился рассказать всем обо всем.

В спальне ничего не было спрятано.

На столике у кровати лежала коллекция камешков с вкраплениям кварца и золотой обманки. И раскрытая книга.

«Le chandail de Hockey» Роша Карье[44]. Одна из любимых книг детства Жана Ги. О квебекском мальчишке, яром фанате команды «Монреаль Канадиенз», которому по ошибке присылают хоккейный свитер торонтской «Мейпл Ливз», и мальчику приходится носить его.

Жан Ги взял в руки книгу и обнаружил, что мальчик уже приближался к концу истории. Он положил книгу точно на то место, где она лежала, и задержал руку на знакомой иллюстрации на обложке.

– Есть что-нибудь? – спросила Лакост.

– Ничего.

– Все в порядке?

– В порядке.

Изабель взяла маленькую картинку в рамке с изображением ягненка, посмотрела на аккуратную надпись на заднике. «Мой сын». И сердечко рядом. Изабель вернула картинку на место. Необходимая работа, но старший инспектор все равно чувствовала, что вторгается в чужую жизнь.

– А у тебя? – спросил Бовуар.

– Ничего особенного.

Она узнала, что у Ала увеличена простата, а Иви делает восковую эпиляцию волос на лице и кто-то из них пользуется медицинскими свечами. Ал читает книги о солнечной энергии и исторические романы, а Иви – брошюры о выращивании экологически чистых плодов и биографии.

Телевизора в доме не было, только старый стационарный компьютер.

Лакост включила его, просмотрела файлы, прочитала электронные письма от клиентов, семьи и друзей. Соболезнования, поток которых за последние дни уже иссяк.

Закончив работу, они присоединились к Лепажам и Кларе в гостиной маленького дома. Клара приготовила чай и предложила полицейским, но они отказались.

В комнате бросалась в глаза большая кирпичная печь со вставной плитой. Рядом с печью напротив друг друга стояли два дивана с наброшенными на спинки вязаными пледами. Полы были выстланы досками, поцарапанными и щербатыми. Тут и там лежали сплетенные из лоскутов коврики. Старая собака разлеглась на полу у кресла-качалки, положив голову на лапы.

Рядом с креслом стояла на подставке гитара.

Бовуар подошел к стереосистеме, взглянул на пластинки и кассеты.

Вытащил один из виниловых альбомов и узнал улыбающееся лицо на обложке. Курчавая рыжеволосая голова, окладистая рыжая борода, клетчатая фланелевая рубаха и джинсы с вышитыми на них «знаками мира». Не хватало только сигареты с марихуаной.

Еще он узнал фон, на котором сделан снимок, – три высокие сосны.

Альбом назывался «Психушка».

– Ваш? – спросил Бовуар, хотя заранее знал ответ.

Ал кивнул. Иви взяла мужа за руку.

– Вы ведь американец, верно? – спросила Лакост. – Уклонист от призыва?

Ал кивнул:

– Нас таких много было.

– Я знаю, – сказала Лакост. – Это было не обвинение. А почему вы приехали сюда?

– Чтобы меня не отправили воевать, – ответил Ал.

– Нет, почему именно сюда?

– Я пересек границу из Вермонта. Устал. Наступил вечер. Я увидел огни в деревне. И остановился. И остался.

Его речь прозвучала почти по-детски, отрывистыми повествовательными предложениями.

– Когда это случилось?

– В семидесятом году.

– Более сорока лет назад, – заметил Бовуар.

– Вы знаете что-нибудь о пушке в лесу? – спросила Лакост.

– Нет. Ненавижу пушки.

– Лоран больше ничего не говорил о своей находке? Кому-нибудь еще про нее рассказывал? – спросил Бовуар.

Ал и Иви отрицательно покачали головой.

– Не рассказывал? Или вы не знаете? – уточнил Бовуар.

– Если он с кем и говорил, то нам не сказал, – ответила Иви. – Но, наверное, говорил, да? Его убили из-за этой пушки?

– Мы так считаем, – ответила Лакост. – Может быть, вспомните какие-нибудь слова Лорана, которые нам помогут?

– Он пришел домой, мы поужинали. Лоран читал, мы с Алом собирали овощные корзинки, а потом пошли спать. Вечер ничем не отличался от других.

– А на следующее утро? – спросила Лакост.

– Он позавтракал и, как всегда, укатил на своем велосипеде.

Иви закрыла глаза, и Лакост с Бовуаром поняли, что она видит. Спину своего мальчика, уезжающего навстречу солнцу. Но так и не вернувшегося.

– Мы осмотрели его комнату, но ничего не нашли, – сказал Бовуар. – Вы там ничего не меняли? Ничего нового не появилось?

– Например? – спросила Иви.

«Например, спусковой механизм для оружия массового поражения, – подумал Бовуар. – Или планы Армагеддона».

– Что угодно, – сказал он. – Лоран ничего не приносил домой в последнее время?

– Я ничего такого не видела.

Изабель Лакост достала из кармана пакетик для вещдоков и положила на стол между ними. Стала ждать реакции.

Нахмурившись, Ал взял кассету:

– Где вы ее нашли?

– Ваша?

– Кажется.

Иви взяла у него кассету, прочитала название:

– «Пит Сигер». Наша.

– Почему вы так уверены? – спросил Бовуар.

– А откуда еще она могла взяться? – спросила Иви, теребя кассету. – К тому же ярлычок оторван – кассету заело в нашей магнитоле в машине.

– Одна из любимых записей Лорана? – спросила Лакост.

Иви слабо улыбнулась:

– Нет. Он ее ненавидел. Алу понадобилось два месяца, чтобы извлечь ее из кассетника, так что она одна постоянно и играла, когда мы ездили куда-нибудь.

– Поначалу запись ему нравилась, – заметил Ал.

– Да, но даже я ее возненавидела. Где вы ее нашли? – спросила Иви.

– На земле возле пушки, – ответила Лакост. – Вы не заметили, что она отсутствует?

Ал и Иви покачали головой.

– Зачем Лоран принес ее туда? – спросила Иви.

– Ее принес либо он, либо убийца, – ответил Бовуар.

Смысл его слов дошел до Лепажей не сразу, а когда дошел, Ал встал и посмотрел на инспектора:

– Вы обвиняете нас? Меня?

– Просто я говорю очевидные вещи, – сказал Бовуар, тоже поднимаясь. – Зачем Лорану носить кассету с музыкой, которую он ненавидит?

– Может быть, для того, чтобы спрятать ее? – предположила Иви, вставая рядом с мужем.

Она взяла его за руку – не для утешения, а чтобы не дать ему сделать то, о чем они потом будут жалеть.

Перед Бовуаром стоял человек, который ненавидел насилие, но в то же время был способен на него.

– Мы знаем про слухи, – сказал Ал. – Они думают, что я убил собственного ребенка. Некоторые даже говорят, что Лоран не был моим ребенком. Что Иви…

Эмоции захлестнули его, и он замолчал. Этот мощный человек стоял в шести дюймах от Бовуара и смотрел на него. Уже без злости, с отчаянием. Если Ал Лепаж был горой, то они присутствовали при оползне.

– Ал, – сказала Иви, одергивая его, – какое нам дело до того, что говорят люди? Мы должны помочь полиции найти того, кто убил Лорана. Вот единственное, что имеет значение. – Потом она обратилась к Лакост: –

Вы должны поверить, что мы тут ни при чем. Прошу вас.

Из подвала поднялись другие агенты полиции с тем же результатом. Ничего.

Старший инспектор Лакост забрала кассету:

– Спасибо, что уделили нам время.

– Позвольте мне взять? – попросил Бовуар, показывая на пластинку Ала Лепажа. – Я буду с ней осторожен.

Ал сделал движение рукой, отмахиваясь от Бовуара, от пластинки, от вопроса.

Клара пошла к машине вслед за Лакост и Бовуаром.

– Вы же не считаете, что Ал или Иви имеют отношение к убийству Лорана? – спросила она.

– Я знаю, что люди способны на ужасные вещи, – ответил Бовуар. – Отругать, побить или даже убить человека, которого любят. Этот человек рассыпается на наших глазах.

– От горя, – сказала Клара.

– От чего-то, – возразил Бовуар.

В машине Бовуар спросил у Лакост:

– Ты не заметила ничего странного в Лепажах?

Лакост задумалась, потом кивнула.

– Никто из них не стал спрашивать про пушку, – сказала она.

Бовуар кивнул:

– Точно.

Остаток дня они провели, перечитывая записи разговоров с жителями, сопоставляя факты, детали.

Изабель заметила, как Гамаш вышел из дома вместе с Анри, посмотрел на здание старого вокзала, потом повернул в другую сторону и скрылся из виду.

Несколько минут спустя она нашла его на скамье над деревней. Анри сидел рядом.

– Вы ведь меня не избегаете? – спросила она, усаживаясь рядом с Гамашем. – Потому что если вы хотели спрятаться, то место выбрали не самое удачное.

Он улыбнулся. Его лицо избороздили веселые лучики.

– Может, и избегаю, – признал он. – Но ничего личного.

– Это профессиональное, – кивнула Лакост. – Наверное, вы странно себя чувствуете, не возглавляя следствие.

– Есть немного, – согласился Гамаш. – Трудно не соскальзывать в

прошлые роли. В особенности после… – Он распростер большие руки, и она поняла силу его чувств. – После Лорана.

Она кивнула. Это убийство задело их за живое.

– Тебе нужен оперативный простор, Изабель. Ты ведешь расследование. У меня нет желания возвращаться, но…

– Но это в крови.

Она посмотрела на его руки. Выразительные руки. Она держала их, когда он умирал. Когда прошептал ей то, что могло стать его последними словами.

«Рейн-Мари».

Она стала тем сосудом, в который он влил свои последние чувства, его глаза молили о том, чтобы она поняла.

И она поняла.

«Рейн-Мари».

Изабель крепко сжала тогда его руку. Рука была в его крови и крови других людей. И она смешалась с кровью на ее руках. Ее собственной и других людей.

И теперь охота на убийц была у них в крови.

Старший инспектор Гамаш не умер тогда. Он продолжал возглавлять отдел, расследовал еще немало убийств. Пока не настало время приехать сюда.

Он сделал достаточно. Настал черед других.

Ее черед.

– Вы с мадам Гамаш, кажется, счастливы здесь.

– Верно. Я и не думал, что такое счастье возможно.

– Но вы не удовлетворены, – продолжала прощупывать его Изабель.

Гамаш снова улыбнулся. Как же она отличалась от Жана Ги, который сразу взял быка за рога и спросил у него: «Вы так и собираетесь бездельничать здесь или как, patron?»

Он попытался объяснить Жану Ги, что покой – не бездельничанье. Но взволнованный Бовуар просто не понял его возражений. Как не понял бы и сам Гамаш, будь ему столько же лет, сколько Бовуару. Но в свои почти шестьдесят Арман Гамаш знал, что сидеть спокойно гораздо труднее, это тяготит гораздо больше, чем беготня по делам.

Нет, он не бездельничал. Но придет время, и покой позволит ему понять, что делать. Дальше.

Что дальше?

– Пожалуйста, patron, займите пост суперинтенданта. В полиции столько еще нужно сделать. Разгрести завалы. Вы ведь видели этих двух

молодых полицейских. Новые агенты не знают, что такое дисциплина, не гордятся службой.

– Я это заметил.

– Если они сделают карьеру, мы вернемся туда, где были десять лет назад. – Она повернулась к нему. – Пожалуйста, соглашайтесь.

Гамаш посмотрел вниз на деревню.

– Здесь так красиво, – чуть слышно проговорил он.

Изабель проследила за его взглядом: коттеджи, сады, три высоких вечнозеленых дерева. Но деревня была привлекательна не только этим.

Из бистро вышел Габри и поспешил в гостиницу. Он увидел их наверху и поднял руку. В дверях пекарни появилась Сара и помахала им полотенцем, белым от муки. За окном в книжном магазине Мирны тоже кто-то двигался.

Изабель внезапно стало нехорошо оттого, что она поселила в своем наставнике беспокойство.

Гамаш оторвал взгляд от деревни и посмотрел на холмы, поросшие лесом, который появился здесь тысячи лет назад. Яркие осенние кроны среди темных сосен.

– Посмотри на это, – сказал он, слегка покачивая головой, словно не веря тому, что видит. – Я иногда сижу здесь и представляю себе дикую жизнь, жизни, проходящие в этом лесу. Я пытаюсь представить себе, как тут жили индейцы-абенаки до появления европейцев. Или первые землепроходцы. Дивились ли они этой красоте? Или лес для них был помехой?

Он на несколько мгновений представил себя среди первых землепроходцев.

Он бы восхищался. Даже сейчас восхищение не оставляло его.

– Неудивительно, что пушку никто не замечал, – сказал Гамаш. – Даже если ты знаешь, что она там, и ищешь ее, все равно можешь так никогда и не найти. Можешь пройти в футе от нее и не заметить.

Изабель Лакост смотрела на бесконечный лес.

– Поразительно, что ее вообще нашли, – добавил Гамаш.

– Поразительно то, что она находится там, – сказала Лакост, и он кивнул:

– Сегодня утром, после вашего ухода, я спросил об этом у профессора Розенблатта.

Он рассказал ей о двух гипотезах, предложенных ученым: суперорудие представляет собой макет для показа потенциальному покупателю или же оно установлено здесь, чтобы поражать цели в Штатах.

– Но почему именно здесь? – спросила Изабель. – Почему не в лесах в Нью-Брансуике или Новой Шотландии? Или где-то еще в Квебеке близ границы со Штатами? Почему здесь?

Она указала пальцем в землю.

Гамаш, сидя на скамье, задавал себе тот же вопрос. Кто-то спланировал все это, вероятно, на очень длительное время вперед. А потом разместил здесь пушку. Осторожно. Намеренно. Именно здесь.

– Трех Сосен нет ни на одной карте, – сказал он. – Это немалое преимущество, если хочешь что-то скрыть. Но в то же время деревня может предоставлять услуги, рабочие руки, если возникает такая необходимость.

– Вот только, судя по нашим беседам с местными жителями, никто из местных не работал там, – посетовала Лакост.

– Никто не желает в этом признаться.

– Oui, – подтвердила она.

Арман Гамаш снова перевел взгляд на лес. Сидя здесь с Анри, он не только размышлял о дикой лесной жизни. Он еще и осматривал лес. Нет ли молодой поросли среди старой. Нет ли черных дыр в лиственном пологе.

Он размышлял об упущенном цензорами упоминании в отредактированном документе. О вымаранном тексте.

– Профессор Розенблатт прочел распечатку, сделанную Рейн-Мари, – сказал Гамаш.

– Нашел там что-нибудь интересное? – спросила Лакост.

– Кажется, нет. И он либо не обратил внимания, либо решил не говорить о множественном числе.

Одна буква среди сотен, тысяч. Словно одно дерево в лесу. Но эта буква меняет все.

– Множественное число, – сказала Лакост. – Суперорудия.

Она тоже принялась осматривать лес.

– Мы сообщили о пушке Лепажам, – сказала она. – Сегодня, когда проводили там повторный обыск.

– Нашли что-нибудь?

– Нет. Они признали, что кассета с записью Пита Сигера принадлежит им, но не смогли объяснить, как она оказалась близ пушки. Но тут есть еще одна интересная деталь. Когда мы сказали им о суперорудии, они вроде бы удивились, но не задали никаких вопросов о нем. Ни единого вопроса.

– Вероятно, они вне себя от горя, – сказал Гамаш. – Люди часто ведут себя необычно после потери близкого, в особенности после насильственной смерти. В особенности смерти ребенка.

– Вы правы. – Лакост помолчала несколько секунд, потом спросила

вполголоса: – Почему здесь?

– Пушка? – уточнил Гамаш.

– Нет, человек. Я задала этот вопрос Алу Лепажу. Почему он оказался в Трех Соснах, когда бежал от призыва?

– И что он ответил?

– Он сказал, что пришел из Вермонта и увидел огни деревни.

Она посмотрела на бывшего босса. Он поднял брови, однако не произнес ни слова.

– Но он не мог этого сделать, правда? Лес практически непроходим. Никто не может просто так пересечь границу, если только он не хочет заблудиться в лесу. Он должен знать, куда идет.

Гамаш кивнул:

– Он не мог сделать это без проводника. Человека, который привел его сюда.

Они снова посмотрели на старую деревню. И посаженные с определенной целью три сосны. Знак тому, кто ищет убежища: здесь ты в безопасности.

Ты пришел в Три Сосны.

Глава двадцать первая

Рейн-Мари и Гамаш, постучав, вошли в дом Клары. Кое-кто из других гостей уже был здесь; впрочем, слово «гости» звучало слишком официально. Днем они получили приглашение от Клары на обед в складчину.

– И к нашему счастью, – сказала Клара, – Оливье и Габри устраивают для себя передышку в бистро и приносят главное блюдо и закуску.

– Мы принесем салат, – сказала Рейн-Мари.

– Салат? – переспросила Клара. – А что это такое?

В результате они пришли с яблочным пирогом и контейнером ванильного мороженого.

Оливье и Габри появились одновременно с Рут и уткой.

– Вот наш взнос, – сказал Габри, ставя принесенное блюдо на кухонный стол с таким видом, будто сам все приготовил.

– Вид изумительный, – отметила Рейн-Мари. – Что это?

– Курица, – сказал Оливье, когда стало ясно, что Габри сейчас что-нибудь сочинит. – С дикой клюквой и… – он посмотрел на яблочный пирог, – с яблочной начинкой.

– Точно, – сказал Габри.

– Так, если у вас курица, то у нее утка, – сказала Мирна, выходя в кухню из гостиной и показывая на Рут.

– Тогда у тебя кролик.

– Она обозвала кролика черным, – пожаловался Габри.

– Да я уже привыкла, – сказала Мирна.

– Это что такое? – спросила Рут, повернувшись и прислушиваясь к странному звуку.

– Это то, чего у тебя нет, – ответила Клара. – Дверной звонок.

– Дверной звонок? – переспросила Рут. – Я думала, звонки – миф, вроде Пегаса.

– И вроде границ, – вставил Габри.

Немного спустя Клара появилась с Мэри Фрейзер и Шоном Делормом.

– Я думаю, кое с кем вы уже знакомы, – сказала Клара.

Они кивнули Гамашу и Жану Ги, потом Клара представила их Рейн-Мари и Рут, которая сказала:

– Они вовсе не похожи на шпионов.

– А ты не похожа на приглашенную гостью, – поставила ее на место

Клара. – И тем не менее ты здесь.

– Мы не знали, что принести, – сказала Мэри Фрейзер. – Купили вот это в магазине.

Клара взяла у них бутылку сидра.

– Спасибо, – сказала она, ставя бутылку в холодильник, где уже стоял ряд других таких же бутылок, позвякивающих друг о друга.

– Так чем вы сегодня занимались? – спросил Гамаш, когда они с Рейн-Мари и новоприбывшими вошли в гостиную Клары. – В деревне я вас не видел.

– Ну, мы были тут неподалеку, – сказал Шон Делорм. Потом понизил голос: – Пришлось походить ножками, вы сами знаете, по какому поводу.

– По поводу пушки? – спросила Рут. – Этой здоровенной хреновины в лесу, где убили Лорана?

Вопрос Рут стал как аневризма головного мозга для собравшихся. Все в гостиной замерли, перестали разговаривать, дышать.

– Да, – ответил Делорм. – Именно. Хорошая уточка.

Роза на руках у Рут вытянула шею в сторону агента КСРБ, и он тут же отпрянул.

– Что вам удалось узнать? – спросила Мирна.

Она вернулась на диван и уселась рядом с профессором Розенблаттом.

– Многого мы сказать не имеем права, – ответила Мэри Фрейзер, которой вообще ничего не хотелось говорить.

Она посмотрела испепеляющим взглядом на Розенблатта, который никак не хотел испепеляться. Он сидел с довольным видом, держа стакан с виски, словно кроткий дедушка среди скороспелых детей.

– Можете не волноваться, – заявил Делорм. – У нас все под контролем.

– Не волноваться? – переспросила Рут. – У нас на заднем дворе оказалась какая-то сраная громадина для запуска ракет, и, судя по всему, от Армагеддона нас защищает только некий тип, который боится уток.

Шон Делорм натянуто улыбнулся и чуть поежился. Но Гамашу показалось, что неловкость, которую тот испытывает, вызвана скорее окружающей обстановкой, чем ядовитым замечанием Рут. Делорму было проще общаться с людьми на бумаге, чем при личной встрече. А Мэри Фрейзер, хотя и чувствовала себя свободнее в обществе, явно искала место, где бы спрятаться. Или какое-нибудь досье, чтобы погрузиться в него.

Она непринужденно продефилировала к книжному шкафу и принялась читать надписи на корешках.

Зазвонил телефон, и Клара пошла ответить на звонок.

– Не обращайте внимания на Рут, – сказал Оливье, хватая Делорма и

Мэри Фрейзер под руки и направляя их к столику с выпивкой. – Она в одном чихе от психушки.

– А мы уже там! – прокричала Рут.

Как только старая поэтесса произнесла «Армагеддон», Гамаш навострил уши.

Она сказала именно «Армагеддон». Не «катастрофа», не «бедствие», а именно то слово, которое ассоциировалось с пушкой. С гравировкой. С Вавилонской блудницей, спешащей к концу света.

Но о гравировке никому не рассказывали. Случайно ли это, или ей что-то известно? Правда, словечко было из ее лексикона, а конец света она сама приближала как могла.

– Кстати, о психушках, – сказал Бовуар, обращаясь к Рут. – Нет ли у вас дома проигрывателя?

– Это какая-то логическая ошибка?

– Нет. У меня есть запись Лепажа, и я хотел бы ее послушать, но она на виниле.

– Если хочешь, приходи после обеда, – сказала она. – Где-то у меня завалялся проигрыватель.

Более любезного приглашения от Рут не приходилось ждать.

Мирна извинилась и отправилась в кухню узнать, не нужна ли ее помощь, а Арман и Рейн-Мари сели рядом с профессором Розенблаттом.

Гамаш с утра не общался с ним – тогда пожилой физик покинул столик, спасаясь от звенящего в ушах вопроса, заданного Гамашем.

Являлся ли Джеральд Булл создателем суперорудия или он был просто торговцем, а пушку сконструировал кто-то другой? Не имел ли доктор Булл молчаливого партнера, который пережил покушение, потому что Булл приписал себе все заслуги? И получил за это все пули.

Гамаш не особо старался прижать Розенблатта к стенке и продолжить разговор. За годы следовательской работы он узнал, что иногда трудный вопрос лучше оставить в теле оппонента. Пусть беспокоит его, как колючка.

Он подозревал, что профессор Розенблатт избегает его, и Гамаша это устраивало. Пусть вопрос зреет. Пока.

– Профессор, – сказал Гамаш с приветливым кивком, – кажется, вы не знакомы с моей женой Рейн-Мари.

– Мадам, – сказал профессор.

– Мы с женой подумываем, не поступить ли на какие-нибудь курсы в Университете Макгилла. Или в Монреальском, – сказал Гамаш. – Я знаю, что Рейн-Мари горела желанием поговорить с вами об этом.

– Правда? – повернулся к ней Розенблатт.

Рейн-Мари перехватила инициативу и принялась болтать с Розенблаттом о Макгилле, а Арман направился к Жану Ги.

– Занятная компания, – сказал Жан Ги, обводя взглядом собравшихся. – Это была ваша идея – пригласить всех?

– Вовсе нет, – ответил Арман. – Я удивлен не меньше твоего.

– Вот беда, – сказала Клара, которая вернулась в гостиную, поговорив по телефону.

– Что случилось? – спросил Жан Ги.

– Я пригласила Антуанетту и Брайана, но Брайан в Монреале на собрании членов «Геологического обозрения», а Антуанетта только что позвонила и извинилась, что не сможет прийти. Я думаю, она хочет провести тихий вечерок в одиночестве. Сегодня по телевизору «Les Filles de Caleb»[45].

– Да, я знаю, – сказал Арман. – Мы его записываем. Для Рейн-Мари, конечно.

– Конечно, – сказала Клара. – Я его тоже записываю.

Шел повтор старинной квебекской драмы, которая много лет назад покорила страну, а сегодня стала еще бо́льшим хитом. Не многие отходили от телевизора по вечерам, когда шла очередная серия.

– Время для Антуанетты настало нелегкое, – заметил Арман. – Ее труппа все еще выражает ей недовольство?

– Не думаю, что они называют себя труппой, – со смехом сказала Клара. – Но ответ – да. Они все еще злятся на нее за то, что она выбрала пьесу Флеминга, а им ничего не сказала. Боюсь, они там попортят друг другу немало крови.

Гамаш знал, что там, где Джон Флеминг, кровь будет непременно.

– Жаль, что она сегодня не пришла. Очень милое собрание, – сказал он, оглядывая гостей. – Давненько не приглашали.

– Не было настроения развлекаться, – откликнулась Клара.

– А почему сегодня? – спросил Жан Ги.

– Сегодня я видела Лепажей, – ответила Клара. – Они такие печальные. И такие одинокие. Вот я и заскучала по нашим собраниям.

Гул разговоров в гостиной стал громче, гости образовывали группки, болтали. Изабель Лакост ходила между гостями с сырной тарелкой, предлагала попробовать. Но сыр на тарелке располагался не как обычно – на крекерах, а на ломтиках яблок. Клара, попробовав, сказала, что в таком сочетании вкус божественно великолепный.

– Я вернулась домой и решила, что хватит скорбеть. Пора жить

дальше.
– Разве это вопрос выбора? – спросил Гамаш.
– В некотором роде, – ответила Клара. – Я немного расклеилась. Даже работать не могла. Вообще ничего. – Она махнула в сторону мастерской. – Но на фоне их горя мое вдруг стало казаться мне управляемым. И вот так, – она оглядела комнату, – я решила с ним управляться. С помощью друзей. Я позвонила Иви и пригласила их, но она сказала, что они не могут.
Иви Лепаж дала понять, что у них дела, и Клара подумала, что так оно, вероятно, и есть. Их делом стало горе, привязавшее обоих к дому.
В голосе Иви слышалась неуверенность, и Кларе показалось, что какая-то ее часть не возражает попытаться. Однако хватка скорби оказалась сильнее, утрата была слишком свежа, желание оставаться наедине с собой преодолевало все другие желания. А потом, было еще и чувство вины.
Клара знала, что это такое.
– Желание работать вернется, – сказал Арман. – Я это знаю.
– Правда? – спросила она, заглядывая ему в глаза – не лгут ли?
Он улыбнулся:
– Правда.
– Merci, – сказала Клара. – Рут мне помогает.
– Рут? – одновременно произнесли Жан Ги и Гамаш.
Никто из них не думал, что Клара одержима такой причудливой тягой к смерти.
– Ну, если откровенно, то в основном как поучительный пример.
Клара посмотрела на старую поэтессу, ведущую оживленный разговор с картиной на стене.
Поблизости от них Рейн-Мари с застывшей улыбкой слушала анекдоты из мира алгоритмов, которыми развлекал ее профессор Розенблатт.
– Пожалуй, пойду проверю, не нуждается ли мадам Гамаш в спасении, – сказал Жан Ги и направился к дивану.
Арман обратился к Кларе:
– Не то чтобы я был против, но я не могу понять, почему вы их пригласили.
Он посмотрел на Мэри Фрейзер и Шона Делорма, а затем на Розенблатта.
– Они здесь никого не знают, – ответила Клара. – Мне показалось, что они страдают от одиночества. Особенно профессор. Я подумала: пусть они почувствуют, что им рады. Мы все этого хотим.
– Верно. А тот факт, что у них есть сведения о суперорудии?

– Я об этом и не думала. Даже мысли такой не возникло. Но уж поскольку вы сами заговорили… Они-то будут молчать, а что вы можете нам рассказать?

– Нам?

– Мне. Валяйте.

Он улыбнулся:

– К сожалению, не могу сказать ничего такого, чего бы вы уже не знали.

– Но я не знаю ничего. Никто из нас не знает.

– Кто-то знает, Клара. Пушку собирали здесь, в двух шагах от Трех Сосен. И место выбрали не случайно.

– Вот именно. Почему? С какой целью? Она действует? Кто ее там собрал?

К сожалению, ни на один из ее вопросов у Гамаша не было ответа.

Освободившись от обязанности развлекать физика, Рейн-Мари Гамаш прошлась по комнате и оказалась возле Изабель Лакост, которая разговаривала с Мэри Фрейзер.

Трудно было найти человека, меньше походившего на агента секретной службы. Рейн-Мари подумала, что Мэри Фрейзер кажется очень умной, хотя и не очень проницательной. Тем не менее, пусть медленно и осторожно, делает обоснованные выводы, которые могли упустить или не пожелать увидеть другие.

Проведя всю жизнь в архивах и исследованиях, Рейн-Мари знала такую способность разума и восхищалась ею, хотя работа с людьми подобного рода нередко раздражала. Они были ужасно упрямыми. Сделав однажды какое-то заключение, они ни в коем случае не желали его пересматривать, ведь они так долго работали для того, чтобы получить то, что они получили.

– Многие люди в начале девяностых потратили массу времени на поиск чертежей, но так ничего и не нашли, – сообщила Мэри Фрейзер.

– И что это за люди? – спросила Изабель Лакост.

Мэри Фрейзер мельком взглянула на Рейн-Мари, и та не стала мешать беседе, поняв, что разговор не предназначен для ее ушей.

– Продавцы оружия, которые надеялись продать чертежи, – сказала Мэри Фрейзер, когда мадам Гамаш отошла достаточно далеко. – Или разведывательные агентства, желавшие их похоронить.

– Включая и КСРБ? – спросила Изабель Лакост.

– Да. Мы их искали, но безуспешно. Впоследствии большинство

агентств прекратили поиски, решив, что чертежей суперорудия доктора Булла никогда не существовало и это одна из его фантазий, а если они и существовали, то устарели, ведь технология ушла далеко вперед. «Проект „Вавилон“» превратился в диковинку. Все потеряли к нему интерес.

– Кроме вас.

– И его. – Она показала на профессора Розенблатта, увлеченного разговором с Жаном Ги Бовуаром.

– Но теперь у нас появилось суперорудие, – сказала Лакост. – И как выясняется, все ошибались, а Джеральд Булл оказался прав. Чертежи снова обрели ценность. Верно?

– Вряд ли слово «ценность» здесь уместно, – сказала Мэри Фрейзер. – С обнаружением пушки они стали бесценны.

Голос ее прозвучал так торжественно, будто она хвасталась собственным достижением. В каком-то смысле это действительно можно было рассматривать как ее достижение. Находка реабилитировала ее и Делорма. Их работа оказывалась в центре внимания КСРБ. Из мелких клерков, обрабатывающих бесполезную информацию в подвале, они превращались в ценные источники. Бесценные в своем роде.

– Правительства готовы заплатить за чертежи хорошие деньги? – спросила Изабель.

– Не только правительства. Все, у кого есть деньги и мишени. – Мэри Фрейзер метнула взгляд в сторону профессора Розенблатта. – Вы не задумывались, почему он все еще здесь? Он ведь опознал пушку, сделал то, что вы просили. Считается, что он в отставке. Должен быть дома либо отдыхать во Флориде или еще где-нибудь.

– А вы что думаете по этому поводу?

– Я думаю, оружие массового поражения – странное хобби, – сказала Мэри Фрейзер. – Вы так не считаете?

Изабель Лакост не могла не согласиться.

– Он говорил вам, что работал на Джеральда Булла? – спросил Делорм, глядя туда, где Розенблатт разговаривал с Бовуаром.

– Говорил, – ответил Гамаш.

– Он привирает, что был больше чем помощником, но его вклад в эту область ничтожен.

«И опять „область“», – подумал Гамаш. Для отрасли, которая считалась засекреченной, область эта казалась на удивление большой и переполненной людьми.

– А в том, чем Розенблатт занимался, он был хорош? – спросил Арман.

– Розенблатт? Мы изучали его, думали, что после смерти доктора Булла Розенблатт, вероятно, самая крупная фигура в этой области, может даже крупнее Булла. Но все его разработки ничем не заканчивались.

– Мне казалось, он участвовал в проекте «Авро Эрроу», – возразил Гамаш.

– Косвенно – да. Но его мог заменить любой другой. К тому же «Эрроу» закрыли, так что опять никаких результатов. Профессор Розенблатт проработал пятьдесят лет, а предъявить ему нечего. Как если бы он и не родился.

Слова прозвучали жестоко и сказаны были так небрежно. Гамаш даже поймал себя на том, что и сам подспудно переоценивает Розенблатта. Возможно, слова Делорма были всего лишь необдуманным высказыванием социально и эмоционально ущербного человека. А может, за этим стояло нечто большее. Может, он искренне презирал профессора.

– Гений Майкла Розенблатта присасывается к блестящим людям, – сказал Делорм. – Он типичная пиявка. А теперь он пытается приписать себе заслуги создания суперорудия.

– Заслуги? – переспросил Гамаш. – Разве подобное слово применимо к созданию такой дьявольской штуки?

– Вам оно может не нравиться, – сказал Делорм. – И мне может не нравиться. Однако суперорудие – выдающееся достижение. Это факт. Но вот чего мы не знаем, так это как Джеральд Булл собирался им распорядиться. Проблема в том, что мы живем в вечно изменяющемся мире. Друзья становятся врагами, а оружие, которое ты им продал когда-то, убивает твоих соотечественников.

– Non, – сказал Гамаш. – Проблема в том, что такое оружие вообще создается, а люди вроде Джеральда Булла не имеют гражданства.

– Оружие изготовлялось с доисторических времен, – возразил Делорм. – Оружие имелось у неандертальцев. Такова природа зверя. Кто придумает лучшее оружие, тот и победитель. Откуда, вы думаете, берется оружие?

«Растет в поле, – подумал Гамаш, – хотя никто не предлагает перековать мечи на орала».

– Мы не можем предсказывать будущее, – сказал Делорм. – Поэтому мы так внимательны при выборе союзников.

– И оружия, – сказал Гамаш. – Вы сказали «мы». Я считал, что вы канцелярский работник.

– Прошу прощения, я имел в виду коллективное «мы».

– Конечно, простите меня.

Но на мгновение Шон Делорм перестал выглядеть как канцелярская крыса. Он перестал казаться неловким или смущенным. Скучный, почти комичный клерк внезапно превратился в привлекательного, обаятельного человека.

Гамаш не сомневался, что это актерская игра. Шон Делорм мог быть терпеливым и хитрым. Мог быть неповоротливым бюрократом, а в следующую минуту утверждать, что он – агент, вхожий в тайный мир торговцев оружием.

Или то была фантазия? Вроде фантазий Лорана, изображавшего солдата на деревенском лугу?

Мог ли Шон Делорм работать под прикрытием в опасной сфере, а потом уходить домой на обед?

Арман Гамаш посмотрел на Шона Делорма и внезапно с сожалением подумал: то, что случилось с Лораном и Джеральдом Буллом, может случиться и с этим человеком. Реальность настигнет его и заберет его жизнь. Как забрала жизнь двух других.

– Вы сказали, что почти все перестали искать суперорудие, – сказал Гамаш.

– Так и есть.

– Почти, – повторил Гамаш. – Почти все. Но кто-то продолжал?

«Кто продолжал искать, когда все разумные люди отказались?» – спросил себя Гамаш, уже зная ответ.

Неразумные. Вот кто. Фанатики.

– Так кто продолжает искать пушку? – спросил Гамаш.

– У меня есть только гипотезы, предположения.

– Тогда выскажите вашу гипотезу.

Делорм вздохнул:

– О’кей. Те, кто перестал искать, вероятно, нашли себе другие занятия. Они заключили новые сделки, нашли новых клиентов, создали новое оружие. Но есть такие, которым это не по силам.

– Почему? – спросил Гамаш.

– Им не хватает мастерства. В сообществе оружейников есть падальщики. Они питаются идеями других. Они беспринципные. Наемники. Они как гробокопатели или охотники за сокровищами. Им не нужно создавать сокровища, они их должны просто находить. И похищать.

– Красть у торговца оружием – вряд ли хорошая идея.

– Верно. Но если вознаграждение велико, то игра стоит свеч. В данном случае и риска-то никакого не было. Человек, создавший суперорудие, мертв.

– А он мертв?

Шон Делорм наклонил голову набок, словно вопрос выбил его из колеи.

– Опять двадцать пять? Мы же вам сказали за завтраком, что Джеральд Булл получил пять пуль в голову. Он мертв.

– Oui, сказали. Но что, если доктор Булл был только выдающимся торговцем, а не выдающимся конструктором?

Делорм открыл было рот, но Гамаш остановил его, подняв руку:

– Выслушайте меня. Разве мало фактов, свидетельствующих в пользу такой гипотезы? Идея могла прийти в голову Булла, но в жизнь ее пришлось воплощать кому-то другому. Они могли стать идеальной командой. Джеральд Булл находил бы покупателей, а кто-то другой делал чертежи.

Шон Делорм помолчал, обдумывая услышанное. Потом его губы растянулись в широкой глуповатой ухмылке.

– Вы шутите, да? Морочите мне голову?

Гамаш ничего не ответил.

– Бросьте, ничто не говорит в пользу такой гипотезы. И кто бы мог стать таким конструктором? Только, бога ради, не предлагайте Джона Флеминга.

Гамаш опять промолчал, только окинул взглядом комнату. Улыбка сошла с лица Делорма.

– Вы ведь не думаете… – Он посмотрел на Розенблатта. – Да это же смешно. Он слишком глуп. – Делорм перешел на шепот. – Если он все еще здесь, то совсем по другой причине.

Гамаш вспомнил отзыв Делорма о Розенблатте: «пиявка». И его описание тех, кто десятилетия потратил на поиск суперорудия. Людей, которые питаются работами других. Пиявки.

– Пушка больше не имеет значения, не так ли? – спросил Гамаш. – После ее обнаружения все те, кто прежде занимался поисками, должны будут переключить свои усилия на другие вещи. Ведь пушка охраняется. Никто не может ее похитить. Или произвести из нее выстрел.

– Но кто-нибудь может создать еще одну, – сказал Делорм.

– Если у него есть чертежи, – уточнил Гамаш.

А если здесь обнаружилась пушка, то и чертежи могут находиться поблизости.

Они предполагали, что Лорана убил человек, который знал, где находится пушка, и хотел сохранить ее местонахождение в тайне. В конце концов, кто еще мог поверить нелепой истории парнишки?

Но что, если Лорана убил некто, долгие годы искавший пушку? И когда чумазый мальчишка выбежал из леса с криком о пушке больше дома да еще с монстром на ней, один человек ему поверил. И тогда начал вызревать план. План убийства.

И теперь у Гамаша появился ответ на вопрос, который беспокоил его в последние дни. Казалось необъяснимым, что в ответ на известие о том, что в квебекском лесу найдено суперорудие, массивное пусковое устройство, КСРБ прислала только двух канцелярских крыс.

Не взвод солдат. Не команду ученых.

Просто никто другой им был не нужен. Пушка, в сущности, становилась скульптурой. Совершенно бесполезной. КСРБ требовались люди, которые могли найти чертежи.

И это задание было поручено двум бюрократам средних лет, которые больше любого другого человека знали о «Проекте „Вавилон“» и о монстре, направляющемся в Армагеддон.

Больше любого другого человека, кроме пожилого физика.

Майкл Розенблатт попивал виски и смотрел на молодого старшего инспектора, которая разговаривала с Мэри Фрейзер, блеклой женщиной из КСРБ.

Они тоже смотрели на него, но, встретив его взгляд, отвернулись.

Потом он посмотрел на отставного старшего инспектора, который разговаривал с Делормом.

Эти двое тоже смотрели на него. Агент КСРБ тут же отвернулся, но Арман Гамаш выдержал взгляд профессора, который вдруг почувствовал себя в окружении.

Повернувшись к своему собеседнику, он спросил:

– Интересно, почему они все еще здесь.

– Агенты КСРБ? – уточнил Бовуар. – Собирают информацию о пушке, разумеется. Зачем же еще?

– Да, конечно, – подтвердил Розенблатт. – Больше незачем.

Обед проходил за длинным сосновым столом в кухне Клары: курица и овощи, приготовленные на открытом огне, корзиночки с нарезанным багетом. В комнате зажгли свечи, на середину стола водрузили пышную цветочную композицию.

Мирна полдня потратила, подбирая гибкие ветки с яркими осенними листьями и ветки поменьше с маленькими красными яблоками-дичками. Она собрала сосновые шишки на деревенском лугу. Палочки и шишки.

Дань мальчику, который всю свою жизнь защищал Три Сосны.

Глава двадцать вторая

Обед закончился, посуда была убрана, и гости разошлись по домам.

– Ты идешь, тупица?

– Мне только нужно взять пластинку. Вернусь через минуту.

И он вернулся. Несколько минут спустя Жан Ги осторожно извлекал из конверта виниловую пластинку.

– Ну-ка, дай мне ее.

Рут выхватила у Бовуара пластинку и чуть не уронила ее на пол.

Определив первую сторону, она поместила пластинку на диск проигрывателя, удивив Бовуара тем, что без всяких усилий надела ее на шпенек. Но когда она попыталась поставить на пластинку звукосниматель, он остановил ее, боясь, что она поцарапает драгоценный винил:

– Дайте мне.

– Ты делал это когда-нибудь раньше? – спросила Рут, отталкивая его острым локтем.

– Эй, – сказал он. – Больно.

– Хочешь узнать, что такое больно? Тогда подожди, пока тебе в уши не польется эта хрень.

Она погрозила пальцем пластинке Ала Лепажа, которая крутилась вместе с диском. Рут подняла звукосниматель и умело, осторожно опустила иглу на винил.

Из громкоговорителей донеслось ритмичное потрескивание.

Первая песня началась звуками одной гитары. Классическими, мелодичными. Затем барабанная дробь, похожая на метроном. Поначалу медленный марш, но постепенно он набирал скорость и мощь. Вступали все новые и новые инструменты, музыка понеслась галопом. Пианино, струнные. Духовые. Бой барабана приобрел чуть ли не военное звучание, перешел в мощное, энергичное, бравурное крещендо.

И в эти звуки вплетался голос.

Бовуар сидел на бугорчатом старом диване, смотрел на вращающийся диск и удивлялся низкому, сипловатому голосу Лепажа.

Когда первая песня закончилась, Жан Ги сказал:

– Невероятно. Даже вы не могли не почувствовать.

– Ты стихи-то слышал?

– Кажется.

– Если ты решил, что они невероятные, у тебя совсем мозгов не

осталось. Извини, мне нужно пописать. – Она с трудом поднялась со стула. – Весь вечер пила чай.

Когда она вышла, Жан Ги осторожно поднял звукосниматель и поставил иголку на начало пластинки.

«Встретились в баре моряк и солдат, – пел своим хрипловатым голосом Ал. – И сказал один другому: вот так-то, брат».

Жан Ги прослушал, как они разговаривали о войне и любви, о том, как разошлись их дороги, как они воевали по разные стороны.

Рут верно сказала. Песня была горькая, но не такая, как, вероятно, хотелось Алу Лепажу. История получилась шаблонная, неловкая, непривлекательная. Рифмы – либо очевидные, либо вымученные. Но музыка и голос компенсировали все недостатки. И песня казалась лучше, чем на самом деле. Вероятно, подумал Бовуар, как и сам Лепаж.

Началась следующая песня. Мощная музыка, рояль, банджо и губная гармошка. Смесь фолка, рока и кантри.

Теперь Ал пел о собаке, которая потерялась и уже готова свернуться клубочком и умереть, когда ее находит стая диких собак и спасает. Собаку принимают в стаю, но она слишком поздно понимает, что попала к волкам и должна убивать других животных. Как и все они. Не потому, что они жестокие, а потому, что такова их природа. Она уже собирается загрызть ягненка, сердце ее полнится отчаянием, но тут она видит за деревьями свет и бежит на него. Открывается дверь – и собака видит свою семью. Они зовут ее. Ждут.

Жан Ги сидел на диване, удивляясь тому, что история, которая могла и должна была стать очень трогательной, оказалась испорченной инфантильными, корявыми стихами и глупыми попытками заставить рифмоваться нерифмующиеся слова. Бовуар не был уверен, что «собака» и «сбоку» рифмуются.

Жаль. Идеи Лепажа, его голос, музыка были мощными. А вот стихи – merde. Их не стоило выпускать в свет. Интересно, как продавалась пластинка?

Жан Ги подыскивал слова, рифмующиеся с merde, когда появилась Рут. И свирепо посмотрела на него.

– Наслушался? – спросила она. – Если и дальше будешь продолжать, у тебя мозг размягчится и начнет вонять.

– Откуда вы знаете? Вы уже слышали эти песни?

Старая поэтесса подошла к своему проигрывателю и вернулась к дивану с пластинкой Ала в руках. Ее собственным экземпляром.

– Откуда она у вас? – спросил Бовуар, беря у нее пластинку.

– Он выпустил ее за свой счет. Я купила одну и прослушала из вежливости, но это дерьмо.

И тем не менее, подумал Бовуар, она сохранила пластинку. Пластинка не попала на благотворительный базар. Или в мусорный бачок. И с чего это вдруг Рут стала вежливой? Или, может, вопрос нужно ставить иначе: когда она стала невежливой?

– Поначалу он пел на улице в Кауансвилле, – сказала Рут. – Иногда играл в boîtes à chansons[46] в Монреале, но по большей части пел в разных кафе поблизости. Тогда еще Габри и Оливье не открыли бистро.

– Он там больше не играет? – спросил Бовуар.

– Нет, – ответила Рут. – Слава богу, он перестал петь.

Жан Ги положил конверт лицевой стороной вниз. Не хотел смотреть на улыбающегося молодого человека с окладистой рыжей бородой, даже не подозревавшего, какая боль ждет его через несколько десятилетий.

– Каким образом Ал Лепаж перебрался через границу? – спросил Жан Ги.

– Он бежал, я думаю. А за ним, наверно, гналась толпа любителей музыки.

– Лепаж говорит, что он пришел из Вермонта. Но как он нашел Три Сосны? Ведь не просто случайно набрел? Видимо, кто-то ему помогал.

– Может, ему суждено было найти Три Сосны, – сказала Рут.

Она встала и взяла Розу на руки.

– Вы в это не верите.

– Ты и представить себе не можешь, во что я верю, – отрезала она, потом немного смягчилась и стала подниматься по лестнице в свою спальню. – Выключи свет, когда будешь уходить.

– Вы идете наверх проблеваться? – спросил он ей вслед и услышал донесшийся из темноты смешок.

Жан Ги откинулся на спинку и стал слушать музыку, пытаясь не обращать внимания на стихи. Что-то про…

«Купи, купи вкусные пироги».

Нет-нет, подумал Бовуар. Вот уж точно нет.

«Приехал на „тойоте“, как вы тут живете…»

Он перестал слушать слова и постарался вспомнить разговор после обеда, когда они с Изабель пошли от Клары к Гамашам, чтобы он мог взять пластинку, и они успели наскоро обсудить прошедший вечер.

– Мне показалось странным, – сказала Изабель, когда они расположились в гостиной Гамашей, – что ни агенты КСРБ, ни Розенблатт не обратили внимания на показатели успеваемости доктора Булла. И еще на

то, что, возможно, был и другой, настоящий конструктор, действовавший закулисно. Ведь все эти данные имелись. Даже мадам Гамаш обратила на них внимание.

– Спасибо, дорогая, – откликнулась Рейн-Мари.

– Désolé. Но вы поняли, о чем я. Эти двое считаются специалистами по Джеральду Буллу и профессионалами по расшифровке информации, почему же они ничего не заметили?

Арман кивнул:

– Ну и как ты думаешь – почему? Кроме очевидного ответа, что Рейн-Мари умнее всех их, вместе взятых.

– Merci, mon cher, – улыбнулась мадам Гамаш. – Знаешь, многие гении плохо учились в школе. Может, и доктор Булл из их числа.

– Может быть, – сказал Жан Ги. – Но я уверен, что ребята из КСРБ и, вероятно, профессор Розенблатт прекрасно все заметили. Они просто надеялись, что мы это пропустим. Они отлично знают, что в «Проекте „Вавилон“» участвовал кто-то еще.

– Поэтому они все еще здесь, – сказал Арман, кивая.

– Ищут человека или чертежи? – спросила Изабель.

– И то и другое, – ответил Бовуар.

– Ты думаешь, что автор «Проекта „Вавилон“» здесь, в Трех Соснах? – спросила Лакост.

– Нет, – ответил Бовуар. – Не думаю. Хотя и не исключено. Не знаю.

– Впечатляет, – сказала Лакост.

Жан Ги натянуто улыбнулся и встал:

– Я иду к Рут с пластинкой Ала Лепажа. Хочу послушать. Не присоединишься?

– Нет, пойду в оперативный штаб, посмотрю, не появились ли новые отчеты. И канадцы, и американцы ищут информацию по Алу Лепажу. Не странно ли, что он прибыл в Квебек уже с французской фамилией?

– Мне кажется более странным, – сказал Бовуар, – что он пересек границу и вышел прямо к Трем Соснам.

– А как иначе найти нашу деревню? – спросила Рейн-Мари. Она задумалась на секунду. – Ведь он бежал от призыва, верно?

Полицейские кивнули.

– Насколько мне помнится, их принимали в Канаде с распростертыми объятиями, – сказала Рейн-Мари. – Сомневаюсь, что им приходилось ползком перебираться через границу.

– К тому же их всех простили, – вспомнил Арман. – Президент Джимми Картер. Многие вернулись.

– Но не Ал Лепаж, – заметила Изабель Лакост.

– Спрошу у Рут – может, она что-то знает, – пообещал Бовуар.

– Вот еще одно, что вы можете проверить завтра, – сказал Арман, провожая их по дорожке. – Где сегодня весь день пропадали агенты КСРБ. В деревне их не было. И у пушки, кажется, тоже.

Тот разговор состоялся часом ранее, а теперь Жан Ги сидел в гостиной Рут и слушал пластинку Ала Лепажа.

Прослушав все, он снова поставил иглу на вращающийся диск. Но не в начало. Снова, откинувшись на спинку дивана, он прослушал историю собаки в лесу. Предполагалось, что перед мысленным взором слушателя предстанет задушевный образ семьи, не оставляющей надежду, и собаки, возвратившейся домой. Однако Жан Ги не мог отделаться от образа животного, которое узнает свою истинную природу. Готовность убивать при необходимости.

Звонок в оперативном штабе в здании старого вокзала раздался на следующее утро. Звонили из местного отделения Квебекской полиции.

– Поскольку вы уже здесь, старший инспектор, я подумал, вы захотите знать.

– Знать что?

– Сегодня утром найден труп.

Лакост схватила ручку и сделала знак вошедшему Бовуару.

– Кто?

Она записала в своем блокноте имя, а рядом – слово «убита». И услышала, как Бовуар прошептал:

– Merde.

– Где? – Лакост записала адрес. – Команда уже там?

– Только что докладывали: минуту назад приехали на место. Я им сказал, чтобы ничего не трогали.

Инспектор Бовуар подошел к своему столу, и Лакост услышала, что он вызывает криминалистов из Монреаля.

– Забита до смерти, – сообщил местный полицейский. – В доме все перевернуто вверх дном. Похоже на ограбление. Я, конечно, отправил туда «скорую», но без толку.

– Вызывайте коронера, – сказала Лакост.

– Уже. Она будет ждать вас там.

– Хорошо.

Она повесила трубку и посмотрела на записи в блокноте, на обведенную кружочком фамилию.

Десять минут спустя они опустились на колени перед телом Антуанетты Леметр.

Глава двадцать третья

– Я ее знаю, – сказала коронер Шарон Харрис. – Она возглавляла ноултонскую труппу, да?

Доктор Харрис и Изабель Лакост стояли на коленях перед телом Антуанетты, которая лежала на спине, уставив в потолок остекленевшие глаза. Удивленные глаза. Жан Ги присел на корточки с другой стороны.

– Oui, – подтвердила старший инспектор Лакост. – Да, Труппа Эстри.

– Они готовили пьесу Флеминга, – сказала доктор Харрис, ощупывая тело руками в резиновых перчатках. – Жители стали волноваться.

Произнося фамилию Флеминга, коронер поморщилась, словно ей в рот попал протухший кусок форели. Эта женщина работала с телами в разной степени разложения – что же могло вызвать у нее такое отвращение? Одно упоминание о Джоне Флеминге.

Лакост знала, что эта гримаса на лице коронера непроизвольная. Как при ударе о коленную чашечку. Поморщиться при упоминании имени Флеминга – здоровая человеческая реакция.

– Сильных повреждений я не вижу, – отметила коронер. – Не хочу смещать тело, пока не приедут ваши криминалисты, но, судя по тому, что я вижу, смерть наступила менее двенадцати часов назад и более шести.

– Между половиной десятого и половиной третьего, – прикинул Бовуар. – А причина смерти?

– Предварительно я бы сказала, вот это. – Коронер наклонилась к голове Антуанетты и показала на затылочную часть черепа, где фиолетовые волосы спеклись от крови и приобрели темно-красный цвет. – Похоже, удар был один и смертельный. Череп раздроблен. Вероятно, она даже не знала, что ее убило.

– А что это было? – спросила Лакост.

Они огляделись и быстро обнаружили пятна крови на углу камина.

Бовуар наклонился ближе:

– Кажется, это оно и есть.

Он выпрямился и отошел в сторону, чтобы коронер и Лакост могли разглядеть получше. Они посмотрели на угол камина, потом на Антуанетту. С остекленевшими глазами и удивленным выражением лица.

– Либо ее толкнули, либо она сама упала и разбила голову, – сказала Лакост.

Доктор Харрис и инспектор Бовуар согласно кивнули.

– Убийство, – сказала коронер. – Но возможно, не умышленное. Похоже, она зашла сюда и застала грабителя.

– Входная дверь вроде бы не взломана, – заметила Лакост, – но это ничего не значит.

Она часто бывала в этих краях, но не переставала удивляться, что люди здесь не запирают дверей. Ну разве что когда ложатся спать. А в остальное время любой может войти и выйти. Иногда люди оставались в живых. Иногда – нет.

Однако, поскольку дверь оставалась незапертой, напрашивался вывод, что Антуанетта Леметр еще не ложилась спать. И на ней была уличная одежда, а не домашняя.

– Вчера ее приглашали к Кларе Морроу на вечеринку, – вспомнил Бовуар. – Но она позвонила и сказала, что не сможет прийти.

Шарон Харрис подняла голову:

– Откуда вам это известно?

– Мы были на обеде у Клары.

– Вы ее знаете? – Доктор Харрис показала на тело.

– Не очень, – ответила Лакост. – Впрочем, знаю. В какое время Антуанетта звонила Кларе?

Бовуар задумался:

– Точно сказать не могу, но до начала трапезы. А за стол мы сели в половине восьмого.

– Клара не говорила, почему Антуанетта отказалась? – спросила Лакост.

– Нет. Правда, она предположила, что Антуанетта хотела побыть одна – переживала из-за истории с пьесой Флеминга. У ее партнера Брайана была назначена встреча в Монреале, – пояснил Бовуар доктору Харрис. – Что-то по его работе. Так что Антуанетта осталась одна.

– Наверное, это тот человек, что сейчас сидит в кухне, – сказала доктор Харрис. – Он ее и нашел.

Бовуар обратился к местному агенту, охранявшему дом:

– Это так?

– Да, сэр. Когда мы приехали, он был в соседнем доме, но мы попросили его перейти сюда. Он совершенно потрясен. Был ее conjoint[47].

– И что он вам сказал? – спросила Лакост.

– Почти ничего, – ответил агент. – Он и на ногах-то еле стоял.

Оба снова посмотрели на мертвую женщину.

Антуанетту они едва знали. Бовуар несколько раз видел ее с Брайаном в бистро, а один раз – на обеде у Гамашей.

«Гамаши, – подумал он. – Нужно им сказать».

Когда полицейский знаком с жертвой, это одновременно упрощает и усложняет следствие. Он знает кое-что о привычках убитой, о ее личности. Но с другой стороны, он исходит из уже сложившихся, предвзятых впечатлений.

Жан Ги принялся перебирать свои впечатления об Антуанетте и пришел к выводу, что относился к ней без симпатии.

Она была ребячливой, кокетливой, и это раздражало его. Она не вела себя как женщина, которой перевалило за сорок. Злоупотребляла косметикой, красила волосы в фиолетовый цвет, носила одежду не по возрасту – слишком в обтяжку и короткую. Бывала упрямой и любила командовать.

Бовуар снова взглянул на кровь на ковре, на слипшиеся волосы.

Но главное возражение у него вызывала не ее внешность, а тот факт, что она решила поставить пьесу, написанную серийным убийцей. Он подумал, что у ее убийцы могла быть такая же претензия к ней.

– Никаких следов насилия не видно, – сказала доктор Харрис.

– Под ногтями что-нибудь есть? – спросила Лакост.

– Ни кожи, ни волос. Убийца, видимо, застал ее врасплох. То, что мы здесь видим, – доктор Харрис обвела рукой комнату, – не следствие борьбы.

Они посмотрели на опрокинутую мебель, ящики, выдернутые из комода, шкафчики, сброшенные на пол. Книги, разбросанные по полу. Некоторые даже лежали на теле Антуанетты.

– На что это похоже? – спросил Жан Ги у Лакост.

– Не на вандализм. Ничего не сломано. Нет следов аэрозольной краски, нет экскрементов. Я согласна с доктором Харрис: похоже, она застала тут грабителя.

– Какой отчаянный и целеустремленный грабитель, правда? – заметил Бовуар. – Большинство хватают телевизор и бросаются прочь. Ну вытащат ящик-другой в поисках денег.

Лакост подумала:

– Oui.

Что-то в этой версии не складывалось. Грабитель обычно делает свое дело, когда дома никого нет. Или когда хозяин спит. А тут свет оставался включенным. Тот, кто здесь побывал, знал, что хозяин дома и, скорее всего, не спит.

И весь царящий здесь кавардак был учинен после убийства. Преступник действовал невозмутимо, зная, что ему никто не помешает. А кто остается невозмутимым после совершенного убийства?

Этот вопрос не давал покоя Бовуару. Ох как не давал. Большинство грабителей дальше грабежа не заходили. Они шли на дело, не имея ни намерения, ни решимости убивать. То, что видел Бовуар, не напоминало обычное ограбление. Кто-то убил Антуанетту, а потом несколько часов, пока остывало ее тело, обыскивал дом.

Приехали криминалисты и приступили к работе. Командовал ими инспектор Бовуар, а старший инспектор Лакост тем временем пошла осматривать дом. Заглядывала в комнаты, но ни к чему не прикасалась.

Антуанетта жила в скромном доме с подвалом. Убийца переворотил все и в подвале. Наверное, он провел в доме не один час. Чем дольше Лакост осматривала дом, тем сильнее проникалась убеждением, что это не обычное ограбление и что Антуанетта Леметр не случайная жертва.

Ковры были разрезаны, половицы подняты. Панели со стен содраны и висели кое-как. Посреди коридора под отверстием в потолке стоял стул. Лакост встала на него и посветила фонариком на чердак. Услышала быстрые шаги и спрыгнула со стула.

Если возникала необходимость, она и сама могла подниматься на чердаки, но одна из привилегий старшего инспектора состояла в том, что она могла поручить такую работу кому-нибудь другому.

– Криминалисты занялись делом, – сказал Бовуар, подойдя к ней. – Пора поговорить с Брайаном.

Жан Ги успел перекинуться с ним несколькими словами, пока искал Лакост.

– Как он? – спросила Лакост.

– Ошарашен. В оцепенении.

Но они не заблуждались на этот счет. Идя по коридору, оба опытных следователя понимали, что им предстоит разговор с главным подозреваемым.

Когда они вошли, Брайан Фицпатрик поднялся со стула. Он хотел что-то сказать, но казалось, забыл, как это делается.

– Примите наши соболезнования, Брайан, – сказала Изабель Лакост. – Все это ужасно.

Он кивнул, стреляя глазами то в одного, то в другого полицейского.

– Что произошло? – спросил он, снова садясь на стул у стола с пластиковой столешницей.

Лакост обратилась к агенту из местного отделения, скучавшему у дверей:

– Вы можете сварить кофе?

Агент посмотрел на нее обиженно, но согласился.

Убийца обыскивал и кухню, но, похоже, без той ярости, что остальной дом. Ограничился тем, что высыпал на стол муку, сахар, кукурузные хлопья, открыл и выворотил ящики.

Все это делалось скорее для проформы, словно у грабителя, ставшего убийцей, прошел запал. Или истекло время. Или убежденность.

Брайан посмотрел на них широко раскрытыми покрасневшими глазами.

– Когда вы ее нашли, Брайан? – спросила Лакост.

– Я уехал из Монреаля около половины восьмого утра, значит, здесь был около девяти.

– Провели ночь в Монреале? – спросила Лакост.

– Да, было заседание. Я остался ночевать. Не нужно было этого делать.

У него был тот затравленный взгляд, какой появляется у людей, когда они осознают, что несчастье можно было предотвратить, если бы они поступили не так, а иначе. Что все могло быть по-другому, если бы…

– Что вы обнаружили, когда приехали домой? – спросила Лакост.

Жан Ги взял на себя роль, которую предпочитал старший инспектор Гамаш во время допросов, – роль слушателя. И наблюдателя. Время от времени и он задавал вопросы, но в основном впитывал то, что говорилось или не говорилось.

– Дверь оказалась не заперта…

– Вас это удивило? – спросила Лакост.

– Не то чтобы очень. Антуанетта к девяти уже обычно на ногах и работает. По времени она могла открыть дверь. Но мне показалось странным, что занавески задернуты.

– Она работала переводчиком? – спросила Лакост.

– Да. Удаленная работа. Сидит дома и работает.

В их разговоре возникал конфликт настоящего и прошедшего времени, конфликт, который со временем разрешится сам собой.

– Итак, вы открыли дверь, – подсказала Лакост.

– Я крикнул «привет», но никто не ответил. Конечно. – Последнее слово выбило его из колеи. – Я повесил куртку, прошел в гостиную и увидел… – Он сделал движение рукой, но старший инспектор Лакост не стала ему помогать. – Все перевернуто. Кажется, я вроде как отключился. Замер на месте. Потом запаниковал и стал звать Антуанетту. Побежал, наверно, зацепился за что-то, потому что очутился на полу. И тут я и увидел…

– Увидели что, Брайан? – тихо спросила Лакост, поскольку молчание затянулось.

– Ее ногу. Не помню, что было после. Я сидел здесь, пытаясь осмыслить все, но казалось, будто… – Он подыскивал слова. – Я помню, что видел ее лицо, ее глаза. И все понимал. Наверное, я к ней прикоснулся, потому что помню ощущение холода. И тут я подумал, что вот-вот потеряю сознание. Это было слишком…

Он уставился в кухонное окно и замолчал, переполненный эмоциями.

– Что вы сделали потом? – спросила Лакост.

У нее создалось впечатление, что если бы не ее вопрос, то Брайан всю оставшуюся жизнь так и смотрел бы в окно. Замерев.

Лакост перевела взгляд на Жана Ги, который сидел неподвижно, обдумывая услышанное.

– Я запаниковал, – тихо сказал Брайан, не глядя им в глаза. – Побежал прочь. Мне нужно было выбраться отсюда. Я пошел к мадам Пруль, нашей соседке. Она и вызвала полицию.

– И вы вернулись сюда?

Он покачал головой:

– Только после приезда полиции. Они попросили меня вернуться вместе с ними и посадили здесь.

Агент приготовил кофе, и Бовуар налил всем по кружке. Они выпили по нескольку глотков, и Лакост продолжила допрос. Она вела дело так, будто не допрашивает, а просто разговаривает с Брайаном, но только глупец или человек, пребывающий не в себе, мог принять происходящее за обычный разговор.

– Расскажите нам, чем вы занимались вчера вечером?

– Ездил в Монреаль. На ежемесячное заседание «Геологического обозрения». Мы обсуждали наши доклады.

– Вчера вечером?

– Нет, во второй половине дня, но я решил остаться. Некоторые из нас отправляются потом выпить и пообедать. Так обычно и происходит.

– Не могли бы вы остановиться на подробностях, дать нам телефон кого-нибудь из присутствовавших?

– Да.

Бовуар записал.

– Когда вы закончили?

– Часов в восемь – восемь тридцать. Не поздно.

– И где вы ночевали? В отеле?

– Нет, у нас там есть квартирка. Студия. Я останавливаюсь там, когда приезжаю в город на собрания, и мы там выпиваем.

– Кто-нибудь может это подтвердить? – спросила Лакост.

– Подтвердить? – переспросил он.

И тут его осенило, как в конечном счете осеняет всех подозреваемых. Что они подозреваемые. Но в отличие от большинства, Брайан не разозлился, не насторожился. Вид у него стал еще более испуганный, если только такое возможно.

– Я оставался один в квартире. Консьержа там нет. Я вошел и до утра не выходил.

– Кому-нибудь звонили?

– Только Антуанетте. – Он сжал губы и прерывисто вздохнул.

– Во сколько?

– Когда приехал, часа в три. Сообщил, что добрался без происшествий. Она сказала, что Клара приглашает нас на обед, но она хочет отказаться.

– Она не говорила почему? – спросил Бовуар, впервые подав голос за все время допроса.

– Сказала, что к ней попозже может зайти кое-кто.

– Кто?

– Люди из театра, – ответил Брайан. – Они хотели поговорить с ней. Наверное, собирались ее уволить, но я ей ничего не сказал.

– А она знала, по какому поводу к ней могут прийти? – спросила Лакост.

– Она считала, что они передумали и все же собираются довести постановку до конца. – Он положил руку на экземпляр «Она сидела и плакала» на кухонном столе. Рукопись была испещрена пометками. – Она не могла поверить, что все ее бросили.

И снова Брайан назвал им имена, и снова Бовуар записал их.

– Эмоции вокруг пьесы разыгрались нешуточные, – сказала Лакост.

Брайан кивнул:

– Конечно, мы совершили ошибку. Не стоило браться за эту пьесу. – Он посмотрел на полицейских, и впервые на его лице появилось абсолютно сосредоточенное выражение. – Вы же не считаете, что это имеет какое-то отношение… – Он показал рукой в сторону гостиной. – Нет, нелепица какая-то. Ведь речь идет всего лишь о пьесе. Никого она не волнует так уж сильно.

– Взволновала достаточно, чтобы отказаться от участия, – заметила Лакост.

Но достаточно ли, чтобы убить?

– Кто знал, что вы уезжаете в Монреаль? – спросила она.

– Не знаю, – ответил Брайан, подумав, но явно не осознавая важность вопроса. – По-моему, люди знали, что я уезжаю время от времени. Но вчера

я никому не говорил, что уезжаю.

Лакост переглянулась с Бовуаром. Неужели Брайан не понял, что сейчас он упустил шанс отвести от себя подозрения?

Антуанетту убил человек, который был уверен, что ему не помешают. Следовательно, убийца либо не знал о Брайане вообще, либо знал, что Брайан в Монреале. Либо Брайан и совершил убийство.

Скажи он им, что о его отъезде знало много народу, они открыли бы целый список подозреваемых. Но он ничего такого не сказал. Это говорило о том, что он либо невиновен, либо глуп, либо так верил в себя, что решил разыгрывать глупость.

Они задали еще несколько вопросов, и Брайан дал на них ответы – некоторые неуверенные, некоторые неполные, некоторые подробные. Из его ответов возникал образ человека, сраженного горем, находившегося в сотне километров от Антуанетты, когда ее убили. Образ человека, не имевшего никакого отношения к убийству. Сожалевшего о том, что он уезжал. И не знавшего никого, кто желал бы ей смерти.

– Я знаю, вы должны рассматривать все возможности, но ведь это было ограбление, да? – спросил в конце Брайан. – Конечно ограбление, что же еще. Посмотрите, что тут устроили.

Полицейские не ответили, и его мысли запутались еще сильнее, чем прежде.

– Вы хотите сказать, что кто-то убил Антуанетту специально?

– Не исключено, – ответила Лакост.

– Но кому она мешала? – спросил он. – За что? Я знаю, она иногда вызывала у людей раздражение, но не настолько же.

– Вам никто не приходит в голову? – спросила Лакост.

– Нет, конечно, – ответил Брайан. – Вероятно, произошел какой-то кошмарный несчастный случай. Кто-то пришел ограбить дом и наткнулся на Антуанетту. Господи, что вы такое говорите?

– Мы говорим, что, возможно, имело место ограбление, но мы хотим знать наверняка, – ответила Лакост успокаивающим голосом. Уверенным.

Ее спокойствие возымело действие. Брайан глубоко вздохнул, и к нему вернулось самообладание.

– Я буду помогать всем, чем смогу. Что я должен делать?

– Докажите, что вы были в Монреале, – ответил Бовуар.

На сей раз сказанные слова не оставляли места для сомнений, но вместо того, чтобы ощетиниться, Брайан только кивнул и назвал им адрес, где находится квартира, телефон управляющего домом, фамилии соседей.

Назвал пароли к его и Антуанетты компьютерам, номера телефонов.

– Антуанетта использовала последние четыре цифры вашего телефона? – спросил Бовуар, просматривая то, что записал.

– Я знаю, это слишком очевидно, – ответил Брайан. – Я говорил ей об этом, но ей хотелось что-нибудь такое, что она могла бы легко запомнить.

– А у вас – ноль-шесть-два-один для всего? – спросил Бовуар.

– Да. Незабываемое. Двадцать первое июня, день нашей первой встречи. Десять лет назад.

Жан Ги сосредоточился на странице блокнота, на цифрах, стараясь не смотреть в красные блуждающие глаза Брайана.

Так же как и Брайан, он использовал для пароля дату своего первого свидания с Анни. Уж этого-то он никогда не забудет, ни при каких обстоятельствах.

Что бы он чувствовал, если бы нашел Анни вот так?..

Старший инспектор Гамаш учил их ставить себя на место жертвы и подозреваемого, но предупреждал следователей, что такой метод труден и опасен. Жан Ги никогда по-настоящему не чувствовал в этом никакой необходимости или опасности.

А теперь вот почувствовал.

Он поставил себя на место Брайана и понял, что не стоило этого делать: у него чуть не разорвалось сердце.

Когда они уходили, Жан Ги взял со стола экземпляр пьесы. Брайан сказал, что этот экземпляр принадлежал Антуанетте. Он брал его с собой в Монреаль, потому что свой экземпляр оставил в театре.

Бовуар не был суеверным. Или, по крайней мере, утверждал это. Но даже такому рациональному человеку стопка листов бумаги показалась чересчур тяжелой.

Они опросили соседей, но никто из них ничего не видел и не слышал. Мадам Пруль, живущую в соседнем доме, они оставили напоследок. Женщина средних лет, пухленькая, взволнованная, она нервно сжимала свои большие красные руки.

– Что именно сказал вам Брайан Фицпатрик? – спросила Изабель Лакост, когда они сели в гостиной. – И когда появился сегодня утром?

– Он сказал, что случилось несчастье и ему нужно вызвать полицию, но его всего трясло, поэтому позвонила я.

– Он говорил что-нибудь еще?

– Только то, что Антуанетта пострадала. Я спросила, не нужно ли нам пойти и помочь ей, но вид у него был такой испуганный, что я все поняла.

Она перевела взгляд с Лакост на Бовуара.

– Антуанетта мертва, да?

– К сожалению.

И тут мадам Пруль сделала то, что редко можно увидеть в Квебеке, – перекрестилась.

– А вы не заметили, заходил ли кто в их дом вчера вечером? – спросила Изабель Лакост.

– Нет. Занавески у меня были задернуты, и я смотрела «Les Filles de Caleb».

Лакост кивнула. То же самое говорили другие соседи. У всех были задернуты занавески, и все сидели перед телевизором, смотрели очередной показ сериала, пользовавшегося бешеной популярностью.

Оборотень мог перевернуть соседний дом, а эта женщина и не шелохнулась бы, пока шла серия. Лакост подумала, что убийца, возможно, спланировал свой приход как раз ко времени показа.

– Вы знаете, кто это сделал? – спросила мадам Пруль.

– Non, пока не знаем. Но непременно выясним, – пообещала Лакост.

Она пыталась успокоить мадам Пруль, но понимала, что, пока виновник не арестован, любые слова ничего не значат.

Убийство Лорана Лепажа, по крайней мере, не выглядело случайным. С самого начала было ясно, что его убили не потому, что он Лоран или ребенок, а из-за его находки в лесу. Причина была.

А вот убийство Антуанетты Леметр казалось бессмысленным. Никакого очевидного мотива. И в эту пустоту засасывало самые разные подозрения. И вполне понятный страх.

Лакост точно знала, о чем думает мадам Пруль: «Это могла быть я». А за этой мыслью тут же другая: «Слава богу, не я, а соседка».

– Что вы думали об Антуанетте? – спросила Лакост.

– Милая женщина. Отношения были дружеские, но без чрезмерной фамильярности, если вы меня понимаете.

– Вам она нравилась? – спросила Лакост.

Мадам Пруль ответила не сразу, сначала поерзала в своем мягком кресле:

– Она была мне симпатична. Мне нравился ее дядюшка Гийом. Мы разговаривали через забор летом, когда занимались садом.

– Звучит так, будто на самом деле она вам не нравилась, – осторожно надавила Лакост.

– Она была непростой женщиной, – признала мадам Пруль. – Не успела переехать, как начала выражать недовольство. То ей не нравилось, что дети играют на улице в хоккей, то ее раздражал шум, когда соседи

устраивали барбекю. Словом, вела себя так, будто здесь ее seigneurie[48], а мы все habitants[49], если вы меня понимаете.

Лакост понимала. В этих словах явно чувствовалось влияние «Les Filles de Caleb», вплоть до старомодного описания феодала и крестьян. Но если слова были взяты из телевизионного сценария, то эмоции казались подлинными. Мадам Пруль не нравилась городская женщина, которая всех пыталась построить. Что-то похожее в разных вариантах слышали они и от других соседей, когда те понимали, что в данном случае не действует правило «о покойнике, тем более о только что убитом человеке, либо хорошо, либо ничего».

– Вы не думали о том, кто мог это сделать? – спросила Лакост и увидела, как распахнулись глаза мадам Пруль.

– Нет. А вы? Поиск убийц – ваша работа. У вас нет никаких соображений на этот счет?

– Есть кое-какие, – ответила Лакост, снова предлагая успокоительное. – Но я обязана спросить. Никакой особо сильной вражды с кем-нибудь из соседей?

– Нет. Раздражение она вызывала, но не больше. А вид у нее и в самом деле был странный, в этой одежде. Она напоминала избалованного ребенка. – Мадам Пруль посмотрела на полицейских острым взглядом. – Вы не считаете, что ее убил грабитель?

– Мы рассматриваем все вероятности.

Видимо, только теперь мадам Пруль обратила внимание на сценарий в руках Бовуара. Она поднялась на ноги. Не быстро, но без всякого труда встала из удобного кресла. Во всех ее движениях чувствовалась грация и легкость. И еще уверенность.

– Я прошу вас уйти и унести это отсюда.

Переспрашивать, что она имеет в виду под «это», не имело смысла.

– Вы знаете про пьесу? – спросил Бовуар, приподнимая руку с рукописью.

Ему показалось, что мадам Пруль опять готова перекреститься. Но она не перекрестилась. Она выпрямилась, высокая и серьезная, и повернулась лицом к Бовуару и к творению Джона Флеминга.

– Мы все знаем. Это издевательство. Ума не приложу, как она этого не понимала. Я не ханжа, если вы вдруг подумали. Но всему есть свои рамки.

Ни философских споров, ни разговоров о недопустимости цензуры – простая констатация. Ставить пьесу Флеминга – значит выходить за рамки.

У дверей Бовуар спросил про Брайана.

– Он нам нравился, – сказала мадам Пруль, явно говоря от имени всех соседей. – И если бы он ее убил, мы бы поняли. Но он вроде бы искренне ее любил. – Она покачала головой. – Такое нередко случается, правда? Смотришь на пару и думаешь, что же они нашли друг в друге. Никогда не знаешь, если вы меня понимаете.

Бовуар понимал. Никогда не знаешь.

Они сели в машину и поехали в Три Сосны.

– Зачем ты взял пьесу? – спросила Лакост у сидящего за рулем Бовуара.

– От нее только беды, – объяснил он. – А тот, кто убил Антуанетту, что-то искал. Может быть, именно эту рукопись.

– Да ведь существует множество копий пьесы.

– Верно. Но это оригинал. Я подумал: может, стоит прочесть.

Изабель кивнула. Он был прав. Жаль, что она сама не додумалась.

Иногда она чувствовала себя совершенно готовой к должности старшего инспектора. А иногда понимала, что ее пост должен был достаться Бовуару.

– Что еще я упустила? – спросила она.

– Ты почти ничего не упускаешь, Изабель, – ответил Бовуар. – А если что-то и случается, я тебя страхую. И наоборот. Поэтому мы сильная команда.

– Тебе не хватает месье Гамаша? – спросила она.

– Не в укор тебе, но мне всегда будет не хватать старшего инспектора Гамаша.

– И мне, – сказала она.

Они проехали еще несколько миль, и наконец Изабель набралась храбрости и задала вопрос, который беспокоил ее с первого дня ее назначения:

– Ведь старшим инспектором должны были назначить тебя?

Она тут же пожалела, что спросила. Что, если он ответит «да»?

– Я бы не возражал, – сказал он после паузы. – Но и не надеялся. После всего, что случилось.

– Ты имеешь в виду пристрастие к выпивке и наркотикам? – спросила она. – Или твой выстрел в старшего инспектора Гамаша?

– Когда ты так говоришь, получается и в самом деле неприглядно, – сказал Бовуар.

Но при этом он улыбнулся. Они оба знали, что, нажав на спусковой крючок, он сделал единственно верную вещь. Он спас жизнь Гамаша, чуть не убив его.

Мало у кого хватило бы мужества сделать такой выстрел. Лакост не была уверена, что у нее хватило бы.

– Ты могла бы меня остановить, – сказал Бовуар. – Ведь ты держала меня под прицелом, как я – его. Ты и понятия не имела, почему я собираюсь стрелять в шефа. Почему ты меня не остановила?

– Выстрелом? – спросила она.

– Да. Другие так и сделали бы. Любой так бы сделал.

– Я чуть-чуть не выстрелила. Но ты просил меня поверить тебе.

– Из-за этого?

– Я поверила не словам – твоему голосу. Ты не злился, не сходил с ума. Ты был в отчаянии.

– Ты доверилась своей интуиции?

Она кивнула и сцепила пальцы рук, чтобы унять дрожь, которая всегда появлялась у нее при воспоминании о том жутком дне. Она держала Бовуара под прицелом, готовая нажать на спусковой крючок. И не знала, что ей делать. И видела: он знает, что делает. И видела, как он стреляет в старшего инспектора.

Ощущение было такое, будто выстрелила она сама.

А потом она увидела, как тело старшего инспектора подбросило над землей. И он упал на землю.

– Ты доверилась интуиции, – сказал Жан Ги. – И потому ты станешь одним из лучших руководителей Квебекской полиции, Изабель. А я останусь твоей преданной правой рукой, пока тебя это будет устраивать.

– А ты бы меня застрелил?

– Не задумываясь, patron.

Она рассмеялась. И вдруг поняла, что он в первый раз назвал ее patron.

Пьеса Флеминга лежала на заднем сиденье, как пассажир. Слушала их разговор. Впитывала слова об убийстве.

Глава двадцать четвертая

– Bonjour, – сказал Арман Гамаш.

Он нашел Мэри Фрейзер в маленькой библиотеке гостиницы. Она в одиночестве сидела в удобном кресле спиной к книжным шкафам, положив ноги на скамеечку и вытянув их к неторопливому огоньку в камине.

На ней был облезлый свитер, и на одной ноге из дырки в колготках торчал большой палец. Она даже не пыталась его спрятать, ее ничуть не смущал такой непритязательный внешний вид.

Однако она совершенно явно не хотела, чтобы он видел, что за бумаги она читает. Как только вошел Гамаш, Мэри Фрейзер захлопнула папку и накрыла ее рукой. Сделала это без спешки, чуть ли не лениво. Но нужный ей результат обеспечила – закрыла и спрятала документ.

– Старая школа? – спросил Гамаш, показывая на папку. – Те времена, когда еще не было компьютеров? А может, некоторые вещи вообще лучше хранить на бумаге? Проще работать. Легче уничтожить.

Он уселся на другое удобное кресло в библиотеке.

Мэри Фрейзер сняла ноги со скамеечки и надела туфли. Потом закинула ногу на ногу и посмотрела на него.

– Странные вещи вы говорите, месье Гамаш, – сказала она с задушевной улыбкой на лице. – Большинство наших документов и по сей день хранятся на бумаге.

– «Четыреста пятьдесят один градус по Фаренгейту»? – спросил он.

Сначала она не поняла его, потом уловила аллюзию и взглянула на него, как мадам Арсено, его учительница в третьем классе начальной школы, когда он в первый раз изрек что-то умное.

– Я не собиралась сжигать документы, – сказала Мэри Фрейзер.

– Хотя у вас была такая возможность.

– Конечно. Чем могу вам помочь?

– Я все спрашиваю себя, почему вас не интересует суперорудие.

Голос его звучал приятно, ровно, но глаза проницательно смотрели на нее.

На кое-как покрашенные волосы. На лицо без косметики, если не считать губную помаду и чуть слипшуюся тушь на ресницах. Контактные линзы она не носила, предпочитая очки в давно вышедшей из моды оправе. Она ничего не скрывала. Ни морщин, ни плохого зрения, ни даже дырок на колготках. В этом и состояло одно из огромных преимуществ Мэри

Фрейзер. Способность выдавать искусственное за естественное. Она умела создавать впечатление, что ничего не скрывает, тогда как на самом деле почти ничего существенного и не раскрывалось.

Эта женщина из КСРБ походила на Мэри Поппинс, которая спустилась в деревню, чтобы все привести в порядок. Только никакого порядка не наблюдалось. Гамаш это знал. И она знала.

Нет, он не верил Мэри Фрейзер, хотя и находил ее занятной.

Она смотрела на него таким же оценивающим взглядом.

– А я все спрашиваю себя, почему вы-то ею так интересуетесь, – сказала она. – Пушкой то есть.

– Тогда мы квиты, мадам. – Он откинулся на спинку, закинул ногу на ногу и расположился поудобнее. – Вам известно о суперорудии больше, чем вы нам рассказали. Я бы хотел узнать от вас об этом.

– Почему я должна вам что-то говорить?

– Потому что вы боитесь и вам нужно как можно больше союзников.

– Я не боюсь.

Она тоже откинулась на спинку, слегка втиснувшись в мягкий угол большого кресла. Так маленькое существо устраивается в большой берлоге.

– Вы не можете не бояться. Кто-то нашел пушку Булла и почти наверняка ищет теперь чертежи, – сказал Арман. – Вы боитесь, что они уже найдены.

– Не найдены.

– Откуда вы знаете?

– Пушку нашли три дня назад. Если бы чертежи находились там же, то убийца уже начал бы прощупывать почву, искать покупателей.

– Откуда вы знаете, что он уже не начал?

Они разговаривали без свидетелей, и тут начала проявляться настоящая Мэри Фрейзер, просачиваться сквозь дыры на колготках, некрашеные корни волос, слипшиеся ресницы. Канцелярская крыса исчезала. Но и настоящий Арман Гамаш тоже стал проявляться. Добрый отставной коп исчезал.

Мэри Фрейзер терпеливо улыбнулась ему:

– Мы знаем.

– Всего вы не знаете. К примеру, вы не знали про пушку.

Но, даже произнося эту фразу, он не был уверен, что не ошибается.

– Мы, конечно, знали, что доктор Булл работал над суперорудием, но о том, что он его собрал, – нет. Обнаружение пушки стало для нас неожиданностью.

– Неприятной, насколько я понимаю.

– Вовсе не обязательно. В конце концов, мы теперь имеем единственное в мире суперорудие. Оно может пригодиться.

– Пока не будет собрано другое, – сказал Гамаш. – Где чертежи?

– Нигде. Их уничтожил Джеральд Булл.

– Тогда что вы так беспокоитесь?

– Ничего я не беспокоюсь.

– Тогда почему вы все еще здесь?

Она ничего не ответила.

– И почему вы читаете досье доктора Булла?

Она вытянула руку, закрывая всю лицевую сторону папки.

– Вы ведь не глупы, мадам Фрейзер, зачем же притворяетесь глупенькой?

– Притворяюсь?

– Слухи о суперорудии расходятся все дальше. Пока об этом известно только жителям деревни, но хотя их и просили держать язык за зубами, разговоры так или иначе выйдут за пределы долины – это лишь вопрос времени. Тогда здесь появятся журналисты, любопытствующие, другие ученые. И один бог знает, кто еще выйдет из тени. Отправится на поиски. Время работает не на вас.

– Слух стал распространяться не от кого-нибудь, месье Гамаш. Его пустила Изабель Лакост.

Гамаш сидел совершенно неподвижно, стараясь ничем не выдать себя – ни словом, ни выражением, ни движением лицевых мышц.

– Она совершила ошибку, – сказала Мэри Фрейзер. – Она понятия не имела о том мире, в котором оказалась. Как и вы. Вы думаете иначе, но вы ошибаетесь. В этом мире не существует правил, месье. Не существует законов. Не существует гравитации. Ничего связующего нас, тянущего вниз или назад.

– Я считал вас обычным клерком, работающим с бумагами.

Она посмотрела на папку, лежащую у нее на коленях:

– Вы не ошиблись. А что такое бумаги? Информация. Знание. А что такое знание?

Он хорошо знал ответ. Как и она.

– Почему вы здесь? – спросил он. – Почему именно вы?

– Осторожнее, – проговорила она.

– Вы знали Джеральда Булла? – спросил Гамаш. – Его убили агенты КСРБ?

Ответом на его вопрос было молчание. Он подался вперед и заглянул в безразличное, непримечательное лицо.

– Да? – спросил он.

– Вы не послушались моего совета, месье Гамаш.

Он встал и слегка поклонился. Мэри Фрейзер не шелохнулась. Но когда он наклонился к ней, она прошептала:

– Не думайте, будто мы не заметили, насколько странно то, что старший офицер уходит в преждевременную отставку и поселяется бог знает где, а вскоре всплывает «Проект „Вавилон“».

Гамаш выпрямился, искренне удивленный. Но настоящий сюрприз ждал его впереди. Мэри Фрейзер поднялась и взглянула на него очень жестко:

– И не думайте, будто мы не заметили, что взрослый мужчина заявляет о своей дружбе с девятилетним мальчиком. Либо вы извращенец, либо вам что-то потребовалось от несчастного ребенка. И я выясню, как оно было на самом деле. Я за вами приглядываю.

Гамаш знал, что челюсть у него отвисла, но ничего не мог поделать.

Неужели она и в самом деле ему угрожает? Или это уловка? Поза? Или эта женщина действительно верит во всю сказанную ею чепуху?

По одну ли они сторону? Он знал, в чем состоит его роль в этой истории. И в чем не состоит. Но не мог понять ее. Мэри Фрейзер создавала впечатление социально неадаптированной, немного неуверенной, неуклюжей. Вкрадчивой и педантичной. Однако она оказалась чрезвычайно умной и сильной.

Арман Гамаш никогда в жизни не совершал ошибки, демонизируя сильных женщин. Напротив, одна из таких женщин вырастила его, на другой он женился, третью повышал по службе. Но он очень сомневался, что доверяет конкретно этой сильной женщине.

Он отступил на два-три шага и окинул ее взглядом, пытаясь понять, искренна ли она в своих подозрениях или просто пытается отомстить ему.

– Что находится в Хайуотере? – спросил он.

– Вы мне угрожаете? – огрызнулась она.

У нее был по-настоящему встревоженный вид.

Гамаш никак не ждал такой реакции.

Он надеялся сначала поговорить с Лакост и Бовуаром, но когда увидел, как они утром уезжают из Трех Сосен, то сразу позвонил агенту Иветт Николь, бывшей коллеге из Квебекской полиции. Он попросил ее проследить по биллингу перемещения следователей из КСРБ за предыдущий день. Николь отзвонилась ему получасом ранее.

Они не исследовали суперорудие Джеральда Булла, не искали чертежи – биллинг их сотовых указывал, что Мэри Фрейзер и Шон Делорм

отъехали на двадцать миль, в деревню Хайуотер на границе с Вермонтом.

– Разве в моем вопросе есть что-то угрожающее? – спросил Гамаш. – Я и подумать не мог. Примите мои извинения.

Шагая к выходу из маленькой библиотеки, он чувствовал, как Мэри Фрейзер сверлит взглядом его спину.

Он знал, куда пойдет из гостиницы.

Но он не попал туда, куда собирался.

Выйдя на крыльцо гостиницы, он увидел, что Лакост и Бовуар возвращаются. Машина притормозила, остановилась, и Жан Ги высунулся в окно.

– Нам нужно поговорить, – одновременно проговорили оба.

– Я приду в оперативный штаб, – сказал Гамаш.

По их лицам он понял, что случилось что-то чрезвычайное.

Машина поехала дальше, и Гамаш успел мельком заметить на заднем сиденье экземпляр пьесы Флеминга с обложкой, испещренной записями.

Лакост и Бовуар ждали его у машины, пока он шел через мост к зданию старого вокзала.

– Что случилось? – спросил он.

– Сначала вы, – ответила Лакост, когда они вошли и уселись за столом для совещаний.

– Я знаю, куда вчера ездили агенты КСРБ, – сказал Гамаш. – Я попросил агента Николь проследить перемещение их сотовых. Понимаю, что перешел за рамки дозволенного…

Лакост улыбнулась и подняла руку, прерывая его извинения:

– Пожалуйста, не надо. Нам необходима ваша помощь.

Гамаш слегка кивнул:

– Они ездили в деревню Хайуотер. Она в Квебеке, на границе с Вермонтом, километрах в тридцати отсюда.

– Вы ее знаете? – спросил Жан Ги, шагнув к громадной карте, прикрепленной к стене кнопками.

– Нет, – ответил Гамаш, подходя вместе с Лакост к Бовуару. Он уже успел найти эту деревню на карте и теперь показал, где она находится. – Я там никогда не бывал. Насколько я понимаю, она совсем маленькая.

– Мм, – промычала Лакост. – А есть какие-нибудь соображения о том, что они там делали? Встречались с кем-то?

– Возможно, – ответил Гамаш, когда они расселись по местам. – Бóльшую часть дня они находились в одной точке, а потом вернулись сюда. Теперь ваша очередь.

– Убили Антуанетту Леметр, – сказала Изабель Лакост и, увидев потрясенное лицо Гамаша, добавила: – Я знаю, она была вашим другом.

Он откинулся на спинку стула, глядя на Лакост и Бовуара и пытаясь осознать услышанное.

– Как это случилось?

– В доме все перевернуто, – сказал Бовуар. – Судя по тому, что мы там видели, она вошла и застала у себя грабителя. Или кто-то постарался создать такое впечатление. Она, видимо, упала и, падая, ударилась головой об угол камина. Доктор Харрис говорит, это произошло между половиной десятого вчерашнего вечера и половиной третьего ночи.

– Клара ее приглашала, – сказал Арман. – Но Антуанетта позвонила и сказала, что не сможет прийти. Что, если убийца…

– …тоже считал, что она уедет к Кларе и в доме никого не будет? – подхватила Лакост. – Такое возможно.

Бовуар извинился и оставил их – ему понадобилось срочно позвонить, а Лакост вкратце рассказала Гамашу, что, по ее мнению, случилось в доме Антуанетты. Гамаш слушал спокойно, сосредоточенно. Записей он не делал, но все запоминал.

– Мы спрашивали соседей, не заметили ли они чего-нибудь, но все соседи смотрели «Les Filles de Caleb».

– Может быть, Антуанетта именно по этой причине пригласила гостей на такое время. Чтобы никто не видел их прихода, – предположил вернувшийся Бовуар.

– Но с какой стати делать тайну из визита членов труппы? – спросил Гамаш.

– Потому что речь шла не о членах труппы, – ответил Бовуар. – Я сейчас звонил им. После отказа участвовать в постановке они Антуанетту не видели и не слышали. Так что либо Антуанетта солгала Брайану, либо Брайан солгал нам.

– Но он не мог не понимать, что мы это выясним, – возразила Лакост. – Скорее уж Антуанетта солгала ему о том, кого ждет.

– А почему солгала? – спросил Гамаш. – Что за люди должны были к ней прийти?

– И они ли ее убили? – продолжил Бовуар. – По-моему, это вполне вероятно. Но они рисковали. Что, если бы Антуанетта сообщила Брайану, кого она ждет на самом деле?

– Вероятно, они знали, что правды она не скажет, – заметила Лакост. – А значит, хотела сохранить их приход в тайне.

– Что-то постыдное? – предположил Бовуар, генерируя идеи. – Что-

нибудь незаконное или неэтичное? Любовный роман?

Они переглянулись. Тут взгляд Гамаша упал на экземпляр пьесы. Казалось, жизнь все время возвращает их к ней. К этой треклятой пьесе.

Бовуар проследил за его взглядом:

– Да, мы думали о том же. Не может ли убийство Антуанетты каким-то боком быть связано с оригиналом пьесы Флеминга? Может быть, его-то и искали? Не этим ли объясняется разгром в ее доме? Брайан брал оригинал с собой в Монреаль, но они не могли об этом знать.

Гамаш поднялся:

– Я почти что закончил ее читать. В сюжете нет никаких скрытых смыслов. Я вам нужен? Мне хотелось съездить в Хайуотер, но уже поздновато, а после вашей новости я, пожалуй, останусь здесь. Вы не возражаете, если я расскажу Рейн-Мари?

– Никаких возражений. Напротив, нужно всем рассказать, – сказала Лакост, присоединяясь к нему. – Пойду с вами, начну расспрашивать людей.

– Есть еще кое-что, о чем тебе следует знать, Изабель.

Он остановился, и она повернулась к нему.

– Я спросил Мэри Фрейзер про Хайуотер. Им известно, что мы знаем об их поездке туда.

– И как она прореагировала?

– Спросила, не угрожаю ли я ей.

– Ого! – воскликнула Лакост. – Странно. Интересно, что она имела в виду.

– Интересно, что такого есть в Хайуотере.

– Попробую полазить по Интернету, когда вернусь в штаб.

– У тебя есть другие дела, – возразил Гамаш. – А поискать я и сам могу. У меня остались пароли.

– Сколько же вреда вы можете принести, patron, – с улыбкой сказала Лакост.

– Как это ни забавно, такого же мнения придерживается и Мэри Фрейзер. Она практически обвинила меня в смерти Лорана и участии в поисках суперорудия Джеральда Булла.

– Она сумасшедшая, если так думает.

– Она непростая штучка, – сказал Гамаш. – Неделю назад я разговаривал с приятельницей из КСРБ. Позвоню ей еще раз и попрошу скрытно провести служебную проверку Мэри Фрейзер и Шона Делорма. Но есть и еще кое-что. Они знают, что именно ты сделала утечку о «Проекте „Вавилон“».

Глаза Изабель Лакост расширились, и она вздохнула:

– Я понимала, что так и будет. Меня это не волнует.

Но вид у нее был взволнованный. И для этого были основания, подумал Арман, когда они расстались, войдя в тихую деревню. Ему пришла в голову мысль, что иметь Мэри Фрейзер в качестве противника опасно. Но вот вопрос: можно ли быть ее союзником?

Глава двадцать пятая

Клара Морроу почти упала в кресло. Она выпивала в бистро с несколькими друзьями, включая Мирну, когда появилась Изабель Лакост.

По ее лицу сразу же стало ясно, что она пришла с новостями, которые им не понравятся. Но ни Клара и никто другой и представить себе не могли, насколько плохи будут новости Лакост.

Антуанетта мертва. Убита.

Как и все в зале, Клара вскочила на ноги, услышав новость. Потом снова опустилась в кресло и посмотрела на Мирну, которая тоже села.

– Что тут у нас происходит? – спросила Клара.

– Это все та треклятая пьеса, – сказала Рут, сидевшая от них через два-три столика. – Не нужно было ее ставить.

Они снова погрузились в молчание, думая о пьесе и ее авторе.

Возникло ощущение, словно длинная, вытянутая тень проникла через решетки тюремной камеры Флеминга и потянулась к ним. Будто палец. Тонкий, нелепый палец.

И вчера дотянулась.

Клара и Мирна пересели за столик Рут, которая что-то писала в своем блокноте. Клара увидела стихотворные строки, но не смогла разобрать слов. Габри и Оливье тут же подсели к ним.

Профессор Розенблатт сидел за угловым столиком и наблюдал за ними с другого конца их вселенной. Клара пригласила его жестом, и он присоединился к ним. Казалось, что чем больше народа, тем безопаснее, хотя они и понимали, что это ощущение всего лишь иллюзия.

Старший инспектор Лакост подтащила стул к их столику.

– Что случилось? – спросил Оливье.

Лакост рассказала им все, что могла.

– У вас есть предположения, кто мог сделать это с Антуанеттой? – спросила Мирна вполголоса, как и остальные.

– Пока нет.

– Или почему? – спросила Клара.

И опять Лакост покачала головой.

– Когда Антуанетта звонила вчера вечером и сообщила, что не сможет прийти на обед, она больше ничего не добавила?

Клара задумалась:

– Она говорила, что устала и хочет провести тихий вечер в

одиночестве.

– Какое у вас создалось впечатление? – спросила Лакост.

Клара помотала головой:

– К сожалению, никаких впечатлений, я просто приняла ее слова как данность. Ну захотела она побыть одна, когда Брайан уехал, что тут такого?

– А как вы узнали, что он не будет ночевать дома?

– Она мне сказала днем, когда я звонила, чтобы пригласить ее на обед.

– Больше никто не знал, что он будет отсутствовать? – Лакост оглядела собравшихся.

Все только отрицательно качали головой.

– Вам было известно, что Брайан регулярно ездит на совещания в Монреаль?

– Мы знали, что он время от времени ездит туда, – ответил Оливье, – и что у них есть маленькая квартирка в городе, вот, собственно, и все.

– Боже мой, бедняга Брайан, – проговорил Габри. – Ему сообщили?

– Он ее и нашел, – ответила Лакост. – Сегодня утром.

– Я ему позвоню, – сказал Габри, направляясь к телефону. – Может быть, он захочет приехать, побыть у нас несколько дней.

– Ее смерть как-то связана с пушкой?

Вопрос был задан профессором Розенблаттом, который до этого сидел молча.

– Мы не знаем, – ответила Лакост.

– Но какая тут может быть связь? – воскликнула Мирна. – Антуанетта не имеет к пушке никакого отношения, так ведь?

– Если и имеет, то нам об этом не известно, – ответила Лакост.

– Это все пьеса, – повторила Рут. – Джон Флеминг.

– Антуанетту мог убить кто-то недовольный пьесой, – согласилась Лакост. – А потом попытаться обставить случившееся как неудачную попытку ограбления. Такой мотив кажется наиболее вероятным. Но Джон Флеминг тут ни при чем. Он в тюрьме. Много лет уже за решеткой.

– Так ли?

– Что ты имеешь в виду, Рут? – спросила Клара.

– Уж ты-то должна в первую очередь знать. – Старая поэтесса посмотрела на Клару. – Творения – твари, они живут собственной жизнью. Пьеса и есть сам Флеминг, а Флеминг – убийца.

– «И что за чудище, дождавшись часа, – продекламировал Розенблатт, заглядывая в блокнот Рут, – ползет, чтоб вновь родиться в Вифлееме?»[50]

Рут сердито посмотрела на него и захлопнула свой блокнот с такой силой, что все подпрыгнули.

Сообщив Рейн-Мари о смерти Антуанетты и сказав о случившемся все, что можно сказать, Арман отправился в кабинет и стал искать информацию о Хайуотере.

Хайуотер казался безобидной маленькой деревней. Как и многие другие, деревня располагалась вдоль границы с Вермонтом и когда-то процветала – там работали лесопилки, через нее шли поезда. Но как и другие маленькие поселения, Хайуотер сжался, когда железная дорога закрыла вокзал, и теперь стал почти невидимым.

Гамаш потратил два часа, но так и не нашел о Хайуотере ничего достойного внимания. Необъяснимо: зачем два агента канадской разведки провели там день?

Но что-то там все же было. Что-то или кто-то привел Мэри Фрейзер и Шона Делорма в Хайуотер.

Гамаш вышел из кабинета, и на глаза ему попался его собственный экземпляр пьесы Флеминга. Он взял вчерашний номер «Пресс» и устроился почитать. Потом поднялся и пошел к Рейн-Мари. Она готовила обед в кухне.

– Тебе помочь? – спросил он, хотя и знал ответ.

Если Рейн-Мари что-то расстраивало, она любила нарезать, отмерять, перемешивать. Следовать рецептам. Чтобы все было по правилам. Никаких догадок, никаких сюрпризов.

Работа была творческая, успокаивающая, а результат – приятный и предсказуемый.

– Нет, у меня все отлично. И да, я имею в виду ОТЛИЧНО в том смысле, который вкладывает в него Рут, – сказала Рейн-Мари, имея в виду книгу старой поэтессы, в которой ОТЛИЧНО представляло собой аббревиатуру. Отвратительно. Тошнотворно. Лейкозно. Истерично. Чахоточно. Нудно. Омерзительно.

Гамаш рассмеялся, поцеловал жену и, вернувшись в гостиную, взял «Ньюйоркер». Но его глаза притягивала рукопись на столике у двери.

Наконец он налил выпивку Рейн-Мари и себе, взял треклятую пьесу и стал читать.

Ему пришлось напоминать самому себе, что ничего сверхъестественного в рукописи, которую он держит в руках, нет. Ничего зловещего. Она имела только ту власть, которую он ей приписывал.

Арман заставил себя прочесть еще несколько страниц, потом посмотрел на книжные шкафы вдоль стен, наполненные драгоценными книгами.

Если их бабушки и дедушки вешали на стены распятия и тексты молитв, то они с Рейн-Мари заставляли стены книжными шкафами. А в них стояли книги по истории, справочники, биографии, художественная литература, научно-популярная. Вдоль стен стояли истории, которые одновременно изолировали Гамашей от внешнего мира и связывали их с ним.

Он положил пьесу на диван, поднялся, подошел к книгам и стал просматривать корешки. Прикасаться к ним.

Затем с новыми силами вернулся к пьесе. И заставил себя читать дальше.

Несколько минут спустя зазвонил телефон, и Гамаш вдруг понял: он так вцепился в рукопись, что ему требуется сделать усилие, чтобы отпустить ее.

– Шеф? – раздался возбужденный голос Лакост.

– Oui?

– Вы можете прийти в оперативный штаб? Мы тут нашли кое-что.

– По делу Леметр?

– Да. Но не только.

– Сейчас буду.

Он попросил Рейн-Мари задержать обед еще на несколько минут и сказал, куда идет.

– Пригласи их, если хочешь, – крикнула она ему вслед. – На всех хватит.

Ее расстройство потянуло на четыре блюда, но еще она обдумывала какую-нибудь amuse-bouche[51].

– Адам, – сказал Гамаш, сильно и дружески пожимая протянутую руку. – Радость для усталых глаз.

– Шеф, – откликнулся довольный Адам Коэн.

– Тебя назначили в команду, расследующую убийство Леметр?

– Упаси бог, сэр. Они меня к этому и на милю не подпускают, – пожаловался агент Коэн. – Старший инспектор Лакост почти не позволяет мне подниматься из-за стола в управлении.

– И все же ты здесь, в Трех Соснах. Приезжай почаще. А то мне приходится довольствоваться одним лишь зятем. – Гамаш показал на Жана Ги Бовуара.

– К сожалению, в данном случае вкус изменил вашей дочери, сэр, – сказал агент Коэн, понизив голос до театрального шепота.

– Это у них семейное, – кивнул Гамаш. – То же самое случилось и с ее

матерью.

Гамаш вгляделся в молодого агента. Коэна выгнали из академии, и он устроился работать в тюрьму надзирателем. Но он пришел на помощь к Гамашу в самое трудное время, когда все остальные отвернулись от старшего инспектора, и Гамаш этого не забыл. Коэна удалось вернуть в академию, и старший инспектор курировал своего подопечного до самого выпуска.

А потом Гамаш попросил Лакост принять Адама Коэна на стажировку и приглядывать за ним. Заботиться. Изабель тогда только назначили на должность, а Гамаш собирался окончательно отойти от дел.

– Что ты здесь делаешь? – спросил Гамаш.

– Старший инспектор Лакост велела мне разузнать о семье Антуанетты Леметр. Я пытался переправить то, что нашел, но интернет-соединение здесь такое никудышное, что я решил привезти документы сам.

– Он перегрыз цепи, которыми был привязан к месту, – сказал Бовуар, приглашая всех к столу для совещаний.

Гамаш сел и посмотрел на одного, на другого, и наконец его взгляд остановился на Изабель.

– Так что мы имеем?

Она подалась вперед:

– Дом, в котором жила Антуанетта Леметр, был записан на ее имя, а прежде он принадлежал ее дядюшке.

Гамаш кивнул: Брайан говорил ему об этом.

Арман обратил внимание, что перед агентом Коэном на столе текстом вниз лежит листок бумаги. Вероятно, молодой агент многое перенял у Жана Ги Бовуара.

– Семья Гийома Кутюра из этого района, – сказал агент Коэн. – Он построил дом на части принадлежащей ему земли. Других родственников не осталось. Он вышел в отставку в девяностые годы. – Пальцы Коэна сместились к низу листа. – Умер в две тысячи пятом. От рака. Но перед уходом на пенсию он занимался увлекательной работой.

– Он был инженером, – сказал Гамаш. – Антуанетта говорила, что он строил развязки. Работа не скучная, но и увлекательной я бы ее не назвал.

Адам Коэн перевернул лист.

Гамаш увидел зернистую черно-белую фотографию, увеличенную с маленького снимка. На ней группка людей стояла перед чем-то похожим на трубу.

Гамаш надел очки и наклонился над фотографией.

– Вот Гийом Кутюр, – показал Адам Коэн.

Ничем не примечательный человек смотрел в объектив. На его лице застыла маниакальная улыбка. У него были прямые волосы, очки в толстой черной оправе, галстук, костюм плохо сидел на нем. Двое мужчин стояли по бокам от него. Один, в шапке, смотрел вниз и в сторону, а не в объектив, а второй казался скучающим, даже надменным. Нетерпеливым.

Гамаш почувствовал, как похолодели его щеки. Он оторвал взгляд от фотографии и увидел сияющие глаза агента Коэна.

Потом Арман снял очки и перевел взгляд с Бовуара на Лакост.

Они торжествующе смотрели на него. И у них имелись на то причины.

– Voilà, – сказала Лакост, ставя палец на неприветливое лицо третьего человека. – Вот она, связь.

Гамаш глубоко вздохнул, пытаясь осознать увиденное:

– Гийом Кутюр знал Джеральда Булла.

– Более того, сэр, – подхватил агент Коэн. – Фотография взята из некролога доктора Кутюра. Не из газетного некролога, а из номера «Наши выпускники» Университета Макгилла.

– Гийом Кутюр окончил Университет Макгилла? – спросил Гамаш.

– Нет, он выпускник Монреальского университета, – ответил Коэн. – Но он работал в Макгилле.

– На какой кафедре? – спросил Гамаш.

– Доктор Кутюр был инженером-механиком, – сказала старший инспектор Лакост. – Но его откомандировали на кафедру физики для работы в Стратосферном исследовательском проекте.

– СИП, – сказал Адам Коэн и откинулся на спинку стула, но тут же решил, что это может показаться вольностью, и снова наклонился над столом. – Предшественник «Проекта „Вавилон“».

– Дядюшка Антуанетты работал с Джеральдом Буллом, – подытожил Гамаш.

Глава двадцать шестая

Обед начался с яблочного супа с пастернаком, приправленного маслом, настоянным на грецком орехе.

– Рецептом со мной поделился Оливье, – сказала Рейн-Мари, выключая свет в кухне.

Она зажгла свечи; не столько для того, чтобы создать романтическую атмосферу для нее и Армана, Изабель, Жана Ги и молодого Коэна, сколько ради спокойствия, которое наступало в полутьме чайных свечей и маленьких мерцающих огоньков. Если разговор шел на тему грубую, то пусть хоть атмосфера будет мягкой.

Они пришли на обед в дом Гамашей и продолжили разговор, начатый в оперативном штабе.

– В доме Антуанетты обнаружились какие-нибудь свидетельства того, что ее дядюшка работал с Джеральдом Буллом? – спросил Арман.

– Ничего, – ответил Жан Ги. – Там даже нет никаких свидетельств того, что у нее был дядюшка. Nada[52]. Ни фотографии, ни открытки. Никаких частных бумаг. Если бы мы не узнали, что Гийом Кутюр был дядюшкой Антуанетты и когда-то жил там, то по содержимому дома мы бы никогда об этом не догадались.

Гамаш проглотил две ложки супа. Суп имел спокойный, простецкий и чуть сладковатый вкус.

– Великолепно, – сказал Арман, посмотрев на Рейн-Мари, хотя мысли его витали где-то далеко.

– Некоторые люди не испытывают тоски по прошлому, – заметила Лакост. – У меня отец такой. Не хранит ни писем, ни бумаг.

– Может быть, Антуанетта хотела, чтобы дом стал только ее домом, – предположил Жан Ги. – Господь свидетель, она была довольно эгоцентричной особой. Вещи дядюшки могли не устраивать ее в обретенном поместье.

– Вообще ни одной фотографии? – спросила Рейн-Мари. – Они, вероятно, были близки, если он завещал ей дом. А она не оставила в нем вещей дядюшки? Похоже на зачистку.

Арман согласился с Рейн-Мари. Это напоминало чистку более глубокую, чем требуется человеку, который просто хочет устроить свое гнездышко.

– Может быть, этим и занимался убийца, – сказала Изабель. – Хотел

уничтожить все следы связей между доктором Кутюром и Джеральдом Буллом.

Гамаш вспомнил свой сегодняшний разговор с Мэри Фрейзер. И досье КСРБ, которое она пыталась спрятать от него. Но зачем прятать досье на Джеральда Булла? Любой счел бы естественным наличие у КСРБ такого досье.

Она пыталась скрыть имя на папке, потому что оно удивило бы Гамаша. И Гамаш теперь догадывался, чье имя там было. Он ошибался. Мэри Фрейзер держала в руках досье не Джеральда Булла, а Гийома Кутюра.

– Скорее уж убийца искал что-то такое, что, по его мнению, доктор Кутюр мог держать у себя дома, – возразил Бовуар.

– Чертежи «Проекта „Вавилон“», – предположила Лакост. – Не поэтому ли убили Антуанетту? Убили за то, о существовании чего она даже не подозревала?

– Но зачем Гийому Кутюру хранить у себя чертежи? – спросил Бовуар. – Не думаю, чтобы Джеральд Булл мог их кому-то доверить.

– Может быть, доктор Кутюр похитил их у Булла, – сказала, размышляя вслух, Лакост.

– Ну хорошо, пусть он их похитил. И что? – спросил Бовуар. – Он просто прятал их у себя дома? Почему не продать, если они такие ценные?

– Наверное, он таким образом пытался предотвратить создание еще одной пушки, – сказал Коэн.

– Тогда почему их просто не уничтожить? – спросил Бовуар. – Зачем их хранить?

– Мы не уверены, что он их хранил, – напомнила Лакост. – Мы почти не сомневаемся, что он их не продал, ведь больше не было изготовлено ни одной пушки. Но он вполне мог их уничтожить. Мы не знаем, и убийца тоже не знал.

– Однако из этого вытекает, что убийца знал о связи между дядюшкой Антуанетты и Джеральдом Буллом, – заметила Рейн-Мари. – Почему же он не начал искать чертежи раньше? Почему именно сейчас?

– Потому что сейчас обнаружилась пушка, – ответила Лакост. – Вот вам катализатор. Прежде чертежи ничего не стоили. Но когда нашли рабочую модель…

– Чертежи стали бесценны, – закончила мысль Рейн-Мари. – Я понимаю.

– Есть еще одна вероятность, – сказал Гамаш. – У Джеральда Булла могло и не быть никаких чертежей.

Все уставились на него. От супа они перешли к макаронам фетучини с жаренной на открытом огне семгой, приправленной укропом и яблоком.

– Квартиру Булла в Брюсселе несколько раз обыскивали перед его смертью и ничего не нашли, – продолжил Гамаш. – После его убийства поиски продолжались, но чертежи «Проекта „Вавилон“» так никогда и не всплыли. И тогда решили, что Булл, предчувствуя близкий конец, уничтожил их. Но что, если чертежей не нашли, потому что их у него просто не было?

– Потому что он отдал их доктору Кутюру, – сказала Лакост.

– Или потому, что Кутюр их похитил, – сказал Бовуар.

– Или потому, – сказал Гамаш, – что у доктора Булла вообще никогда не было чертежей.

– Вы считаете, что Булл служил витриной проекта, а настоящим гением был доктор Кутюр? – спросила Лакост.

– Я не исключаю, что у доктора Булла не было чертежей, потому что он их не чертил, – сказал Гамаш. – Фотография все еще у тебя, Адам?

Агент Коэн вскочил и несколько секунд спустя вернулся с фотографией, положил ее на кухонный стол, и все склонились над ней.

– Вам не нужно больше света? – спросила Рейн-Мари.

– Нет, этого достаточно, – ответил ее муж.

Свечи и в самом деле оказывали успокоительное действие.

– Я думаю, они могли быть идеальной командой, – сказал Гамаш, разглядывая фотографию. – Булл – общительный, яркий. Доктор Кутюр – человек более спокойный, ученый-холостяк. Преданный работе.

– А его работа – «Проект „Вавилон“», – добавил Бовуар.

– Судя по тому, что ты накопал, – обратился Гамаш к Коэну, – доктор Кутюр начал работать с Джеральдом Буллом в Университете Макгилла на проекте СИП.

– Верно. Но потом финансирование Стратосферного исследовательского проекта урезали, – сказал Коэн. – И доктор Булл ушел из Макгилла.

– Чем он занялся? – спросил Гамаш.

– Создал Корпорацию космических исследований.

– А ККИ фактически разрабатывала дальнобойные артиллерийские орудия, что в конечном счете вылилось в «Проект „Вавилон“», – сказала Лакост. – К тому времени ККИ была частной компанией, которую возглавлял Булл.

– Джеральд Булл стал торговцем оружием, – сказал Гамаш. – Но, судя по всему, не конструктором оружия.

– Вот вам и объяснение, почему «Проект „Вавилон“» был реализован здесь, – произнес Бовуар. – Здесь жил Гийом Кутюр.

– Он собирал орудие близ своего дома, – сказала Лакост. – Тут, вдали от всех, он мог наблюдать за ходом работ. В глуши квебекского леса, где ни иранцы, ни израильтяне, ни наши спецслужбы и не подумали бы искать. Несуществующая пушка в несуществующей деревне.

– Последнее место на земле, где стали бы искать, – кивнул Бовуар. – Три Сосны.

– И никто не догадывался, что творцом «Проекта „Вавилон“» был не Джеральд Булл? – спросил Коэн.

– А кто бы стал подозревать? – ответила вопросом старший инспектор Лакост. – Да и кого это волновало? Он ведь поставлял то, что ему заказывали.

– А когда его убили, Кутюр испугался, – сказал Бовуар. – Он спрятал чертежи. А может, даже уничтожил их. Занялся выращиванием томатов и перца, попытался забыть о пушке в лесу.

– А пушка стояла под камуфляжной сеткой, – сказал Гамаш. – Обнаружить ее было трудно. Спусковой механизм он удалил. Кто еще, кроме создателя, мог это сделать? В доме Антуанетты его не нашли?

– Нет. Хотя, если честно, мы его и не искали, – ответил Бовуар. – Мы вернемся и посмотрим еще.

– Если он там был, то убийца, вероятно, его забрал, – сказал Гамаш. – Но проверить стоит.

– Я усилю охрану пушки, – сказала Лакост и направилась к телефону в кабинете.

Внезапно вспыхнул верхний свет, и Арман увидел, что Рейн-Мари стоит у выключателя. Через миг она вернулась к столу.

– Ну вот, убили атмосферу, – пожаловался Жан Ги.

– Я хотела получше рассмотреть фотографию, – объяснила она, склоняясь над снимком.

– Вы кого-то узнаете, мадам Гамаш? – спросил Адам Коэн.

– Нет, люди мне незнакомы. А вот место… Арман?

Трое мужчин в зернистом увеличении стояли у начала очень длинного туннеля, уходящего вниз. Стены казались металлическими, из потолка и боковин торчали металлические стержни. На потолке были закреплены громадные прожектора.

– Не думаю, что это туннель, – сказала она. – По-моему, они стоят у вершины длинного цилиндра.

– Может быть, пушечного жерла, – сказал Гамаш.

– Если это пушка, то уж очень большая.

– Ну и что? У нас тут есть одна очень большая пушка, – напомнил он.

– Сомневаюсь, что это пушка, – сказал Бовуар, наклоняясь над плечом мадам Гамаш. – Это больше походит на лестничную клетку.

– Или эскалатор, – сказал Арман.

И в самом деле, фотография казалась странно знакомой. Спуск в метро? Аэропорт? Да что угодно.

– Ужасно знакомо, – пробормотала Рейн-Мари.

– Может, мы говорим о пустяках, – сказал Гамаш. – Фотография явно снята много лет назад.

– А что случится, если выяснится, что была создана еще одна такая пушка? – спросила Рейн-Мари.

Гамаш немного подумал, открыл рот, но слов не нашел. Не нашел тех успокаивающих слов, которых ждала она. Слов, которые говорятся при горящих свечах. И к ужасу Рейн-Мари, он просто закрыл рот и посмотрел на нее.

– Ты думаешь, убийца нашел чертежи? – тихо спросила она.

– Не знаю, – ответил Гамаш. – Мэри Фрейзер обвинила меня в том, что я не понимаю, насколько опасен мир торговцев оружием. И она права. Сомневаюсь, что вещи, с которыми мы сталкивались до сих пор, могут сравниться с этим. Масштабы убийств, с которыми они имеют дело, невозможно представить. Они создают и разжигают войны, они поощряют геноцид. Ради прибылей. А какие прибыли! Они исчисляются миллиардами. А чьи-то жизни – да они ничего не стоят, ерунда.

Он говорил обыденным тоном, что только усиливало ужас сказанного.

– Думаю, мы должны исходить из худшего сценария, – сказал Жан Ги. – Будем считать, что чертежи найдены.

Обед вскоре закончился. Темы для разговора были исчерпаны. Договорились с Габри о номере для Адама Коэна, а Жан Ги переехал в дом Гамашей. Молодой человек явно испытал облегчение, узнав, что ему не нужно возвращаться в Монреаль.

Когда Лакост и Коэн ушли, а посуда была вымыта, Арман пошел выгулять Анри.

– Не возражаете, если я к вам присоединюсь? – спросил Жан Ги.

В дружеском молчании они втроем обошли деревенский луг, потом сделали еще один круг. Вечер был ясный и прохладный, дыхание образовывало облачка в воздухе. Небо заполнилось звездами, лунные тени трех сосен протянулись по всему лугу и уткнулись в бистро.

Они видели профессора Розенблатта, в одиночестве сидящего за

столом. Гамаш остановился, задумался. И понял, что время пришло.

– Холодно, – сказал он Жану Ги. – Неплохо бы согреться.

– Я думал о том же, patron.

Минуту спустя они стояли у столика профессора.

– Bonsoir, – сказал Арман.

– Привет, – ответил профессор, поднимая голову и улыбаясь.

Арман вытащил из кармана фотографию и положил ее на столик, потом медленно пододвинул к Майклу Розенблатту.

– Я бы хотел получить ответ на мой вопрос прямо сейчас, s’il vous plait. Был ли Джеральд Булл создателем суперорудия? Или его сконструировал кто-то другой? Более умный?

Он увидел, как улыбающиеся губы застыли. Смешливые морщинки исчезли. Улыбка сошла с лица профессора.

Глава двадцать седьмая

– Последний заказ, – объявил Оливье из-за стойки бара.

В бистро оставались еще два посетителя, молодые любовники на свидании, они держались за руки через стол и не вызывали у Гамаша беспокойства. Они явно находились в своем собственном мире. В мире, который, к счастью, не знал геноцида, ядерных боеголовок и пушек, спрятанных в глубине леса. Гамаш хотел быть уверенным, что два этих мира никогда не встретятся.

– Месье? – Гамаш кивнул, показывая на коньяк Розенблатта.

– Нет, пожалуй, нет.

Язык у пожилого ученого чуть заплетался, и теперь кровь мигом прихлынула к его лицу.

– Может быть, стакан воды, patron? – предложил Бовуар, и Оливье вернулся с графином и тремя стаканами.

– Я все думал, когда вы выясните, – сказал Розенблатт. – Наверное, нужно было сказать вам раньше.

– Oui, – ответил Гамаш. – Это было бы полезно и даже могло бы спасти человеческую жизнь.

– Вы о чем? – Профессор Розенблатт широко открыл глаза, потом прищурился, пытаясь сфокусировать взгляд.

Гамаш подумал, что дело тут не только в воздействии алкоголя. Вид у профессора был никудышный.

– Вчера вечером убили женщину. Ее звали Антуанетта Леметр, – сказал Бовуар.

– Да, я слышал. Ужасно, – простонал Розенблатт. – Местные, кажется, думают, что это как-то связано с какой-то пьесой. Вероятно, пьеса очень плоха.

– Она была племянницей Гийома Кутюра, – сообщил Гамаш.

Майкл Розенблатт уставился на них так, словно его собеседники подернулись туманом.

– Гийом Кутюр, – повторил он. – Давно я не слышал этого имени.

– Как вы с ним познакомились? – спросил Бовуар.

Розенблатта удивил его вопрос. Он посмотрел на фотографию, потом на одного своего собеседника, на другого.

– Мы некоторое время работали вместе, недолго. С Джеральдом Буллом. В Университете Макгилла.

Они ждали продолжения. Молодая пара ушла, держась за руки, и Оливье начал убирать бистро.

А они продолжали ждать.

Розенблатт, казалось, впал в ступор.

– Откуда она у вас? – спросил он наконец, показывая на фотографию.

– Из университетского журнала Макгилла, фотографию поместили в некрологе доктора Кутюра, – сказал Бовуар.

Майкл Розенблатт кивнул:

– Я помню, что читал заметку и видел фотографию и еще думал: догадается ли кто-нибудь сложить это в единое целое. Не догадались.

– Что сложить? – спросил Гамаш.

– А может, и сложили, – произнес Розенблатт, то ли проигнорировав вопрос, то ли не расслышав его за собственными мыслями.

Было заметно, что он сосредоточивается, оживляется. Его голос звучал уже не так невнятно. Глаза смотрели острее.

Гамаш сомневался, что это хороший знак. Профессор придет в себя и включит защитные механизмы, а они у него надежные, испытанные целой жизнью недомолвок.

– Знаете, он был очень умным. Деятельным.

– Доктор Кутюр? – спросил Гамаш.

Розенблатт рассмеялся:

– Нет, не он. Джеральд Булл. Большинство ученых, они в некотором роде саванты. Что-то одно они знают великолепно, а во всем остальном – как дети. Но доктор Булл был другим. Он мог обескураживать, резкий, нетерпеливый. Но мог быть обаятельным и умным. Понимаете, он видел все насквозь. Замечал то, мимо чего проходили другие. Это полезный инструмент. Он устанавливал связи. Я имею в виду не социальные – хотя он и это умел, – а между событиями. Интеллектуальные связи. Он находил общее между вещами, казалось бы совсем разными.

– Как ученый? – спросил Гамаш.

Розенблатт хохотнул:

– Как ученый он ничего собой не представлял. – Немного подумав, он добавил: – Ну, не совсем чтобы ничего. Он защитил докторскую. То есть знания он имел. Но вы правильно сказали вчера: его гениальность распространялась лишь на умение общаться с людьми. Он мог любого уговорить на что угодно. И при этом не знал жалости.

– А кто создал суперпушку? – спросил Гамаш.

Розенблатт кивнул на фотографию:

– Вы уже знаете.

– Мне нужно, чтобы вы подтвердили мою версию.

Даже сейчас, когда его приперли к стенке и вывели на чистую воду, пожилой ученый пытался вывернуться, так силен был в нем инстинкт и привычка уходить от ответа.

– Возможно, чертежи уже найдены, – тихо сказал Гамаш.

– Ох, – произнес Розенблатт.

Этот непроизвольный звук был словно длинный хвост при выдохе.

Профессор кивнул несколько раз, ведя какой-то внутренний разговор. Дискутируя сам с собой. Подыскивая аргументы. Наконец он заговорил:

– Автор «Проекта „Вавилон“» – Гийом Кутюр. Я думаю, идея родилась в голове Булла, но ему требовался кто-то умнее, чем он сам, чтобы воплотить идею в жизнь. И тогда он нашел доктора Кутюра, который работал в техническом отделе Университета Макгилла. Кутюр стал главным разработчиком у Булла и его тайным партнером.

Начав говорить, профессор Розенблатт уже не мог остановиться. На Гамаша полился такой поток информации и конфиденциальных сведений, что он невольно насторожился. Он не знал, что это: правда, полуправда или стена лжи.

Впрочем, слова Розенблатта совпадали с выводами Гамаша. Правда, как-то уж слишком точно совпадали.

– Джеральд Булл практически совершил самоубийство, когда назвал себя единственным творцом суперорудия, – сказал профессор Розенблатт. – Его убили, чтобы остановить. А о Гийоме Кутюре никто не знал.

– Кроме вас, – заметил Бовуар.

– Нет, я тоже не знал. Мне все стало известно гораздо позднее. Я не мог себе представить, чтобы такую работу провел Джеральд Булл. Наконец я понял, что работу проделал кто-то другой. Умнее.

– Как вы думаете, доктор Кутюр мог сохранить у себя чертежи? – спросил Бовуар. – В конце концов, из-за них убили его босса.

– Это был труд его жизни, – сказал Розенблатт. – Гийом был хороший парень, во многих отношениях мягкий человек. Но его не мучила совесть. У него отсутствовало воображение. Нет, пожалуй, так говорить про него несправедливо. Он был близорук. Видел перед собой только задачу, цель. А дальше не смотрел, не понимал последствий своих трудов.

– И что это значит? – спросил Бовуар. – Стал бы он хранить чертежи или нет?

– Я думаю, да, – ответил Розенблатт. – Работа его жизни. Несомненно, венец карьеры. – Он задумался на мгновение. – Вы говорите, что убитая вчера женщина – его племянница?

– Она жила в его доме, – сказал Гамаш.

Часы в бистро начали отбивать время. Полночь.

– И вы не нашли чертежей? – спросил Розенблатт.

Гамаш отрицательно качал головой, пока часы продолжали бить. Один размеренный удар за другим.

– Вы думаете, убийца украл чертежи «Проекта „Вавилон“»? – спросил Розенблатт.

– Не исключено. Мы должны исходить из того, что он их нашел, – ответил Гамаш.

Часы отбили последний удар и смолкли.

Майкл Розенблатт посмотрел на них, потом на Гамаша.

– Полуночные колокола, старший инспектор, – тихо сказал он. – Позднее, чем мы думали.

Бовуар увидел, как переглянулись эти двое, и понял, что упустил какую-то аллюзию[53]. Но не смысл.

Они проводили профессора до гостиницы и убедились, что он зашел в номер. Из-под двери номера Мэри Фрейзер пробивался свет, и Гамаш остановился перед ней и постучал.

– Что вы делаете? – прошептал Бовуар.

– Агенты КСРБ должны знать, что чертежи, возможно, похищены, – прошептал в ответ Гамаш.

– Минуточку, – раздался приятный голос Мэри Фрейзер. Дверь открылась, и она предстала перед ними, поправляя на себе неожиданно вычурный халат. – Ой.

– Вы ждали кого-то другого? – спросил Жан Ги.

– Просто я не ждала вас, – сказала она.

Она была в очках, на кровати были разложены бумаги. Жан Ги попытался разглядеть, что в них, но Мэри Фрейзер вышла из номера и закрыла дверь.

– Чем могу вам помочь? Уже, наверное, поздно. – Она посмотрела на часы. – Первый час.

«Позднее, чем мы думали», – всплыли в памяти Бовуара слова профессора.

– Скорее всего, чертежи похищены, – сказал Гамаш.

Педантичная женщина, проводившая дни за канцелярским столом, исчезла, а вместо нее появилась гораздо более проницательная личность, пусть и в нелепом розовом халатике.

– Идемте со мной, – сказала агент КСРБ и пошла вниз, в самый дальний конец гостиной.

– Не позвать ли месье Делорма? – спросил Гамаш.

– В этом нет необходимости, – сказала она, садясь. – Вы можете рассказать мне, а я передам информацию ему.

Гамаш и Бовуар сели в два других кресла.

– Вы, вероятно, слышали об убийстве тут неподалеку, – сказал Гамаш. – Убили женщину. Ее звали Антуанетта Леметр.

– Да, хозяин гостиницы мне говорил. Он тут вроде как городской глашатай.

– Антуанетта Леметр была племянницей Гийома Кутюра.

Фрейзер уставилась на Гамаша бесстрастным взглядом, словно лишившись дара речи. Умному человеку нужно было приложить немало усилий, чтобы принять такой бессмысленный вид, и Гамаш предположил, что в этот миг ее ум напряженно работает.

– Чья племянница? – спросила она.

– Прошу вас, мадам, – сказал Гамаш. – У нас нет времени. Вы не хуже меня знаете, что Гийом Кутюр сотрудничал с Джеральдом Буллом в проекте СИП. И почти наверняка в проекте суперорудия.

Он снова вытащил фотографию из кармана, развернул и передал ей. Брови Мэри Фрейзер чуть приподнялись, на лбу образовались едва заметные морщины.

– Невозможно быть экспертом по Джеральду Буллу и не знать этого, – сказал Гамаш.

Мэри Фрейзер сложила копию фотографии пополам и вернула Гамашу:

– У доктора Булла было много коллег. Включая, позвольте вам напомнить, и профессора Розенблатта.

– Верно. Но племянницу профессора Розенблатта не убивали, а ее дом не переворачивали вверх дном, – сказал Гамаш. – Время работает против нас, а мы его бездарно тратим. Вы, похоже, относитесь к этому как к своеобразной игре. Мы знаем про доктора Кутюра все.

– Вы не знаете ничего, – прошипела она. – Вы погрязли в догадках, а не фактах. И вы еще позволяете себе читать мне лекции о важности того, что мы делаем! Вы отказались от этого права, когда убежали в эту смешную маленькую деревню с ее кофе с молоком и деревенскими праздниками. Знаете, что я вижу, когда смотрю на вас?

– Да, вы мне говорили сегодня утром. Я – подозреваемый, может быть даже педофил, потому что я дружил с девятилетним мальчиком.

Мэри Фрейзер сумела-таки сильно задеть Гамаша, и теперь нарыв прорвался.

– Нет, – возразила она. – Я вижу лицемера. Вы увидели возможность бежать с корабля и воспользовались ею, зная, что никто не станет вас винить. Я вижу человека, распухшего от круассанов и страха, забившегося в эту маленькую деревню, где вам ничто не грозит, где никто не станет вас укорять. А остальные тем временем пусть сражаются. И вы еще позволяете себе судить меня? Вы – позорище, месье.

– Это… – начал Бовуар.

– Non, – остановил его Гамаш. – Non, – повторил он, беря себя в руки.

Потом снова посмотрел на Мэри Фрейзер.

– Я пришел сюда не разбирать принятые мною решения, – сказал он. – А предупредить вас, что вчера вечером кто-то убил Антуанетту Леметр и перевернул вверх дном ее дом. Мы считаем, что убийца искал чертежи «Проекта „Вавилон“».

– Это большая натяжка, – заявила Мэри Фрейзер.

– Неужели? У нас есть все основания полагать, что суперорудие создал Гийом Кутюр, а не Джеральд Булл. Доктор Булл был торговцем, а доктор Кутюр – ученым. Поэтому-то пушку и собрали здесь, в районе, знакомом доктору Кутюру. В районе, где у него было немало знакомых. И еще он знал, что никто не станет искать «Проект „Вавилон“» в глуши квебекских лесов. Идеальное решение. И все шло прекрасно, пока кто-то не убил Джеральда Булла.

– Это все догадки, – отрезала она.

– Похоже, вы противитесь такой вероятности, – сказал Гамаш. – Почему? Мы обнаружили прямую связь между доктором Кутюром и Джеральдом Буллом…

– У вас есть только старая зернистая фотография.

– У нас есть больше, – сказал он, но Бовуар обратил внимание, что Гамаш оборвал себя на полуслове, чтобы не упомянуть профессора Розенблатта.

Агент КСРБ, казалось, полностью овладела собой. Руки ее лежали на коленях, но пальцы слегка переплелись, отчего кончики побелели.

– Для вас в этом нет ничего нового? – спросил Гамаш, прозревая правду. – Вы знали об этом все время. Значит, вот какую папку вы изучали сегодня утром? Вот какое имя вы тщательно прикрывали? Гийома Кутюра?

Она села прямее, словно готовясь к чему-то.

– Вы приехали сюда, зная про связь пушки с Гийомом Кутюром, но ничего нам не сказали, – чуть повысил голос Гамаш. – Вы не предупредили нас, не предупредили Антуанетту Леметр.

Она хранила молчание.

– Мы могли бы ее спасти.

– Ничего вы не могли! – рявкнула она. – Вы узнали больше, чем я могла вообразить, но понятия не имеете, во что вляпались. Не суйтесь! Отойдите в сторону!

– Почему? Вы хотите, чтобы погибли еще люди, пока вы преследуете свои цели? – упрекнул ее Гамаш. – И что это за цели?

– Вы правы, мы, конечно же, знали о докторе Кутюре, – сказала Мэри Фрейзер. – Но предполагали, что «Проект „Вавилон“» скончался вместе с доктором Буллом. Ходили слухи о том, что пушка была-таки собрана, но слухи в разведывательном сообществе не редкость. Большинство из них отвергаются как попытка заведомого введения в заблуждение. Мы несколько лет наблюдали за Кутюром, но он, как и вы, вышел в отставку, стал выращивать томаты и розы, вступил в бридж-клуб, а потом умер. Угроза перестала существовать.

– Пока не обнаружилась пушка.

– Да, это стало неожиданностью, – признала она.

– Почему вы не сказали нам о Гийоме Кутюре, когда увидели пушку? – спросил Бовуар. – Почему не сообщили о его роли в «Проекте „Вавилон“», о том, что он жил здесь и что у него есть племянница?

Она не ответила.

– Вы не хотели, чтобы мы знали, – сказал Бовуар. – Вы хотите…

Гамаш прикоснулся пальцами к руке Бовуара, и тот замолчал.

Пока говорил Бовуар, Мэри Фрейзер не сводила глаз с отставного старшего инспектора.

– Мудрый поступок, месье Гамаш.

Бовуар уставился на Гамаша, не понимая, почему тот остановил его.

– Мы здесь в официальной командировке, месье Гамаш. От КСРБ. Но есть один человек, о котором вы не можете не задавать себе вопросы. Майкл Розенблатт. Почему он до сих пор здесь?

Гамаш подумал, что с ее стороны это уход от ответа. Попытка перенаправить его внимание на что-нибудь другое. Но это был, несомненно, вопрос, который перемещался все ближе к первому месту в списке его приоритетных вопросов.

– А вы знаете, почему здесь находится профессор Розенблатт? – спросил Бовуар.

– Понятия не имею, – ответила Мэри Фрейзер. – Это ваша забота, не моя. У меня одна инструкция: сделать так, чтобы никто больше не смог создать пушку вроде той, которую мы нашли в лесу. Больше меня ничто не интересует.

– Ничто? – переспросил Бовуар. – А человеческие жизни?

Она посмотрела на Бовуара так, будто он сказал что-то восхитительное. Посмотрела как на ребенка, который учится произносить слова, не понимая их значения.

– Вы знаете, что я вижу, глядя на вас? – спросил Гамаш.

– Меня это абсолютно не интересует, – отрезала Мэри Фрейзер.

– Я вижу человека, который так долго пребывал в темноте, что ослеп.

– Так и думала, что вы скажете что-нибудь в этом роде, – улыбнулась она. – Но вы ошибаетесь. Я не слепа. Просто мои глаза привыкли к темноте. Я вижу вещи четче, чем большинство людей.

– И все же вы не видите того вреда, который наносите, – возразил он.

– Вы и представить себе не можете того, что я вижу, – произнесла она жестким отрывистым голосом. – И что видела. Вы не представляете, что я пытаюсь предотвратить.

– Так скажите мне, – сказал Гамаш.

И Бовуару на короткий миг показалось, что она так и сделает. Но миг быстро прошел.

– Вы обвинили меня в том, что я не понимаю вашего мира, – сказал Гамаш. – Возможно, вы правы. Но вы не понимаете моего мира. Мира, в котором можно заботиться о жизни девятилетнего ребенка, в котором смерть может вызывать ярость по отношению к убийце. Мира, в котором жизнь и смерть Антуанетты Леметр имеет значение.

– Вы трус, месье, – сказала она. – Вы не готовы принять смерть нескольких человек ради спасения миллионов. Вы думаете, это легко? Это легко, если человек бежал, как сделали вы. Но я остаюсь. Я продолжаю сражаться.

– За большее благо? – спросил Гамаш.

– Да.

Он поднялся, неожиданно испытав отвращение, и застыл посреди уютной гостиной.

– Я не думаю, что ваша работа легкая, – сказал он. – По крайней мере, поначалу. Я думаю, что она уничтожает душу. Но когда душа уничтожена, все становится проще. Верно я говорю?

Мэри Фрейзер тоже встала и тихо произнесла:

– Идите к черту.

– И пойду. Если необходимо. Надеюсь встретиться там с вами.

– Запомните вот что, месье, – сказала она ему в спину. – Трус не только умирает тысячу раз, но и становится причиной не меньшего числа смертей.

Выходя из гостиницы, они заметили движение на лестнице и увидели

Брайана. Он стоял между этажами. Замерев.

«Что он слышал?» – подумал Бовуар.

Увидев лицо Брайана, Гамаш понял, что тот слышал все.

Не сказав ни слова, Брайан отступил наверх. «Всякие забавные мысли теснятся в его голове»[54], – подумал Гамаш, выходя с Бовуаром из гостиницы.

– Почему вы остановили меня, когда мы разговаривали с Мэри Фрейзер? – спросил Жан Ги по пути к дому.

– Я боялся, что ты скажешь что-нибудь, чего не нужно говорить. По крайней мере, в такой компании.

– Например, что они знали о Кутюре и чертежах и хотели найти их не для КСРБ, а для себя, – уточнил Бовуар.

Гамаш кивнул.

– Вы думаете, что вчера вечером Антуанетта ждала именно их – Мэри Фрейзер и Шона Делорма?

– Не исключено, – ответил Гамаш.

– Кто эти люди, patron?

– А вот это очень хороший вопрос, mon vieux.

Глава двадцать восьмая

В книжном магазине Мирны Клара налила кофе из кофейника и вместе с чашкой направилась к креслу в эркере. Утро пробивалось сквозь щели в серых тучах, выстреливая столбами света в лес.

– Говорят, что смерть Лорана и смерть Антуанетты каким-то образом связаны, – сказала она и увидела, как Мирна опустила газету ровно настолько, чтобы посмотреть на Клару. – И возможно, как-то связаны с пушкой в лесу.

Мирна опустила газету на колени.

– Правда? – Она сняла очки. – Антуанетту, скорее всего, убили во время ограбления. Или из-за пьесы…

Клара покачала головой:

– Полиция уже так не считает.

– Кто тебе сказал?

– Габри. Он разговаривал с Брайаном, который вчера ночью случайно услышал разговор Армана и Жана Ги с женщиной из КСРБ. Они с ней ругались.

– Ругались?

– Ну, спорили. Габри сказал мне об этом по секрету. Ш-ш.

– Ш-ш? – повторила Мирна. – Это что, такой звук тайны?

Две женщины уставились друг на дружку, а между ними, словно голограмма, повисла пушка. Громадная пушка, черт бы ее подрал. В лесу. Ни одна из них не видела ее, но обе представляли, как такая штуковина может выглядеть. И спрашивали себя, как она может убивать людей одним фактом своего существования.

– Какое отношение Антуанетта могла иметь к пушке? – спросила Мирна.

– Я не знаю, и Габри тоже не знает, – ответила Клара. – Странно, что никто не помнит, как ее там собирали. Кто-нибудь из стариков должен бы помнить. Рут, например.

– Рут? Ты думаешь, Рут что-нибудь помнит?

– Она сама как отвязавшаяся пушка, – признала Клара.

– Может быть, Рут и оставили здесь создатели пушки, – сказала Мирна. – Может, она неудачная первая попытка.

Клара издала короткий смешок, потом вздохнула:

– Узнать бы побольше. Так легко представлять себе худшее.

– И воображения для этого особого не требуется, – сказала Мирна, чей взгляд скользнул по Кларе и уставился в окно.

– Что ты там видишь? – спросила Клара и повернулась.

Она увидела деревенский луг, три высокие сосны, дома. Увидела грозовые тучи и столбы света, пробивающегося сквозь разрывы в тучах, рой голодных птиц и сидящего на скамье пожилого человека, который их кормит.

– Я вижу ответы, – сказала Мирна.

– Я открою! – крикнула Рейн-Мари.

Она сидела в кабинете за компьютером, когда раздался осторожный стук.

Такой осторожный – Рейн-Мари даже подумала, что ослышалась. Но стук раздался еще раз. Более уверенный. Она открыла дверь и увидела Брайана Фицпатрика.

– Извините, – сказал он. – Наверное, я слишком рано?

– Нет-нет, что вы. Входите. Вы, кажется, замерзли.

Ночью на небо наползли тучи, а с ними пришел холодный фронт с ветрами и промозглой прохладой, проникающей под кожу до самых костей.

– Когда Габри приехал за мной вчера вечером, я побросал в чемодан кое-какие вещи, но голова у меня совсем не работала, – сказал Брайан, обхватив себя руками. – Взял три пары туфель, но только одни носки. И ни свитера, ни пиджака.

– Ой, у нас много одежды, мы вам одолжим.

Она поцеловала его в обе щеки.

– Могу я увидеть вашего мужа?

– Конечно.

Рейн-Мари провела его в кухню, где горела печка и закипал кофе.

– Арман…

Арман оторвался от своего блокнота, Анри перестал мучить плюшевого лося. Оба тут же встали.

– Брайан, – сказал Арман, пожимая гостю руку, – садитесь. А я тут записывал кое-какие мысли, а потом собирался заглянуть к вам в гостиницу.

Он усадил Брайана в удобное кресло у огня, а Рейн-Мари налила кофе.

– Вы завтракали? – спросила она. – Хотите яичницу с беконом?

– Merci. Габри приготовил мне тосты. Я, вообще-то, не голоден.

– Примите мои соболезнования. Никак в голове не укладывается, – сказала Рейн-Мари. Она принесла кофе и апельсиновый сок. – Как вы?

Не спросить она не могла, но ответ был ясен по несчастному виду Брайана. Он отрицательно покачал головой, поднял руку и тут же уронил ее на подлокотник.

И еще было ясно, что Брайан хочет поговорить с Арманом наедине.

Рейн-Мари поднялась наверх и принесла свитеры, носки, фланелевую пижаму Армана. Она положила одежду на столик у двери вместе с теплой курткой, потом позвала Анри, пристегнула поводок к ошейнику и отправилась выгуливать собаку.

– Вчера вечером вы слышали наш разговор, – сказал Арман, когда Рейн-Мари вышла.

Брайан кивнул:

– Мне не спалось. Я услышал, как вы постучали к женщине из КСРБ, и пошел за вами вниз. Я не понимаю, что происходит.

– Дядюшка Антуанетты был одним из создателей пушки, которую мы нашли в лесу, – сказал Гамаш.

Скрывать это от Брайана было бессмысленно, он и так многое услышал вчера.

– Дядя Гийом? – спросил Брайан. – Но он был инженером. Строил развязки.

– Значит, Антуанетта рассказывала о нем?

– Если откровенно, то очень немного. Да я и не интересовался. Кажется, она его любила, а он ее точно любил. Вы думаете, ее убили из-за него?

– Не исключено. Мы считаем, что он мог спрятать где-то в доме чертежи той пушки и кто-то захотел их отыскать. Может, думал, что ее нет дома.

– Они стоят кучу денег. Я слышал, вы вчера говорили.

Гамаш кивнул:

– Верно. Вы не знаете, могли эти бумаги быть в доме?

Брайан покачал головой:

– Я чувствую себя таким бесполезным. Наверное, я должен бы передать эти бумаги вам, но для меня ваши слова как снег на голову. Я понятия не имею о том, что происходит. А Антуанетта знала о том, чем занимался ее дядюшка?

– Нам это тоже не известно. Известно лишь, что в доме нет никаких следов ее дядюшки. Вы ничего не вспоминаете? Никакой фотографии?

Брайан вытянул губы, задумался, потом снова покачал головой:

– Я не очень наблюдательный. Ну почему меня не было дома?! Зачем я остался в Монреале?

– Тот, кто ее убил, дождался бы вашего следующего отъезда, – сказал Арман. – Вы никак не могли ему помешать.

Гамаш не сказал Брайану, но, по его мнению, Антуанетта была обречена, после того как Лоран нашел пушку и стал всем про нее рассказывать. И после того, как агенты КСРБ решили никому не сообщать про ее дядю.

– Никто никогда не приходил и не интересовался Гийомом Кутюром? – спросил Арман.

– Мне ничего такого не известно. Он умер до нашего с ней знакомства. – Брайан опустил глаза на свою кружку кофе, словно впервые ее увидел. – Не знаю, что мне делать.

Арман кивнул. Он понимал, что с потерей приходило и подавляющее чувство собственной потерянности. Дезориентации.

– Я не могу вернуться домой, – сказал Брайан. – Пока не могу.

Гамаш сочувствовал ему, но он знал, что Брайану и не позволят вернуться.

Он не удивился, когда позвонила Лакост и сообщила, что у Мэри Фрейзер и Шона Делорма есть постановление на проведение собственного обыска в доме Антуанетты. Без чьего-либо присутствия. Впрочем, у Гамаша возникло впечатление, что постановление лишь некая демонстрация, – он не сомневался, что они там уже успели побывать. Уже обыскали. Без прикрытия или потребности в юридическом прикрытии.

– Сегодня я пойду в театр, – промямлил Брайан. – Наверное, там я почувствую себя ближе к ней. Все лучше, чем целый день сидеть в гостинице. И если по правде, я ни с кем не хочу говорить.

– Давайте я вас отвезу, – сказал Арман, вставая. – Мне как раз в ту сторону.

У двери они нашли одежду.

– Наденьте-ка свитер, а я пока позвоню, – сказал Арман.

Он прошел в кабинет, плотно закрыл дверь и набрал тайный номер в Оттаве. Часы показывали половину девятого. Обменявшись кое с кем несколькими словами, он повесил трубку.

К полудню они будут знать больше о Мэри Фрейзер и Шоне Делорме.

Брайан ждал его у входной двери в любимом синем кашемировом свитере Армана.

– Боюсь, он великоват для вас, – сказал Гамаш, помогая Брайану закатать рукава.

– Вы тоже едете в Ноултон? – спросил Брайан.

– Нет, чуть дальше. Я могу высадить вас у театра, а потом забрать

через пару часов, если вас устраивает.

Он не сказал, что собирается в Хайуотер. Чем меньше народа будет знать, тем лучше.

Отъезжая, Гамаш увидел профессора Розенблатта – тот сидел на скамейке, закутавшись от резкого ветра, и кидал хлеб птицам. Ветер срывал с деревьев осенние листья, которые вихрем кружились вокруг профессора вместе с возбужденными птицами, хватавшими кусочки хлеба, отчего возникало впечатление, что природа вокруг старого ученого взбесилась.

И опять Арман не мог понять, почему профессор все еще остается здесь, а не сидит дома перед камином, в тепле и безопасности.

Клара и Мирна подошли к скамейке и сели по обе стороны от профессора.

– Доброе утро, – сказала Клара. Ей пришлось почти кричать, иначе профессор не услышал бы ее за воющим ветром. – Как вы спали?

– Боюсь, что вчера вечером я выпил лишнего, – сказал он. – Я вышел сюда подышать свежим воздухом.

– Этого добра здесь хватает, – сказала Мирна, пытаясь убрать шарф с лица.

По другую сторону от профессора Клара боролась со своими волосами.

Розенблатт предложил им по кусочку черствого хлеба, чтобы побросать синичкам, сойкам и снегирям.

– Прожорливые, – заметил он. – Теперь я понимаю, откуда взялось это слово.

Ветер подхватывал кусочки хлеба, которые они бросали, кружил их по лугу вместе с листьями и птицами.

– Примите мое сочувствие в связи с потерей вашего друга, – сказал Розенблатт, глядя на неразбериху, возникающую вокруг кусочков хлеба.

– Ужасно, – кивнула Клара. – И еще хуже оттого, что никто нам ничего не говорит. Мы подумали, может, у вас есть хоть какие-то ответы.

– Я попытаюсь.

– Мы слышали, что смерть Антуанетты может быть связана со смертью Лорана, – сказала Мирна. – Это правда?

– Я думаю, полиция рассматривает такую гипотезу как вероятную, – ответил он.

– Но каким образом? – спросила Клара. – Это как-то связано с пушкой, да?

– Да. Но больше я вам не могу сказать. К сожалению.

– Не можете или не скажете? – спросила Клара.

– Вы дружите с месье Гамашем – почему не спросите у него?

Мирна улыбнулась:

– Потому что он нам не скажет.

– Значит, вы хотите накликать неприятности на мою голову, дамы? – произнес он с шутливой галантностью, но без малейшей слабины со своей стороны.

– Вам что-то известно, да? – сказала Мирна. – Когда Изабель Лакост сказала нам об Антуанетте, вы произнесли что-то. Цитату. Что-то о чудище, которое дождалось часа, и о Вифлееме.

– Жаль, что не могу поставить это себе в заслугу. Я просто прочел то, что ваша приятельница Рут записала у себя в блокноте.

– Значит, то была цитата? – осведомилась Мирна.

– Мне так кажется, – ответил Розенблатт. – Может, из Шекспира. Разве все цитаты не из Шекспира? Или из Библии.

– Для вас те слова имели какой-то смысл – вы не просто прочли, что написала Рут, но и произнесли вслух, – сказала Клара. – Видимо, вы соглашались с ними.

Майкл Розенблатт сжал губы и опустил голову, либо задумавшись, либо спасаясь от особенно сильного порыва ветра.

– Я не знаю, что тут конфиденциально, а что можно предать гласности.

Ветер сразу же унес его слова, но Клара и Мирна сидели достаточно близко и сумели их уловить.

Он разглядывал Клару, явно взвешивая какое-то решение.

– Около года назад я был на вашей персональной выставке в Музее современного искусства. Видел ваши портреты – они блестящие. Вы заново изобрели этот жанр, вдохнули в него новую жизнь. Придали глубину и какое-то радостное ощущение, которого нет у большинства современных работ.

– Спасибо, – сказала Клара.

– Вы наверняка знаете, что искусство имеет власть над людьми, – продолжил он. – Может, это слишком расширительное толкование, но искусство еще и оружие. В особенности в сочетании с таким мощным явлением, как война. Искусство использовалось для стимулирования разных чувств. Памятники отважным солдатам. Картины, изображающие героическую жертву. Но еще оно использовалось для того, чтобы нагнать страх на врага.

– Почему вы мне об этом говорите? – спросила Клара.

– Потому что вы отнеслись ко мне по-доброму, и я понимаю, как

пребывание в неведении делает ужасную ситуацию еще хуже. Я не могу показать вам пушку. И говорить о ней не могу, и даже если бы сказал, от моих слов вряд ли была бы какая-то польза. Но есть какие-то вещи, которые могут вас заинтересовать. А то и помочь вам.

Он вытащил из кармана свой айфон и, поколдовав с экраном, протянул Кларе.

– Что это? – спросила она, глядя на фотографию.

– Гравировка. На лафете пушки.

Мирна встала и села по другую сторону от своей подруги, чтобы увидеть. Профессор Розенблатт провел пальцем по экрану, и появилась фотография, показывающая гравировку под другим ракурсом.

Обе женщины уставились на семиглавое чудовище, корчащееся и встающее на дыбы. На спине чудовища сидела женщина. Она казалась еще страшнее чудовища. Откинув назад волосы и выпрямив спину, она смотрела на Клару, Мирну и профессора Розенблатта. Но видела не их, а деревню у них за спиной и вихри вокруг них. Сама же оставалась спокойной среди бури. Уверенной.

Клара вздрогнула, почувствовав, что ей на голову упала холодная капля. Потом еще одна. Третья попала на экран, исказив лицо женщины, еще больше окарикатурив его.

– Вавилонская блудница, – сказала Мирна, и профессор Розенблатт кивнул.

Женщины переглянулись, а профессор забрал айфон и сунул его в карман, защищая от дождя. И от чужих глаз.

– Из Апокалипсиса, – уточнила Клара.

Обе они знали этот библейский сюжет. И его символику.

Он предупреждал о катастрофе. Предумышленной и неминуемой. И полной.

– Нам нужно спрятаться под крышу, – сказал профессор Розенблатт.

Дождь усиливался, большие капли падали на дорогу и на людей, бегущих с луга, вобрав голову в плечи. Деревья раскачивались на ветру, и трое бегущих увидели Рейн-Мари и Анри, спешивших укрыться дома до начала потопа.

Они втроем вбежали в магазин Мирны, которая принесла полотенца, чтобы вытереться, пошевелила кочергой поленья в печке, разлила по кружкам горячий крепкий чай.

Дождь колотил по окнам, сотрясая их.

– Боже мой, – сказала Мирна, вытирая лицо. – Если эта картинка призвана устрашать, то она выполнила свое назначение. Неужели ужаса,

который наводит эта треклятая пушка, недостаточно? Кому понадобился этот страх?

– Можно мне еще посмотреть? – спросила Клара, и профессор Розенблатт передал ей свой айфон.

Она уставилась на изображение. Увеличила его, уменьшила.

– А подписи не было? – спросила она.

– Никаких подсказок такого рода, – ответил профессор. – А что?

– Большинство художников тем или иным образом подписывают свои творения. Но какая-то надпись тут есть.

– Библейская цитата. На иврите.

– Та, что написала Рут и вы прочли вслух? – спросила Мирна.

– Нет, другая. О Вавилоне.

– Зачем на пушке изображение Вавилонской блудницы? – спросила Клара.

– Мы считаем, что это маркетинговый ход, чтобы привлечь покупателя.

– А кто покупатель? Сатана?

– Очень близко.

– Какое-нибудь чудище, дождавшееся часа, – сказала Клара, глядя на гравировку. – И ползущее в Вифлеем.

– И этот маршрут привел его прямо в Три Сосны, – заключила Мирна.

Глава двадцать девятая

Дворники на лобовом стекле машины Гамаша работали как бешеные, глухо постукивая в тщетных попытках расчистить полукруг видимости.

Они приехали в театр, и Брайан метнулся к двери. Арман ждал в машине, когда тот скроется внутри, но Брайан сунул руки в карманы куртки, потом вытащил их, поискал в других карманах. И посмотрел на Гамаша.

Арман выключил зажигание и выскочил из машины, наклонив голову против хлещущего дождя.

– У вас есть ключи? – прокричал он.

Брайан снова пошарил по карманам и покачал головой:

– Они у меня в куртке. А на мне – ваша.

Гамаш подергал ручку. Она щелкнула, и дверь открылась.

– Слава богу, – сказал он, проходя внутрь за Брайаном. – Разве дверь не должна быть заперта?

Он закрыл дверь, отгораживаясь от дождя.

– Иногда Антуанетта забывает ее запирать, – ответил Брайан, проводя рукой по мокрым волосам. – Я теперь разберусь. Вы можете ехать, если хотите.

– Пожалуй, я подожду, когда дождь закончится, – сказал Арман, чувствуя неловкость, потому что Брайан явно хотел остаться один. – Посижу в театре несколько минут.

Брайан подошел к щитку и включил сценическое освещение, но не свет в зале. Арман снял промокшую куртку и выбрал кресло в темноте в нескольких рядах от сцены. Брайан сел на диване на сцене. Он сложил руки на коленях, и на него снизошло спокойствие. Он выглядел как медитирующий человек: глаза закрыты, голова чуть откинута назад, выражение лица хоть и не безмятежное, но мирное.

Здесь находилось святилище Брайана, и Гамаш остро чувствовал, что он здесь чужой. Вуайерист, подглядывающий за интимным актом. Незваная публика на закрытом спектакле.

Он отвел глаза и огляделся вокруг.

Ему понадобилось какое-то время, чтобы понять, что он видит. Сначала возникло неясное ощущение, будто что-то изменилось. Не то чтобы стало неправильным или угрожающим, просто чуть-чуть изменилось.

Брайан ничего бы и не заметил. Он сидел, откинувшись на спинку дивана, с закрытыми глазами. Но Гамаш почувствовал это, а потом и увидел.

На сцене появилось кое-что новое. Старая мебель оставалась на своих местах, но на полках стояло больше книг, а часть прежде пустых пространств заполнилась маленькими вещицами.

Арман наклонил голову, разглядывая их, хотя с такого расстояния это было затруднительно. Одна из вещиц особенно привлекла его внимание. Некоторое время он всматривался в нее, потом встал.

Подойдя к кулисе, он поднялся по лестничке на сцену, под свет прожекторов. Брайан, услышав его шаги, открыл глаза.

– Уходите? – спросил он с надеждой в голосе.

– Нет еще, – рассеянно ответил Арман, разглядывая содержимое книжного шкафа.

Он шагнул влево и, наклонившись, стал читать названия на корешках книг. Некоторые тома – старые, покрытые пылью – стояли здесь и раньше, их явно купили до кучи на каком-нибудь блошином рынке, а после использовали в качестве реквизита во многих постановках. Но были там и другие книги, включая (он подошел еще ближе, надел очки) такие, как «Классическая динамика частиц и систем», «Траектории при сверхзвуковой скорости» и «Прикладная физика, теория и конструирование».

Гамаш выпрямился и быстро обшарил глазами книжный шкаф, письменный стол, комод – все, что наполняло съемную комнату в пьесе Флеминга.

Потом его взгляд остановился. На краю письменного стола, за настольным прибором, он увидел маленькую фотографию в серебряной рамочке: улыбающийся мужчина и маленькая девочка с косичками, прижавшаяся к его колену.

Гамаш вытащил фотографию с тремя учеными и сравнил лица. И там и тут улыбающийся. И там и тут слегка растрепанный. И там и тут – Гийом Кутюр.

А девочка – почти наверняка Антуанетта Леметр, когда она еще была девочкой, а не женщиной-ребенком.

Гамаш вытащил сотовый и позвонил Изабель Лакост:

– Антуанетта перевезла вещи своего дядюшки в театр. Они здесь повсюду на сцене.

– А чертежей там нет? – сразу же спросила она. – А спускового механизма?

– Не знаю, я тут только что появился.

Подошел Брайан и встал рядом с Гамашем. Потянулся к фотографии в рамочке, но Гамаш остановил его руку.

– Мы сейчас приедем. Ничего не трогайте, – сказала Лакост.

Слова вырвались, прежде чем она успела понять, что сказала.

– Постараюсь, – ответил Гамаш, глядя на Брайана.

– Извините, patron, – сказала Лакост. – Конечно, вы ничего не будете трогать.

Повесив трубку, Гамаш попросил Брайана показать, какой реквизит находится здесь уже давно, а какой привезен недавно.

Брайан принялся неторопливо разглядывать вещи, потом, не прикасаясь, показал на настольный письменный прибор, фотографию, некоторые книги, всякое старье.

Закончив, он посмотрел на Гамаша:

– Вы, кажется, сказали, что Антуанетта вывезла сюда эти вещи? Что они принадлежали ее дядюшке?

– Иначе и быть не может, – ответил Арман. – Книги только наводят на такую мысль, но фотография отметает все сомнения. А это? – Арман показал на вещицу, которая первой привлекла его внимание. Брайан заметил, что никогда не видел ее раньше. – Вы уверены, что она не с вашего склада реквизита?

Брайан пожевал нижнюю губу:

– Абсолютно. Это ведь какая-то вещица на память?

Гамаш согласился. Вещицу для такой цели и изготовили. На память. Он не сомневался, что ее не было на сцене, когда он заезжал к Антуанетте несколькими днями ранее. Он бы обратил внимание.

Это был обычный сувенир. Статуэтка. Маленькая, безвкусная, дешевая. Гамаш знал, потому что сам покупал такую. Не для себя. И не для Рейн-Мари.

Они купили по штуке для своих внучек, когда в последний раз ездили в Париж. Забрали девочек на неделю, чтобы Даниель и Розлин могли отдохнуть.

Перед взглядом Армана промелькнули маленькая Флоранс и ее младшая сестренка Зора у Эйфелевой башни. В Люксембургском саду. В laiterie[55] с тающими трубочками мороженого.

Потом маленькая Флоранс и малютка Зора на высокоскоростном поезде, в профиль, бок о бок, смотрят в окно широко открытыми глазами, а мимо стремительно проносится французский сельский пейзаж – они мчатся в Бельгию.

А потом маленькая Флоранс и ее младшая сестренка Зора, хохоча,

показывают пальчиками на маленького мальчика, писающего в брюссельский фонтан. Знаменитая статуя называлась по-нидерландски «Manneken Pis», и это имя тоже было встречено хохотом. Дедушка рассказал им историю маленького принца, который, согласно легенде, в 1142 году во время сражения пописал с дерева на своих врагов. Та же легенда утверждала, что каким-то образом это действо привело к победе. Если бы только торговцы оружием знали, что войну выигрывают не пушки и не автоматы!

Девочек так потрясла старинная легенда и глупая статуя, что они попросили купить им маленькую копию в сувенирной лавке. Бабушка и дедушка немного смущались, объясняя родителям, почему девочки, съездившие в прекрасный город Брюссель, сохранили о нем единственное воспоминание – писающего мальчика.

Но теперь Гамаш вспомнил кое-что еще, связанное с той поездкой. Они водили девочек в Атомиум[56] – громадное воспроизведение атома, символ атомного века. Экскурсанты могли войти внутрь, пройтись по комнатам, выглянуть в окна, поездить вверх-вниз на удивительных – даже уникальных – эскалаторах.

Именно это и вспомнила Рейн-Мари, глядя на фотографию с учеными.

Арман снова вытащил копию снимка из кармана и уставился на нее. Если бы рядом оказался стул, он бы сел. Он произвел умственную операцию, заменив трех ученых на двух плачущих, усталых девочек и измочаленную Рейн-Мари. На вершине эскалатора. Того самого эскалатора. В Атомиуме.

Вот где была снята фотография. В Атомиуме. И фотография доказывала, что Гийом Кутюр встречался в Брюсселе с Джеральдом Буллом. Доказывала, что он продолжал сотрудничество с доктором Буллом во время работы над «Проектом „Вавилон“».

Любой, кто знал о карьере Джеральда Булла и Атомиуме, пришел бы к такому же выводу.

Несколько минут спустя появились Бовуар и Лакост, и Гамаш показал им новые предметы на сцене.

– Брайан подтверждает, что прежде их здесь не было, – сказал Гамаш. – Их определенно не было, когда я заезжал сюда на прошлой неделе.

– Где он? – спросил Бовуар, раскрывая свой криминалистический саквояж и надевая перчатки.

– Пошел вниз, в артистическую. Хочет побыть один.

Гамаш рассказал им, где была снята фотография.

– Брюссель, – проговорил Бовуар, прерывая осмотр книг. – Где убили Булла. Но когда его убили?

– Точных данных у нас нет, – ответил Гамаш.

– Антуанетта, вероятно, держала вещи дядюшки в подвале, а в последние несколько дней перевезла их сюда, – сказала Лакост. – Из чего вытекает, что она знала о связи дядюшки с Джеральдом Буллом и пушкой. Иначе зачем еще прятать вещи? Зачем привозить их в театр?

– Да, я согласен: чтобы их не было в доме, – сказал Бовуар. – Но почему только недавно? Что ее заставило? Она не стала увозить вещи, когда унаследовала дом. Не стала их увозить, когда убили Лорана. Что вынудило ее увезти их теперь?

– Пушка, – ответил Гамаш.

– Но пушку нашли, когда убили Лорана, – сказала Лакост. И тут ее осенило. – Правда, никто не знал, *что* мы нашли. И только три дня спустя люди узнали про это творение Джеральда Булла.

Гамаш кивнул:

– Я думаю, что Антуанетта, узнав, запаниковала. Она, вероятно, поняла, что нашли пушку ее дядюшки, из-за которой и убили Лорана.

– Она испугалась, что станет следующей, – сказал Бовуар. – Если убийца узнает про ее дядю и его связь с Буллом.

– И она не ошиблась, – подхватила Лакост. – Но к тому времени, когда она спрятала вещи, было уже поздно.

– А значит, – сказал Гамаш, – дядя что-то рассказывал ей про свою работу.

– Вероятно, предупредил ее, – предположила Лакост.

– Но откуда убийца узнал про доктора Кутюра? И о том, что его племянница живет в его доме? – спросил Бовуар.

– Их совместную фотографию, снятую в Брюсселе, опубликовали в некрологе. Вероятно, фотографию предоставила сама Антуанетта, не понимая, что за ней кроется, – сказал Гамаш. – Однако человек, ищущий чертежи, сразу же понял бы, что к чему.

– Но доктор Кутюр умер много лет спустя после убийства Джеральда Булла, – напомнила Изабель. – Неужели такое старье еще кого-то интересовало?

– Если на нем можно сколотить состояние? – ухмыльнулся Бовуар. – Даже профессор Розенблатт признал, что есть люди, которые готовы искать мифическое суперорудие. Мне непонятно вот что. После того как Лоран нашел пушку и его убили, чтобы он не болтал, почему убийца ждал целую

неделю, прежде чем убить Антуанетту и перевернуть вверх дном ее дом в поисках чертежей? Если убийца знал, что ее дядюшка – создатель суперорудия, то почему сразу же не занялся поиском?

Гамаш набрал полную грудь воздуха, задержал дыхание и выдохнул.

Бовуар задал интересный вопрос. Какое-то объяснение такому поведению было. И возможно, ответ…

– А что, если мы имеем дело с разными людьми? – сказал Гамаш. – Кто-то убил Лорана, а кто-то другой, узнав о находке, заявился поискать чертежи. Они знали, что Гийом Кутюр – дядюшка Антуанетты, и если у кого и могли быть чертежи, то у него.

– Они? – переспросила Лакост. – Вы думаете о Мэри Фрейзер и Шоне Делорме?

– Не уверен, что то, чем я занимаюсь, называется «думать», – сказал Гамаш. – Но такая вероятность действительно существует. Сегодня утром я позвонил моему контакту в КСРБ. К вечеру у нас будет информация о них.

Лакост оглядела сцену. Они уже сняли отпечатки пальцев, проверили и уложили в полиэтиленовые пакетики вещдоки, которые Антуанетта привезла из дома, но не нашли ни спускового механизма, ни чертежей.

Гамаш рассмотрел некоторые вещдоки в пакетиках. Настольный письменный прибор. Подставки для книг. Писающий мальчик.

– Ну не знаю… – Гамаш покрутил в руках статуэтку.

– Вы считаете, что это спусковой механизм? – спросил Бовуар, едва сдерживая смех.

– Я считаю, что если создается орудие, стоящее миллионы долларов и способное уничтожить целый город, то могут быть предприняты некоторые усилия и для того, чтобы замаскировать его важнейшую деталь. А писающий мальчик, – он протянул статуэтку Бовуару, – такой деталью не является.

Бовуар посмотрел на вещдок с отвращением:

– Что-то знакомое. А у Флоранс и Зоры…

– Oui, – подтвердил Гамаш. – Рейн-Мари купила им по такой статуэтке. Догадайся, что ты получишь на Рождество.

Они услышали тяжелые шаги по лестнице, повернулись и увидели Брайана, появившегося из-за кулисы.

– Я сидел в артистической и вдруг вспомнил, что у Антуанетты был здесь письменный стол. Хотел его осмотреть, но подумал, что лучше вам самим сделать это.

– Пойду посмотрю, – сказал Бовуар, возвращая статуэтку Гамашу. – Придется еще раз подумать, какой подарок на Рождество приготовить для

вас.

Двадцать минут спустя он вернулся, качая головой:

– Старые рукописи и всякий хлам. Когда приедет команда из Монреаля? Тут настоящая крысиная нора с костюмами и реквизитом. – Он оглядел театральный зал. – Чтобы обыскать это заведение, понадобится несколько часов. А то и дней.

Несколько минут спустя прибыла команда криминалистов и начала тщательный обыск.

Гамаш ехал под моросящим дождиком. Суровое утро с рваными тучами и столбами света проложило дорогу буре, которая в свою очередь перешла в противный, холодный дождливый день, типичный для ранней осени.

Дворники работали медленно, ритмично, пока Гамаш ехал на юг от Ноултонского театра к границе с Вермонтом, слушая компакт-диск Нила Янга, который пел о том, куда возвращается его память, когда он ищет утешение. Все перемены происходили с ним там.

«Беспомощный»…[57]

Гамаш оставил Лакост, Бовуара и команду криминалистов в театре, а сам доверился навигатору, и тот повел его по маршруту, которым двумя днями ранее ехали Мэри Фрейзер и Шон Делорм. К югу от Мансонвиля он свернул направо, на дорогу к Хайуотеру.

Деревня, ограниченная холмом с одной стороны и рекой с другой, могла быть живописным местечком. Могла бы. И должна бы. И почти наверняка она когда-то была милой маленькой деревней. Но теперь она выглядела заброшенной, забытой. Даже не воспоминанием.

«…беспомощный».

Арман Гамаш не в первый раз приезжал в подобные захудалые деревеньки. Он огляделся и увидел полуразрушенное здание старого вокзала. Транспортная артерия была перерезана, и когда-то процветающая деревня умерла. Умерла не сразу. Молодые люди стали уезжать в поисках работы, оставляя стареющих родителей.

Гамаш посмотрел на навигатор. Он находился в Хайуотере, но агенты КСРБ, кажется, проехали дальше. Он еще раз повернул направо, потом налево и оказался перед высоким проволочным забором с воротами, на которых висела ржавая цепь и новый замок.

Без угрызений совести и без колебаний Гамаш вытащил из бардачка небольшой набор инструментов и за несколько секунд отпер замок. Он въехал внутрь, припарковался за старым зданием, потом взял навигатор и

зонтик и вылез из машины.

Пошел вверх.

Дорожка свернула и превратилась в узкую слякотную тропинку. Он шел, стараясь не поскользнуться, но два раза потерял равновесие, выронил навигатор в грязь и ударился коленкой о землю. Упав во второй раз и потянувшись к заляпанному грязью навигатору в надежде, что тот не разбился, он обнаружил рельсы. Раздвинув высокую траву, Гамаш понял, что идет по железнодорожным путям. Колея оказалась у́же, чем для пассажирских или грузовых поездов. Путь был заброшен, зарос травой и стал невидимым для всех, кроме человека, стоящего на коленях.

Гамаш встал и помедлил, переводя дыхание. Он почти добрался до вершины холма. Еще несколько минут восхождения – и он оказался на вершине, дальше можно было только спускаться. Он согнулся, уперев руку в колено. В таких ситуациях он остро ощущал, что ему уже не тридцать и даже не сорок. И даже не пятьдесят. Выпрямившись, Гамаш огляделся. Вершина холма поросла деревьями, но по относительно молодой поросли он понял, что когда-то место это было расчищено.

Носком резинового сапога он обнажил узкий рельс и двинулся по нему, пока не дошел до бетонной платформы, за многие годы покрывшейся землей, корнями и опавшими листьями. Вокруг платформы он увидел кучи недавно выкопанной земли. Огромные штуковины, как памятники, стояли, наполовину зарытые в землю, наполовину ржавеющие под дождем. Гамаш осмотрел их, сделал фотографии, потом вернулся к платформе.

Вид, который прежде поразил бы его, теперь вызвал лишь тошноту. Гамаш оглядел бескрайний лес, прошелся взглядом по верхушкам деревьев, тянущихся по Зеленым горам до самого Вермонта. Туман и низкие тучи цеплялись за них, и весь мир лишился ярких красок. Гамаш слышал, как струи дождя молотят по его зонту.

Вавилонская блудница была здесь, а потом переехала. Оставив за собой кладбище гигантских искалеченных конечностей.

Невозможно было ошибиться в том, чем они были, пока составляли одно целое.

Глава тридцатая

И снова следователи уселись за столом для совещаний в оперативном штабе. Жан Ги наблюдал за Гамашем, который, надев очки, изучал отчет, переданный ему Бовуаром. Через некоторое время Гамаш снял очки и обратил задумчивый взгляд на своего прежнего заместителя, и Жану Ги пришлось напомнить себе, что Гамаш здесь гость, а не его начальник.

В качестве шутки он подарил своему тестю жилетку зазывалы «Уолмарта», намекая на возможное продолжение карьеры. Гамаш искренне посмеялся, а один раз, когда зять и дочка приехали к ним, даже надел ее и открыл им дверь со словами: «Добро пожаловать в „Уолмарт“».

Но теперь Жан Ги сожалел о подарке, столь явно намекающем, что старший инспектор не может быть счастлив в отставке, что от человека, который всю жизнь отдал службе, ждут чего-то еще, чего-то большего.

Он вспомнил обидные слова, сказанные Мэри Фрейзер, и понял, что он практически сделал то же самое, одарив тестя жилеткой.

Бовуар мог не заглядывать в собственный отчет. Ничего особенного там не было.

– Мы разговаривали с друзьями Антуанетты, поклонниками и членами Труппы Эстри. Можно не сомневаться, что ее решение поставить пьесу Флеминга вызвало немало протестов. Как минимум люди выражали недовольство.

– Ты думаешь, ее смерть как-то связана с пьесой? – спросила Лакост.

– Нет, не думаю. Мы сейчас проверяем алиби, но на данный момент никто не вызывает подозрений.

– А Брайан? – спросила Лакост.

– С ним, конечно, не все так ясно. Его отпечатки пальцев и ДНК повсюду на месте преступления, ну а как могло быть иначе? На его одежде мы обнаружили ее волосы и крохотные частички кожи и крови, но он ее нашел и говорит, что вроде бы прикасался к телу, так что опять же…

Он поднял руки.

– «Его алиби проверяется», – прочитала Лакост строку из отчета.

– Oui, – сказал Бовуар. – Согласно биллингу, его телефон все время находился в Монреале, но, как мы понимаем, он мог намеренно оставить его там.

– Мы знаем, что Антуанетта отвезла вещи дядюшки в театр в день своей смерти, может быть даже тем самым вечером, – сказал Гамаш. – Кто-

нибудь застал ее за этим занятием?

– Нет, – ответил Жан Ги. – Но у нас есть свидетели, которые видели ее во второй половине дня в продуктовом магазине, в булочной и магазине по продаже алкоголя, где она купила две бутылки вина.

– Согласно данным аутопсии, на обед она ела пиццу, tarte au chocolat[58] и пила красное вино, – сказала Лакост. – Уровень алкоголя в ее крови гораздо выше нормы, и в мусорном бачке найдена пустая бутылка.

– А вторая? – спросил Гамаш.

– В буфете. Неоткрытая, – ответил Бовуар.

Гамаш немного поразмыслил.

– Какой вывод вы делаете?

– Похоже, она алкоголичка, – сказал Жан Ги.

– Мне кажется, женщина просто позволила себе расслабиться в тот вечер, – возразила Лакост. – Вы, мужчины, и представить себе не можете, как это чудесно – сидеть в спортивном костюме, жевать какой-нибудь пирожок и пить вино. Изысканный обед в Париже? Забудьте об этом. Дайте мне пиццу, шоколад и тренировочные штаны – и я на седьмом небе.

Бовуар и Гамаш посмотрели на нее.

– Материнство, – объяснила она. – Анни тоже со временем поймет. И я уверена, если вы спросите Рейн-Мари…

– Но на ней был не спортивный костюм, а уличная одежда, – возразил Гамаш.

– Верно, – кивнула Лакост. – Домашняя одежда висела в стенном шкафу. Антуанетта могла бы переодеться.

– Но не переоделась, – сказал Гамаш. – Почему?

– Может, собиралась, но сразу взялась за вино, – сказал Бовуар. – И так напилась, что либо не обращала внимания, либо ей стало все равно, что на ней. Я думаю, вином она хотела оглушить себя. Она явно боялась. Иначе зачем увозить все те вещи в театр?

– Но если она так боялась, то зачем отпустила Брайана в Монреаль? – спросила Лакост. – Если мне страшно, то я ищу компанию.

– Брайана? – спросил Бовуар.

– Хорошо, он, конечно, не ротвейлер, но все лучше, чем одиночество, если уж так страшно.

– И почему дверь не заперта? – спросил Гамаш. – Она перепугалась настолько, что вывезла из дома вещи дядюшки, а когда вернулась домой, не стала запирать дверь?

– Привычка? – предположила Лакост.

Но ее саму не устраивала такая гипотеза.

– Может быть, мы просто выдумываем, – сказал Бовуар, откидываясь на спинку стула и с раздражением складывая руки на груди. – Может, она ничего не боялась, а хотела отослать Брайана куда подальше, чтобы встретиться с кем-то.

– С любовником? – спросила Лакост, но отрицательно покачала головой и посмотрела на Бовуара, сверкнув глазами. – Нет. С покупателем. Вот о чем ты думаешь.

– Скорее, размышляю, – сказал Жан Ги. – На мой взгляд, вполне убедительная версия. Гийом Кутюр рассказывает племяннице о «Проекте „Вавилон“» и о своей роли в создании пушки, чтобы предостеречь ее. Рассказывает про спрятанный спусковой механизм и чертежи. Однако Антуанетту мало интересует, что там ее старый дядюшка болтает о какой-то старой пушке. Но вот пушку обнаруживают, Антуанетта понимает, что оказалось у нее в руках, и знает, что это может стоить неплохих денег.

– Когда ей поступает предложение, – подхватила Лакост, развивая версию, – она приглашает его…

– Или ее… – вставил Бовуар.

– Или их… – уточнил Гамаш.

– Ладно, ладно. Договаривается о встрече, когда Брайана нет дома.

– Да, – сказал Гамаш. – Мне это кажется важным. Все происходит в тот самый вечер, когда его нет дома.

– Тогда зачем она увезла вещи в театр? – спросил Бовуар, но тут же поднял руку. – Постойте. Не говорите мне. Она вывозит их из дома, чтобы покупатель ничего без нее не нашел. А она ему ничего не скажет без предоплаты. – Он хлопнул ладонями по столешнице. – Дело раскрыто.

– А ты не упускаешь одну деталь? – спросил Арман.

– Имя убийцы? – осведомился Жан Ги. – Ну, я разгадал дело до половины. Остальное сделает старший инспектор. Да?

Изабель Лакост сидела за столом, постукивая авторучкой по губам. Она перестала слушать – мудрое решение – и теперь только думала.

– Вино, – сказала она. – Стала бы Антуанетта выпивать целую бутылку перед важной встречей? Разве ей не требовалась свежая голова?

– Может быть, ей в большей мере требовалось мужество, – возразил Бовуар. – И потом, мы не можем знать, выпила ли она всю бутылку сама. Может быть, убийца выпил пару бокалов, а после вымыл посуду. Или же она нервничала и выпила больше, чем собиралась. Она не могла не понимать, что встречается с человеком, на чьей совести как минимум одна жизнь.

Лакост кивнула:

– Этим можно объяснить и ее травму. Она не кажется умышленной. Предположим, Антуанетта напилась и стала спорить, между ними началась драчка, и она потеряла равновесие.

– А когда покупателю уже ничто не мешало, он принялся обыскивать дом, – сказал Гамаш. – Он же не знал, что Антуанетта все вывезла.

– Но тут возникает другая проблема, – заявила Лакост. – Обыск театра не дал никаких результатов. Ни спускового механизма, ни чертежей не обнаружено. Куда же она могла их спрятать?

Они переглянулись.

– Похоже, мы уперлись в тупик, – сказала Лакост. – Нам явно не хватает информации.

Она посмотрела на Адама Коэна, который сидел за столом, уставившись в экран своего компьютера. «Уж не в игры ли он играет?» – подумала она и, встав, пересекла комнату.

– Мы готовы выслушать твой отчет.

Его пальцы лежали на клавиатуре, но не двигались, глаза не отрывались от того, что, к облегчению Лакост, оказалось текстом. Вроде бы документом.

– Я почти готов, – рассеянно сказал он. Потом поднял глаза. – Извините, сэр. Мадам. Старший инспектор.

Он слегка наклонил голову, и если бы он встал, то его движение можно было бы принять за реверанс.

– Когда закончишь, мы тебя ждем.

Лакост дала ему неблагодарное задание найти документы и материалы, которые могли бы оказаться важными для их расследования. Завещание доктора Кутюра. Налоговые декларации Антуанетты.

– Ему нужно еще несколько минут, – сказала она, возвращаясь за стол для совещаний. – Вы говорили с вашим другом из КСРБ?

– Перед тем как прийти сюда, – кивнул Гамаш. – Сама она не знает Мэри Фрейзер или Шона Делорма, но просмотрела их личные дела и подтвердила, что они служат в КСРБ. Они курируют Ближний Восток, и Джеральд Булл на самом деле – одно из их досье.

– Если они курируют Ближний Восток, – заметила Лакост, – то не логично ли было бы предположить, что Фрейзер способна отличить арабский язык от иврита? Увидев надпись на пушке, она подумала, что это арабский.

– Возможно, притворялась дурочкой, – сказал Гамаш. – Наверное, она часто так поступает. А еще она хотела узнать, что известно вам.

– Что ж, значит, она добилась своего, ведь я ей сказала, – проговорила

Лакост.

– Не беда, – подбодрил ее Гамаш. – Мэри Фрейзер, несомненно, говорит по-арабски и на иврите и точно поняла, что там написано. Мой источник сказал, что Фрейзер и Делорм служат в КСРБ с самого начала.

– Это с какого же времени?

– С тысяча девятьсот восемьдесят четвертого года, – сказал Гамаш и увидел, что брови у обоих его собеседников удивленно взлетели.

– Вы шутите! Канада создала Большого брата в тысяча девятьсот восемьдесят четвертом[59] году? – развеселилась Лакост. – Надеюсь, по меньшей мере один человек оценил иронию этого.

Но Бовуару было не до смеха.

– Они там столько лет проработали, но дальше клерков так и не продвинулись?

– Самый главный вопрос нашего разговора. Когда мой контакт увидела это, она тоже удивилась, но, похоже, так оно и есть.

– Я думаю, система просто забывает про некоторых людей, – сказала Лакост.

Но Гамаш знал: Мэри Фрейзер, с которой он разговаривал вчера в гостинице, принадлежит к той категории людей, которые могут прятаться, но не позволяют, чтобы о них забыли.

– У моего друга возникла одна мысль, – сказал Гамаш.

– На самом деле они никакие не клерки? – предположил Бовуар.

– Нет-нет, они те, за кого себя выдают, – сказал Гамаш. – Мой друг это подтвердила. Они канцелярские работники, но, вероятно, с некоторой добавленной стоимостью.

– И что сие означает?

– У КСРБ есть мандат на сбор и анализ разведданных как внутри страны, так и за рубежом. Вот почему Фрейзер и Делорм смогли собрать столько информации о деятельности Джеральда Булла в Южной Африке, Ираке и Бельгии. Но для эффективного сбора, для того чтобы знать, какая информация правдива, а какая, по словам Мэри Фрейзер, заведомо вводит в заблуждение, вам нужен полевой агент, который знает, что искать.

– Канцелярская крыса, которой к тому же можно давать полевые задания? – спросила Лакост.

Гамаш улыбнулся:

– Похоже на то. Мой контакт сказал, что такой порядок был введен почти с самого начала, но тут встряли бюрократия и профсоюзы работников государственной службы. Совмещение нескольких функций запретили, работы распределили по отделам. Разграничили обязанности.

Определили, кто относится к административной службе, кто к полевым агентам. Две разные области деятельности.

– Но некоторые из уже заведенных порядков вполне могли сохраниться, – сказала Лакост. – Совмещение обязанностей. Часть времени они – настоящие канцелярские клерки, занимающиеся исследованиями и анализом, но способные выполнять полевые работы и собирать сведения.

– «Вы понятия не имеете, во что вляпались», – сказал Гамаш. – Жан Ги, ты помнишь, как Мэри Фрейзер произнесла эти слова?

Бовуар кивнул. Он никогда не забудет, как холодно вдруг стало в комнате и как его удивило, что эти слова не вышли вместе с облачком пара.

– Вряд ли она имела в виду мир канцелярских обязанностей, – сказал Гамаш. – И мой контакт не замедлил добавить, что в подтверждение ее слов нет никаких доказательств. Это все часть мифологии КСРБ, будто существуют какие-то агенты, работающие под глубоким прикрытием. Напротив, все факты говорят о том, что Мэри Фрейзер и Шон Делорм – именно те, за кого они себя выдают. Канцелярские работники, приближающиеся к пенсионному возрасту.

– И наконец-то им дали полевое задание, – сказала Лакост. – Последний шанс проявить себя. Именно этим они и поразили меня, когда я их впервые увидела. Два немного путаных, милых, но не очень эффективных бюрократа низшего уровня. И прислали их только потому, что они единственные, кто что-то знает о давно ушедшем в мир иной торговце оружием и давно отправленном на свалку проекте. Они изображали из себя настоящих агентов.

– Они до сих пор кажутся тебе такими? – спросил Бовуар.

– Нет.

– И мне тоже.

– Ваш контакт в КСРБ накопает что-нибудь еще? – спросила Лакост.

– Она обещала, но я понял, что это становится все труднее, – сказал Гамаш. – И если Фрейзер и Делорм действительно полевые агенты, то лучше дальше не копать.

До них донесся звук печатающего принтера.

– Заместитель главы КСРБ – женщина? – спросил Бовуар. – Уж не она ли ваша…

– В КСРБ много женщин, – перебил его Гамаш.

– Верно, – сказала Изабель Лакост. – Работают в канцелярии. Но чтобы добыть такую информацию, нужен кто-то высокопоставленный. Вы сказали, что общались с ней совсем недавно.

– Сегодня днем, – ответил Гамаш.

– Нет, я имею в виду до этого. Она не предлагала вам работу? Может быть, свое место после ее повышения?

– Между нами состоялся приятный обмен любезностями, не более того. Мы знакомы сто лет. Вместе работали по нескольким делам.

– Понятно, – сказала Лакост.

Бовуар внимательно слушал, глядя на своего прежнего босса. Он понимал, что из Гамаша получился бы прекрасный офицер разведки. Жан Ги подозревал, что Гамашу поступали такие предложения, может быть даже предложения высоких постов, и Гамаш сейчас обдумывает их.

Добро пожаловать в КСРБ.

Гамаш уже собирался рассказать им о своей находке в Хайуотере, но тут подошел Адам Коэн.

– У меня есть информация по Алу Лепажу, – сказал он, садясь. – Хотите, чтобы я сообщил прямо сейчас?

Лакост посмотрела на Гамаша, который движением руки предложил молодому агенту продолжать. Вид у Коэна был такой взволнованный, попридержи его – и перегорит.

– Отец Лорана не Ал Лепаж.

– Quoi?[60] – спросил Бовуар, подаваясь вперед. – Тогда кто же его отец?

– Нет, извините. Я неточно выразился. Я не имел в виду биологически…

Он понял, что ввел их в заблуждение.

– Позвольте, я попробую еще раз. Ал Лепаж – не настоящее имя. Мы разослали его отпечатки пальцев по всем канадским и американским полицейским отделениям, и, поскольку он уклонялся от призыва, мы послали запрос в Министерство обороны в Вашингтоне.

– Правильно, – сказала Лакост. – И у них ничего не нашлось на Лепажа.

– Что довольно странно, – заметил Коэн. – Лепаж признает, что он американец, уклонист от призыва. Какая-то информация о нем должна быть. Тогда я решил написать в Военно-юридическую службу. Это юридический департамент армии США в Вашингтоне. И смотрите, что я получил.

Он протянул распечатку старшему инспектору Лакост, и она начала читать, становясь с каждой минутой все мрачнее и мрачнее. Дочитав, она глубоко вздохнула, передала бумагу Бовуару и обратилась к Коэну:

– Покажи мне.

Лакост последовала за агентом к компьютеру, а Бовуар, дочитав,

протянул распечатку Гамашу.

Настоящее имя Ала Лепажа было Фредерик Лоусон. Рядовой армии США.

– Не уклонист, – сказал Гамаш, глядя на Бовуара поверх очков. – Дезертир.

– Читайте-читайте, – сказал Бовуар с мрачным лицом.

Гамаш продолжил чтение. Он чувствовал, как холодеют его щеки, словно окно распахнулось и внутрь проник ледяной воздух.

– И не просто дезертир, – сказал Бовуар, когда Гамаш положил лист на стол. – Его собирались судить за участие в массовой бойне.

– Бойня в Сонгми, – сказал Гамаш. – Вы, молодые, не помните, но я знаю.

Изабель Лакост опустилась на стул и начала просматривать фотографии на компьютере Коэна. Бовуар подошел к ней, а за ним неохотно подтянулся Гамаш. Он уже видел эти фотографии, будучи молодым человеком, почти мальчишкой. Жестокие фотографии показывали в вечерних новостях в конце 1960-х. Такие вещи не забываются.

Вчетвером – три опытных офицера полиции и один новичок – они рассматривали фотографии, настолько ужасные, что осознать их было невозможно. Сотни и сотни тел. Детские оторванные конечности. Длинные черные волосы. Яркие одежды мужчин, женщин, детей, младенцев, в то утро даже не подозревавших, что приближается к ним из-за перевала.

– Ал Лепаж принимал в этом участие? – спросила Лакост.

– Фредерик Лоусон принимал, – ответил агент Коэн. – А перейдя границу, он стал Алом Лепажем.

– Он бежал не от войны, в которую не верил, а от правосудия, – сказал Бовуар.

Гамаш набрал полные легкие воздуха и выдохнул.

– Теперь мы знаем, что Ал Лепаж способен убивать детей, – заметил Бовуар.

– И что мы будем делать с этой информацией? – спросил агент Коэн у старшего инспектора Лакост.

– Пока придержим, – сказала Лакост. – Пусть закончится наше расследование. А там посмотрим, что делать.

Они вернулись к столу для совещаний, и она посмотрела на Гамаша, который слегка кивнул ей. Его обычное поведение.

– А тут что? – спросил Бовуар, читая другую распечатку.

– Это тоже я нашел, – сказал Коэн. – Вы просили меня найти завещание доктора Кутюра. Он все оставил племяннице. Тут нет никаких

сомнений, но потом я задумался, что означает «всё». Все, что находится в его доме, страховой полис на двадцать тысяч долларов, небольшие накопления и сам дом. Но поиск принадлежавшей ему собственности показал, что у него была и другая недвижимость.

– Близ Трех Сосен? – спросила Лакост. – Место, где находится пушка?

– Нет. На некотором расстоянии отсюда, – сказал агент Коэн. – В местечке, которое называется Хайуотер.

– Так-так, – сказал Гамаш, складывая руки на столе. – Вот это любопытно.

– Не туда ли ездили на днях агенты КСРБ? – спросила Лакост.

– И не туда ли ездил я, оставив вас в театре в Ноултоне? – подхватил Гамаш. – Я повторил их маршрут. И вот что я там нашел.

Он передал свой смартфон с фотографиями старшему инспектору Лакост и рассказал, что он там делал. И что видел.

– Но что это? – спросила Лакост, передавая телефон Бовуару через Коэна, который мельком кинул взгляд на экран.

– Вы помните, Рейн-Мари нашла цензурированный файл по Джеральду Буллу? – спросил Гамаш. – Самая интересная информация была вымарана, но одно слово цензоры пропустили.

– Суперорудия, – сказал Бовуар, вскинув брови. – Не «е», а «я» в конце.

– Множественное число. – Гамаш кивнул на телефон в руках Бовуара. – Я думаю, мы имеем дело еще с одним творением Джеральда Булла или доктора Кутюра. Гораздо более маленькая версия, может быть опытная модель, которую создали, прежде чем делать пушку в полном масштабе.

– «Проект „Вавилон“» предусматривал создание двух пушек, а не одной, – сказала Лакост. – И земля там принадлежала доктору Кутюру?

– Пока он не продал ее какой-то компании с цифровым наименованием[61], – сообщил Коэн. – Я сейчас пытаюсь ее найти.

– Готов спорить, что мы выйдем на Корпорацию космических исследований, – сказал Жан Ги. – Компанию Джеральда Булла.

– Пожалуй, ты прав, – сказал Гамаш. – Но зачем бросать место, которое кажется идеальным? Наверху холма, с видом на Соединенные Штаты? Зачем переводить все сюда? Я попросил Рейн-Мари воспользоваться ее допуском в архивы и поискать что-нибудь.

– Я тоже продолжу поиск, если вы не возражаете, – подал голос агент Коэн.

Он посмотрел на Гамаша, потом на Лакост, потом снова на Гамаша,

словно запутавшийся щенок.

Однако Гамаша сложно было запутать. Он взглянул на старшего инспектора Лакост, и та кивнула Коэну.

– Вы можете попросить ваш контакт в КСРБ о помощи? – спросил Бовуар у Гамаша. – Я понимаю, вы не хотите слишком на нее давить, но, по-моему, нам важно знать о том, какая информация о Джеральде Булле на самом деле есть в КСРБ. Агенты явно знали о Хайуотере. Или подозревали.

Но Гамаш отрицательно покачал головой:

– Если наши подозрения насчет Фрейзер и Делорма действительно справедливы, то они будут очень внимательно мониторить происходящее вокруг них. Я не хочу, чтобы они знали, сколько нам уже известно.

– Но вы спрашивали у вашего контакта в КСРБ про их работу и истинные занятия, – возразил Бовуар. – Не опасаетесь, что Фрейзер и Делорму станет об этом известно? – Он посмотрел на Гамаша и улыбнулся. – Понятно. Вы хотите, чтобы они знали о вашем запросе.

– Я хочу, чтобы они считали, будто мы, по выражению Мэри Фрейзер, введены в заблуждение. Я думаю, Хайуотер – это единственное, что они хотят сохранить в тайне.

Он показал на свой телефон с фотографиями еще одной пушки.

«Что бы ни случилось», – подумал он.

– Привет! Bonjour!

Они услышали голос, прежде чем увидели человека, хотя и так знали, кто это. Через миг из-за большой красной машины, отделявшей полицейский штаб от остального пространства старого вокзала, появился профессор Розенблатт. В помятом черном дождевике, со сложенным зонтом, с которого капала вода.

– Не помешал? – спросил он, стряхивая капли с зонта. – Я могу прийти и попозже.

– Нет-нет, – сказала Лакост. – Мы уже заканчивали. – Она встала и подошла к нему. – Чем могу вам помочь?

– Просьба такая банальная, что мне даже неловко. – Он и в самом деле выглядел смущенным. – Я хотел спросить, не позволите ли вы воспользоваться одним из ваших компьютеров? Мой айфон не принимает сигналов.

– Сигнал сюда не проходит, – сказал Бовуар, подходя к ним. – Это было бы хорошо, если бы не было так плохо.

Профессор рассмеялся, и вдруг его внимание привлекло изображение на компьютере Коэна.

– Это…

Коэн быстро встал перед монитором.

– Воспользуйтесь этим, профессор, – сказала Лакост, предлагая пожилому ученому пройти к столу в другом конце помещения. – Он подключен, но сейчас не используется. Хотите проверить свою почту?

Он бы рассмеялся снова, но весь его юмор улетучился при виде изображения на экране компьютера.

– Нет, мне почти никто не пишет. Я хотел найти кое-что. – Он обратился к Гамашу: – Возможно, вы знаете цитату, которая не дает мне покоя.

– Какие-нибудь малоизвестные стихи? – спросил Бовуар.

– Вообще-то, да, – ответил Розенблатт.

На лице Бовуара появилось тревожное выражение.

– Хотя я не думаю, что они такие уж малоизвестные. Просто не могу определить, откуда они. Думаю, из Библии. Или из Шекспира. Ваш друг Рут Зардо написала их у себя в блокноте, когда нам сообщили об убийстве той женщины.

– Может, это были стихи самой Рут? – спросила Лакост.

– Нет, вряд ли. Там говорится о звере, направляющемся в Иерусалим.

– Что-то знакомое, – сказал Гамаш.

– Ну, нам повезло, – пробормотал Жан Ги.

– Только не в Иерусалим, – сказал Гамаш.

– Вы правы. Там речь шла о Вифлееме, – поправился Розенблатт.

Гамаш и Розенблатт подтащили стулья к компьютеру, и если остальные искали информацию об убийствах и массовой резне, то они принялись искать стихи.

– Как идет поиск чертежей? – спросил Розенблатт, пока Гамаш набирал ключевые слова: «чудище», «Вифлеем».

– Пока что мы не далеко продвинулись, – ответил Гамаш, нажимая клавишу «ввод». – Нашли кое-какие вещи, принадлежавшие доктору Кутюру, но никаких чертежей и никакого спускового механизма.

– Жаль.

– Хотите взглянуть? – спросил Гамаш и принес коробку, пока компьютер подключался к Сети.

Профессор без особого интереса просмотрел вещи, но глаза его загорелись, когда он увидел «Manneken Pis». Он взял статуэтку и улыбнулся:

– Я купил такую для внука. На мою дочь она не произвела впечатления. Дэвид после этого полгода писал на людях, ничуть не стесняясь. Он мог бы стать чемпионом Канады по писанию.

Он взял в руки настольный письменный прибор. Вытащил авторучки, рассмотрел их, потом принялся копаться в коробке, нашел подставки для книг. Покрутил одну в руках, поставил на стол и взял другую. Лакост и Бовуар подошли к старому ученому и стали наблюдать, как он перебирает вещи.

– Что вы… – начала Лакост, но замолчала, не решаясь отвлекать его.

Они смотрели, как профессор берет одну вещь за другой, и вдруг услышали тихий щелчок. Розенблатт нахмурился, взял две авторучки и вставил их в отверстия на подставке для книг.

Несколько мгновений он изучал конструкцию, потом поднял ее, как умный ребенок, соорудивший что-то и хвастающийся перед мамочкой.

– Это не… – начала Лакост, забирая у него конструкцию.

– Спусковой механизм? Да, я так думаю, – сказал профессор, удивленный не меньше, чем другие. – Гениально.

Гамаш присмотрелся к конструкции в руках Лакост. Теперь она ничем не напоминала настольный письменный прибор и подставки для книг. И точно так же настольный прибор и подставки для книг ничем не походили на спусковой механизм.

– Как вы догадались? – спросил Бовуар, отобрал конструкцию у Лакост и принялся крутить ее в руках, изучать.

– Я не догадался – просто попробовал. Необходимое условие для того, чтобы стать физиком. Хорошее пространственное воображение. Но навели меня на эту мысль, конечно, авторучки.

– Авторучки? – переспросил Бовуар.

– Они же не работают. У них нет перышек. Они не могут писать.

Лакост и Бовуар переглянулись и посмотрели на Гамаша, который разглядывал спусковой механизм в руках Бовуара. Потом он опустил глаза на экран компьютера – там появилось стихотворение.

В его поле зрения одновременно находились спусковой механизм, картинки массовой бойни в Сонгми, пьеса Джона Флеминга на столе Бовуара и слова на экране компьютера.

И что за чудище, дождавшись часа,
Ползет, чтоб вновь родиться в Вифлееме?

Глава тридцать первая

– Часы тикают, – тихо сказал Гамаш, когда они с Розенблаттом расположились за столиком в глубине бистро. – Верно?

Вокруг них молодые официанты готовили столики к обеденному наплыву клиентов. За окном ветер и дождь тасовали опавшие листья, а два бурундучка сидели на задних лапках, готовые броситься наутек.

«Может быть, они тоже слышат? – подумал Гамаш. – В ветре».

Тик-тик-тик – тикающее, убегающее время.

– Да, – сказал старый ученый. Он поднял руку, подзывая официанта. – Chocolad chaud, s’il vous plaît[62].

– А не хотите хорошего теплого яблочного сидра? – спросил Оливье. – Рекомендую.

– Я не откажусь, patron, – ответил Гамаш.

– И мне тоже порцию. Безалкогольного. Я все еще не могу прийти в себя после вчерашнего вечера, – сказал Розенблатт, когда Оливье ушел. – Знаете, я вчера заказал горячий шоколад, а мне принесли яблочный сидр.

Профессор протянул руки к огню и потер ладони, словно тепло было жидким.

– Это был настоящий фокус, – сказал Гамаш, когда принесли сидр. Он помешал напиток коричной палочкой, запах яблок и корицы смешался с терпким запахом древесного дымка. – Я про обнаружение спускового механизма.

– Фокус? – переспросил Розенблатт, разглядывая своего визави.

Они оставили полицейских продолжать дальнейшие исследования, активизированные находкой, и Гамаш привел пожилого ученого в бистро. Люди уже начали собираться, чтобы выпить перед обедом, но стол, за которым сидели Гамаш и Розенблатт, был задвинут далеко в угол, и на них почти не обращали внимания. Желая обеспечить приватность разговора, Гамаш попросил Оливье не сажать никого близко к ним.

– Это, месье, не какая-то магия, – сказал Розенблатт серьезным тоном, какого Гамаш от него еще не слышал.

– А вы не маг?

Профессор поджал губы, размышляя.

– Вы меня в чем-то подозреваете?

– Что находится в Хайуотере?

Теперь губы вытянулись, Розенблатт замер. Гамаш почти ощущал

запах, издаваемый работающим мозгом профессора. Запах, слегка похожий на запах яблок.

Розенблатт улыбнулся, но не потому, что ему стало смешно, а потому, что он понял: пора сдаваться.

– Вы знаете о Хайуотере?

– Мэри Фрейзер и Шон Делорм ездили туда вскоре после обнаружения пушки, – ответил Гамаш. – Мы проследили их перемещения по биллингу.

Розенблатт покачал головой:

– Канцелярские работники.

– Итак? – спросил Гамаш.

– В Хайуотере построили первую суперпушку, – ответил Майкл Розенблатт, не сводя глаз с Гамаша. – Вы не удивлены.

Гамаш хранил молчание – ждал, что скажет или сделает Розенблатт дальше.

– Вы ездили туда, да? – спросил ученый, снова сложив кусочки логического пазла. – Вы и без того знали. Зачем спрашивать меня?

Однако его собеседник продолжал молчать, и Розенблатт снова прибегнул к логике:

– Вы меня испытывали? Хотели увидеть, скажу ли я вам правду. Но откуда вы знали, что мне известно?

– Цензурированные страницы, – сказал наконец Гамаш. – Вы их прочитали, но ничего не сказали про множественное число. Цензоры вымарали все, кроме того упоминания. «Суперорудия». Все остальные, кто читал, обратили внимание. Я не мог поверить, что вы не заметили. Тогда почему не сказали? Ответ мог быть только один: потому что вы уже знали и надеялись, что я не заметил.

– Зачем мне скрывать от вас?

– Хороший вопрос. Почему вы нам не сказали сразу же, увидев пушку в лесу? Вы не считали, что нам важно знать о возможном существовании второй пушки?

Майкл Розенблатт снял очки, потер лицо, снова надел очки и посмотрел на Гамаша:

– Вообще-то, я думал, что это не имеет значения, но теперь, после ваших слов, мне ясно, что такое молчание могло показаться подозрительным. О второй части «Проекта „Вавилон“» знали немногие. Две половинки назывались «Беби Вавилон» и «Большой Вавилон».

– Две половинки целого? – спросил Гамаш.

– Нет, лучше называть их половинками, но не целого. Одна вела к другой. Первая, «Беби Вавилон», имела меньшие размеры.

– Та, что в Хайуотере.

– Да. Ее создание задумал Булл в своей Корпорации космических исследований. «Беби Вавилон» был чем-то вроде открытой тайны, как и многие продукты на рынке оружия. Засекречены в той мере, в какой нужно, чтобы заманить покупателя, но и выставлены напоказ, чтобы привлечь внимание.

– И цель была достигнута, – сказал Гамаш. А поскольку Розенблатт не ответил, он добавил: – Верно?

– В некотором роде. «Беби Вавилон» встретили со смешками. Называли пушку «Беби», а при этом она была такой громадной, такой несуразной, такой не похожей ни на что; на нее смотрели как на продукт разума не более устойчивого, чем его творение. Хорошо для фантастического романа. Ни один вменяемый инженер или физик не считал создание такого орудия возможным. А если его и создадут, говорили все, то действовать оно не будет. Такую штуку может приобрести только другой неустойчивый ум.

– Саддам Хусейн, – сказал Гамаш.

– Да. И тот факт, что Саддам заинтересовался, лишь укрепил всех во мнении, что сама идея безумна.

Он неторопливо описал кружкой с горячим сидром круг по столу.

– Они ошибались, – сказал Гамаш.

– Нет-нет. Они оказались правы. «Беби Вавилон» не действовала. Она оказалась несбалансированной, не смогла обеспечивать траекторию. С такой пушкой, если вы совершите ошибку на одну тысячную градуса при запуске на низкую околоземную орбиту снаряда, который должен преодолеть десятки тысяч миль, вы можете вместо Москвы уничтожить Париж. Или Багдад.

– Или Вифлеем.

Розенблатт не ответил на это.

– И как они поняли, что пушка не работает? – спросил Гамаш.

– Выстрелили.

Гамаш не смог скрыть удивление.

– Нет, не в воздух, – поспешил успокоить его Розенблатт.

– Тогда куда же? – спросил Гамаш.

– В землю.

Этот ответ поверг Гамаша в замешательство.

– Когда вы были там, вы заметили железнодорожные пути? – спросил профессор. – Не Канадскую национальную железную дорогу, а узкоколейку?

– Да, я по ней поднялся на холм.

– Хорошо. Вот так Булл и провернул это дело. Блестящее по своей простоте решение, как и все в «Проекте „Вавилон“». Они не могли испытать установку, запустив снаряд на орбиту, поэтому поставили пушку на рельсы на вершине холма и произвели выстрел в землю.

– И какая от этого им была польза? – спросил Гамаш.

– Обратная сила, – ответил Розенблатт. – Они измерили инклинацию, скорость и пройденное расстояние, глубину и траекторию отверстия в земле. Просто, как все гениальное.

– Мне это не кажется таким уж простым, – сказал Гамаш, переставший что-либо понимать сразу после слова «инклинация». Он взвесил услышанное. – Но ведь выстрел должен был произвести сильный шум? Какая уж тут секретность.

– Да, – согласился Розенблатт.

Гамаш ждал продолжения, но продолжения не последовало.

– И вы говорите, у них ничего не получилось?

– Судя по всему, они предприняли несколько попыток, но если сила поддавалась коррекции, то проблемы с траекторией устранить не удалось. В конечном счете они покинули участок.

Это прозвучало как завершение истории, но Гамаш знал, что на самом деле тогда все только началось. История не закончилась даже сегодня, тридцать лет спустя. Но у него возникло впечатление, что они все же приближаются к концу. Или конец приближается к ним.

– Что случилось дальше? – спросил он.

– «Проект „Вавилон“» закрыли. Джеральд Булл улетел в Брюссель, а Гийом Кутюр ушел на пенсию и занялся розами.

– Вот только «Проект „Вавилон“» никто не закрывал, – сказал Гамаш. – Напротив, он лишь расширился. Вы говорите, о следующей фазе работ были осведомлены немногие?

– Это единственное, что вызывало беспокойство. Работу над своей второй пушкой, «Большой Вавилон», Джеральд Булл вел в условиях строгой секретности, что было на него не похоже. Он умелый торговец, лавочник. И когда он засекретил свою новую работу, многие стали задавать себе вопросы.

– Так ли оно на самом деле, – кивнул Гамаш.

– Не создает ли Джеральд Булл еще более опасное оружие, не затеял ли еще более опасную игру. С еще более опасными людьми.

– Более опасными, чем иракцы?

Майкл Розенблатт не ответил.

Взяв паузу на обдумывание, Гамаш спросил:

– Если Булл ничего не говорил, то как люди узнали о его работе?

– Большинство так ничего и не узнало. А та информация, что поступала, не вызывала доверия. Слушок там, слушок здесь. Сообщество оружейников живет слухами. Они множатся и чуть ли не переходят в крик. Трудно отличить точные сведения от крика. – Он задумался, вспоминая. – Они должны были знать.

– КСРБ? О второй половине «Проекта „Вавилон“»?

– Обо всем. Они все должны были знать. И наверняка знали. Просто не верили. Сочли Булла идиотом, дилетантом. В особенности после неудачи с «Беби Вавилон».

– Как и вы, – заметил Гамаш.

– Но в моем распоряжении не имелось целой разведслужбы. Я работал с Буллом и знал, что сам он не способен создать установку, которую рекламировал. Чего я не учел, так это возможного участия Гийома Кутюра. – Розенблатт посмотрел на Гамаша. – Никому и в голову не приходило, что «Проект „Вавилон“» – это не бред сумасшедшего. В особенности после неудачи с «Беби». Но Кутюр работал. И создал пушку. – Розенблатт покачал головой и заглянул в кружку с пахучим сидром, помешивая его коричной палочкой. – Как мы упустили это дело?

– А вы упустили?

– Это вы о чем?

– Если все считали Булла таким надутым индюком, а его проекты – бредом сумасшедшего, то почему его убили?

– Для вящей уверенности, – сказал Розенблатт. – Чтобы чувствовать себя в безопасности.

– Убийство дает чувство безопасности? – спросил Гамаш.

– Иногда – да. – Розенблатт посмотрел на бывшего главу отдела по расследованию убийств. – Только не говорите мне, что вам такая мысль никогда не приходила в голову.

– А разве мы сейчас в безопасности? – спросил Гамаш. – В полукилометре от орудия, которое способно уничтожить любой большой город на Восточном побережье и даже в Европе.

Розенблатт подался к Гамашу:

– Нравится вам или нет, смерть Джеральда Булла означала, что суперпушка не окажется в руках иракцев. А они бы с ее помощью выиграли войну. Стали бы ведущей державой региона. Стерли бы с лица земли Израиль и любого, кто им противостоит. В опасном мире его смерть позволила снизить градус опасности.

– Если все так хорошо, то чего же вы боитесь? – спросил Гамаш.

Глава тридцать вторая

Клара поделилась своими подозрениями с Мирной.

Она и сама проникалась все большим убеждением, пока говорила. Иногда, говоря о чем-то вслух, в особенности Мирне, Клара понимала, насколько нелепы ее слова.

Но не на этот раз. На этот раз ее слова становились чем дальше, тем убедительнее.

– Что мне делать? – спросила Клара.

– Ты знаешь, что должна делать.

– Ненавижу, когда ты так говоришь, – сказала Клара, прихлебывая белое вино.

Мирна улыбнулась, но мимолетной улыбкой, не способной отмести то, что ей только что сказала Клара.

Они не замечали двух человек в темном углу, пока один из них не встал.

Клара кивнула профессору Розенблатту, когда он проходил мимо их столика. Он, не останавливаясь, прошагал дальше, распахнул дверь и вышел. Тогда они посмотрели на того, кто остался.

Арман глядел то ли вслед ученому, то ли в никуда. Наконец он, по-видимому, принял решение. Встал, подошел к стойке бара и набрал номер телефона. Во время разговора он стоял спиной к залу. Потом вернулся за столик, надежно втиснутый в угол.

Клара поднялась, за ней двинулась и Мирна, и вскоре они заняли места по обе стороны от Гамаша.

– Кажется, я нашла кое-что интересное, – сказала Клара. – Но я не уверена.

– Она уверена, – возразила Мирна.

– Выкладывайте, – сказал Арман, целиком и полностью обращаясь в слух.

– Присаживайтесь.

Изабель Лакост указала на стол для совещаний в оперативном штабе. Мэри Фрейзер и Шон Делорм присоединились к уже сидящему там Бовуару.

– «Проект „Вавилон“» предусматривал создание не одной пушки, – без всякого вступления сказал Бовуар, – а двух. Почему вы нам не сообщили об

этом сразу?

Гамаш позвонил им из бистро, после того как профессор Розенблатт подтвердил, что проект имел в виду создание двух пушек, названных неправдоподобными именами – «Беби Вавилон» и «Большой Вавилон».

Мэри Фрейзер полностью владела собой, на свой скучный манер. У Изабель Лакост создалось впечатление, что эта женщина средних лет должна держать на коленях клубок шерсти и вязанье, чтобы своим умиротворенным видом успокаивать и утешать разбушевавшихся детей.

– Вы уверены про две? – спросила Мэри Фрейзер.

Изабель Лакост чуть подалась к ней и, понизив голос, сказала:

– Хайуотер.

Она словно бросила булыжник в маленький пруд. Все мигом изменилось.

– Но «Беби Вавилон» не действовала… – начала Мэри Фрейзер.

– Мэри! – оборвал ее Делорм.

– Они уже знают, Шон.

Делорм уставился на коллегу:

– Ты знала, что они разузнали про Хайуотер, и не сказала мне?

– Я забыла.

– Это невозможно! – Он вперился в нее взглядом.

– Сейчас не время для таких разговоров.

Она говорила почти теми же словами, что и по прибытии в Три Сосны. Во время их маленькой стычки. Тогда их перебранка почти очаровала Изабель, а теперь у нее мурашки бежали по коже. И выражение лица Делорма добавляло ей холодка. Он бросил еще один мимолетный взгляд на свою напарницу, потом обратился к полицейским:

– Вы туда ездили?

– Вверх по склону и по узкоколейке? – спросил Бовуар.

Делорм поерзал на стуле, вздохнул и кивнул.

А Мэри Фрейзер сидела абсолютно спокойно, собранно. Не двигаясь.

– О пушке в Хайуотере мы знали, а о другой – нет, – признала она.

– Вы ездили туда, – сказала Лакост.

– Да. Чтобы убедиться, что детали на своих местах, а не были пущены в дело. Но я признаю, что «Большой Вавилон» стал для нас искренним потрясением.

Ни Лакост, ни Бовуар не купились на ее слова – ничего искреннего в этих двух агентах не было.

– Почему вы не сказали нам про Хайуотер? – спросила Лакост.

– Почему мы не сказали вам о том, что при нашем попустительстве на

границе со Штатами тридцать пять лет назад построили гигантскую пушку? – спросила Мэри Фрейзер. – Неподходящая тема для разговора за обеденным столом.

– У нас здесь не обеденный стол, – отрезала Лакост. – Мы расследуем убийство. Два убийства, а вы утаиваете от нас важную информацию.

– Ничего мы не утаиваем, – огрызнулась Мэри Фрейзер. – Каким образом знание о неудачном и давно оставленном эксперименте могло ускорить обнаружение вашего убийцы?

Жан Ги вытащил из коробки настольный письменный прибор и подставки для книг и положил их на стол перед собой, а Изабель Лакост, не говоря ни слова, принялась что-то делать с ними.

Агенты КСРБ наблюдали за ней с легким любопытством, перешедшим в изумление, когда они поняли, что она делает.

Последняя деталь встала на место, и Изабель поставила конструкцию перед Мэри Фрейзер. Шон Делорм взял собранное устройство, осмотрел.

– Спусковой механизм? – спросил он наконец.

– Oui, – ответила Лакост. – На тот случай, если вы не знали: вот это, – она ткнула пальцем в конструкцию, – прекрасная демонстрация того, как мы ведем следствие. Всевозможные вроде бы не связанные и не имеющие значения части соединяются, образуя нечто смертоносное. Но мы не можем раскрывать преступления, если люди утаивают от нас информацию.

– Вроде информации о громадной пушке на холме, черт бы ее подрал, – сказал Бовуар. – Младшей сестренки той пушки, что мы нашли в лесу.

Мэри Фрейзер выслушала упрек, не дрогнув, и Лакост подумала, что для Фрейзер тайны не менее ценны, чем информация. Она не была склонна делиться ни тем ни другим.

– Где вы это нашли? – Делорм поднял спусковой механизм.

Лакост не ответила, и он снова посмотрел на механизм в своих руках:

– Ну, где бы он ни находился, я рад, что вы его нашли. Иначе нас могли ждать большие неприятности.

– Большие неприятности, – повторил за ним Бовуар. – Может быть, поэтому вторую пушку и назвали «Большой Вавилон».

– Вы думаете, что сказали что-то смешное? – спросила Мэри Фрейзер таким же отрывистым голосом, каким говорила его учительница, когда он шарахнул в нос Гастону Деверо баскетбольным мячом. Отсутствовало только обращение «молодой человек». – Вы знаете, как называлась бомба, уничтожившая Хиросиму? – спросила она, подтверждая то представление о ней, которое сложилось у Бовуара. – «Большой мальчик»[63].

Мэри Фрейзер сделала паузу, чтобы до всех дошло.

– «Большой мальчик» убил сотни тысяч. «Большой Вавилон» произвел бы гораздо больше разрушений. В отличие от вас, Джеральд Булл знал историю и знал, что она известна его клиентам. А еще он знал великую силу символики. Он следовал старинной и гордой традиции, которая делает оружие еще более устрашающим, если ему дают название, которое вроде бы преуменьшает его возможности.

– Гордая традиция? – переспросила Лакост.

– Ну, старинная.

Лакост подошла к окну.

– Если пушка такая опасная, то почему вы не вызвали сюда армию? ВВС? – Она посмотрела на небо. – Здесь должны быть вертолеты, а на земле – войска, охраняющие пушку. – Она повернулась к агентам КСРБ. – Почему здесь никого нет?

Шон Делорм улыбнулся:

– Вам не кажется, что лучше обойтись без рекламы? Чем мощнее оружие, тем выше необходимость секретности.

– Чем выше секретность, тем больше опасность, – возразила Лакост – Вы так не считаете?

Арман выслушал Клару и Мирну, и на его лице появилось недоумение.

– Вы уверены?

– Не на все сто, – ответила Клара. – Я бы хотела увидеть их еще раз. Я собиралась туда.

– Вам нужно поделиться со старшим инспектором Лакост, – сказал Гамаш. – Они с инспектором Бовуаром сейчас в здании старого вокзала. Что бы ни случилось, больше никому ни слова. Профессор Розенблатт знает?

– Нет. Меня совсем недавно осенило.

– Хорошо.

Клара встала:

– Пойдете с нами?

Они вместе направились к двери бистро.

– Нет, я хочу увидеться кое с кем.

– Хотите? – спросила Мирна, прослеживая направление его взгляда.

– Должен, – признался Арман.

Они разделились. Клара и Мирна пошли через мост в оперативный штаб, встретив по дороге агентов КСРБ, идущих в обратном направлении. А Гамаш сделал несколько шагов к скамье на деревенском лугу и сел рядом

с Рут и Розой.

– Тебе чего? – спросила Рут, а Роза посмотрела на него с удивлением.

– Я хочу узнать, почему вы, узнав, что убили Антуанетту, написали те строчки из Йейтса.

Дождь уже прекратился, и вода собиралась в бусинки на ветвях. А теперь пропитывала куртку и брюки Гамаша.

– Так получилось, что я знаю стихотворение, и оно мне нравится, – сказала Рут. – Я слышала, ты его частенько цитировал. О том, как разваливается мир.

– Верно. Но вы записали другие строки.

– Фак, фак, фак, – пробормотала Роза или Рут.

Определить кто, было невозможно. Они начинали сливаться в одно существо, хотя Рут взъерошивалась гораздо быстрее.

– Вы знаете больше, чем говорите, – сказал Гамаш.

– Верно, я знаю все стихотворение. «Все шире – круг за кругом – ходит сокол, / Не слыша, как его сокольник кличет». Кто такой сокольник?

– Понятия не имею, – ответил Гамаш. – Как-то смотрел в словаре, но потом забыл.

Рут уставилась в предвечернее небо. Тучи разорвались, и в просвет проглянуло солнце. Ласточки, снегири и вороны спустились на деревенский луг.

– Хищных птиц нет, – сказала Рут. – Всегда хороший знак.

Гамаш улыбнулся:

– Вам нечего беспокоиться. Вы будете жить вечно.

– Надеюсь, что нет. – Она отломила кусочек хлеба и бросила его в голову ласточке. – Бедняга Лоран. У кого поднимется рука на ребенка?

– Кто ползет к Вифлеему? – спросил Гамаш. – Что за чудище?

Она не ответила, и он легко, но твердо ухватил ее за руку, не позволив кинуть очередной кусочек хлеба. Ей пришлось посмотреть на него.

– Йейтс назвал стихотворение «Второе пришествие», – сказал он, отпуская ее запястье. – Оно о надежде, о возвращении. Но возродиться можно только после смерти, после Апокалипсиса, после того, как Вавилонская блудница прибудет в Армагеддон.

– Ты понимаешь, какие глупости говоришь? Ведь ты же не веришь в этот миф!

– Я верю в силу воображения. В символику. – Он пристально взглянул на нее. – Вы ведь слышали про гравировку? Про Вавилонскую блудницу на лафете пушки. Поэтому вы и процитировали строки о чудовище, ползущем в Вифлеем, чтобы там родиться вновь. Эти строки намекают на

Вавилонскую блудницу.

Тонкая рука Рут упала на колени, все еще сжимая кусочек хлеба.

Лицо ее побледнело, глаза смотрели вперед. Проницательные. Ищущие. Голова чуть наклонилась набок. И Арман подумал, что она прислушивается к клику сокола. Который сообщает ей, что она должна делать.

– Мы можем поговорить с вами? – спросила Изабель Лакост.

За ней стоял Жан Ги, а за ним – Клара. Перед этим Клара пришла в оперативный штаб и, побуждаемая Мирной, рассказала им все. Мирна вернулась в свой магазин, а остальные стояли теперь на веранде в ожидании ответа.

– Прошу вас, мадам Лепаж.

Иви Лепаж отошла в сторону, пропуская их в дом, удивленная тем, что Клара появилась в сопровождении полицейских.

– Не хочу показаться невежливой… – начала Иви.

Но Клара точно знала: Ивлин как раз и хотела показаться невежливой. Будь у нее в руке тесак и не смотри на нее столько глаз, она бы не стала говорить столько слов.

– …но я сейчас немного занята. Не могли бы вы приехать попозже?

– Вы рисовали Вавилонскую блудницу для пушки, – сказала Клара. Она достала свой телефон и показала изображение Иви. – Ваша работа.

– Что?

– Я знаю, – сказала Клара. – И они знают. Прошу прощения, но я им рассказала. Не ухудшайте свое положение.

– Вавилонская блудница? – Иви пригляделась к изображению на телефоне Клары. – Она выгравирована на той треклятой пушке в лесу? На пушке, которую нашел Лоран? Там, где его нашли? Где его…

Она поперхнулась и замолчала, широко раскрыв глаза. Обезумевшие глаза.

Клара опустила руку и выключила телефон.

– Да, – ответила Изабель Лакост.

Клара всмотрелась в лицо матери Лорана. Она разбиралась в лицах. Чувствовала настроения. Пыталась передать и то и другое на своих картинах. Внешне ее работы казались портретами, но на самом деле были изображениями подкожных слоев, каждый из которых раскрывал свою, более глубокую эмоцию.

Если бы она сейчас рисовала портрет Иви Лепаж, то попыталась бы передать пустоту, недоумение. Отчаяние. А где-то там, едва заметный в

глубине, – неужели Клара видела там страх? Неужели маска настолько истончилась, неужели эмоции взяли верх? Неужели страх прорывается наружу?

А если бы Клара писала автопортрет? Она изобразила бы гнев, отвращение, а под ними – сострадание. А под ним? В глубине?

Сомнение.

– Я видела в спальне Лорана картинки с ягненком, – сказала Клара. – Те, что вы рисовали к его дням рождения. Та же рука рисовала и блудницу – ошибиться тут невозможно.

Но, увидев тревогу Иви, Клара почувствовала, как растет ее сомнение, распухает, прорывается через другие натянутые слои. И вот теперь друг на друга взирали с одной стороны сомнение, а с другой – страх.

– Это были не вы, да? – спросила Клара.

Она утверждала то, что было бы очевидно, если бы ее не ослепил собственный гений.

– Эта картина была на пушке? – Ивлин показала на выключенный экран телефона в руке Клары.

– Да, – ответил Бовуар.

– Что это? Вы сказали – «Вавилонская блудница».

– Это библейский персонаж, – пояснила Клара. – Из Апокалипсиса. Некоторые толкуют ее как Антихриста. Сатану.

Подобные слова могли бы показаться мелодраматическими, если бы уже не погибли два человека, включая и сына Иви.

Женщина ухватилась за пластмассовую столешницу, на которую опиралась.

– Можно мне еще раз посмотреть картинки? – спросила Клара.

Они последовали за Ивлин по пустому дому, вверх по лестнице в комнату Лорана. Там на книжной полке, опираясь на книжные корешки, стоял ряд ягнят, а овца с супругом на холмике наблюдали за своим чадом. Первая из картинок имела подпись «Мой сын», а всего их было девять. На каждой следующей ягненок был больше, чем на предыдущей, – он рос. А потом все закончилось. Ягненок попал на бойню.

– Их рисовали не вы, да? – сказала Клара, к которой только теперь пришло понимание. – Их рисовал Ал.

Ивлин кивнула:

– Мне показалось, я так и дала вам понять, когда вы приходили на днях.

– Наверное, но я пребывала в убеждении, что это вы, поэтому не услышала вас. Мне и в голову не приходило, что Ал рисует.

– Вы знаете, что ваш муж участвовал в создании той пушки? – спросил Бовуар.

– Это невозможно! – возмутилась Иви. – Ал ненавидит оружие, ненавидит насилие. Он приехал сюда, спасаясь от таких вещей. Невозможно, чтобы он был как-то связан с тем, что вы нашли в лесу. Только не Ал.

Полицейские не стали рассказывать ей, что им стало известно о ее муже: он не только способен на насилие, но и участвовал в одном из самых страшных массовых избиений прошлого века.

– Где ваш муж? – спросила Лакост.

– В поле, – ответила Иви. – Он там теперь все время проводит.

В окне спальни Лорана, за Человеком-пауком, Суперменом и Бэтменом на подоконнике, они увидели крупного мужчину, согнувшегося над грядкой, с которой он собирал урожай.

Минуту спустя Клара и Иви увидели, как полицейские подошли к нему. Он встал и отер большим предплечьем лоб, потом уронил руки.

А потом полицейские повели Ала Лепажа к машине.

Глава тридцать третья

– Да, я знала, – проговорила Рут.

– И месье Беливо тоже знал, – сказал Гамаш. – Вот почему он приходил к вам в такую рань – думал, его никто не увидит.

– Он хороший человек, Арман, – сказала Рут остерегающим голосом. – Может, слишком хороший.

– Он явно хорош по части хранения тайн.

– Послушайте, никто из нас не знал, чем они там заняты, в лесу.

– Но, вероятно, подозревали.

– Что они строят там самую крупную пусковую установку по эту сторону реки Иордан? Даже я не настолько сумасшедшая. Кому такое могло прийти в голову?

– А что вам приходило в голову? – спросил он.

Она тяжело выдохнула, но не произнесла ни слова.

Гамаш поднялся и пошел прочь.

– Эй, дурной, ты куда?

Он шел не останавливаясь.

– Тупица, – позвала она.

Он не повернулся.

– Арман?

Но она опоздала. Увидела, как распахнулась сетчатая дверь магазина, услышала ее скрежет по порогу. Потом такой же скрежет, когда дверь захлопнулась.

И знакомый скрип петель.

Скрип. Скрежет.

Рут взяла Розу на руки, прижала утку к груди. Встала и повернулась к двери. А та снова открылась – скрип, скрежет, – и два человека направились к Рут.

– Извини, Клеман, я не хотела…

Месье Беливо поднял руку и улыбнулся:

– Ничего страшного, Рут. Мы должны были сказать раньше. Время пришло.

Они сели. Месье Беливо по одну сторону от нее, Арман по другую. Уставились перед собой, словно в ожидании автобуса.

– Точную дату я не помню, – начал месье Беливо без понукания Гамаша. – Даже года не могу назвать. А ты, Рут?

– Я только помню, что стояла весна. Вероятно, где-то в начале восьмидесятых. Я работала над первым сборником стихов.

– Начало восьмидесятых? Так давно? – переспросил Гамаш.

Владелец магазина кивнул:

– Да, пожалуй. Мы играли в бридж в доме Рут. Гийом Кутюр сказал, что богатый англичанин хочет построить дом в лесу за Тремя Соснами.

– И что вы подумали?

– Ничего не подумали, – ответила Рут. – Что нам было думать? Что ты думаешь, если тебе говорят, что кто-то хочет построить дом в лесу?

– Я, пожалуй, подумал бы, пусть бы они не слишком шумели, – сказал Арман. – Конечно, поэтому-то доктор Кутюр и сказал вам о предполагающихся работах. Чтобы объяснить шум и появление незнакомых людей. И никто не заметил, что в лес завозят не печки и не кухонные раковины?

– Да мы и внимания не обращали, – сказала Рут. – Работали они где-то там. – Она махнула рукой в сторону леса. – В худшем случае мы слышали шум каких-то механизмов, но если кто-то строит дом, то шум – дело естественное.

Гамашу это казалось невероятным, необъяснимым. Невозможным. Как они могли не заметить, что у самой деревни в лес завозят огромную пусковую установку? Но Гамаш помнил слова профессора Розенблатта. Джеральд Булл заказывал детали разным заводам, расположенным в разных концах света. Окончательное изделие имело огромные размеры, но каждая отдельная деталь, вероятно, была вполне транспортабельна. Завозились они не все сразу и собирались на месте.

– А вы видели когда-нибудь того богатого англичанина? – спросил Арман.

– Один раз, – ответил месье Беливо. – В магазине хозтоваров.

– Там теперь бистро, – сказала Рут. – А раньше был хозяйственный магазин.

– Он представился, – продолжил месье Беливо. – В магазин он заявился не один. С ним пришел его прораб. Мне показалось странноватым, что дом в лесу, пусть и большой, требует прораба. Но потом мы решили, что это каприз богатого англичанина. Они интересовались, нет ли где поблизости художников. – Месье Беливо посмотрел несчастным взглядом. – Я отправил их к Рут.

– К Рут? Почему?

– Запаниковал.

– Запаниковали? – переспросил Гамаш. – С чего вдруг?

Клеман Беливо посмотрел на свои большие руки и принялся стирать с них несуществующие пятна.

– Было в них что-то такое, – сказал он, глядя на руки. – Что-то необычное. Если не смотреть долго и внимательно, то они вроде ничем не отличались от обычных людей.

Он поднял с травы яблоко. Умелым движением разломил на две половинки и одну предложил Арману.

Снаружи яблоко было чистым и влажным. Идеальным. Но внутри скрывалась темная, подгнившая мякоть.

– В моей профессии через некоторое время научаешься видеть гниль внутри, – сказал пожилой владелец магазина. – Даже если снаружи все в порядке.

Арман взял половинку яблока, закинул руку и зашвырнул его далеко-далеко, насколько хватило сил.

– Просто мне захотелось от них избавиться, – сказал месье Беливо, бросив свою половинку яблока и проследив, как она, подпрыгнув несколько раз в траве, застыла на берегу пруда. Потом он посмотрел на Рут. – Я после этого всю жизнь жалел, что отправил их к тебе.

Рут похлопала его по руке:

– Ты хороший парень, Клеман. И всегда таким будешь.

– И чего они хотели? – спросил Арман.

– Они хотели заказать картину, – ответила Рут. – Я сказала им, что пишу стихи, и попыталась выпроводить. Но они не ушли, пока я не дала им адрес художника.

– Ивлин Лепаж, – кивнул Гамаш.

– Иви? – переспросила Рут. – Нет, она тогда была совсем ребенком. Я назвала им Ала Лепажа.

Гамаш на мгновение закрыл глаза. «Конечно же, – подумал он. – Иви тут ни при чем».

– Откуда вы знали, что он художник? – спросил Гамаш. – Разве он не музыкант?

– Ну, художник не художник, но он немного рисовал. Возьми конверт его альбома – там его рисунки.

– Лепаж знал, что там строят? – спросил Арман.

– А как он мог не знать? – удивилась Рут. – Ты что думаешь, он вслепую работал? Может, он и думал, что рисует лошадку, но получилось чудище Апокалипсиса.

– Вы цитировали «Второе пришествие» Йейтса, – сказал Гамаш, делая вид, что не услышал ее. – Откуда вы знали, что Джеральду Буллу нужно

изображение Вавилонской блудницы? Он вам говорил?

Рут отрицательно покачала головой:

– Другой сказал.

Гамаш наморщил лоб, пытаясь вспомнить. Потом его осенило.

– Прораб!

– Oui, – подтвердил месье Беливо.

– После нашего первого разговора прораб вернулся, – сказала Рут. – Он попросил меня написать пару поэтических строк на сюжет Апокалипсиса. Он и процитировал Йейтса.

– «И что за чудище, дождавшись часа…» – сказал Гамаш.

– «Ползет, чтоб вновь родиться в Вифлееме?» – закончил месье Беливо.

– Я сказала ему, пусть сопроводит картинку Лепажа стихами Йейтса, – сказала Рут. – Мне лучше не написать. Но он ответил, им нужно что-нибудь новое. Что-нибудь подсказанное образом именно Вавилонской блудницы.

– И у вас возникло искушение? – спросил Гамаш. Он не собирался спрашивать, вопрос был не к месту, но его одолело любопытство. – Образ довольно мощный.

– Образ омерзительный, – ответила Рут. – Им много веков травили женщин, его использовали как повод для процессов, пыток и костров. Так что нет, искушения у меня не возникло. Возникло отвращение.

– И вы по-прежнему думали, что они строят дом? – спросил он.

– Вкусы бывают разные. Некоторые любят цветочки пастелью, другие – демонические образы. Я им не судья.

Даже месье Беливо вскинул брови, услышав такое заявление.

– Клары и Питера тогда в Трех Соснах не было, но когда Джеральд Булл спросил про художника, почему вы не порекомендовали ему Джейн Нил? Она жила в деревне. – Арман показал на маленький каменный дом рядом с Клариным. – Она была художницей. Наверняка не отказалась бы от работы.

– Джейн свое искусство берегла, – сказала Рут, поворачиваясь к нему. Приглашая его возразить.

Но возражать Арман не стал. Он сидел и ждал. Продолжения.

– Рут, – произнес месье Беливо, – мы должны рассказать все.

– Я не хотела втягивать Джейн в это.

– Почему? – спросил Арман. – Почему предложили Ала Лепажа, человека, который вам не нравился? Почему дали работу ему, а не ближайшей подруге?

Отчаяние охватило Рут, она казалась загнанной в угол, и Арман хотел

бы ей помочь, но не знал как, разве что словами:

– Правду, Рут. Скажите мне правду.

– Он, конечно, казался совершенно нормальным, – сказала она. – Так оно всегда и бывает, верно? Но нормальным он не был. Он был как яблоко Клемана.

– Джеральд Булл?

Рут отрицательно покачала головой.

– Ал Лепаж?

– Нет.

Гамаш задумался. Кто еще?

Он перевел взгляд с Рут на месье Беливо.

– Прораб, – сказал Арман.

– Oui, – подтвердил Клеман Беливо. – Невысокий такой, маленький. В компании Джеральда Булла совсем незаметный. Но если на него посмотреть, приглядеться внимательно, то вы видели, чувствовали. Что-то с ним было не так. Внутри.

Месье Беливо вздохнул. Тяжело вздохнул. Одна мысль о том человеке камнем давила ему на грудь.

– Я отправил их к Рут. – Он накрыл своей большой рукой ее маленькую. – Испугался и хотел поскорее от них избавиться. От него. – Он сжал руку Рут. – Никогда не прощу себе своей трусости.

– Но кто он был? – спросил Гамаш.

– Ты его знаешь, – сказала Рут.

Гамаш задумался, губы его слабо двигались, пока он безмолвно произносил возможные имена. Наконец он покачал головой:

– Я не знаю, кого вы имеете в виду.

– Третьего человека с той фотографии, – подсказала Рут.

– Какой фотографии?

– Той, которую ты мне показывал. С Джеральдом Буллом и Гийомом.

– С этой? – Он достал из нагрудного кармана и развернул копию старой черно-белой фотографии, снятой в Атомиуме в Брюсселе.

Увидел ухмыляющегося, чуть ли не фиглярствующего Гийома Кутюра. Молчаливого Джеральда Булла.

И еще одного человека. С головой, наклоненной и повернутой от объектива.

– «Встречу я твой взгляд и замру, обездвиженная и онемевшая, – сказала Рут. – А земля под ногами расколется, и рухнут небеса».

Гамаш посмотрел на нее.

– Я написала это после его ухода. – Она показала на фотографию. –

Когда выпроводила их. Я поступила, как и ты, Клеман. Отдала им Ала Лепажа в надежде, что они возьмут его и отстанут от меня. Я готова была на что угодно, лишь бы избавиться от него. Они ушли, а потом прораб вернулся. Один. Он постучал в дверь, и вот тогда-то он и попросил меня написать несколько строк о Вавилонской блуднице. Я сказала ему, что не смогу. Сказала, что никакая я не поэтесса. Что я сама себя обманываю, называясь поэтессой.

Ее руки задрожали, и месье Беливо взял одну в свои ладони, а Гамаш – другую.

– Когда он ушел, я отправилась в церковь, – сказала она, глядя на маленькую деревянную часовню. – Я молилась, чтобы он больше никогда не появлялся. Сидела там и плакала от стыда. За то, что сделала. Потом написала эти слова, сидя там на скамье, и после этого десять лет ничего не писала.

Гамаш посмотрел на черно-белую фотографию. И ему показалось, что третий человек на миг вскинул голову. И посмотрел ему в глаза.

«Встречу я твой взгляд и замру, обездвиженная и онемевшая».

Кровь отхлынула от его лица, руки похолодели, – Арман Гамаш узнал его.

«А земля под ногами расколется, и рухнут небеса».

– Это Джон Флеминг, – сказал он вполголоса.

– Да, – подтвердила Рут, и ее холодная рука сжалась на его ладони. – Чудище, дождавшееся часа.

Глава тридцать четвертая

Девять ягнят стояли в центре стола для совещаний в оперативном штабе, перед Алом и Иви Лепаж.

– Это вы сделали гравировку, – сказала Изабель Лакост. – Вы знали, что пушка в лесу. Что вы сделали, месье Лепаж, когда ваш сын пришел домой и рассказал о своей находке? О гигантской пушке и о чудовище на ней. Мы искали кого-нибудь, хотя бы одного человека, который поверил бы такой выдумке. И мы нашли его. Вас. Это вы проводили его туда? Вы убили сына, чтобы сохранить тайну?

Ал смотрел на них полными ужаса, широко раскрытыми глазами.

– Вы понимали, что если пушка будет найдена, то будет установлен и автор гравировки, – нажимала Лакост. – И мы станем задавать вопросы. И установим, кто вы на самом деле. И что совершили.

Ивлин посмотрела на мужа:

– Ал?

Гамаш, устроившийся напротив супружеской пары, ждал ответа.

Он сидел на скамье с Рут и месье Беливо, когда к зданию старого вокзала подъехали машины.

Гамаш пытался переварить мысль о том, что Джон Флеминг когда-то побывал в Трех Соснах. Был прорабом при Джеральде Булле. Словно сквозь пелену, он увидел Бовуара и Лакост, которые вышли из машины с Алом Лепажем. Клара и Иви приехали на пикапе. Иви подбежала к мужу, а Клара помедлила, потом двинулась к своему дому.

Гамаш вернулся к Рут и месье Беливо:

– Отделываясь от Джона Флеминга, вы знали, кто такой Ал Лепаж?

Он задал вопрос не кому-то одному из них, но оба кивнули.

– Вы помогли ему пересечь границу.

Это был не вопрос – утверждение, и снова оба кивнули.

– Это случилось в тысяча девятьсот семидесятом году, – сказал месье Беливо. – Мы участвовали в движении за мир, помогали уклонистам от призыва перейти границу. Нас попросили помочь одному человеку.

Рут молчала, ее и без того тонкие губы почти исчезли.

– Вы возражали? – спросил Гамаш.

– Я боролась с собой, – ответила Рут. – Не могла решить: то ли Фредерик Лоусон жертва войны, то ли психопат.

– Боролась с собой, – сказал месье Беливо с чуть заметной улыбкой. –

Твоя собственная гражданская война.

Арман знал: скажи он что-нибудь подобное, Рут напустилась бы на него, но месье Беливо, Клеману, это сошло с рук.

– Я не могла ему отказать, потому что ни в чем не была уверена, а его не осудил никакой суд, – сказала Рут. – Но я не собиралась делать вид, будто мне это нравится. Или будто мне нравится он.

– На наше решение повлияло и то, что телевидения у нас в то время не было. Сигнал в нашу долину не проходил, – сказал месье Беливо. – Мы читали о той бойне в газетах, смотрели на фотографии, но съемки увидели только год спустя.

– Если бы вы видели фильм о массовом убийстве в Сонгми, вы стали бы помогать Фредерику Лоусону найти здесь убежище? – спросил Гамаш.

– Мы этого никогда не узнаем, ведь так? – Месье Беливо посмотрел на поросшие лесом горы. – Мы устроили его в пансион. Теперь там гостиница Габри. – Он махнул в сторону гостиницы. – И помогли найти работу – он стал петь в местных boîtes à chansons.

– Он поменял имя, – сказала Рут. – И никто не знал, кто он такой на самом деле и что совершил. Но мы знали.

– И когда пришло время отдать кого-то на съедение волкам, вы бросили его? – спросил Арман.

– Неужели это необходимо, месье? – возмутился месье Беливо.

– Не надо, Клеман. Он ведь правду говорит. – Она повернулась к Арману. – Ал Лепаж, или Фредерик Лоусон, или как уж ему угодно себя называть, все равно уже был проклят. Но я не учла, что проклятие распространится и на меня, если я ему помогу.

– Это неправда, Рут, – сказал месье Беливо.

– Правда. Мы оба знаем это. Я пожертвовала им, чтобы спасти себя.

– «Но кто тебя обидел так, что ран не залечить», – процитировал Гамаш самое знаменитое стихотворение Рут.

– «Что ран не залечить», – повторила Рут. Она посмотрела на Гамаша и почти улыбнулась. – Знаешь, а когда-то я была очень милой. И доброй. Может, не в высшей степени, но все же.

– И до сих пор вы такая, мадам, – сказал Арман, погладив Розу. – В глубине души.

Он встал и извинился. Лакост и Бовуар должны узнать об этом. Он пришел в оперативный штаб, когда Лакост размещала девятого ягненка в центре стола для совещаний, лицом к родителям Лорана.

Арман поймал ее взгляд, и она подошла к нему. Бовуар тоже.

– Я только что говорил с Рут.

– Да, мы видели, – сказал Бовуар. – И с месье Беливо.

– Она знала об изображении Вавилонской блудницы. Именно она рекомендовала Ала в качестве художника.

Он рассказал им о том, что ему удалось узнать, а потом вытащил из нагрудного кармана копию черно-белой фотографии с тремя мужчинами.

Изабель и Жан Ги посмотрели на знакомый снимок и подняли глаза на Гамаша. Они ждали продолжения.

– При Джеральде Булле, когда он здесь работал над «Проектом „Вавилон“», был человек, которого он представлял как прораба. – Гамаш показал пальцем на человека. – Вот он. Рут его узнала.

Палец уперся в голову третьего человека, который отвернулся от объектива и опустил голову.

– Oui? – сказала Лакост, наклоняясь, чтобы разглядеть получше.

Бовуар тоже всмотрелся в фотографию. Он тоже думал о третьем человеке на снимке, подозревая, что это профессор Розенблатт. Но не мог разглядеть очертаний лица, лба, подбородка. Даже если сделать скидку на пьянство, обжорство, заботы, на фото был не Майкл Розенблатт.

– Кто это, patron? – спросил Бовуар.

Изабель Лакост оторвалась от фотографии и взглянула в глаза Гамаша.

– Господи, это же Джон Флеминг, – почти шепотом проговорила она.

– Да бога ради, – пренебрежительно фыркнул Бовуар.

Но Гамаш не рассмеялся. Не поправил Лакост.

Жан Ги пригляделся и вспомнил сообщения о том старом процессе. Джон Флеминг казался человеком абсолютно непримечательным и совершенно незабываемым.

И вот он всплыл снова. Теперь, когда Бовуар знал, это казалось таким очевидным. И все же…

– Как такое возможно? – спросил он.

– Не знаю, – сказал Гамаш, пряча фотографию в нагрудный карман. – Но я знаю, что именно он подрядил Ала Лепажа создать рисунок Вавилонской блудницы.

Они посмотрели на пару, тихо ожидающую за столом.

– Присоединяйтесь к нам, patron, мы как раз собирались их допрашивать, – сказала Лакост.

Арман занял место напротив Ала Лепажа. Заглянул в голубые глаза, оценил мощные плечи, морщинистое, обветренное лицо. В окладистой бороде Лепажа еще сохранились воспоминания о ее прежнем рыжем цвете. Сегодня она была растрепана, не подвязана ленточкой, отчего он приобрел неприрученный, дикий вид. Его волосы тоже растрепались, торчали

космами, и он казался представителем какого-то тупикового эволюционного звена. Человек, но не совсем.

Если не говорить о глазах. Проницательных, умных.

Ал Лепаж казался почти умиротворенным. Вьючное животное упало на колени, груз не сбросило, но остановилось. Конец пути.

И тут Лакост напрямую спросила его, не он ли убил сына, чтобы сохранить тайну. Он создал Вавилонскую блудницу, а теперь она несла его к персональному Армагеддону. Если пушка обнаружится, то полиция выйдет на Ала Лепажа, который на самом деле Фредерик Лоусон, а дальше появятся Вьетнам и массовая бойня в деревне.

На какое-то мгновение на лице Ала Лепажа мелькнуло испуганное выражение. Но потом страх спрятался за бородой, и Гамаш подумал, уж не в этом ли и состоит ее назначение. Большая, окладистая маска, за которой скрывался Фредерик Лоусон, участник массовой бойни.

– Что? – спросил Лепаж. – Что? – Он в явном недоумении переводил глаза с одного полицейского на другого. – Тронуть Лорана? Да я бы никогда…

– Но мы знаем, что это не так, верно? – сказал Бовуар, пронзая Лепажа суровым взглядом.

Ал Лепаж хрипло задышал. Он посмотрел на Бовуара, потом на Лакост, потом его взгляд остановился на Гамаше.

– Слушайте, я не отрицаю, рисунок сделал я. Он предложил мне кучу денег – как я мог отказаться? – Он смотрел на них, словно ожидая понимания. – Но я ничего не знал о пушке. Я ненавижу…

Он остановился на полуслове.

– Вы хотели сказать, что ненавидите оружие? – спросил Бовуар.

Он толкнул свой телефон по столу, и большая рука Лепажа инстинктивно его остановила, не дала упасть. Он увидел изображение на экране.

– Ваш рисунок? – спросила Лакост.

Лепаж кивнул.

– Как видите, он нанесен на лафет пушки. Громадной пушки, которая находится там, где убили Лорана.

– Не понимаю, – сказал Ал. – Признаю, что рисунок мой. Они четко мне описали, что им нужно, но не сказали для чего, и я не спрашивал.

– И вы не заметили громадной пусковой установки, которую использовали в качестве холста? – спросил Бовуар. – Глаза застило? Слушайте, я знаю, вы считаете, что сможете выкарабкаться, но не получится. Перестаньте тратить наше время, прекратите ухудшать

ситуацию для всех. – Бовуар кинул взгляд на Ивлин, которая недоуменно смотрела на мужа. – Начните с самого начала. Расскажите нам о пушке и гравировке.

Растрепанная голова несколько раз упала и поднялась, возможно в знак отчаяния.

– Это случилось давно, – заговорил наконец Лепаж. – Ко мне в пансион пришли два человека и спросили, хочу ли я получить заказ. Я думал, они говорят о песне, и согласился. Но потом они сказали, что им нужен рисунок, сказали, сколько предполагают заплатить. Они дали мне несколько специальных бумаг. Один из них сказал, что вернется через несколько недель. Он вернулся, и мой рисунок вроде бы ему понравился. На полученные деньги я купил ферму и больше его никогда не видел.

– Вы сделали рисунок на бумаге? – спросила Лакост. – Не прямо на пушке?

– О пушке я ничего не знал, – ответил Лепаж. – Никакие деньги не заставили бы меня согласиться на такую работу.

– А как звали тех людей? – спросила Лакост.

– Так ведь тридцать лет уже прошло, – ответил Лепаж. – Не помню я.

Лакост посмотрела на Гамаша. Фотография лежала изображением вниз на столе перед ним. Он подтолкнул ее Лакост, а она передала Алу Лепажу.

– Никого не узнаете?

Лепаж вгляделся в снимок, хотя у Гамаша возникло впечатление, что он лишь выгадывает время, придумывая, что ответить. Сколько признать.

– Вот один. – Он показал на Джеральда Булла. – А вот другой. Он приходил заплатить и забрать работу.

Он ткнул пальцем в Джона Флеминга.

Гамаш слушал не только его слова, но и интонацию. Лепаж как будто скользил по поверхности чувств, говорил о фактической стороне дела, вовсе не затрагивая эмоций. И все же его рисунок, изображающий Вавилонскую блудницу, кричал о боли и отчаянии. Там были не просто линии на бумаге или лафете. Каждая из них происходила из одного страшного места, и Арман знал из какого.

– Вы не спрашивали, зачем кому-то могла понадобиться Вавилонская блудница? – спросила Лакост.

Ал Лепаж погрузился в молчание, но они слышали его дыхание, дыхание загнанного человека.

– Если бы вы его увидели, то не стали бы задавать вопросы.

– Что это значит? – спросил Бовуар.

– Он казался человеком, которого привлекали такие изображения.

– Как и вас, – заметил Бовуар.

Он развернул свой ноутбук экраном к Лепажу, потом нажал клавишу, и пошли кадры кинохроники с пасущимися на поле овцами на переднем плане.

Бовуар, Лакост и Гамаш не видели картинку, но видели эффект, который она производит. Ивлин Лепаж прижала руку ко рту. Ал Лепаж закрыл на мгновение глаза, потом заставил себя открыть их. Из его горла вырвались звуки, такие тихие, что их мог бы издавать ребенок.

Жан Ги приглушил звук, и Лепажи видели только изображение, эффект которого усиливался тишиной.

Созданные рукой Лепажа ягнята в рамочках стояли задниками к полицейским, и Гамаш читал надписи на каждом. Лоран, два года, Лоран, три года и так далее. Но его внимание привлек первый снимок.

«Мой сын», – гласила надпись. Только это. И сердечко. Мой сын.

Сын мой. Сонгми[64].

Неужели этот человек снова пошел на убийство? На сей раз собственного сына. И Антуанетты Леметр. Чтобы сохранить свою тайну. И дьявольское преступление.

– Ал, – сказала Иви, когда документальные кадры закончились, – почему они показывают нам это?

– Она не знает? – спросил Бовуар.

Ал отрицательно покачал головой, посмотрел на жену. Взял ее руку, взглянул на ладонь. Такую знакомую. Такую неожиданную. Найти ее на закате жизни и полюбить. И жениться.

– Я не уклонист от призыва, Иви, – тихо сказал он. – И зовут меня не Ал Лепаж. Мое имя Фредерик Лоусон. Я служил рядовым в армии. И дезертировал.

Жена перевела взгляд с него на экран, потом снова на мужа.

– Нет, – прошептала она. – Неправда.

Она всмотрелась в его лицо. Потом ее глаза вернулись к груде тел на дороге, к зеленым полям за телами и ягнятами перед ними. Ее рука выскользнула из его.

Никто не шелохнулся, не произнес ни слова. В оперативном штабе наступила полная, абсолютная тишина, словно и их жизни оборвал кто-то. А потом эту тишину сотрясло единственное слово, крик:

– Не-е-е-е-ет!

Этот крик вырвался из горла Иви, словно вой сирены, и она принялась колотить мужа в грудь, уже не произнося слов. Слышались одни лишь рыдания.

Лакост поднялась, но снова села.

Лепаж ничего не сделал, чтобы защитить себя, он только закрыл глаза. Он даже придвинулся к жене, чтобы ей было удобнее бить его. На глазах полицейских навсегда и полностью рушилась жизнь Ивлин Лепаж. Арман прищурился, не желая смотреть на то, что не предназначалось для чужих глаз, – сугубо личное, происходящее только между двумя людьми, такое мучительное. Но в то же время он должен был видеть.

Он смотрел и думал, не бегал ли маленький Фредерик Лоусон по лесу так же, как Лоран. С палкой-ружьем. Изображал из себя солдата. Сражался с врагом. Приносил себя в жертву, совершал героические подвиги.

Одно Гамаш знал наверняка. Маленький Фредерик Лоусон использовал свою палку-ружье не для того, чтобы целиться и убивать жителей деревни – стариков, женщин и детей. Так почему же получилось иначе? Как девятилетний мальчик, изображающий героя, превратился в двадцатилетнего солдата-убийцу?

Ивлин, обессилев, перестала молотить кулаками по груди мужа.

– Ты это сделал? – прошептала она.

– Да.

Он попытался снова поймать ее руку, но она оттолкнула его.

– Уходи. Обратно, – велела она.

– Теперь я совершенно другой человек, – взмолился Ал. – Шла война, я был молод. Комвзвода сказал, что это вьетконговцы.

– Дети? – спросила она еле слышно.

– У меня не оставалось выбора. Шла операция. Я видел перед собой врага.

Голос его смолк, а с ним и литания, литургия, история, которую он рассказывал себе каждый день, пока сам не начал в нее верить. Пока не случилось чудо и не произошла подмена понятий. Пока Фредерик Лоусон не превратился в Ала Лепажа. Сочинителя песен. Рассказчика. Борца за химически чистую еду и стареющего хиппи. Уклониста от призыва.

Пока ложь не стала правдой.

Но призраки не знали ни границ, ни срока давности.

В конечном счете Фредерик Лоусон не ушел от возмездия. Он не получил второго шанса. Возможности родиться заново. Однажды его прошлое всплыло и постучалось к нему в дверь. И попросило сделать рисунок. Заглянув в те мертвые глаза, Фредерик Лоусон понял, что милая деревенька предоставила ему убежище, но не прощение.

– Там была девочка…

Ал Лепаж замолчал, и Гамаш подумал, что он не в силах продолжать.

Гамаш надеялся, что он не сможет. Но Лепаж взял себя в руки и подставил плечи под груз воспоминаний.

– Ей вряд ли было больше десяти. Она встала передо мной на колени, вытянула руки. Она ничего не говорила. Ни слова, ни звука. Не умоляла, не плакала. И страха в ней я не заметил. Никакого. Только жалость видел я в ее глазах.

Жалость, подумал Гамаш. Именно такое выражение придал Ал Лепаж лицу Вавилонской блудницы. Эмоция, которую он не мог назвать. То было не презрение, не гордыня, не насмешка. Жалость. К наступающему аду.

Вот в чем заключалась суть рисунка. Его соль.

Но Ал Лепаж еще не закончил.

– Я оставался один в ту минуту, – сказал он отстраненным, полным удивления голосом. – Я мог бы отпустить ее.

Жан Ги резко встал. Ярость исказила черты его лица, казалось, еще чуть-чуть, и он выплеснет ее на Лепажа. Но он только быстро пошел на нетвердых ногах, сбил по пути в туалет корзинку для мусора, ударился о стол.

Лепаж оторвал глаза от экрана и посмотрел на Гамаша:

– Но я ее не отпустил.

Глава тридцать пятая

После обеда в полном молчании Арман ушел к себе в кабинет и закрыл дверь.

Жан Ги и Рейн-Мари сидели в гостиной перед камином, в котором плясал и потрескивал огонек, давая слабое тепло.

Они обменялись любезностями, но Рейн-Мари достаточно долго вращалась в кругу следователей, работавших в отделе мужа, и знала: есть время говорить, а есть время хранить молчание.

Они услышали голос Гамаша из кабинета.

– Он разговаривает по телефону, – сказал Жан Ги, кладя газету.

– Надеюсь, – сказала Рейн-Мари и увидела улыбку на лице Бовуара. – Все в порядке? У вас обоих был довольно бледный вид, когда вы пришли.

– Иногда видишь и слышишь такие вещи, о которых лучше бы не знать, – ответил он. – А забыть о них невозможно.

Она кивнула. Вернувшись из оперативного штаба, Жан Ги в первую очередь позвонил Анни, а Арман обнял жену и пошел принять душ. Что-то случилось. Она знала, что Арман расскажет ей. Если не сегодня, то когда-нибудь позже. Или не расскажет. Может быть, его знание отправится в ту запертую, заколоченную комнату.

– Pardon, – сказал Жан Ги несколько минут спустя, когда голос в кабинете смолк.

Он постучал и, не дожидаясь ответа, вошел.

– Шеф? – сказал он, закрывая за собой дверь.

Гамаш сидел в большом, удобном кресле у окна, на полу лежала папка, а на коленях у него – документы. В шкафу за его спиной находились не только книги, но и семейные фотографии, снятые в разные годы. Но одну он достал и теперь держал в руках.

Маленькая фотография в серебряной рамочке, его внучки Флоранс и Зора́.

Гамаш вглядывался в нее, одной рукой держа фотографию, а другой подпирая голову, сжимая подбородок. Пытаясь сдержать нахлынувшие на него горькие, горячие чувства. Но они выходили через глаза. И те становились красными, увлажненными.

И теперь он прикрыл их, а потом крепко зажмурил.

Жан Ги тяжело опустился в кресло напротив него и тоже обхватил руками лицо, скрывая собственную боль.

Они долго сидели так, без слов, без звуков, если не считать вырывающегося время от времени прерывистого дыхания.

Наконец Бовуар услышал знакомый звук – шорох салфетки, вытаскиваемой из коробки.

– Боже мой, – вздохнул Арман.

Жан Ги оторвал ладони от лица и инстинктивно промокнул его согнутой в локте рукой, после чего тоже вытащил салфетку.

Они вытерли лица, высморкались и наконец уставились друг на друга.

Арман улыбнулся первым:

– Ну, теперь стало получше. Мы иногда должны делать это.

– Вы для того и пришли сюда, patron? – спросил Жан Ги, вытаскивая еще одну салфетку и спрашивая себя, сколько слез видели эти книги, если остальной мир видел только спокойствие и решимость.

– Нет, – сказал Арман, чуть хохотнув. – Все случилось неожиданно. Я пришел сюда, так как знал, что мне давно уже нужно сделать одну вещь, но все откладывал. А после разговора с Рут откладывать больше нельзя.

– Что вы имеете в виду?

– Завтра утром я еду в ЗООП. Я должен поговорить с Джоном Флемингом.

Гамаш пытался сказать о своей поездке так, будто ехал на обычное деловое свидание, но у него это плохо получилось. Рука слегка задрожала, и ему пришлось сжать ее в кулак, смяв салфетку.

– Понятно, – сказал Бовуар.

Он и в самом деле понимал, потому что знал о Джоне Флеминге чуть больше других. Следил за процессом, коллеги делились слухами. И еще он знал (хотя официально ничего такого не сообщалось), что проходил и закрытый процесс. Процесс в процессе, и старший инспектор участвовал в нем, хотя Бовуар не знал, в каком качестве.

– Что вы читаете? – спросил он преувеличенно веселым голосом и кивнул на бумаги, лежащие на коленях Гамаша. – Про серийных убийц?

Но по мрачному выражению лица Гамаша понял, что перешел грань – и своим вопросом, и неудачной по времени попыткой улучшить настроение.

– Да, – ответил Гамаш. Он закрыл папку, положил на нее тяжелую руку и посмотрел на Жана Ги. – Почему ты ушел, когда Лепаж рассказывал о бойне в Сонгми?

– Мне такое оказалось не по силам, – признался Жан Ги. – Я боялся, что меня стошнит или я наброшусь на него. Боялся, что произойдет что-нибудь ужасное. Я не верил, что человек способен на такое. И потом, эта

девочка…

У него сорвался голос, и он снова потер лицо.

Он всем сердцем хотел сказать Гамашу все. И почти сказал. Но потом остановился.

– Что на самом деле совершил Джон Флеминг, patron? Чего мы не знаем из того, что известно вам?

Гамаш накрыл папку рукой, но не глядел на нее.

Как только они вернулись в дом, Арман пошел в запертую комнату в дальнем углу подвала. За долгую карьеру следователя он сталкивался с такими вещами, к которым не мог привыкнуть, с вещами, не укладывающимися ни в какие рамки. С тайнами других людей, их стыдом, даже их преступлениями.

Он хранил их в папках в подвале под замком, где никто не имел к ним доступа, а он при необходимости мог в любой момент их достать. И сегодня они понадобились ему. В остальной части подвала горел яркий свет, но в этой комнате с потолка свисала одна-единственная лампа. Когда Гамаш включил свет, она немного покачивалась, на стекле запеклись мертвые насекомые и грязь. В свете лампы появились аккуратно расставленные коробки, словно кирпичи в стене. А в самом последнем ряду стояла коробка, которую он искал.

Он стряхнул с нее пыль и паутину и взял с собой в кабинет. После этого он долго принимал душ. Потом они обедали. И только после этого он вернулся в кабинет, к коробке, так невинно стоящей на полу.

Гамаш снял крышку; он не удивился бы, услышав оттуда крик. Но конечно, ничего такого он не услышал, только тишину и утешительный гул из соседней комнаты – там разговаривали Рейн-Мари и Жан Ги.

Он на мгновение закрыл глаза, заставляя себя успокоиться, открыл первую папку и стал читать. Чтобы вспомнить. И тут раздались крики. Не из папок, а в его голове, когда сцены и звуки процесса над Джоном Флемингом ожили, вырвались из того места, где он хранил их долгие годы.

Он снова видел образы и воображал звуки. Плач и мольбу.

Возможно, одна из жертв Флеминга безмолвно опустилась на колени, не моля его о пощаде, не крича от ужаса, не призывая на помощь отца, мать, Господа Бога? Возможно, она смотрела на него с сожалением?

– Я не могу сказать тебе ничего такого, чего бы ты уже не знал, Жан Ги. Джон Флеминг за семь лет убил семь человек. Выбирал по возрасту с разницей в десять лет. Начал с женщины за двадцать, за ней последовал мужчина за тридцать и так далее. Поймать его было очень трудно, поскольку убийства казались совершенно несвязанными и совершались с

промежутком в один год.

Бовуар обратил внимание, что шеф не назвал ни одной жертвы моложе двадцати, хотя были и такие.

– Их тела нашли только после его ареста, – сказал Гамаш.

– Это не все, patron. Что еще? – прошептал Бовуар. – Скажите мне.

Он видел, что его тесть хочет поделиться.

– Это имеет отношение к тому, что Флеминг делал с ними, да?

– Семеро, – сказал Гамаш. – Он убил семерых. Но в то время я не понимал смысл этого. Никто не понимал. Теперь я знаю.

– Что? Что вы знаете?

– «На реках Вавилонских мы сидели и плакали». Вавилон, Жан Ги. Вавилонская блудница.

– Oui? – сказал Жан Ги.

Но он уже понял, что Гамаш сделал шаг назад, закрыл дверь. Каким-то образом Жан Ги упустил суть.

– Джон Флеминг совершал свои преступления в Нью-Брансуике, – сказал Гамаш деловым тоном. – И его привезли в Квебек. Считалось, что здесь суд над ним будет справедливее. После суда его отправили в ЗООП, где он с тех пор и находится.

Гамаш крепче сжал салфетку.

Бовуар встал и кивнул:

– Я бы хотел поехать с вами завтра.

– Спасибо, mon vieux, но будет лучше, если я поеду один.

– Конечно, – сказал Жан Ги.

На следующее утро Жан Ги Бовуар ждал у машины с двумя кружками кофе с молоком и двумя шоколадными булочками.

– Пусть мы и едем в Мордор, но это не значит, что по пути мы не можем получать удовольствие, – сказал он, открывая Арману пассажирскую дверь.

Гамаш остановился на дорожке, поправил сумку на плече и посмотрел на Рейн-Мари:

– Ты знала об этом?

– Что Жан Ги собирается ехать с тобой? – уточнила она. – Нет, я потрясена не меньше тебя.

Впрочем, по ней было видно, что она ничуть не удивлена.

– Я ошибалась, Арман. – Она взяла его руку и несколько секунд разглядывала ее, трогая обручальное кольцо. – Когда ты сказал, что существует связь между Флемингом и доктором Буллом, я отмахнулась.

Извини. Нужно было довериться тебе.

– Никогда нельзя верить вслепую, ma belle, – сказал он. – Ты была права, сомневаясь. Моя гипотеза вполне могла показаться бредом. Как ты могла догадаться о моем блестящем прозрении?

Она рассмеялась и покачала головой:

– Ты всегда прав, судя по прошлым выводам.

Арман посмотрел на поглядывающего на них Бовуара.

– Я, пожалуй, пойду, а то он слопает все булочки.

– Кстати, несколько минут назад у него были два круассана, – сказала она. – Так что лучше поспеши.

– Могу я тебя отговорить? – спросил Гамаш Бовуара, подходя к машине.

– Попробуйте в дороге.

– Ладно, Фродо. Но помни, это была твоя идея.

Бовуар выехал из Трех Сосен, придумав себе игру, что он Фродо, а Гамаш – Гэндальф, а не Сэмуайз[65].

– Вы думаете, Ал Лепаж знал о пушке? – спросил Бовуар, когда они проехали несколько миль.

– Не знаю. Я и себе задавал тот же вопрос. Мне кажется, нежелательно приглашать чужого человека к пушке, чтобы он выгравировал рисунок. Джеральд Булл предпринял столько мер предосторожности, неужели он после этого стал бы приглашать к пушке постороннего человека?

– Агент Коэн поинтересовался в Интернете. Есть особая технология, с помощью которой рисунок можно перевести на металл. Возможно, Ал говорит правду.

– Мм, – промычал в ответ Гамаш, не найдя других слов.

Утро стояло яркое, и солнце било им прямо в лицо. Жан Ги надел солнцезащитные очки, а Гамаш предпочел опустить козырек.

– Я дочитал пьесу, – сказал Бовуар, глядя в зеркало заднего вида на сумку, лежащую на заднем сиденье.

– И?..

– Если забыть о том, кто автор, вещь удивительная. Меня увлекли герои и сюжет. Пансион, домовладелица, обитатели. Их жизни. И я смеялся – есть такие смешные места, намочить штаны можно. А потом я возненавидел себя.

– Почему.

– Потому что ее написал Джон Флеминг, – сказал Бовуар. – А когда я смеялся, в глубине души возникал вопрос: может быть, он не так уж и плох? Может быть, он изменился?

Он скосил глаза на Гамаша и увидел, как тот кивает.

– И вы тоже? – спросил Бовуар.

Кивки прекратились.

– Нет. Но ведь я знаю о нем больше, чем ты.

– Тогда почему вы кивали?

– Потому что Флеминг именно это и делает, именно этого он и хочет. Он пытается вырваться из своей камеры через мозги читателей. Есть одна причина, по которой я хотел сегодня поехать один.

– Потому что у вас иммунитет, patron?

– Нет, я так же уязвим, как и ты, но тогда, по крайней мере, Флеминг оставался бы в голове лишь одного из нас. Ведь что касается меня, то он уже там. Ущерб уже нанесен.

– Но чтобы ущерб не стал еще больше, с вами еду я, – сказал Бовуар.

После двух часов езды они увидели тюремные стены, которые поднимались к небесам посреди бесплодного участка. Лес здесь вырубили, землю выровняли. И потенциальный беглец был бы пойман до того, как он успел бы добраться до обжитых мест.

Но оттуда никто ни разу не сумел сбежать. Вырваться из тюрьмы никто не мог без помощи снаружи, а снаружи не находилось ни одного человека, желавшего возвращения кого-нибудь из этих людей.

Если в мире и существовали зомби, то они обитали за этими стенами. Люди, которых в другие времена казнили бы за их преступления. Серийные убийцы, психопаты, невменяемые – все они поселились там. Их жизнь лишь условно могла считаться жизнью, они здесь просто ждали смерти. И по иронии судьбы многие из них ждали старухи с косой очень-очень долго.

Бовуар припарковал машину, они посидели несколько мгновений, созерцая мрачные стены, сторожевые вышки и единственную крохотную дверь, похожую на нору.

– Адам Коэн работал здесь? – спросил Бовуар.

– Да. Здесь мы с ним и познакомились.

Жан Ги не очень симпатизировал агенту Коэну, но знал, что старшему инспектору Гамашу понравился этот молодой парень. И теперь Бовуар понял почему. Любой человек, работавший здесь и не потерявший человеческих качеств, не говоря уже о некоторой наивности, свойственной Коэну, заслуживал уважения.

– Вероятно, у него есть какие-то скрытые ресурсы, – сказал Жан Ги, выходя из машины.

– Есть, – ответил Арман. – И я подозреваю, что у всех, кто здесь содержится, они есть. Вопрос состоит в том, что же за ресурсы они

скрывают.

– А агент Коэн? – спросил Бовуар, когда они подошли к странной маленькой двери. – Что скрывает он?

– Я пока не уверен, – ответил Гамаш. – Я вот пытаюсь понять, что скрываешь ты.

Бовуар остановился и посмотрел на тестя:

– Вы о чем?

– Нет нужды сразу делать стойку, – улыбнулся Гамаш. – Я имел в виду, что некоторые люди прячут свои темные качества глубоко внутри. А некоторые прячут светлые. А у тебя, mon ami, там почти наверняка круассан.

Жан Ги рассмеялся, и дверь открылась. Совпадение во времени было таким точным, что Бовуар и в самом деле подумал, нет ли между двумя событиями причинно-следственной связи.

И вот они вошли внутрь этого богом забытого места.

Глава тридцать шестая

Арман Гамаш разглядывал Джона Флеминга.

За время пути, долгого пешего перехода по выкрашенному в казенный зеленый цвет коридору, вдоль которого стояли вооруженные охранники, сквозь щиплющий глаза хлорный дух, стуки, клацанье и вопли призраков, он составил план.

Посмотреть в глаза человеку. Дать ему понять, что ты не испытываешь отвращения, тошноты. Дать ему понять, что ты не испытываешь ничего.

Он просто всего лишь один из пунктов в составленном списке. Еще одно лицо, подлежащее допросу по делу об убийстве. Ничего более.

Ничего более.

«Ничего более», – сказал себе Гамаш, садясь на стул в помещении для допросов. Жана Ги он оставил у дверей, рядом с вооруженным охранником, так чтобы его видел Гамаш, но не Флеминг.

Однако теперь, когда Флеминг сидел за столом напротив него, все заготовленные вопросы, вся стратегия рухнули. Даже мысли его словно слились в канализационную трубу.

Его разум не был бесстрастным – он был пустым. Гамаш перевел взгляд с лица Флеминга на его руки. Такие белые. Сложенные одна поверх другой.

Но потом к нему стали постепенно возвращаться образы – последствия того, что сделали эти руки. С усилием, которое стоило ему немалой боли, Гамаш поднял глаза.

> Встречу я твой взгляд и замру,
> обездвиженная и онемевшая,
> А земля под ногами расколется,
> и рухнут небеса.

Теперь он видел перед собой только семиглавое чудище. Не гравировку. Не метафору. А то существо, которое создал Джон Флеминг. Арман Гамаш знал кое-что, ускользнувшее от суда, от полицейских, от прокуроров Флеминга. Даже от его собственных адвокатов.

Гамаш знал, что было на уме у Джона Флеминга, когда тот совершал свои преступления. Это была Вавилонская блудница, которая несла не

просто конец света, а вечное проклятие.

Гамаш прерывисто вздохнул и услышал легкий хрип, вырвавшийся из его горла.

Рот Джона Флеминга скривился, словно клинок ножа.

Гамаш выдержал спокойный взгляд Флеминга и вызвал в своей памяти Рейн-Мари, их детей, внуков, Анри, их друзей. Хаос, творящийся на Рождество. Тихие беседы у камина. Танец на свадьбе Анни и Жана Ги в Трех Соснах. Он вызвал в своей памяти обеды у Клары, выпивку в бистро, время, проведенное им на скамье в деревне.

Эти мощные воспоминания вытолкнули, вытеснили те другие в их собственный ужас. Арман Гамаш сидел в стерильной комнате и ощущал запах роз в летнем саду, слышал смех на деревенском лугу. Он ощущал вкус крепкого кофе с молоком, чувствовал утренний туман на своем лице.

– Я приехал, чтобы поговорить с вами о Джеральде Булле и «Проекте „Вавилон“», – сказал он сильным голосом.

Вознаграждением ему стало движение век. Миг неуверенности. Напряженного внимания.

Джон Флеминг не ждал такого.

– Я вас знаю. Вы присутствовали на моем процессе, – сказал Флеминг. – Сидели и наблюдали. Вы любите наблюдать? Вам это доставляло удовольствие?

Выражение лица Гамаша не изменилось, но краем глаза он увидел, как шевельнулся Бовуар. Почувствовал это и Флеминг. Некоторая реакция. Именно то, чего он добивался.

Гамаш впервые слышал его. На процессе Флеминг не давал показаний. Арман удивился мягкости его голоса. В нем слышался какой-то дефект речи. Природный? Или искусственный, чтобы выглядеть таким, как другие люди, даже уязвимым?

Люди инстинктивно теряют бдительность, когда видят чью-то хромоту, болезнь, дефект. Не из сострадания – просто потому, что ощущают свое превосходство. Силу. Гамаш знал, что такие люди не живут долго. Этот инстинкт идет им во вред.

– Что вы хотите знать? – спросил Флеминг.

– Я хочу знать, как вы стали прорабом проекта.

– Доктору Буллу нужен был человек, который ежедневно координировал бы ход работ. Не ученый. Ученые умеют быть точными, но они плохие управленцы, если проект масштабный. А я умею этим заниматься.

– Но как доктор Булл узнал о вас? – спросил Гамаш, понимая, что

Флеминг лишь отчасти ответил на его вопрос.

– Слухами земля полнится.

– Все зависит от того, в каких кругах кто вращается, – сказал Гамаш. – Кто вас рекомендовал?

– Любой из довольных моей работой клиентов. Я работал в агентстве, которое специализируется на обеспечении конфиденциальности.

– И что же это было за агентство?

– Мне кажется, вы меня невнимательно слушали. Обеспечение конфиденциальности, помните?

– Почему вы не хотите сказать? – спросил Гамаш.

– Зачем вам знать? Какое это может иметь значение?

– Прежде я не был так уверен, – сказал Гамаш. – А теперь начинаю задумываться.

Два человека за столом изучали друг друга.

– Расскажите мне про Вавилонскую блудницу.

И тут последовала настоящая реакция. Губы вытянулись, глаза прищурились. Потом снова улыбка, как лезвие ножа.

– А я все думал, когда же кто-нибудь придет и спросит. – Флеминг посмотрел на Гамаша так, словно тот пришел к нему гостем и никак иначе.

– Так каков же ответ?

– Кто вы? – спросил Флеминг.

Он не шелохнулся с той минуты, как уселся. Ни на миллиметр. Его руки, голова, тело оставались совершенно неподвижны, словно перед Гамашем сидел манекен. Даже дыхания не было слышно.

Лишь одно движение век в начале. И улыбка. И этот мягкий надтреснутый голос.

– «И что за чудище, дождавшись часа, – обыденным тоном произнес Гамаш, – ползет, чтоб вновь родиться в Вифлееме?»

Показалось ли ему, или по другую сторону стола вспыхнул блеклый сполох тревоги?

Гамаш подался вперед и прошептал:

– Вот кто я.

– Откуда вы знаете про Вавилонскую блудницу? – спросил Флеминг.

– Которую из них? – ответил вопросом Гамаш.

И опять Флеминг моргнул. Но ничего не ответил.

«Ему нужно подумать, – решил Гамаш. – А значит, я проник ему в голову». Эта мысль не доставила ему удовольствия.

– Вы определенно нашли пушку, – сказал Флеминг.

– Определенно, – ответил Гамаш. И замолчал в ожидании.

– Где вы ее нашли? – спросил Флеминг.

– Там, где вы ее оставили, конечно. Она не самая самоходная из пушек, верно?

– Скажите мне, где вы ее нашли, – продолжал настаивать Флеминг.

Он насторожился. Почувствовал что-то в Гамаше. Может быть, некоторую неуверенность. Изменение цвета лица, частоты дыхания, сердцебиения. Перед Гамашем сидел хищник с обостренными органами восприятия, отшлифованными годами тайной жизни. И убийств.

Гамаш знал: хищника может остановить только более крупный хищник. Если ему целую жизнь удавалось ловить убийц, то не потому, что он был робкий или слабый.

– Мы нашли «Беби Вавилон» в Хайуотере, – словно невзначай сказал он. – Вернее, то, что от нее осталось. Другая пушка стояла в лесу. Что же касается Вавилонской блудницы, то не заметить ее трудно. И потом, мы побеседовали с Алом Лепажем.

Он ждал, пока Флеминг переварит информацию.

– Я говорил Буллу, что Лепаж – слабое звено, – сказал наконец Флеминг. – Но Булл проникся к нему доверием.

– Он проникся доверием и к вам. Похоже, он плохо разбирался в людях, – заметил Гамаш. – Как выяснилось, слабым звеном оказался он.

Флеминг изучал Гамаша. И Гамаш чувствовал, что тот пытается сообразить, как наилучшим образом его освежевать. Не физически, а интеллектуально, эмоционально.

Гамаш не сводил глаз с Флеминга, а также ощущал присутствие Бовуара у двери и словно явно видел выражение тревоги на его лице. Предчувствие беды.

– Да, – сказал Флеминг. – Джеральд Булл имел хорошие мозги, но огромное самомнение и еще больших размеров рот. Слишком много людей узнали про «Проект „Вавилон“». Он даже начал намекать, что «Большой Вавилон» реализован.

Флеминг чуть кивнул. Его движение произвело странное впечатление, будто дешевая деревянная кукла пошевелила головой.

– Но «Беби Вавилон», в общем-то, не была тайной, верно? – сказал Гамаш. – И никто не делал из нее тайны. Мы все про нее знали.

Стратегическое использование местоимения «мы» не прошло мимо внимания Флеминга.

– Эта идея принадлежала мне, – сказал он. – Построить пушку на вершине холма, навести ее на Штаты. Сделать из нее «тайну».

Его бледные руки закавычили последнее слово.

– Чтобы она была у всех на глазах, – понимающе кивнул Гамаш. – Но не другая. Не настоящая. И все говорили, что Джеральд Булл – гений.

Гамаш произнес последнюю фразу с сарказмом, и Флеминг покраснел.

– Вас он тоже одурачил?

Гамаш поднял руки, потом уронил их на холодный металлические стол, так похожий на анатомический.

– Вы ведь не знаете, кто я, верно? – сказал Гамаш.

Он словно играл с гранатой. Охранник у двери крепче сжал штурмовую винтовку, даже Бовуар чуть подался назад.

– Никто не знал про «Большой Вавилон», – сказал Флеминг. – Никто. Все считали, что пушка в Хайуотере единственная, а когда она не прошла испытания, все решили, что мы потерпели неудачу.

– Вы подтвердили правоту критиков, – сказал Гамаш. – «Проект „Вавилон“» – пустышка. Они посмеялись и перестали обращать на вас внимание, а вы потихоньку принялись собирать настоящую пушку.

Гамаш не мог не признать гениальность замысла. Провести мощную операцию прикрытия, чтобы ловкость рук принесла плоды. Им удалось незаметно создать самую мощную в истории пусковую установку, потому что все смотрели в другую сторону. Пока эго Джеральда Булла не заявило о себе во всю мочь.

– Истинным гением был, конечно, Гийом Кутюр, – сказал Гамаш.

– Вы знаете про него? – спросил Флеминг, оценивая и переоценивая своего посетителя. – Да, благодаря доктору Кутюру мы заработали целое состояние.

– Но потом Джеральд Булл стал угрожать вашему благополучию.

Гамаш вытащил фотографию из кармана. Он не собирался это делать. Напротив, в его планы это не входило. Но он знал: единственная возможность выудить информацию – дать Флемингу понять, что им и без того все известно.

Он разгладил копию на металлической столешнице, потом перевернул ее.

Брови Флеминга взлетели, и губы снова скривились. В молодости он, вероятно, был привлекателен, но все это ушло, пало жертвой его возраста и действий.

Гамаш постучал пальцем по фотографии:

– Снимок сделан в Атомиуме в Брюсселе, незадолго до убийства Булла.

– Это предположение.

– Вам не нравятся предположения?

– Мне не нравится неопределенность.

– И поэтому вы убили Джеральда Булла? Потому что он вышел из-под контроля?

– Я его убил, потому что меня просили.

«Так, – подумал Гамаш, – осколочек информации».

– Вам, вероятно, не следовало сообщать мне об этом, – сказал Гамаш. – Вас не беспокоит, что после найденной нами пушки наступит ваша очередь? Я бы на вашем месте обеспокоился.

Он знал, что рискует. Но если он уже проник в голову Флеминга, то почему бы там не покопаться и не посмотреть, что из этого получится.

Гамаш заметил страх на лице Флеминга и понял, что этот верный пособник смерти сам боится ее. А может, не столько смерти, сколько жизни после нее.

– Кто вы? – снова спросил Флеминг.

– Я думаю, вы знаете, кто я, – сказал Гамаш.

Теперь он оказался на территории, не нанесенной на карту. Вне головы Флеминга, даже вне той зияющей пустоты, которая когда-то вмещала сердце Флеминга, в темной и ничтожной душе этого существа.

Гамаш познакомился с биографией Флеминга. Богобоязненный прихожанин, настолько боявшийся Бога, что решил бежать от него. В другие руки.

Вот почему он и создал Вавилонскую блудницу. Свою дань.

Но тут мысли Гамаша предали его. Образы жутких жертвоприношений Флеминга снова взорвались в его голове. Гамаш старался как мог прогнать эти картинки из головы. Флеминг внимательно смотрел на него, и теперь он увидел, что так мучительно, так отчаянно пытается скрыть Гамаш. Свою человечность.

– Почему вы здесь? – прорычал Флеминг.

– Чтобы поблагодарить вас, но и предостеречь, – ответил Гамаш, пытаясь снова завладеть преимуществом.

– Правда? Поблагодарить меня? – спросил Флеминг.

– За ваши услуги и молчание, – сказал он и увидел, как замерло существо перед ним.

– А предостережение?

Голос Флеминга изменился. Легкий дефект речи исчез. Мягкость зазвучала, как зыбучий песок. Гамаш нащупал что-то, но не знал что.

Он лихорадочно принялся вспоминать дело. Лоран, пушка, Вавилонская блудница. Хайуотер. Рут и месье Беливо. Ал Лепаж.

Что еще, что еще?

Убийство Джеральда Булла. Флеминг признался в нем. Гамаш отмел этот пункт как выполненный.

Флеминг смотрел на Гамаша, и в его мозгу зрело понимание, что его собеседник плут, что он сам боится.

Гамаш лихорадочно искал. Гийом Кутюр, истинный отец «Проекта „Вавилон“». Что еще? Мысли путались. Что он упустил?

Какое предостережение возможно в такой ситуации? Что мог совершить человек в заключении?

И тут он вспомнил.

– «Она сидела и плакала», – сказал Гамаш и увидел, как побледнело лицо Флеминга. – Почему вы написали пьесу, Джон? Почему отправили ее Гийому Кутюру? О чем вы думали, человечишко?

Гамаш залез в сумку и с громким хлопком бросил рукопись на металлический стол.

Флеминг разжал руку и похожим на червя пальцем погладил титульный лист. Потом на его лице появилось лукавое выражение.

– Вы не догадываетесь, почему я написал пьесу?

– Если бы не догадался, зачем бы тогда поехал сюда?

– Вы бы не приехали, если бы догадались, – сказал Флеминг. – Я думал, Гийом Кутюр оценит мое творение. Он ведь отдал мне чертежи. Не хотел больше иметь ничего общего с «Проектом „Вавилон“». Мне показалось поэтичным оставить единственное упоминание о том, где хранятся чертежи, у отца проекта, отказавшегося от своего детища. Вы ее читали?

– Пьесу? Читал.

– И?..

– Она прекрасна.

Слова Гамаша удивили Флеминга, и он внимательнее вгляделся в лицо собеседника.

– И опасна, – добавил Гамаш, кладя надежную руку на рукопись и пододвигая ее к себе, чтобы Флеминг не мог до нее дотянуться. – Вам не следовало ее писать, Джон. И уж абсолютно точно не следовало отправлять ее доктору Кутюру.

– Она вас пугает, верно?

– Вы для того ее и сочинили, да? – спросил Гамаш. – Чтобы пугать нас? Вы прислали нам, – он показал на рукопись, словно на змею, – предостережение?

– Напоминание, – ответил Флеминг.

– О чем?

– О том, что я все еще здесь и я знаю.

– Знаете что?

Едва произнеся два последних слова, Гамаш уже пожалел о сделанном. Но было поздно. Он блуждал в темноте, а теперь свалился с обрыва.

Он мог надеяться только на одно: держать Флеминга на поводке догадок, внушать ему, что он, Гамаш, знает больше, чем знает. Что он один из «них». Но последним вопросом он выдал себя.

Охранник прижался спиной к двери, Бовуар побледнел. У Гамаша возникло такое чувство, будто он получил удар в грудь, – такова была сила личности Флеминга. Спинка стула не позволила ему упасть. Если бы не она, то он бы упал и теперь летел, летел. Прямо в ад.

Арману Гамашу и раньше приходилось сталкиваться со злом. Среди скверных мужчин и женщин, которые изгоняли своих демонов, ублажая их. Подкармливая жуткими преступлениями. Но они от этого, конечно же, становились еще чудовищнее.

На сей раз он столкнулся с чем-то иным. Если у «Проекта „Вавилон“» имелся эквивалент во плоти, то это был Джон Флеминг. Оружие массового поражения. Без мысли, без совести.

– Кто вы? – спросил Флеминг.

Взглядом он обшаривал Гамаша, его лицо, горло, грудь. Волосы, одежду, руки. Обручальное кольцо.

– Вы не коп. Они должны представляться. Не журналист. Может быть, профессор, пишущий обо мне книгу? Но нет. Ваши интересы не академические, верно? – Его взгляд ввинтился в Гамаша. – Они личные.

Флеминг откинулся на спинку стула, и Гамаш понял, что проиграл.

Но игра еще не закончилась. Для Флеминга. Его забава только начиналась. Флеминг кокетливо наклонил голову. В его движении было что-то карикатурное.

– Вы смогли проникнуть сюда, значит у вас есть какие-то рычаги. – Он осмотрелся, потом его взгляд снова остановился на Гамаше, изучая его, как изучают бабочку, приколотую к листу картона. – Вы в возрасте, но недостаточном для ухода на покой.

Взгляд Флеминга остановился на виске Гамаша.

– Неприятный шрам. Недавний, но успел зажить. А все же вид у вас здоровый. Даже радушный. Видно, что пасетесь на вольных хлебах.

Флеминг играл с ним, подкалывал его, но Гамаш не реагировал.

– Значит, причина была не в вашем физическом состоянии? – спросил Флеминг, подаваясь к столу. – В эмоциональном. Вам стало невыносимо. Вы сломались. Что-то случилось, а вы оказались недостаточно сильны.

Подвели людей, которые зависели от вас. А потом убежали и спрятались, как ребенок. Вероятно, в той самой деревне. Как там она называлась?

«Не вспомни ее, – безмолвно молился Гамаш. – Не вспомни».

– Три Сосны. – Флеминг улыбнулся. – Милое местечко. Приятное. Оно было словно скала, время шло вокруг него, но не через. Оно не принадлежало этому миру. Вы там живете? Вы поэтому здесь? Потому что Вавилонская блудница потревожила ваше убежище? Осквернила рай? – Флеминг помолчал. – Я помню там одну женщину – сидела у себя на террасе и говорила, что она поэтесса. Ей повезло: в английском языке много слов, рифмующихся с «фак».

Он не просто помнил Три Сосны, каждая деталь навсегда отпечаталась в его памяти.

– Я не единственный заключенный в этой комнате, верно? – спросил Флеминг. – Вы в той деревне как в ловушке. Мужчина средних лет, доживающий свои дни. Вы лежите по ночам без сна и думаете: что дальше? Вы наскучили вашим друзьям? Ваши прежние коллеги вас выносят, но шепчутся у вас за спиной? Ваша жена теряет к вам уважение? А вы держитесь руками за решетки вашей камеры и смотрите на жену из тюрьмы ваших дней? Или вы и ее затащили в узилище?

Джон Флеминг торжествующе смотрел на него. Он таки освежевал Гамаша. И тот лежал перед ним выпотрошенный. И оба знали это.

Флеминга трясло, он излучал злобу такой интенсивности, какой еще не видел Гамаш.

– Мэри Фрейзер, – тихо произнес Гамаш.

Он почувствовал, что сила личности, сидящей напротив него, поколеблена, и воспользовался полученной инерцией.

– Она сейчас в Трех Соснах, – сказал Гамаш. – Вместе с Делормом.

Он швырнул эти слова во Флеминга, а потом усилил их своим телом. Не обращая внимания на пульсацию в голове, он встал и наклонился над столом, упершись руками в холодный металлический стол. Он остановился всего в нескольких дюймах от лица Флеминга.

Флеминг тоже встал, смыкая пространство между ними и практически касаясь носа Гамаша своим. Гамаш ощущал губами его зловонное дыхание в этой притворной близости.

– Мне все равно, – прошептал Флеминг.

Но этим самым Флеминг подтвердил, что знает тех, кого назвал Гамаш, тогда как прежде догадки так и оставались догадками.

– Они знают все, – сказал Гамаш.

– Неправда, – ответил Флеминг. Гамаш не увидел его улыбки из-за

близости, но почувствовал ее. – Тогда вас здесь не было бы. Пушка, может, у вас и есть, но вы не нашли то, что важно. То, что могу найти только я.

– Чертежи, – сказал Гамаш. – Вы взяли их у Булла, после того как убили его в Брюсселе.

Но по реакции Флеминга он понял, что ошибся. Он быстро соображал, стараясь не отвлекаться на лицо Флеминга. Смотрел ему в глаза, чуть не соприкасаясь ресницами.

И тут Гамаш отпрянул, отодвинулся от Флеминга.

– Нет, – сказал он. – У доктора Булла их не было. Они ему ни к чему. Ведь это же были не его чертежи, в конце концов. Их начертил Кутюр. Чертежи никогда не покидали пределов Квебека.

– Уже теплее, – напевным голосом сказал Флеминг, пародируя детскую игру.

И сел.

– Так вот почему вы здесь? – сказал он Гамашу. – У вас есть пушка, но нет чертежей. Забавно, правда? В маленькой деревне столько потайных мест и столько вещей, которые нужно спрятать. Я думаю, уж не рай ли там на самом деле. Или что-то другое? Как должен выглядеть ад? Огонь и сера либо какое-нибудь красивое место в прогалине или долине. Заманивает вас обещанием покоя и защиты, а потом превращается в тюрьму. Веселая бабушка с замком и ключом.

Флеминг изучал Гамаша.

– Я знаю, где находятся чертежи. Вы сумеете найти их и без меня. А может, и не сумеете. А может… – Флеминг замолчал и улыбнулся. – Пока вы переворачиваете камень за камнем, найти чертежи «Проекта „Вавилон“» может кто-то другой. И что тогда?

– Чего вы хотите?

– Вы знаете, чего я хочу. И вы собираетесь дать мне это. Иначе зачем бы вы приехали?

– Вы приняли меня за кого-то другого, – сказал Гамаш. – За человека, которого вы ждали долгие годы. Человека, которого вы боитесь.

Он посмотрел на черно-белую фотографию отцов «Проекта „Вавилон“». Два покойника и один пожизненно заключенный. Но Гамаш понял, что в Брюсселе в тот день находился еще один человек. Иначе и быть не могло.

– Кто вас тогда сфотографировал? – спросил Гамаш.

Флеминг откинулся на спинку стула и скрестил руки на груди. Но что-то изменилось. Пальцы Флеминга сжались на плечах. На лице появилась вымученная язвительная улыбка.

Гамаш нащупал чувствительное место.

– Вы участвовали в «Проекте „Вавилон“», – давил Гамаш. – По приказу человека, который поручил вам присматривать за Джеральдом Буллом. Он и снимал вас. Он был со всеми вами в Брюсселе. Но вы обманули их, Джон, да? Вы сказали им про Хайуотер, а о другой пушке умолчали. Вы убили Булла, когда тот стал слишком опасным, начал болтать, намекать, что есть еще одна пушка. И тогда вы выкрали чертежи и спрятали их. Поверьте мне, Джон, свобода вам не нужна. За этими стенами вас ждет смерть в первый же день. Вы жертва полиомиелита, а здесь ваш аппарат искусственного дыхания.

– Вы думаете, они причинят мне вред? – спросил Флеминг. – Я их творение. Может, я и создал мою собственную Вавилонскую блудницу, но меня создали они. Я им нужен для того, чтобы делать то, чего не могут они.

– Вы им не нужны. Вас выкинули на помойку. Оставили здесь догнивать.

– И сколько же еще я, по вашему мнению, буду догнивать? – спросил Флеминг с ухмылкой, и Гамаш почти почувствовал запах разложения. – Если я ребенок, то какими же могут быть родители? Если я ветка, то представьте себе дерево.

Казалось, эти слова, произнесенные шепотом, на теплом зловонном дыхании попадали прямо в уши Гамаша.

– Все имеет свой смысл под небом[66]. Разве не в это вы верите? – спросил Флеминг. – У меня есть смысл. И у вас тоже. Так что возвращайтесь в вашу миленькую деревеньку со всеми ее тайниками и подумайте о моих словах. А потом я хочу, чтобы вы вернулись и освободили меня, и тогда я отдам вам планы Армагеддона и исчезну. Никогда больше вас не побеспокою. Вы сказали, что я ждал кого-то, и вы не ошиблись. Я ждал вас.

Гамаш встал. Разговор был закончен.

Глава тридцать седьмая

Жан Ги хотел сказать что-нибудь, но не мог найти слова, чтобы хоть как-то поднять настроение. Так что он просто вел машину, а Гамаш смотрел в окно.

Как-то раз шеф сказал ему о поведении горилл перед отражением нападения. Каждая горилла встречала его, подняв голову и глядя на врага. Но время от времени она вытягивала руку и прикасалась к горилле, стоящей рядом. Чтобы убедиться, что она не одна.

Не сводя глаз с дороги, Жан Ги протянул руку и прикоснулся к плечу Гамаша.

Арман повернул голову и улыбнулся Жану Ги.

– Как вы – ничего? – спросил Бовуар.

– А ты? Я-то, по крайней мере, знал, что нас ждет.

– Правда?

– Нет, – признал Арман с усталой улыбкой. – Думал, что знал, но к такому никогда не бываешь готов. И все же кое-что мы смогли узнать. Джеральда Булла убил Флеминг.

– По чьему-то приказу. По приказу «агентства». Тут особых сомнений быть не может: речь идет о КСРБ.

Гамаш кивнул, но как-то рассеянно:

– Может быть. Вероятно. Он определенно знал о Мэри Фрейзер или Делорме.

– Кто-то из них был с ним в Брюсселе? – спросил Бовуар. – Кто-то из них сделал этот снимок, а потом приказал ему убить доктора Булла?

– Я тоже так думал, хотя существуют и другие возможности.

– Профессор Розенблатт, – напомнил Бовуар.

Пожилой ученый, который соприкасался почти со всем, что происходило в прошлом и случилось сегодня. Бовуар скосил глаза на Гамаша – тот сидел прищурившись и смотрел на дорогу, но не на ту, по которой они ехали.

– Есть кто-то еще, patron?

– Есть еще одно лицо, Жан Ги. Еще одна вероятность.

Бовуар перебрал всех, кто замешан в деле и по возрасту мог участвовать в брюссельских событиях в 1990-х.

– Месье Беливо? – спросил он. – Он, кажется, неплохо осведомлен о деле. И по правде говоря, мы о нем почти ничего не знаем. Никто, кроме

Рут, даже не знал его имени.

– Я думал не о нем, – сказал Гамаш. – Я думал об Але Лепаже.

Как только он сказал о своих мыслях, вся картинка логически выстроилась перед Бовуаром. Она казалась такой очевидной, что Бовуар не понимал, как же он раньше не додумался.

Возможно, Фредерик Лоусон пересек границу с помощью Рут и месье Беливо, но еще он смог остаться, устроиться в жизни, стать Алом Лепажем, жениться. Как сумел дезертир, едва избежавший привлечения к суду за военные преступления, преодолеть все препоны, если ему не помогало правительство или одно из правительственных агентств?

Неужели такова была цена за пропуск в Канаду? Неужели время от времени Ал Лепаж выполнял грязную работу, которой брезговало правительство?

Лакост отпустила Лепажа, но поручила агентам вести за домом круглосуточное наблюдение.

– Pardon, – сказал Гамаш, вытаскивая телефон из кармана, где тот, вероятно, начал вибрировать, так как звонка Бовуар не слышал.

Гамаш посмотрел на экран, потом ответил.

– Старший суперинтендант, – сказал он.

– Насколько я понимаю, вы не один, Арман, – произнесла Тереза Брюнель. – У меня для вас новости.

– Oui?

По тону ее голоса вполне можно было предположить, что в лотерею она не выиграла.

– Мне только что звонили из отдела национальных новостей Си-би-си.

Гамаш глубоко вздохнул, беря себя в руки.

Бовуар кинул взгляд на шефа. Тот напрягся, насторожился.

– Продолжайте.

– Да-да, именно то, что вы думаете, – сказала она. – Они разузнали про пушку.

– Что им известно?

– Они знают о «Проекте „Вавилон“», о Джеральде Булле, знают, что пушка находится где-то в Квебеке. Поэтому-то они мне и звонили.

– Но точного места они не знают?

– Пока нет. До шестичасового выпуска новостей они не будут давать никакой информации. А к тому времени могут разузнать все. Но даже если и не разузнают, их сообщение будет подобно взрыву бомбы. Все журналисты начнут копать. И в конечном счете найдут. После их выпуска новостей у вас останется один день. А может, несколько часов.

– Вы можете их остановить? – спросил Гамаш.

– Вы знаете, чем чревата попытка цензурировать прессу, Арман. Я отправила срочный запрос на судебный запрет, но судьи неохотно дают такие запреты. Мы должны исходить из того, что история получит огласку.

Гамаш посмотрел на часы: половина второго.

– Им известно про Гийома Кутюра? – спросил он.

– Нет, но через несколько часов вы узнаете, известно им или нет. Они это очень быстро выяснят. Как только приедут журналисты, кто-нибудь в деревне заговорит. Не могу понять, как информация не просочилась раньше.

Деревня Три Сосны хорошо хранила свои секреты. Но этот вот-вот должен был выплыть на свет божий.

– Merci. – Он отключился. – Останови, пожалуйста, машину.

Бовуар остановился, Гамаш вышел, опустился на колено, одну руку положил на капот, словно его тошнило.

Жан Ги обежал вокруг машины:

– Что с вами?

Гамаш выпрямился и перевел дыхание. Потом пошел куда-то по земляной обочине проселочной дороги.

– Что случилось? – спросил Жан Ги, устремляясь за ним.

Но ему пришлось остановиться, когда Гамаш взмахнул рукой, запрещая следовать за собой.

Бовуар уловил лишь конец разговора шефа, но этого оказалось достаточно, чтобы понять суть.

Арман вернулся к Жану Ги, лицо у него было бледное и измученное.

– У нас есть четыре часа, потом известие о пушке передадут по Си-би-си.

– Черт!

У него скрутило желудок. Они оба знали, как будут развиваться события. Через несколько минут после сообщения весь Интернет наполнится ссылками, загудят социальные сети, другие медиа. Эн-пи-ар, Си-эн-эн, Би-би-си, «Аль-Джазира». Известие о пушке Джеральда Булла распространится по всему свету.

– Они пока не знают о ее местонахождении, – сказал Гамаш. – Они не знают про Три Сосны. Не уверен, знают ли они про Хайуотер. Но так или иначе узнают. А когда это случится…

«Начнется ад кромешный», – подумал Жан Ги.

Бовуар посмотрел на тестя, и у него закружилась голова.

– Бог мой, вы же не думаете…

Но по выражению лица Гамаша можно было понять, что именно об этом он и думает.

– Вы хотите освободить Флеминга? – с трудом выговорил Бовуар.

– Мы должны найти чертежи до выхода новостей. Наша проблема будет не в журналистах и не в любителях диковин. Все торговцы оружием, все наемники, все разведки, все террористические группы и коррумпированные диктаторы узнают о пушке. Эти люди не из числа неопытных авантюристов. Они умны, мотивированы и безжалостны. И они нахлынут сюда. Господи Исусе, ты понимаешь, что случится, если какой-нибудь торговец оружием опередит нас и первым найдет чертежи?

– Всё «если» да «если»! – прокричал в ответ Жан Ги. – Может, ничего такого и не случится. Но мы точно знаем, что случится, если выпустить Флеминга из чистилища. Он станет убивать. Снова и снова.

– Не рассказывай мне о том, что будет делать Флеминг. Ты понятия не имеешь, на что способен этот человек. А я знаю.

– Так скажите мне, бога ради. Что он сделал? На что он способен?

– Он создал Вавилонскую блудницу! – выкрикнул Гамаш.

– Гравировку? Да знаю я!

– Да нет, настоящую! Из своих жертв!

Бовуар отшатнулся. Сделал шаг назад от Гамаша. От слов, которые тот произнес, и от образа, который возник перед его мысленным взором. Образа того, что совершил Флеминг. Того вселенского ужаса, из-за которого процесс закрыли от общества.

– А-а-а-а-а, – вырвалось у Бовуара на выдохе, словно его душа съежилась и вместе с воздухом вышла из тела. – И дети?

– Все. Все семь жертв, – сказал Гамаш и снова согнулся, уперев руки в колени.

Бовуар рухнул на колени. Он смотрел на Гамаша, который пытался перевести дыхание. Груз, который нес на своих плечах этот человек, нельзя было вообразить. Ходили слухи о какой-то записи. Гамаш стоял в том зале судебных заседаний, вбирая в себя то, чего не должны были знать другие граждане. Ради всех пожертвовали несколькими.

Гамаш неуверенно выпрямился и наконец встал во весь рост. В нем чувствовалась решимость.

– Если бы был какой-то другой способ, Жан Ги…

– Его нельзя выпускать. Я вас прошу. – Бовуар, все еще стоявший на коленях, поднял руки к Гамашу. – Никакой пользы не будет. Вполне возможно, что он лгал вам. Может, он и не знает, где чертежи. – Бовуар вскочил на ноги, переполненный злостью. – Вы находились слишком

близко от него и не видели. Он играл с вами, морочил вам голову.

– Ты думаешь, я не знаю? – прокричал Гамаш. – Не знаю, что он, вероятно, лгал? И даже если ему известно, где чертежи, то нам он почти наверняка не скажет. Я все знаю.

– Тогда зачем же идти на такой риск? Зачем даже рассматривать такую возможность?

– Что случится, если мы оставим Флеминга в тюрьме, а чертежи найдет другой торговец оружием?

Он уставился на Бовуара, бросая ему вызов. Побуждая встать на то место, на котором стоял сам Гамаш. На всех ветрах.

Они стояли, разделенные несколькими шагами, и смотрели друг на друга.

– Ты думаешь, я хочу освобождать Флеминга? – прорычал Гамаш. – Хочу привести его в Три Сосны? Да у меня от одной только мысли о нем вся душа переворачивается. Но видимо, у нас нет выбора. Флеминг, возможно, не скажет нам, где хранятся чертежи. И у него появится возможность бежать. Но я не знаю, где находятся чертежи. И ты не знаешь. Господь свидетель, чего я только не предпринимал, чтобы их найти!

– И Флеминг, возможно, тоже ничего не знает. Он готов врать что угодно, лишь бы выбраться оттуда.

– Но не исключено. Не исключено, что и знает. Возможно, он наша единственная надежда.

Бовуар в ужасе посмотрел на Гамаша:

– Вы возлагаете надежды на это существо. Что, если следующие жизни, которые он заберет, будут жизнями мадам Гамаш, или Анни, или ваших внучек? Вы и в этом случае будете сохранять такую же беспечность?

– Беспечность? Ты думаешь, я беспечный? Если чертежи найдем не мы, ты хоть представляешь, сколько жен и мужей, детей и внуков погибнут? Десятки тысяч. А может, и сотни. Никто не будет в безопасности!

Это было несоразмерное уравнение, и Гамаш выглядел так, будто вот-вот потеряет сознание. Ему приходилось всерьез обдумывать возможность пособничества убийце ради большего блага.

Мэри Фрейзер ошибалась, давая характеристику Гамашу. Он делал трудный выбор прежде и не отказывался от этого теперь. Пойти на возможную гибель нескольких человек ради спасения многих. Эти решения разрывали на части его душу, и он отполз в Три Сосны, чтобы исцелиться. Но, как выяснилось, не для того, чтобы спрятаться.

Бовуар открыл рот, тяжело дыша и глядя, как загнанная лошадь.

– Анни беременна, Арман.

Потребовалось несколько мгновений, прежде чем эти слова проникли сквозь оборону Гамаша, сквозь охватившую его панику. Но потом плечи его опустились, лицо смягчилось.

И он все понял.

– Боже мой, – прошептал он.

Быстрыми, широкими шагами он преодолел расстояние между ними и обнял Жана Ги, прижал к себе рыдающего зятя.

– Мы найдем чертежи, – повторял он снова и снова, пока Жан Ги не успокоился. – Мы их найдем.

Хотя он и не знал как.

Остальную часть дороги за рулем сидел Арман, давая Жану Ги возможность отдохнуть и поговорить об ожидаемом ребенке. И об Анни.

– Пожалуйста, не говорите мадам Гамаш, – сказал Жан Ги. – Анни меня убьет. Она хочет сообщить сама.

– Не скажу, но только вы уж поторопитесь, иначе она как-нибудь выудит это из меня. Она такая хитрая.

За разговорами о радостной новости Гамаш почти забыл об их ситуации, о том, что их ждет. Через несколько миль пути они снова погрузились в молчание.

Гамаш вернулся к своему разговору с Флемингом, попытался сосредоточиться на нем.

– Флеминг признал, что знает Мэри Фрейзер и Шона Делорма, – сказал он, и Бовуар кивнул.

Жан Ги тоже мысленно вернулся к разговору Гамаша с заключенным. Его подстегивало растущее волнение, неустанное тиканье часов и осознание чудовищности преступлений, совершенных Флемингом.

– Но он сказал что-то важное, – проговорил Гамаш. – Мне тогда показалось, что те его слова нужно запомнить, а потом я их забыл.

– Введение в заблуждение, – сказал Бовуар. – Флеминг, вероятно, почувствовал, что проговорился, и попытался спрятать сказанное под кучей всякой ерунды.

– Но что это было? – спросил Гамаш.

Они принялись вспоминать. Ал Лепаж. Брюссель. Агентство. Что там сказал Флеминг?

Жан Ги вспомнил первым. Слова, произнесенные не Флемингом, а Гамашем.

– Пьеса, – сказал он. – Вы упомянули пьесу и положили рукопись на

стол. Помните?

– Да, – ответил Гамаш. – Он спросил, прочел ли я ее.

– Вы сказали, что пьеса прекрасна, и он удивился. Но там было что-то еще.

Бовуар дотянулся до заднего сиденья, взял сумку и вытащил зачитанную грязную рукопись.

– Он прикоснулся к ней и сказал, что если бы вы ее поняли, то вам не потребовалось бы приезжать к нему.

– Да. Да, – сказал Гамаш. – Нам не потребовалось бы ехать к нему, потому что мы сами получили бы ответ.

– Тайник, где спрятаны чертежи, указан в этой треклятой пьесе, – сказал Бовуар, глядя на рукопись «Она сидела и плакала». – Вы ее читали, и я ее читал. Я не помню ни слова о чертежах или бумагах. Или вообще о чем-нибудь спрятанном. А вы?

Гамаш задумался, вспоминая. Действие в пьесе разворачивалось в пансионе. Главный герой – неудачник, постоянно выигрывающий в лотерею. Но он теряет все деньги и возвращается на прежнее место. Потом снова выигрывает. И снова все теряет. Переживания его были мучительны, но переданы достоверно и точно, а местами очень забавно.

– Выигрышный билет не прятали и не теряли? – спросил Бовуар.

Гамаш покачал головой:

– Нет, он носил его на цепочке на шее, помнишь? Там, где прежде у него висело распятие.

– Черт. Что же еще? Что еще? Ключи никто не терял? Или перчатку? Или что-нибудь?

Бовуар раскрыл наугад рукопись, ощущая растущее напряжение.

– Позвони Изабель, сообщи ей о шестичасовом выпуске новостей Си-би-си и скажи, пусть соберет все имеющиеся экземпляры пьесы.

– Один есть у Мэри Фрейзер и Шона Делорма, – напомнил ему Бовуар, слыша гудки в трубке.

– Бог с ними, – сказал Гамаш. – Если они читали пьесу Флеминга, то тоже упустили наводку. Пусть тот экземпляр у них и остается.

Лакост сняла трубку, Бовуар включил громкую связь и ввел ее в курс дела.

– Я знаю о шестичасовых новостях, – сказала она. – У меня был профессор Розенблатт, ему позвонил какой-то журналист и спросил про суперорудие. Они явно уже провели какое-то расследование, если знают, что он эксперт в этой области.

– И что он им сказал? – спросил Бовуар.

– Сказал, что давно на пенсии, а доктора Булла много лет как нет в живых. Они спрашивали о найденном «Проекте „Вавилон“», а он ответил, что это маловероятно, поскольку такая пушка, скорее всего, никогда не была построена и в любом случае не могла бы работать.

– И они приняли его слова за чистую монету?

– Отнюдь, – ответила Лакост. – Профессор опасается, что он, возможно, лишь ухудшил ситуацию, отрицая то, что им уже достоверно известно.

– Не думаю, что на данном этапе что-то можно ухудшить, – сказал Бовуар.

– Но хорошая новость состоит в том, что пока они не знают, где находится пушка, и я подозреваю, они для начала нацелятся на Хайуотер. А может, на том и остановятся.

Но все они прекрасно понимали, что благополучного исхода ждать не приходится.

– Нужно собрать все экземпляры пьесы. Но не трогать ту, что у агентов КСРБ.

– Я поручу Коэну, – сказала она.

– Нет, – вмешался Гамаш. – Не Коэну. У тебя есть другой агент?

– Есть, – настороженно ответила она. – А почему?

– Я хочу, чтобы Коэн оставался в оперативном штабе. Ты не возражаешь? Когда приедем, все объясню.

Они разъединились, и Бовуар уставился на телефон, не осмеливаясь взглянуть на тестя. Он знал, зачем Коэн нужен Гамашу в оперативном штабе.

Шеф решился на что-то опасное.

Глава тридцать восьмая

– Это безумие. – После напряженной паузы Изабель Лакост добавила: – Сэр. Даже если нам удастся вытащить Флеминга из ЗООП и доставить сюда, это будет все равно что выпустить чуму из пробирки.

– У нас есть… – Гамаш посмотрел на часы на стене вокзала, – три часа и пять минут до выпуска новостей, и тогда пути назад уже не будет. Чтобы доехать до ЗООП, нужно два часа. Агент Коэн должен ехать немедленно.

– Насчет времени я понимаю, patron, – сказала Лакост. – Но я не могу понять, в здравом ли вы уме. Я понимаю риски, очень даже хорошо понимаю. Но я согласна с инспектором Бовуаром. Вероятность того, что Флеминг лжет, очень высока. Он, возможно, понятия не имеет, где находятся чертежи. И что тогда? Торговцы оружием все равно смогут найти чертежи прежде нас, а Джон Флеминг, бежав, определенно пойдет на убийство. А он убежит – в этом сомнений нет. И знаете, кто станет первой жертвой?

Они посмотрели на агента Коэна, который наблюдал за ними из другого конца помещения. Он опустил глаза и сделал вид, что снимает пушинку с брюк.

– Сделать это необходимо, – сказал Гамаш. – Ты знаешь, что произойдет, если кто-то другой найдет чертежи «Проекта „Вавилон“». Флеминг покажется мультипликационным персонажем в сравнении с тем, что случится. – Он кинул взгляд на Адама Коэна. – Если бы вместо него мог поехать я, я бы поехал. Но только Адам может сделать то, что нам необходимо. Только он может вытащить Флеминга. Он проработал там полтора года. Он знает ЗООП, знает охранников и систему. Мне это не доставляет удовольствия, но задание должен выполнить он. Это неизбежно, Изабель.

Гамаш пытался скрыть раздражение. Годами, десятилетиями он совещался со своей командой, но окончательное решение всегда принадлежало ему. Однако теперь ему требовалось согласие Изабель и ее содействие.

– Вы говорите о том, чтобы вывезти из ЗООП Джона Флеминга? – спросил Адам Коэн, направляясь к ним. – Извините, но я слышал.

Они взглянули на молодого человека, и Гамаш шагнул к нему:

– Ты бы смог это сделать?

Коэн подумал, потом кивнул:

– Пожалуй.

Он смотрел на них решительно, готовый выполнить задание. Глаза у него были расширены, зрачки увеличились, кожа не то что побледнела – посерела. Они видели перед собой человека, собравшегося прыгнуть в пропасть в надежде, что у него мигом отрастут крылья.

– Извините, сэр, но вы уверены, что это такая уж хорошая мысль?

– Нам необходимо знать, считаешь ли ты это возможным, – успокаивающе сказал Гамаш. – Пока еще решение не принято.

– Но Джон Флеминг, – произнес Коэн. – Он не… – Подходящее слово никак не находилось. – Он же ненормальный человек.

Такое преуменьшение было чуть ли не забавным. Но выражение ужаса на лице молодого человека не давало ни малейшего повода для веселья.

– Позвольте, я поеду с ним, – сказал Бовуар. – Одного его нельзя отпускать.

– Извините, что снова вмешиваюсь, – опять вмешался Коэн. – В системе безопасности ЗООП есть один недостаток. Нас готовили к подавлению беспорядков, пресечению побегов. Но не ко вторжению снаружи. Так что может и получиться. Но должен быть человек, которого они знают и которому доверяют. Кто-то, от кого они не ждут ни малейших неприятностей. Я. Один.

Его язык говорил одно, а глаза умоляли не соглашаться с его доводами. Не посылать его туда вообще. И определенно не посылать одного.

– Извини нас, – сказала Лакост агенту Коэну с преувеличенной вежливостью и попросила остальных уйти с нею вглубь помещения. – Мы должны принять решение.

Она посмотрела на Гамаша, на Бовуара. Скользнула взглядом по агенту Коэну, потом – по часам.

– Ну хорошо. Давайте отправим его в ЗООП. Как вы сказали, ему потребуется два часа, чтобы туда добраться, а до передачи остается три. Мы можем отложить решение по Флемингу на более поздний час, но, по крайней мере, агент Коэн будет уже на месте.

Гамаш и Бовуар кивнули, и Изабель Лакост вернулась к Адаму Коэну.

– Задание не санкционировано сверху, – сказала она. – Если ты едешь, то должен отдавать себе отчет в том, что почти наверняка случится. Даже если удача будет нам сопутствовать, если ты увезешь Флеминга, а потом вернешь его на место, мы будем уволены и, вероятно, нам предъявят обвинения. Ты понимаешь?

– У моего дядюшки палатка по продаже poutine[67], так что работа для всех нас там найдется, – сказал Коэн.

Он произнес это с такой искренностью, что Бовуар даже подумал, уж не всерьез ли он. Бовуар не знал, плакать ему или смеяться. Или же сказать всю правду. Молодой Адам Коэн вполне может потерять не только работу, но и нечто большее.

Старший инспектор Лакост написала доверенность на бланке Квебекской полиции и вручила его агенту Коэну. Потом они проводили его до машины.

– Если я не перезвоню тебе до шести, ты должен будешь войти в ЗООП. Ты меня понимаешь? – спросила старший инспектор Лакост. – В это время про историю Джеральда Булла будут говорить по Си-би-си.

– Да, сэр. Мадам.

– Боже мой, – прошептал Бовуар.

– Все будет в порядке, сынок, – сказал Арман. – Ни о чем не говори Флемингу. Ни имени своего, ни куда его везешь. Ничего. Он попытается завязать с тобой разговор, но ты не обращай внимания. – Он протянул руку. – Шалом алейхем.

Адам Коэн посмотрел на него удивленным, но довольным взглядом и пожал руку Гамашу:

– И вам мир, сэр. Откуда вы знаете?

– Меня воспитывала моя еврейская бабушка, – ответил Гамаш.

– Безрат ашем, – сказал Коэн.

Он отпустил руку Гамаша и направился к машине.

– Что он вам сказал? – спросил Бовуар.

– Он сказал: «С Божьей помощью», – ответил Гамаш.

– Я не думаю, что Бог имеет какое-то отношение к происходящему, – сказала Лакост. – Если о тайнике и в самом деле говорится где-то в пьесе, то мы должны быстро и внимательно ее просмотреть.

– Я думал об этом, – сказал Гамаш. – Мы с Жаном Ги ее прочитали, но так ничего и не обнаружили.

– Нужен незамыленный глаз, – заметила Лакост. – Хотите я прочитаю?

– Нет, я хочу, чтобы ее прочитала вся деревня, – сказал Гамаш. – Ведь пьесу предполагалось играть.

– Мы будем играть пьесу? – спросил Бовуар. – Постойте. Нет проблем. Матушка сделает костюмы, и мы можем воспользоваться сараем дядюшки Неда.

– Успокойся, Энди Харди[68], – сказал Гамаш. – Я имел в виду громкое чтение. Нам нужны люди, которые будут читать, а мы будем слушать.

– Неплохая идея, – одобрила Лакост. – Но на это уйдет время. Не меньше полутора часов, а мы еще не начинали. К тому времени будет почти

шесть. Если вы ошибаетесь…

– Если мы ошибаемся, агент Коэн как раз будет уже на месте, – напомнил Гамаш.

– Что ж, может, и получится, – сказала Лакост. – Ведь такие вещи имеют обычно хороший конец, правда?

Гамаш хрипловато хохотнул:

– Всегда.

Он быстро зашагал в деревню.

– Я думаю, сделать это нужно у нас дома. Обстановка более приватная. Я позову несколько человек, которым можно доверять. В чем дело?

Он остановился, заметив ее неуверенность.

– А кому мы можем доверять? – спросила она.

– Ты о чем?

– Позвольте задать вопрос, – сказала Лакост. – Если бы кто-то приехал в Три Сосны две недели назад и увидел, как вы выгуливаете Анри или сидите на веранде с мадам Гамаш, этот человек догадался бы, кем вы были и что сделали?

Он слегка улыбнулся. В ее словах имелся резон.

Кто мог знать, что Мирна не всегда хозяйничала в своем книжном магазине, а прежде была известным психотерапевтом в Монреале? Кто мог знать, что женщина с крошками в волосах – выдающаяся художница?

Сколько людей в Трех Соснах проживали свои вторые или третьи жизни? У людей были не только тайники души, но и тайное прошлое, тайные намерения.

Кому можно доверять безусловно?

Жан Ги спрашивал про месье Беливо. Казалось невероятным, чтобы этот человек мог что-то скрывать, но разве не было еще более невероятным то, что тихий человек, выгуливающий овчарку с необычными ушами, прежде зарабатывал себе на жизнь поиском убийц? А дюжий огородник, проповедник экологически чистой пищи, был военным преступником?

– Кто-то из них убил Лорана, – напомнила ему Лакост. – И Антуанетту. Кто-то из них не тот, за кого себя выдает.

– И тем не менее, – сказал Гамаш, – у нас нет выбора. Нам нужна помощь. Нам нужна их помощь, – сказал он, показывая на деревню.

Он ждал, пока старший инспектор Лакост не кивнула в знак согласия, и тогда он поспешил через мост.

– Я возьму рукописи, – сказал Бовуар. – Ты идешь?

Изабель Лакост стояла неподвижно. Потом посмотрела ему в глаза и покачала головой:

– Нет, я думаю, вас с шефом будет достаточно. – Она посмотрела на свой компьютер, на котором, как и на компьютере Бовуара, скрин-сейвер крутил фотографии Лорана и Антуанетты. – У меня здесь работа. Вы ищите чертежи, а я буду искать убийцу. Нас отвлекла пушка. Еще одно введение в заблуждение, и я повелась на него.

– Не такое уж введение в заблуждение, – возразил Бовуар. – Лорана убили не потому, что он был Лоран, а потому, что он нашел пушку, а Антуанетту – потому, что пушку сконструировал ее дядюшка. В центре всего, что случилось, находится пушка.

– Верно, но цель поиска сместилась в сторону чертежей, и мы забыли об убийце. А он где-то здесь. – Она ткнула пальцем в досье на ее столе. – Мэри Фрейзер сказала, что мы не понимаем ее мира, и она права. Вот мир, который мы понимаем. Вот чем я должна была заниматься все время. Допросы, результаты работы криминалистов. Такое ощущение, что мы топчемся на месте.

– Безрат хашем, – сказал он и вышел, а Лакост открыла дело и погрузилась в чтение.

К истине вела не одна дорога.

В первую очередь Арман зашел в книжный магазин. Там он увидел Рут, Мирну и Клару и всех пригласил к себе. Он выражался туманно, и их снедало любопытство. Идеальное сочетание.

Затем он зашел в бистро, где Брайан пил пиво с Габри. Гамаш, поколебавшись, пригласил обоих. Да, Брайан входит в число подозреваемых, но он к тому же их самая главная фигура: он знает пьесу от корки до корки.

– И прихватите Оливье, – бросил Арман через плечо, направляясь к двери.

Но тут он увидел в углу профессора Розенблатта и махнул ему рукой.

– Что происходит? – спросил профессор, когда Гамаш подошел к его столу. И, понизив голос: – Это как-то связано с выходом новостей по Си-би-си?

Гамаш был недоволен собой. Он так сосредоточился на тех, кого следует пригласить, что толком не оглядел зал, чтобы отсеять тех, кого приглашать не следует. Розенблатт, без сомнений, в прошлом профессорствовал. Их проверка подтвердила это. Но Гамаш был вовсе не уверен, что профессор не занимался чем-нибудь еще. Точно так же Мэри Фрейзер и Шон Делорм не были канцелярскими крысами – они делали работу поважнее.

– Я могу быть вам полезен? – спросил пожилой профессор.

– Non, merci. Думаю, мы решили проблему.

Розенблатт посмотрел на него, потом оглядел бистро, людей, разговаривающих за выпивкой.

– Они и представить себе не могут, что обрушится на них, когда обнаружение пушки станет достоянием гласности.

– Никому из нас не дано знать будущего, – сказал Гамаш.

Он намеренно удовлетворился шаблонным ответом. Хотел поскорее уйти, не терять попусту драгоценное время на бесполезные эзотерические разговоры.

– Ну, я думаю, кое-кому дано. Вы так не считаете?

Что-то в голосе ученого заставило Гамаша поменять решение. Он посмотрел на Розенблатта:

– Что вы имеете в виду?

– Что некоторые могут предсказывать будущее, поскольку сами его творят, – ответил Розенблатт. – Нет, я говорю не о добре. Мы не в силах заставить нас полюбить, даже хотя бы посочувствовать нам. Но в наших силах сделать так, чтобы нас ненавидели. Мы не можем быть уверены, что нас примут на работу, но мы можем сделать так, чтобы нас уволили. – Он поставил стакан с сидром и посмотрел на Гамаша. – Мы не можем быть уверены, что выиграем войну. Но проиграть ее можем легко.

Гамаш стоял неподвижно, вглядываясь в ученого. Наконец он сел.

– Многие совершают ошибку, полагая, что войны выигрывает оружие, – сказал Розенблатт словно для себя самого. – Но на самом деле – идеи. Лучшие идеи побеждают.

– Тогда зачем убивать человека, генерирующего такие идеи? – спросил Гамаш. – Насколько я понимаю, мы ведем речь о Джеральде Булле. Кто-то считал его гением и убил выстрелом в голову.

– Вы сами знаете ответ. Чтобы его не заполучил кто-то другой. То, что он находился на нашей стороне, не гарантировало нам победу, но попади он к врагу, наше поражение было бы гарантировано.

– И когда вам стало ясно, что вы ошиблись? – спросил Гамаш.

– Мне?

– Это просто оборот речи, месье. Я ничего в него не вкладываю.

– Конечно.

– Когда стало ясно, что убили не того человека? – спросил Гамаш. – Что Джеральд Булл вовсе не генерировал идеи, а был ложной ширмой?

– Ага, вот здесь мы имеем дело с проблемой. Большой проблемой. Очень большой. И эту проблему необходимо было решить.

– Вы говорите именно то, что я думаю? – спросил Гамаш.

Майкл Розенблатт еще никогда не подходил так близко к признанию своего участия в убийстве Булла. И не только.

– Я ничего не говорю. Я старик, который и одеться-то толком не может.

Он посмотрел на свою растрепанную одежду.

– Вы и ваша одежда – вещи разные, – заметил Гамаш. – Одежда – прикрытие наготы. Может, даже маскарад.

– Я рад, что вы так считаете. – На лице Розенблатта появилось радостное выражение, но он тут же посерьезнел. – Вы считаете, я имею к тем делам какое-то отношение? Я сидел тут и размышлял о том, что случится, если чертежи будут найдены. Обо всех потерянных жизнях. Мне кажется, только очень старые люди могут по-настоящему понять, как ужасно умереть раньше времени. – Он наклонился над столом к Гамашу. – В таких вещах я никогда не смог бы участвовать.

– Разве что ради спасения еще большего числа жизней, – предположил Гамаш.

– Может быть, старики и живут для того. Чтобы принимать решения, которые не может принять ни один молодой. – Он внимательно смотрел на Гамаша. – Или которые ему следовало бы принять. Я по возрасту гожусь вам в отцы. Я бы хотел быть вашим отцом. Может быть, тогда вы бы мне доверяли. Своих детей у меня нет.

– А Дэвид? Внук?

Розенблатт не ответил, и Гамаш кивнул:

– Выдумка?

– Я обнаружил, что люди с меньшим подозрением относятся к дедушкам, – признался Розенблатт. – И поэтому придумал Дэвида. Но я так часто говорил про него, что он стал для меня как живой. Такой тощий, темноволосый, пахнет мылом «Айвори» и жевательной резинкой – я даю ему за спиной матери. Случаются дни, когда он для меня реальнее, чем некоторые живые люди.

Майкл Розенблатт посмотрел на свои руки.

– Треклятая пушка в лесу – реальность, а мой внук – нет. Что за мир?

Арман Гамаш взглянул на тикающие часы:

– Я должен сказать вам кое-что. Сегодня утром я говорил с Джоном Флемингом.

Розенблатт навострил уши и замер.

– Я знаю, что он работал с Джеральдом Буллом, – сказал Гамаш. – Знаю, что он побывал здесь, в Трех Соснах. Знаю, что он был в Брюсселе с

доктором Буллом и Гийомом Кутюром. И что он убил Булла. Но я уверен, что не он был инициатором убийства.

Гамаш еще раз вытащил старую фотографию с тремя мужчинами, с этой нечестивой троицей.

– Я уже показывал ее вам. Вот доктор Булл, вот доктор Кутюр, вот Джон Флеминг. Но в тот день там был кто-то еще. Человек, который сделал снимок и заказал убийство Джеральда Булла.

– Не я.

– Может – да, а может – нет.

– То, что вы думаете, не имеет никакого значения. Давно минувшие дни. Дело сделано.

– Не сделано, – возразил Гамаш, не повышая, а понижая голос, переходя чуть ли не на хрип. – То, что случилось в Трех Соснах, – прямое следствие принятого в тот день решения. Война не была выиграна, она перешла в спящий режим. А теперь вспыхнула вновь.

– Вы должны понять… – начал Розенблатт.

– Мне нужны не оправдания, а четкие ответы. Кто был там в тот день? Кто сделал снимок? Вы? Кто стоял за всем этим?

– Не я, – выпалил Розенблатт. – Клянусь вам. Если бы я мог вам что-то сказать, я бы сказал. Мне становится нехорошо от одной только мысли о том, что случится, если чертежи попадут в чьи-то руки.

– Сюда приедет Джон Флеминг, – сказал Гамаш, с трудом возвращаясь к нормальному тембру голоса. Он взял фотографию и встал.

– Что?

– Если мы не найдем чертежей до шести часов, его привезут сюда. И все станет ясно. С чертежами и со всем остальным.

– Это невозможно, – сказал Розенблатт. – Он не человек – чудовище.

– Oui. Рукотворное. И кому же пришла в голову идея создать его?

Глава тридцать девятая

Они расселись полукругом в гостиной Гамаша. К счастью, действующих лиц в пьесе было немного. Несколько человек, живущих в пансионе, домохозяйка и владелец хозяйственного магазина по соседству.

– Вы хотите, чтобы мы читали вслух? – спросил месье Беливо, держа рукопись так, словно она была написана мочой.

– Вообще-то, мне нравится ваша мысль, – сказал Габри.

– Еще бы тебе не нравилась, – заметила Клара.

– Да нет, правда. Я помню со своих сценических времен… – он сделал театральную паузу, приглашая всех сделать какое-нибудь издевательское замечание, но по какой-то причине молчание казалось еще более оскорбительным, – что слова могут приобретать иной смысл, когда их снимает с бумаги и произносит хороший актер.

– Вот кого нам не хватает, – сказала Рут.

– Ну, терять нам нечего, – сказал Оливье.

– Что верно, то верно, – сказала Мирна.

Но Гамаш и Бовуар знали, что это не так. Они могли потерять самое драгоценное, что у них есть. Время. Чтение закончится в половине шестого. Ни для чего другого времени не останется.

Арман в общих чертах объяснил им, зачем их пригласил. Они распределили роли, оставив Гамаша и Бовуара публикой, и начали чтение.

Некоторые, вроде Рут, просто зачитывали свои реплики, а другие, как Клара, вживались в роли. Габри, который позволил уговорить себя на главную мужскую роль, кидал на Клару раздраженные взгляды, когда стало ясно, что у нее скрытый талант.

Еще одним открытием стал месье Беливо, который начал довольно скованно, но, вдохновленный успехом Клары, тоже не ударил в грязь лицом и ко второму акту смешил всех в роли нелепого владельца хозяйственного магазина, у которого имелось все, кроме того, что по-настоящему требовалось другим персонажам. Молоко. Все персонажи заходили в магазин в поисках молока.

Это стало лейтмотивом пьесы.

Но вот о чем не говорилось вообще, так это о местонахождении чертежей.

Когда голоса смолкли и в комнате воцарилась тишина, чтецы посмотрели на Армана и Жана Ги, которые сидели, подавшись вперед, в

надежде уловить одно важное слово или фразу.

Но все слова произнесены. Пьеса кончилась.

Гамаш вытащил телефон, который показывал точное время: пять двадцать три. Оставалось тридцать семь минут.

Он посмотрел на Брайана:

– Что-нибудь?

– К сожалению, ничего.

– Кто-нибудь?

Все отрицательно покачали головами.

Гамаш поднялся и искренне их поблагодарил.

– Вам нужно кое-что узнать, – сказал он. Он сомневался, стоит ли говорить им о шестичасовом выпуске новостей по Си-би-си, но решил, что они все равно узнают. – Си-би-си вот-вот должна передать историю про найденную пушку Джеральда Булла.

Они посмотрели на него удивленным, но не потрясенным взглядом.

– И что это значит? – спросила Мирна.

– Они пока не знают, где находится пушка, – сказал Гамаш и увидел облегчение на их лицах. – Но это вопрос времени. А когда узнают, то все нахлынут сюда.

– Все? – спросила Мирна. – Кто такие – «все»? Журналисты – да. А кто еще?

– Люди, которые ищут чертежи, – сказал Гамаш. – Вот почему мы пригласили вас сюда и вот почему мы должны найти их первыми. Вы только что прочли пьесу. Большинство из вас – впервые. Если вам что-то придет в голову позднее, прошу вас, сразу же дайте нам знать. И конечно, очень важно, чтобы вы никому больше об этом не говорили. Жан Ги?

Он пригласил Бовуара в кабинет и закрыл дверь.

Габри направился в гостиницу, Оливье поспешил в бистро, которое к этому времени обычно наполнялось клиентами.

Брайан помог Рейн-Мари убрать кружки из-под кофе, Клара и Мирна расставили по местам стулья. А Рут не делала ничего.

– Позвольте позаимствовать ее? – спросил месье Беливо с преувеличенной вежливостью, указывая на Рут.

Рут встала:

– Стоит ли спрашивать у них? Я их даже не знаю.

– У нас правило: проданный товар обратно не принимается, – предупредила его Клара.

– И она уже была сломана, когда мы ее нашли, – сказала Мирна, забирая стул, на котором сидела старая поэтесса.

Рут смерила их сердитым взглядом, а месье Беливо немного растерялся.

– Я знаю, – сказал он наконец. – Кажется, я присутствовал там, когда это случилось.

Два пожилых человека ушли, оставив Клару и Мирну в недоумении.

Габри стоял в дверях маленькой библиотеки в самом конце гостиницы и смотрел.

То, что он видел, было таким обычным и в то же время привлекало внимание.

Мэри Фрейзер читала.

Вот в чем дело. Просто сидела, глядя на свои колени. Не на книгу, а на рукопись. Рукопись.

В этом не было абсолютно ничего примечательного. Кроме той напряженности, с которой она вглядывалась в страницу.

Шон Делорм сидел в «ушастом» кресле, наблюдал за ней, изучал ее так же, как она изучала пьесу.

Потом он поднял глаза на Габри. Поднялся и медленно, целеустремленно направился к нему.

Габри сделал шаг назад, когда этот прежде ничем не примечательный, скучный человек подошел к нему. Никакого оружия в его руках не было, даже выражение лица было не угрожающее, но Габри почувствовал, как учащенно забилось его сердце. Шон Делорм остановился у дверей, и они уставились друг на друга через порог.

Делорм медленно, без слов закрыл дверь до щелчка. Потом раздался другой звук – запираемой задвижки.

Габри уставился на деревянную дверь. Последнее видение маленькой библиотеки запечатлелось в его памяти. Темные глаза Делорма, а позади него – Мэри Фрейзер за чтением. Читала она так, будто от этого зависела ее жизнь.

Бовуар из кабинета позвонил в оперативный штаб Лакост.

Она подтвердила, что Коэн доехал до ЗООП:

– Сидит в машине, ждет.

– Хорошо, – сказал Бовуар, хотя ничего хорошего не чувствовал. – Что-нибудь в документах?

– Нет, пока ничего, – сказала она и, повесив трубку, вернулась к своему занятию.

Антуанетту Леметр убил либо кто-то, кого она сама пригласила к себе,

либо грабитель, не ждавший появления хозяйки. Убийца знал о «Проекте „Вавилон“» и знал, что Брайан останется в Монреале. Еще он знал, что ее дядюшка – Гийом Кутюр и что доктор Кутюр был главным конструктором Джеральда Булла. Возможно, убийца даже знал, что Кутюр был практически отцом «Проекта „Вавилон“».

Человек, который считал, что чертежи спрятаны в ее доме, и, возможно, искал их долгие годы.

Пушку теперь продать уже было нельзя. Но чертежи – можно.

Лакост остановила ход своих мыслей.

Опять ее отвлекли эти проклятые чертежи! Она тяжело вздохнула.

И все же она подошла близко, прежде чем уйти в сторону. Где она сбилась с пути логики?

«Ладно, – сказала она себе. – Хорошо, забудем пока про убийство Антуанетты и вернемся к первому. К смерти Лорана».

Она сама находилась в бистро, когда прибежал мальчик с очередной своей нелепой историей, очевидной игрой его воображения.

Изабель Лакост попыталась вспомнить, что говорил и делал мальчик.

Лоран вбежал и бросился прямо к их столу, он был возбужден, нес что-то про громадную пушку в лесу. И про монстра на ней.

Когда никто не обратил на него внимания, Лоран схватил Гамаша за руку и потащил за собой.

Но шеф отвез его домой. В машине Лоран занимал его историями о пушке, о крылатых монстрах, нашествии марсиан и всем-всем, что производила его богатая фантазия.

А через день Лорана нашли мертвым.

Кому еще он успел рассказать? Родителям? Отцу? А его отец был единственным человеком, который должен был понять, что его слова не выдумка, хотя Лепаж и клялся, будто не знал, чем там занимаются доктор Булл и другие. Что это было с его стороны – еще одна ложь в жизни, которая сама по себе являлась выдумкой? Неужели он убил собственного сына, чтобы заткнуть ему рот, потому что понимал: если пушку с ее гравировкой найдут, начнут копать и тогда, наверное, откопают Фредерика Лоусона.

Неужели так все и было? Или Лоран наткнулся на кого-то другого, после того как Гамаш высадил его? На кого-то, кто сразу понял, что Лоран говорит правду? И тот, другой, попросил Лорана показать ему пушку и убил его там же, а потом оставил тело мальчика у обочины дороги, попытался придать его смерти вид несчастного случая.

Что-то ускользало от ее внимания. Или она неправильно

интерпретировала факты. Чего-то не замечала.

И тут позвонил Бовуар и сообщил, что в пьесе ничего не нашлось. Сердце у Изабель упало. Пьеса была не единственной их надеждой, но лучшей.

Она снова вернулась к делу, стала перечитывать документы.

И заставила себя остановиться. Она знала дело. Только что освежила его в памяти. Теперь пришло время воспользоваться мозгами. Изабель Лакост закрыла папку, повернулась в кресле и уставилась в окно. Заставляя себя делать одно-единственное, самое важное: думать.

Из бистро позвонил Габри, попросил Гамаша прийти к нему, и Бовуар остался один в кабинете.

Жан Ги не собирался совать нос в чужие дела, но его глаза невольно остановились на стопках бумаг на столе Гамаша, стопках писем. Предложений. Наверху лежало письмо из ООН с предложением возглавить их полицейское подразделение с приоритетным направлением Гаити.

Сердце Жана Ги, по причинам, которые он не умел объяснить, оборвалось. Работа на Гаити отвечала склонностям Гамаша. Подобная деятельность требовала дипломатичности, терпения и уважения. И знания французского. Такая работа – готовить местную полицию расколотого народа – будет опасной, но и принесет удовлетворение. Идеальное место для шефа.

Потом Бовуар вернулся мыслями к рукописи в последней, отчаянной попытке найти что-то в пьесе.

Все более и более вероятным представлялось ему, что Джон Флеминг лгал. По крайней мере, в том, что касалось пьесы. И вероятно, касательно чертежей тоже.

Слова всплывали перед глазами Жана Ги, но ничего не происходило. Он читал и перечитывал один и тот же пассаж. Чувствовал себя как в повторяющемся ночном кошмаре, когда пытаешься спастись, но ноги отказываются бежать.

Он вдумывался в слова, заставляя свой мозг успокоиться. Но в голове у него была только Анни, и ребенок, и мир, в котором треклятая пушка может оказаться в руках сумасшедшего. А другой сумасшедший вот-вот окажется на свободе – они своими руками освободят его.

Жан Ги заставил себя закрыть глаза, и из свежей памяти вдруг стали всплывать отрывки пьесы, прочитанные Кларой и Мирной, мадам Гамаш, Брайаном и Габри, Рут, Оливье и месье Беливо. Их знакомые голоса убаюкали его, как голос бабушки, читавшей ему перед сном о хоккейном

свитере.

Сцены и персонажи медленно оживали перед его мысленным взором. Бовуар явственно видел их – обитателей пансиона, владельца магазина. Забавных и в то же время трогательных. И на удивление человечных.

Джон Флеминг писал о группе людей, которым предоставляется второй шанс. Спасательный плотик. Но они не замечали в плотике спасательное средство, потому что оно предлагалось им не в том виде, какой они хотели.

Они хотели горящий буш, сверкающую молнию. Выигрыш в лотерею.

Это напомнило Жану Ги о Трех Соснах. О путниках, которые неожиданно для себя попадали в деревню. Они заглядывали в бистро, чтобы отдохнуть и перекусить. Пили кофе с молоком и ели булочки с шоколадом, сверялись с картами. Никогда не поднимали взгляда, никогда не осматривались.

А потом уходили, покидали спасательный плотик и снова бросались в океан. И уплывали. В поисках работы, человека, большого дома, в котором они спасутся.

Но время от времени кто-то все же оглядывался. Осматривался. И видел, что уже нашел. Добрался до берега.

Сидя в бистро, на скамье посреди луга, на веранде дома Гамашей с Анни, Жан Ги изредка видел это выражение на новых лицах. Если такое случалось, они испытывали ни с чем не сравнимые, незабываемые ощущения. Пока еще не радость и не счастье. Только облегчение.

Он понимал их чувство, потому что его и самого выбросило на берег. Здесь.

Жан Ги открыл глаза и выпрямился.

Арман Гамаш смотрел из окна бистро на гостиницу. Габри шепнул ему, что застукал Делорма и Фрейзер в библиотеке с пьесой Флеминга.

– Я никогда не видел, чтобы кто-нибудь читал так, как она, – сказал он. – Она вся сосредоточилась, а он вел себя, как ее сторожевая собака. Питбуль.

– Шон Делорм? – удивился Гамаш.

– Я знаю, – ответил Габри. – Поэтому я и решил сказать вам. Он вовсе не обрадовался, когда я их увидел.

Гамаш остро чувствовал, как движутся стрелки на часах у него за спиной, тикают. Чувствовал Майкла Розенблатта в углу. Загнанного в угол.

Кто-то сказал агентам КСРБ о важности пьесы, и Гамаш догадывался кто.

Он обвел взглядом деревню и усилием воли прогнал все посторонние мысли, снова услышал голоса чтецов пьесы Флеминга. Арман стоял почти недвижимо у окна, сцепив руки за спиной и закрыв глаза.

– Господи Исусе, – прошептал он через пару минут. – Не может быть.

Мэри Фрейзер оторвалась от рукописи. Кровь отхлынула от ее лица, потом щеки снова покраснели.

Она была на грани обморока, голова у нее кружилась.

– Что? – спросил Делорм.

– Господи, – пробормотала она. – Я идиотка.

Она сняла рукопись с колен, словно собираясь предложить ее Делорму, но оставила в своей руке.

– Флеминг был здесь, в деревне.

– Нам это известно, – сказал Делорм.

– Действие пьесы происходит здесь, – возбужденно проговорила она. – Мы упустили из виду, что Три Сосны изменились. Не сильно, но достаточно, чтобы не сразу заметить, что он имел в виду.

Когда зазвонил телефон, Жан Ги потянулся к трубке. Прежде чем он сказал «Allô», раздался голос Гамаша:

– Действие пьесы происходит в Трех Соснах.

– Я сам только что это понял, – сказал Жан Ги. – Когда сюда приезжал Флеминг, гостиница была пансионом. Туда Флеминг и поселил своих героев. Но что дальше? Мы по-прежнему не знаем, где находятся чертежи. Никто в пьесе ничего не терял.

– Верно. Но все персонажи искали что-то и заходили в одно и то же место в надежде найти то, что им надо. Ты помнишь?

– Молоко, – сказал Бовуар. – Магазин хозтоваров.

– Это нынешнее бистро.

– Я сейчас буду.

Гамаш отвел Оливье и Габри в сторону, прекрасно понимая, что за ними наблюдает Розенблатт. Впрочем, теперь это уже не имело значения. «Теперь» уже истекло.

До шести оставалось двадцать минут.

– Когда вы приехали сюда, в здании нынешней гостиницы располагался пансион, верно?

Габри и Оливье кивнули, внимательно слушая с ощущением важности момента.

– А здесь был хозяйственный магазин?

– Oui, – ответил Оливье.

– Вы явно многое поменяли, – сказал Гамаш. – Ничего не находили в стенах, в полу?

«Пожалуйста, господи, пожалуйста», – безмолвно взмолился он.

– Много чего находили, – сказал Габри. – Мы здесь все перевернули. Стены были утеплены старыми газетами и мумифицированными бе́лками.

– Бумаги, – произнес Гамаш четким, взвешенным голосом. – Где они теперь?

– Мы сунули их в ящик для одеял. – Он махнул на деревянный короб перед камином, который много лет использовали как кофейный столик и подставку для ног.

– Давно собирались их просмотреть, – сказал Габри, идя следом за Гамашем к ящику. – Некоторые там очень старые.

Пришел Бовуар и присоединился к ним у ящика.

– Они нашли какие-то бумаги, когда делали здесь ремонт, – сказал Гамаш Бовуару, опускаясь перед ящиком на колени. – Это все здесь.

– Давайте помогу.

Они подняли голову и увидели профессора Розенблатта.

– Прошу вас, – проговорил старый ученый.

Бовуар и Гамаш переглянулись, и Гамаш кивнул. Они выложили содержимое тяжелого деревянного ящика на коврик. У них за спиной потрескивал и гудел огонь в камине, словно чувствуя поблизости что-то горючее.

Габри и Оливье тоже опустились на пол, а профессор Розенблатт уселся на диван. Они принялись разгребать груду бумаг.

– Осторожнее, – сказал Гамаш. – Без паники. Просматривать все тщательно. Чертежи могут выглядеть как что-нибудь другое. Осмотрели бумагу – отложите в сторону…

Но они уже пустились в гонку, перебирая гору бумаги.

Зазвонил телефон, и Оливье пошел ответить.

– Вас, – сказал он, махнув трубкой Бовуару.

– Пусть передадут, что надо.

– Передают «идите в жопу», – сказал Оливье, возвращаясь к бумагам. – Думаю, вы догадались, кто звонит. Она хочет выпить с вами обоими «Лисола».

Минуту или две спустя Гамаш посмотрел на Бовуара:

– Пожалуй, тебе нужно сходить к ней.

– Мне тоже так кажется, – сказал Бовуар, вставая.

– К кому? – спросил Розенблатт, откладывая в сторону номер «Квебек

газетт» от 1778 года.

– К Рут, – ответил Габри.

– Он идет помогать ей убираться в доме? Сейчас?

Оливье пожал плечами.

– Продолжайте искать, – сказал Гамаш, стоя на коленях перед перевернутым ящиком.

У него за спиной горел огонь, а над головой тикали часы.

Глава сороковая

– Что случилось? – спросил Бовуар, садясь рядом с Рут в ее гостиной.

Месье Беливо сидел напротив них на садовом стуле, который показался ему знакомым, потому что когда-то принадлежал ему.

Дом Рут был полон вещами, которые она называла найденными. Она и в самом деле находила их – в домах других людей.

– Я знаю, где чертежи.

– Где? – спросил он.

Она наклонилась и постучала пальцем по рукописи, которая лежала на доске, накрывшей стопку книг, «найденных» в магазине Мирны.

– Пьеса? – спросил Жан Ги. – Мы уже про нее знаем.

– Не пьеса, тупица, – рявкнула она. – Вот что.

Она стукнула по обложке, и он раздраженно выпучил глаза:

– Да бога ради, говорите толком!

И тут он понял, на что она показывает. Не на саму пьесу, а на заголовок.

– «Она сидела и плакала», – сказал он. – Вы думаете, ключ в названии?

– Тут отсылка к Вавилону, верно? – сказала Рут. – А что хотел увековечить Флеминг? Что доставило бы ему самое сильное наслаждение?

– Мгновение отчаяния, – ответил ей месье Беливо.

– Не понимаю.

– Он пришел просить о помощи, а я отправила его к Алу Лепажу, – сказала Рут. – На все была готова, только чтобы его не видеть.

Бовуар слушал, кивая. Ничего нового он не услышал, зачем же повторять уже известное? Рут снова ткнула пальцем в название.

«Она сидела и плакала».

– Почему он так назвал свою пьесу? – спросила Рут. – Мы ее только что прочли. Ни одна женщина там не садится и не плачет. И вообще никто не плачет. Откуда же название?

Гамаш посмотрел на гору бумаг на полу. Повсюду в бистро были разбросаны старые газеты и журналы. Но никаких чертежей они не нашли.

Неужели он упустил что-то? До шести оставалось десять минут, а они ничуть не приблизились к обнаружению чертежей «Проекта „Вавилон“».

Он посмотрел на рукопись, на эту треклятую рукопись, которую он швырнул на стул в бистро. Неужели Флеминг солгал? Теперь это казалось

вероятным.

«Она сидела и плакала». «Она сидела и плакала».

Название, надо признать, было странное. Никто в пьесе, ни мужчина, ни женщина, не сидел и не плакал. И не стоял и не плакал. Там вообще никто не плакал.

А библейская цитата выглядела так: «На реках Вавилонских мы сидели и плакали». «Мы» сидели, не «она». Исковерканная цитата. Однако Флеминг знал Библию, значит сознательно изменил слова. Сознательно. Гамаш вспомнил, как Флеминг прикоснулся пальцем к рукописи, как гладил слова названия, говоря: «Вы и не догадываетесь, почему я написал пьесу. Вы бы не приехали, если бы догадались».

Дело было не в пьесе, а в названии.

«Она сидела и плакала».

Гамаш заставил себя сесть в кресло и положил пьесу на колени. Оливье, Габри и Розенблатт смотрели на него.

– Вы больше ничего не будете делать? – спросил Габри. – Вы подняли руки?

– Ш-ш, – проговорил Оливье. – Он делает. Он думает.

«Что это означает?» – спрашивал себя Гамаш, отрешившись от всего остального мира.

Флеминг спрятал чертежи, а потом написал пьесу. Пьесу, действие которой разворачивалось в вымышленных Трех Соснах. Он прищурился. Все персонажи искали одну вещь.

Молоко. В магазине хозтоваров. Они приходили сюда в поисках молока. Но конечно, его здесь не было. Так где же оно было?

Гамаш поднялся и подошел к двери.

– Мой магазин? – спросил месье Беливо. – Вы думаете, он спрятал чертежи в моем магазине?

– А где еще можно найти молоко? – спросил Бовуар, подходя к окну.

Он увидел Гамаша, стоящего в дверях бистро, Гамаш тоже смотрел на магазин месье Беливо.

Но потом Гамаш отвернулся.

Жан Ги проследил за направлением его взгляда. Не магазин месье Беливо, не деревенский луг, не три сосны, не дом Клары. Дом Джейн. Взгляд Гамаша остановился на ныне пустующем доме Джейн Нил.

Лучшей подружки Рут. Поэтесса не рекомендовала Флемингу Джейн как художницу, она бросила в эту яму Ала Лепажа.

– Рут, – сказал Жан Ги, – после вашего разговора с Флемингом вы

пошли в дом к вашей подружке Джейн? Вы рассказали ей, о чем у вас был разговор?

Гамаш перевел взгляд с дома Джейн на дом Рут.

Увидел движение в окне. Жан Ги.

Рут срочно пожелала, чтобы пришел Бовуар, но не хотела, чтобы кто-нибудь знал, зачем он ей понадобился. Поэтому она и сказала про «Лисол».

Рут.

Рут, которая спаслась, предав кого-то другого. Рут, которая вынуждена была принять страшную правду. Она – трус.

Она бы выдала нацистам евреев, прячущихся на ее чердаке.

Она бы назвала имена сенатору Маккарти.

Она бы сдавала еретиков инквизиции, чтобы самой не попасть на костер.

И она почти наверняка смотрела бы издали на крест на холме и шептала в ухо римлянина: «Гефсиманский сад».

А потом сидела бы и плакала.

– Нет, я не пошла к Джейн, – сказала Рут. – Мне было стыдно. Я хотела побыть одна.

– И вы остались здесь? – спросил Жан Ги. – Задернули занавески и заперли дверь. Остались дома.

– Поначалу.

– А потом?

– Господи, – сказал месье Беливо, обращаясь к Рут. – Он, наверное, видел.

– Видел что? – спросил Жан Ги.

Взгляд Гамаша быстро переместился. На вершину холма. Мимо здания старой школы.

А потом остановился. И Арман Гамаш пошел. А потом побежал.

– Церковь, – сказал Бовуар. – Вы пошли в Святого Томаса. Вот что видел Флеминг.

Он выбежал из дома Рут. Гамаш уже добрался до деревянной лестницы. И побежал вверх через две ступеньки. Бовуар добежал до места в тот миг, когда Гамаш распахнул большую дверь маленькой церкви.

– Где ты нашел молоко? – спросил Гамаш, повернувшись на миг, чтобы задать вопрос Бовуару.

– В церкви, – ответил Жан Ги. – Молоко в пьесе нельзя понимать буквально.

– Это метафора доброты и исцеления.

Гамаш окинул взглядом ряды деревянных скамеек, простой алтарь, стены без всяких украшений. Скорее часовня, чем церковь.

– И прощения, – добавил Бовуар. – Его не найти в магазине хозтоваров, но здесь – да. Рут пришла в Святого Томаса, предав Ала Лепажа. Пришла молиться о прощении. В поисках молока.

– Джон Флеминг был человеком верующим. Получая удовольствие от своих отношений с Богом, он посмеивался и язвил, – сказал Гамаш. – Он либо пошел за ней, либо сам заявился сюда, чтобы насладиться мгновением торжества, ведь он прекрасно понимал, что сделал с ней.

Они услышали движение у себя за спиной – это пришли Рут и месье Беливо.

– Где вы сидели? – спросил у нее Гамаш.

– Вон там, – показала она. – Под мальчиками.

– Под мальчиками.

Мальчиками называли солдат Великой войны, которые обрели бессмертие на витражном стекле. Они шли сквозь грязь и хаос. Витражное стекло не памятник военным подвигам. Они были молоды, их увезли далеко от дома, им было страшно.

Но один молодой человек повернул голову и смотрел прямо на прихожан. И на его лице, кроме страха, они видели что-то еще.

Прощение.

Под окном были начертаны имена жителей Трех Сосен, погибших на той войне. Мальчиков, которые никогда не вернулись на старый железнодорожный вокзал, к ожидавшим их родителям.

А под именами слова: «Они были нашими детьми».

И Рут сидела в свете, проникавшем сквозь их тела. И плакала.

А когда она ушла? Когда она ушла, кто-то вышел из тени.

Гамаш опустился на колени и отодвинул скамью в сторону. К нему присоединился Бовуар, и вместе они принялись поднимать половые доски.

И там, в длинной металлической трубке, они нашли то, что искали. Чертежи Армагеддона, спрятанные в часовне Святого Томаса – Святого Фомы. Неверующего.

Гамаш посмотрел на часы. Они показывали шесть.

Глава сорок первая

«Добрый вечер, меня зовут Сьюзен Боннер, вы слушаете выпуск новостей „Мир в шесть часов“».

Из-за стука в ушах Адам Коэн почти не слышал слов.

«Сегодня наш главный сюжет – удивительная находка в Восточных кантонах Квебека».

Он посмотрел на свой телефон. Внутри тюрьмы действие электронных приборов блокировалось, но охранники пользовались специальным паролем, и Коэн ввел в свой телефон секретный пароль. Телефон показывал пять палочек – отличный сигнал. И никаких посланий.

Закрыв на миг глаза, Адам Коэн взял себя в руки и, выйдя из машины, решительно направился к маленькой двери в толстой стене.

«Сегодня наш главный сюжет – удивительная находка в Восточных кантонах Квебека».

– Merde, – сказала Изабель Лакост.

Трансляция в оперативный штаб шла через ее ноутбук.

Часы показывали шесть, и события развивались по худшему сценарию. Си-би-си пока не узнала точного местонахождения суперпушки Джеральда Булла, но район определили.

История развивалась. Один журналист выступил с сюжетом о невероятной жизни и таинственной смерти Джеральда Булла. Другой поведал об истории «Проекта „Вавилон“», о Саддаме Хусейне и о встрече двух безумцев.

Трех, подумала Лакост. Трех безумцев.

– Я слышал, что вы идете, – сказал Флеминг мягким надтреснутым голосом. Он рассматривал молодого человека. – Вы здесь работали охранником, верно?

Но Адам Коэн, следуя инструкции Гамаша, ничего не говорил Флемингу. Не вступал в контакт.

– Смена одежды ему нужна? – спросил один из пяти охранников, сопровождавших Коэна.

– Нет, – сказал Коэн. – Его отсутствие не затянется. К полуночи он вернется.

– Прежде чем превращусь в тыкву? – спросил Флеминг, когда на него надели наручники и ограничители движений. – Или во что-то другое.

– Ты уверен, что тебе это надо? – спросил другой охранник.

Он дружил с Коэном, когда тот работал в ЗООП. Тот самый, которому Адам Коэн предъявил доверенность. Потому что знал: парень ему поверит.

И тот поверил. Он без всяких вопросов принял письмо Квебекской полиции, которым Коэн уполномочивался забрать Флеминга.

Флеминг слушал их разговор, переводя взгляд своих змеиных глаз с одного на другого, возможно ощущая заговор в развитии.

Жан Ги резко остановился. Завернул за угол и понесся через мост в оперативный штаб сказать Лакост, чтобы отменила задание Коэну.

– Вы куда? – крикнул он вслед Гамашу, который, миновав поворот, бежал с чертежами в руках в сторону бистро.

– Мы должны убедиться, что это они. – Гамаш, не останавливаясь, поднял чертежи.

– Там написано «Проект „Вавилон“», patron. Что еще там может быть?

– Хайуотер, вот что. Еще одно введение в заблуждение.

– Черт! – выругался Бовуар и бросился следом за Гамашем.

В бистро Гамаш поспешил к профессору Розенблатту, который пересел на диван у огня.

– Вы их нашли? – воскликнул пожилой ученый, вставая.

– Надеемся.

Гамаш открыл тубу и вытряхнул оттуда рулон бумаги. Сел и развернул его на ящике для одеял.

– Они? – спросил Бовуар.

Розенблатт не ответил. Он что-то напевал себе под нос, водя пальцем по чертежам.

«Быстрее, быстрее», – молча подгонял его Бовуар. Часы на каминной полке показывали шесть минут седьмого. Где-то на заднем плане он слышал передачу новостей «Радио Канада». Французская служба новостей тоже сообщила историю про Джеральда Булла и «Проект „Вавилон“».

Оливье и Габри, вероятно, в кухне, подумал Бовуар. Слушают. Вместе с остальным миром.

– Это те чертежи? – нетерпеливо спросил он.

Адам Коэн шел бок о бок с приятелем по коридору. Его подташнивало, и он не знал, то ли это грипп, то ли невыносимая вонь дезинфектантов, то ли воспоминания, вызванные запахом. Восемнадцать месяцев в этом рассаднике зла, где он сторожил психопатов.

От чего переворачивается его желудок? От того, что он собирается

сделать? Или все проще, не столь героически? Может быть, это просто заурядный страх, который перерастает в ужас?

Рядом с Коэном, в сопровождении двух вооруженных охранников впереди и двух сзади, плелся Джон Флеминг, позвякивая цепями. К этому звуку добавлялся и напев. Старый псалом.

«На реках Вавилонских…»

Агент Коэн шел, не сводя глаз с красных букв ВЫХОД впереди. Его рука сжимала в кармане телефон. Коэн посылал ему телепатические команды: ожить, получить послание.

Профессор Розенблатт разглядывал одну страницу за другой, изучал конструкции, замирал на секунду-другую, погружаясь в размышления, потом продолжал дальше.

– Вижу, как они решили проблему орбитальной траектории, – сказал он, показывая на диаграмму.

– Они подлинные? – спросил Гамаш.

Его терпение совсем истончилось и теперь прорвалось вопросом.

Розенблатт распрямился, кивнул:

– Похоже, что да.

– Извините, что вмешиваюсь, – раздался женский голос.

Они повернулись и увидели у дверей Мэри Фрейзер и Шона Делорма.

– Мы видели, как вы вышли из церкви. У вас то, что я думаю?

Гамаш свернул чертежи:

– Да.

Мэри Фрейзер вздохнула с искренним облегчением. И протянула руку.

На мгновение Гамашу показалось, что она предлагает мир. Рукопожатие как знак перемирия. Возможно, даже поздравление: они сделали то, что не удалось ей.

А потом он понял, что это не предложение мира, а требование.

Гамаш передал чертежи Бовуару, без слов прошел мимо Мэри Фрейзер к телефону у барной стойки и посмотрел на часы.

Двадцать минут седьмого.

Он набрал несколько цифр номера Лакост в оперативном штабе, когда услышал негромкий знакомый щелчок.

Он замер, потом медленно повернулся и увидел пистолет в руке Делорма.

Краем глаза он заметил Жана Ги с поспешно поднятыми руками. Тот сделал несколько шагов в сторону от Гамаша.

– Советую вам повесить трубку.

Гамаш выполнил требование и повернулся к Мэри Фрейзер:
– Так вы не из КСРБ?
– Вы и в самом деле не понимаете нашего мира, да? Сейчас не время для объяснений.
Она по-прежнему всем своим видом напоминала Мэри Поппинс, вплоть до громадного саквояжа и сладкого выражения на лице.
– Так это вы сделали тот снимок, – сообразил Гамаш. – Джеральда Булла и доктора Кутюра с Джоном Флемингом. Вы были четвертым человеком в Брюсселе.
Он приблизился к ним на расстояние в несколько футов, но ее это не обеспокоило. Мэри Фрейзер знала, что он не вооружен. Арман Гамаш был для нее не опасен.
Она кивнула:
– Вы многое раскопали, месье Гамаш. Я, конечно, была молода. А теперь исправляю старые ошибки. Чертежи, пожалуйста.
Бовуар опустил руку с чертажами.
– Нет, не делайте этого, – взмолился профессор Розенблатт, делая шаг вперед.
Делорм и Фрейзер перевели на него взгляд, и за это мгновение Бовуар завел руку за спину и поднес чертежи к горящему камину.
Делорм поднял пистолет и прицелился, но Гамаш встал между ним и зятем, раскинув в стороны руки.
– Non!
Движение было таким неожиданным и события развивались с такой стремительностью, что Делорм замешкался.
– Вам придется убить нас всех, – сказал Гамаш. – Вы готовы к этому?
– Если вы готовы умереть, то и мы готовы, – заявила Мэри Фрейзер. – Смерть немногих ради блага большинства, вы помните?
– У вас извращенные представления о благе большинства, – рявкнул Бовуар. – Для вашего сведения: вот как выглядит благо большинства!
Он швырнул чертежи в камин, и в этот момент профессор Розенблатт встал перед Гамашем. А у себя за спиной Арман Гамаш услышал, как огонь с воем принялся пожирать чертежи «Проекта „Вавилон“».
– Черт! – воскликнул Делорм.
Он оттолкнул в сторону профессора, пытаясь добраться до чертежей. Но Гамаш и Бовуар схватили его и выбили из руки пистолет.
Все закончилось за несколько секунд – столько понадобилось огню, чтобы сожрать чертежи целиком. Бовуар держал Делорма, а Гамаш обшаривал взглядом зал.

Мэри Фрейзер сделала было шаг-другой вперед, но остановилась, увидев, что опоздала. Теперь она смотрела на профессора Розенблатта, который нагнулся и поднял пистолет.

Гамаш тоже повернулся к нему, и тут наступила пауза. Длиной в дыхание, она, казалось, продолжалась вечно, и все это время ученый держал оружие и смотрел на них. А они – на него.

Наконец он протянул пистолет Гамашу.

– Ну вот все и кончилось, – сказал Габри, входя в зал из кухни. – Почти все новости – об этой треклятой пушке.

Он остановился, и Оливье, шедший следом, наткнулся на него и уже хотел сказать что-то, но тут увидел, что творится в бистро.

Мэри Фрейзер посмотрела на них и повернулась к Гамашу. Лицо ее побледнело, она тряслась от ярости.

– Вы и представить себе не можете, что натворили.

Она перевела взгляд на Бовуара, потом на пожилого ученого.

– Габри прав, – сказал Бовуар. – Все кончилось.

Он отпустил Делорма и подтолкнул его к Мэри Фрейзер.

– Ты дурак, – сказала Мэри Фрейзер. – Ничего не кончилось. Все только начинается.

– Вы не хотите их задержать? – спросил Розенблатт, глядя на агентов КСРБ, спешащих к двери.

– Пусть уходят, – сказал Гамаш, быстрыми шагами возвращаясь к стойке бара и телефону. – Сейчас есть кое-что поважнее.

Он набрал номер Лакост.

Джон Флеминг впервые за десятилетия ощутил лучи солнца на лице, и им не мешали ни решетки, ни колючая проволока, ни вышки охранников.

Было уже поздно, и гораздо позднее, чем догадывался молодой агент, – вот о чем думал Флеминг, следуя за ним в ничем не примечательную машину.

Флеминг знал: этот день наступит. Он знал, что снова будет свободен. Чувствовал это своими костями. Он терпеливо ждал этого дня. Планировал его. И теперь намеревался привести свой план в действие.

Он видел перед собой спину молодого человека, слышал шелест высокой травы в поле, ощущал запах сосны в прохладном воздухе. Его чувства, спавшие много лет, обострились, стали сильнее, чем прежде.

Он даже ощущал едкий запах страха, исходящий от формы Адама Коэна. Флеминг впитывал в себя все это, шагая к машине.

Не успели Фрейзер и Делорм выйти из бистро, как Лакост в оперативном штабе уже сняла трубку, отвечая на звонок Гамаша. Не дожидаясь ее «алло», он сказал:

– Мы нашли чертежи. Звони Коэну. Останови его.

Лакост сбросила вызов и нашла номер, записанный в памяти телефона. Раздался первый гудок. Потом второй.

– Постойте, – сказал Коэн, когда они подошли к машине и охранник уже собирался усадить заключенного на заднее сиденье.

Коэн вытащил телефон.

По-прежнему ничего.

Он сунул телефон в карман и кивнул приятелю.

Лакост попробовала еще раз, очень внимательно, чтобы не ошибиться, набирая цифру за цифрой.

Она слышала гудки, долгие гудки.

После пятого звонка она отключилась. Телефон даже не переключился на голосовую почту.

Она попыталась отправить текст. Эсэмэска не прошла.

– Ну? – спросил Гамаш, когда он, Бовуар и вскоре за ними запыхавшийся профессор прибыли в оперативный штаб.

– Ничего.

– Что значит «ничего»? – спросил Бовуар.

– Он не отвечает, – сказала она. – Звонки в пустоту, текст не проходит.

– И что это может означать? – спросил Бовуар.

Но Гамаш не задавал вопросов. Он знал, что это может означать.

Джона Флеминга зафиксировали на заднем сиденье специального автомобиля, наручники пристегнули к металлической пластине, ограничили движения рук и ног.

Охранник проверил ограничители, подтянул их, чтобы убедиться, что они надежны.

– Он твой, – сказал приятель Коэна, передавая ему ключи. – Ты должен за него расписаться.

Он дал Коэну электронное устройство, показал, где нужно поставить подпись.

Расписавшись, Коэн сказал:

– Это что-то новенькое.

– У нас их ввели после твоего ухода. Надежные приборы и сеть.

Взломать невозможно.

Флеминг на заднем сиденье улыбнулся. Можно предусмотреть все что угодно, кроме предательства.

– Merci, – сказал Коэн, пожимая охраннику руку. – Я вернусь через несколько часов.

– Спешки нет.

– Что-то блокирует передачу, – сказал профессор Розенблатт.

– Что вы имеете в виду? – спросил Гамаш.

– Ваш молодой агент, возможно, даже не знает, что получает послания. Сигнал на его экране хороший. Все палочки на месте, все кажется нормальным. Так оно и есть – все нормально, только вот послания не проходят.

– И как нам это обойти? – спросила Лакост.

– Никак. Тут дело не в программе, – ответил Розенблатт. – А в железе. Ему нужно иметь их телефон.

– Звони в ЗООП, – сказал Гамаш. – Пусть его вернут.

Коэн включил передачу «вперед», но задержал ногу на тормозе.

Его телефон лежал в стаканодержателе.

– Поехали, – сказал Флеминг. – Чего мы ждем?

Коэн взял телефон, решив позвонить старшему инспектору Лакост, чтобы получить подтверждение. Набрал ее телефон, увидел «соединяем» на экране.

Потом пришла эсэмэска: «Соединение невозможно».

«Конечно, – подумал он. – Она же в Трех Соснах. Сотовая связь там не работает».

– Давай, – сказал Флеминг. – Не трать время. Твоему боссу не понравится.

Коэн положил телефон, и машина тронулась с места. И остановилась.

– Что еще?

Коэн взял телефон и набрал номер оперативного штаба.

Набрал еще раз. И еще.

«Соединение невозможно».

Странно.

– Время уходит. Каждое мгновение драгоценно, – поторопил его Флеминг. – Ты сам это знаешь.

Но в его мягком, надтреснутом голосе послышалась тревога.

Агент Коэн взглянул в зеркало заднего вида на горящие глаза и

взволнованное, голодное лицо. Потом снова посмотрел на свой телефон. Все пять палочек были на месте. Он находился в сети. И все же послания не проходили. Ни одного не прошло. Ни от кого. Более чем за сорок пять минут.

И тут он вспомнил новое электронное устройство своего приятеля-охранника.

Руки его так дрожали, что он чуть не выронил телефон; он вошел в меню, в настройки, отключил тюремный пароль и ввел собственный. Экран замигал.

Телефон завибрировал, замигал красным, зазвонил.

На заднем сиденье Джон Флеминг, увидев это, принялся тянуть и дергать цепи, приковывавшие его к сиденью.

Оператор соединила Лакост с помещением охраны. Телефон зазвонил, кто-то ответил, и тут на ее трубку прошел входящий вызов.

Она отключилась, ответила на входящий, но несколько секунд слышала только визг, такой громкий, что Гамаш, Бовуар и даже профессор Розенблатт, сидящий за соседним столом, вздрогнули…

Визг.

Гамаш побледнел, его глаза широко раскрылись, когда дьявольски пронзительный звук наполнил оперативный штаб.

– Шеф? – раздался молодой голос, вынужденный напрягаться, чтобы его было слышно за криком. – Это вы? – прокричал Коэн.

– Где ты? – крикнула в ответ Лакост.

– Я вас не слышу. Флеминг со мной.

– Верни его! – закричала Лакост. – Мы нашли чертежи. Верни его!

Они не слышали ничего, кроме визга. Потом он перешел в рычание.

Рычание чудища.

– Адам? – Гамаш склонился над телефоном и закричал в микрофон: – Ты меня слышишь?

А потом…

– Я вас слышу, месье Гамаш! – прокричал Адам Коэн. – Он возвращается!

Глава сорок вторая

– Что будет с суперпушкой? – спросила Рейн-Мари. – Теперь, когда чертежи уничтожены.

Они все собрались в бистро – Гамаши, Лакост, Жан Ги, Клара, Мирна, Брайан, Рут и месье Беливо. Профессор Розенблатт сидел в удобном кресле, баюкая в руках большой бокал с коньяком.

Оливье запер дверь, извинившись перед другими клиентами:

– Désolé, но сегодня приватное собрание.

Солнце уже давно село, подступила ночь. Все разместились у камина, их лица освещал пляшущий огонек.

– Пушку разберут и увезут отсюда, – сказала старший инспектор Лакост.

– Чтобы собрать где-то в другом месте? – спросил месье Беливо.

– Может быть, – сказал Гамаш. – Но без чертежей им придется сильно потрудиться. И к несчастью, спусковой механизм снова куда-то пропал.

Бовуар и Лакост посмотрели на него и отвернулись.

– Спусковой механизм пропал? – переспросил Брайан. – Куда же он делся?

– Понятия не имею, – с улыбкой сказал Гамаш.

– Мэри Фрейзер и Шон Делорм… – начала Мирна. – Они ведь не агенты КСРБ?

– Я не знаю, кто они, – сказала Лакост.

– Уверена, далеко они не уйдут, – заметила Клара.

– О чем вы? – спросила Лакост.

– Ну, вы же их арестуете?

– За что?

Клара посмотрела на нее недоуменным взглядом:

– Вообще-то, они угрожали убить профессора, Армана и Жана Ги.

– Да, Делорм наводил на нас пистолет, – сказал Гамаш. – Но стрелять не стал. Никто не ранен. Кроме этого, ничего плохого они не совершили.

– А разве этого мало? – спросил Габри.

– Нам приходится выбирать, как лучше действовать, – ответил Бовуар. – Если будет процесс, придется говорить про Булла, про чертежи…

– И поэтому ты их сжег, – сказал Гамаш.

Он знал, почему Бовуар бросил чертежи в огонь. Его заставил так поступить чисто отцовский инстинкт. Жан Ги предпочел бы лучше умереть,

чем допустить, чтобы его ребенок родился в мире, где существует чудовищное творение Джеральда Булла.

– Вы играете в опасную игру, отпуская их, – заметил профессор Розенблатт.

– Мы живем в опасном мире, – сказал Арман. – Это знают даже девятилетние мальчики.

– Но… но… – Клара захлебнулась словами.

– Но они убили Антуанетту, – сказал Брайан. – И Лорана. Никто другой не мог. Они практически признались в этом, угрожая убить вас из-за этих чертовых чертежей.

Он махнул в сторону камина, в котором чертежей не осталось даже в виде пепла. «Проект „Вавилон“» дымком исчез в атмосфере.

– Но как Мэри Фрейзер и Делорм узнали о том, что Лоран нашел пушку? – спросил Габри. – Их здесь не было. Видимо, кто-то им сообщил.

– Верно, – сказал Брайан. – Они находились в Оттаве. Кто-то из местных, вероятно, сообщил им о Лоране. Наверное, поэтому Лорана убили не сразу, а через день после того, как он нашел пушку. Им нужно было добраться сюда и найти мальчика.

– Да, мы тоже так думали, – сказала Лакост.

– Думали? – переспросила Рейн-Мари.

– Расследование обоих убийств осложнилось обнаружением пушки, – сказала Лакост. – Когда Антуанетту убили и мы узнали о связи ее дяди с Джеральдом Буллом и «Проектом „Вавилон“», расследование пошло совсем по другому пути. Но меня научили, что убийство по сути своей всегда порождение человеческих эмоций и нередко имеет довольно простое объяснение.

Она посмотрела на Гамаша, который согласно кивнул.

– Пока вы сегодня читали пьесу, я просматривала документы по делу. Оно началось здесь, как вы сами говорили. Когда Лоран прибежал в бистро.

Она показала на дверь, и они снова увидели мальчика, испачканного землей, в кусочках коры и мха. Мальчик кричал о своей находке, широко разводил худенькие ручки, пытаясь показать величину своей находки.

Громадная пушка. В лесу. А на ней монстр.

Если бы с таким рассказом прибежал любой другой ребенок, его, возможно, и выслушали бы.

Но в бистро прибежал Лоран Лепаж. Мальчишка, который убивал драконов и обуздывал Пегаса. Который сражался с армиями, наступающими на Три Сосны.

И делал это каждый день. Новый день – новое приключение, новая

история об опасностях и героизме, который с каждым днем становился все героичнее.

В его шесть лет такие штуки воспринимались со смехом. В семь уже докучали. В восемь начали раздражать. В девять стали явным перебором. Но он не мог не фантазировать, и его отец сказал, что остановить Лорана невозможно.

– Никто ему не верил, – говорила Лакост. – По крайней мере, так казалось. Но в тот день нашелся человек, который все же поверил ему. Который знал, что такое возможно. Он незаметно пошел за ним на следующее утро, зная, что Лоран, вероятно, вернется к пушке. Так оно и случилось. Отчасти Лоран отправился туда, чтобы увидеть эту штуковину еще раз, а отчасти потому, что при виде пушки в первый раз впал в возбужденное состояние и оставил там одну из кассет отца. Тот человек убил Лорана, а его тело подбросил к дороге, чтобы это выглядело как несчастный случай.

Она снова посмотрела на Гамаша.

– Мы не поверили мальчику, – сказала она. – И решили, что он погиб из-за неосторожной езды. Мы ошибались.

– Я тоже ему не поверил, – сказал Гамаш. – Его смерть не выглядела как несчастный случай, но в конечном счете подтверждение этому нашлось в одной простой и вполне человеческой вещи. Вы двое спрашивали о ней.

Он посмотрел на внимательно слушавших Габри и Оливье.

– Его палка, – сказал Оливье.

– Oui. Тот, кто его убил, плохо знал мальчика. Он не знал, что тот повсюду таскает с собой свою палку. И она должна была бы лежать рядом с его телом.

Больше, чем слова «смерть» и «убийство», Армана потрясло слово «тело». Он сделал паузу, постарался взять себя в руки.

– Но палки с ним не оказалось, – пришла на помощь мужу Рейн-Мари.

– А кто убил Антуанетту? – спросил Брайан. – Тот же человек?

– Ваш вопрос возвращает нас к «Проекту „Вавилон“», – сказала Лакост.

– Убийца Антуанетты явно знал, что Гийом Кутюр приходится ей дядюшкой, – заговорил Жан Ги Бовуар, перехватывая нить рассказа. – Он знал, что Кутюр работал с Джеральдом Буллом. Вероятно, ему не было точно известно, что доктор Кутюр фактически отец «Проекта „Вавилон“», но такие подозрения закрадывались ему в голову. Давно ходили слухи, что Джеральд Булл скорее торговец, чем конструктор. Когда чертежей не обнаружилось в его брюссельской квартире и всех других местах, к

которым он имел отношение, большинство разведок и торговцев оружием опустили руки. Они решили, что «Проект „Вавилон“» – блеф, а его создатель сошел с ума и к тому же теперь еще и мертв. Но кое-кто подозревал, что Джеральд Булл говорил правду. И даже не просто подозревал, а точно знал, поскольку находился там, где создавалась пушка. И когда Лоран нашел пушку, тот человек поверил ему. Также он знал, что если чертежи «Проекта „Вавилон“» вообще существуют, то они должны быть в прежнем доме Гийома Кутюра.

По мере того как говорил Бовуар, сначала Мирна, потом Рейн-Мари и наконец все остальные начали поглядывать на единственного человека, подходившего под это описание. Человека, который жил в Трех Соснах, когда создавалась огромная пушка. И который находился в бистро, когда тридцать лет спустя Лоран нашел ее.

Месье Беливо.

Владелец магазина сидел, абсолютно владея собой, явно не замечая ни взглядов, ни фактов, скапливающихся вокруг него.

– Другая вероятность – кто-то извне, – продолжил Арман Гамаш. – Кто-то, кто не обязательно знал про Джеральда Булла, но слышал про «Проект „Вавилон“». Ведь работа по проекту была секретом, известным всем, а со смертью Джеральда Булла появились и новые утечки. «Проект „Вавилон“» и его убитый создатель стали притчей во языцех, эта история воспринималась как предостережение. Но для некоторых, например для профессора Розенблатта, проект стал чем-то большим. Превратился в навязчивую идею. Что, если Джеральд Булл говорил правду? Тогда чертежи могут стоить сотни миллионов долларов. И наконец, после долгих лет терпеливых поисков, ловли слухов и крох информации, они услышали нечто достоверное. Маленький мальчик нашел громадную пушку. В лесу. Неподалеку от дома Гийома Кутюра.

– Вы хотите сказать, что кто-то на протяжении тридцати лет искал «Проект „Вавилон“»? – спросила Клара.

Изабель Лакост подалась вперед, и все остальные в кругу тоже. Они внимательно слушали захватывающую историю.

– На что люди готовы ради власти и ради богатства? – спросила она. – Люди тратят жизнь на поиски, веря, что найдут золотую жилу. Некоторые все свободное время проводят в подвале, стучат молотком, пытаясь довести до совершенства свое изобретение. Некоторые дни и ночи проводят перед «одноруким бандитом», думая, что в любой момент могут сорвать джекпот. Люди всю жизнь пишут книгу или ищут средство от рака. – Она посмотрела на Гамаша и Бовуара. – У нас есть коллеги, которые все

свободное время отдают расследованию преступлений, совершенных не одно десятилетие назад. Рациональные люди становятся одержимыми. И «Проект „Вавилон“» имеет все свойства, способные захватить и удерживать человека. Власть и богатство, какими не владел никто. Стоит ли на это тратить годы работы? Десятилетия? Возможно, ни вы, ни я на это не пойдем. Но некоторые – идут. Награда может изменить вашу судьбу.

– И всего-то надо быть готовым уничтожить на своем пути две-три жизни, – закончил Бовуар.

Если раньше все поглядывали на месье Беливо, то теперь центр внимания сместился. Таковым стал единственный человек в зале, который сам признался, что провел долгие годы за поиском сведений о Джеральде Булле. Он знал Булла. И Гийома Кутюра. И вероятно, понимал, что Кутюр был отцом «Проекта „Вавилон“». А еще, видимо, знал, что Антуанетта – племянница Кутюра.

И жил неподалеку.

Майклу Розенблатту хватало ума понять, что означают эти взгляды. Понять, что факты выстраивают стену вокруг него.

– Но профессор грудью встал перед Арманом, – возразила Рейн-Мари, беря мужа за руку. – Защитил его от пули. Он бы никогда так не поступил, будь он убийцей Лорана и Антуанетты.

– Merci, madam, – сказал пожилой профессор.

Однако Арман сомневался, хотя и не произнес ни слова. Он был рад, что Делорм не выстрелил, хотя и должен был. Как только огонь охватил чертежи, Делорм должен был стрелять.

Но он не стрелял.

– Так кто же убил Лорана и Антуанетту? – спросила Рейн-Мари. – Вы знаете?

– Я жду подтверждения, – сказала Лакост. – Подозрения у нас есть.

– У меня тоже есть подозрения, – заявила Рут. – Я подозреваю, что вы ни черта не знаете.

– Мы найдем преступника, – заверила Брайана Лакост. – Поверьте мне. Это вопрос времени.

Брайан встал, усталый и разочарованный.

– Я думаю, виноваты агенты КСРБ. А вы их отпустили. Я возвращаюсь в гостиницу. Мне нужно побыть одному.

Поднялся и профессор Розенблатт:

– Я пойду с вами, если не возражаете. Если мне позволено.

Лакост кивнула.

– Я не убивал Антуанетту Леметр, – сказал профессор Розенблатт,

оглядывая собравшихся и задерживая взгляд на каждом. – И ребенка я не убивал.

Арман пошел проводить Брайана и профессора до двери.

– Вы идете с нами? – спросил Брайан.

– Non, – ответил Гамаш. – Мы еще часа два побудем здесь, подождем агента Коэна.

Брайан обернулся к залу бистро, и на краткий миг на его лице появилось знакомое Бовуару выражение. Еще один уставший человек, выброшенный на берег.

Брайан ушел, опережая Розенблатта, который остался на террасе поговорить с Арманом. В окно бистро было видно, как эти двое говорят о чем-то, наклонив друг к другу головы. Арман прикасался пальцами к руке Розенблатта.

– Он благодарит его, – сказала Мирна. – За то, что защитил от пули.

– Ты так думаешь? – спросила Рут.

Потом профессор Розенблатт взял направление на огни гостиницы.

– Дал ему фору на старте? – спросила Рут, когда Арман вернулся на свое место.

– Вы о чем?

– Он спас твою жизнь. Обоих вас спас. – Она перевела взгляд с Гамаша на Бовуара. – А вы теперь, вероятно, даете ему шанс бежать.

– Вы думаете, мы бы отпустили убийцу? – спросила Лакост.

– Но агентов КСРБ, или кто уж они там, вы отпустили, – упрекнула их Рут. – Какие-то новые подходы в Квебекской полиции.

– Если бы я помог убийце бежать, мне бы пришлось жить с этим, верно? – Арман уставился в пронзительные глаза старой поэтессы.

– Вряд ли ты бы смог, – сказала она, вставая. – Уже поздно, а я устала.

Она посмотрела на месье Беливо и протянула к нему руку:

– Ты проводишь меня до дома?

Это было публичное заявление о дружбе и преданности. И возможно, о безумии. Ведь месье Беливо все еще оставался подозреваемым.

– Конечно, – сказал владелец магазина.

Он посмотрел на Изабель Лакост, которая, помедлив, кивнула.

Предложив руку Рут, месье Беливо вышел с нею из бистро.

Арман провожал их взглядом, пока они не скрылись за тремя высокими соснами.

Несколько минут спустя в темноте деревни появилась фигура потемнее. Она быстро передвигалась, и ее можно было и не заметить, если бы Гамаш не ждал ее.

– Excusez-moi, – сказал он и кивнул Лакост и Бовуару, которые тоже увидели фигуру. – Пожалуйста, оставайся здесь, – попросил он Рейн-Мари, потом скользнул взглядом по Мирне, Кларе, Оливье и Габри.

– А что? – спросил Габри, вставая.

Но, увидев выражение их лиц, тяжело опустился на прежнее место.

Глава сорок третья

Вперед и вперед, спотыкаясь на бегу.

С поднятой рукой, чтобы ветки не хлестали по лицу. Было темно, и корня он не заметил. Рухнул на землю, ладони впечатались в мох и слякоть. Его оружие упало, подпрыгнуло и куда-то откатилось. Лоран Лепаж лихорадочно обшарил руками слой мертвых гниющих листьев.

У него за спиной раздавались шаги. Топот ботинок. Он почти чувствовал, как содрогается земля под чьей-то тяжелой поступью. Пока он на четвереньках разгребал листья, они неумолимо приближались.

– Ну же, ну! – взмолился Лоран.

Наконец он нащупал свое оружие исцарапанными грязными пальцами, вскочил и побежал. Пригнувшись. Хватая ртом воздух.

В темноте от них можно было оторваться. Он знал этот лес лучше, чем другие. Лучше, чем они.

Он сунул руку в карман порванной и грязной куртки. Его пальцы с расцарапанными и кровоточащими костяшками забрались внутрь. Нащупали то, что там лежало. В целости и сохранности.

В отличие от него. Преследователи догоняли его, приближались. Он никак не мог от них оторваться.

Он остановился, развернулся. Прицелился из своего оружия в двоих мужчин и женщину, преследующих его. И когда они приблизились настолько, что промахнуться было невозможно, нажал на спусковой крючок.

Арман, Изабель и Жан Ги вышли из бистро и поспешили по деревенскому лугу, стараясь ступать бесшумно и держаться в тени сосен. Наконец добрались до дома Гамашей.

Жан Ги встал на цыпочки, заглянул в окно кабинета и снова присел.

– Его здесь нет, – прошептал он.

– Он нашел? – спросила Лакост.

– Есть только один способ выяснить, – ответил Гамаш.

Он дал знак Бовуару обойти двор, а сам вместе с Лакост, пригнувшись, побежал по веранде к передней двери.

Изабель Лакост вытащила пистолет и медленно, осторожно открыла дверь. Потом они вошли внутрь. Оглядели комнату. Пусто. Лакост быстро прошла к кабинету, а Гамаш двинулся по коридору к одной из спален.

Лакост открыла ящик стола в кабинете, потом закрыла его и вышла. Встретила Гамаша в гостиной.

– Пистолет Бовуара из спальни пропал, – сказал он.

– Спусковой механизм суперорудия тоже пропал. – Она махнула рукой в сторону кабинета.

Дверь веранды открылась, и раздался голос Бовуара:

– Он в лесу. Я его слышу.

Они выбежали из двери; Жан Ги помчался между деревьями, а они – в нескольких шагах за ним. Он заставил себя замедлить бег, прислушался. Чтобы убедиться, что они на правильном пути. Темнота стояла почти полная, но человек, бежавший по мертвым, сухим листьям, производил немалый шум. И они побежали на шум.

Это была отчаянная погоня. Они не пытались скрыть, что преследуют его. Шла гонка по темному лесу. Они догоняли человека, который убил Лорана Лепажа. Который убил Антуанетту Леметр.

Человека, который с украденным спусковым механизмом был готов убить миллионы.

Преследуемый остановился. Но они продолжали бег. Они должны были догнать его. Бежали прямо на дуло пистолета.

Он прицелился. Ждал момента, когда промахнуться будет невозможно. И нажал на спусковой крючок.

Но ничего не произошло. Он нажал еще раз. Но было уже поздно. Они набросились на него, Изабель Лакост перехватила его руку, а Бовуар подмял под себя.

Арман Гамаш, на несколько шагов отставший от молодых полицейских, вытащил телефон и включил фонарик. И в его луче они увидели убийцу. Человека, который искал десятилетиями – так пират ищет сокровища, так пиявка ищет новой крови. А когда он наконец нашел «Проект „Вавилон“», это не привело ни к чему, кроме смерти.

В луче света стоял Брайан Фицпатрик.

Глава сорок четвертая

Адам Коэн вернулся. Теперь он сидел в бистро у огня, сдирая этикетку с бутылки пива. Ему предложили крепкий коньяк, и он сделал глоток, потому что Гамаш тоже взял коньяк и Адаму понравилось, как это выглядит. Но если по виду коньяк напоминал кленовый сироп, то по вкусу – скипидар.

В бистро, кроме них, никого не осталось. Было поздно, Оливье и Габри убрали помещение и ушли, оставив ключ Гамашу, чтобы закрыл, когда закончат.

Здесь остались только полицейские, они ели чипсы, орешки, выпивали.

Жан Ги засунул в камин березовое полено, угли рассыпались искрами, загудела тяга в трубе. Они смотрели, словно загипнотизированные.

– Но почему пистолет не выстрелил? – спросил Адам Коэн. – Брайан ведь целился прямо в вас.

– Похоже, и там тоже отсутствовал спусковой механизм, – сказала Лакост. – Мы знали, что у него нет пистолета, и подозревали, что он будет искать оружие в доме Гамашей. Инспектор Бовуар намеренно оставил пистолет в прикроватной тумбочке.

– А не проще было разрядить пистолет?

– Он мог проверить, – ответил Бовуар. – Но никому не придет в голову проверять наличие бойка.

– Этому трюку нас научил Гийом Кутюр, – сказала Изабель Лакост. – Он по тем же причинам снял спусковой механизм со своего суперорудия. Чтобы никто не смог им воспользоваться.

– Значит, у него все же была совесть, – заметил Гамаш. – Но одумался он только после убийства Джеральда Булла, понял, что не просто выполняет какую-то работу, не просто отвечает на научный вызов, ломает голову, чтобы найти максимально изящное решение. Он осознал, что его творение способно уничтожить сотни тысяч людей.

– Чертежи пропали, – сказал Жан Ги. – Видимо, он решил, что Булл сам их уничтожил. Или же заподозрил, что их похитил Флеминг.

– А если он это подозревал, то вряд ли захотел бы иметь дело с этим человеком, – сказала Изабель.

– Почему? – спросил Коэн.

– А ты бы захотел? – поинтересовалась она.

Молодой агент отрицательно покачал головой. Он еще не оправился от встречи с Джоном Флемингом – выглядел бледным, осунувшимся.

– Все, что мог сделать доктор Кутюр, чтобы обезвредить «Большой Вавилон», – это снять спусковой механизм, – сказала Лакост. – Вероятно, он взял его домой и разобрал, чтобы появились два отдельных предмета. Он сказал об этом своей племяннице, но Антуанетта и думать о них не думала, пока Лоран не нашел пушку, после чего его убили.

– А Брайан? – спросил Коэн. – Он-то как узнал про доктора Кутюра, «Проект „Вавилон“» и Антуанетту?

– Он говорил нам, что они прожили вместе десять лет, – сказал Бовуар. – Значит, познакомились в две тысячи пятом. Что еще случилось в тот год?

– Умер Гийом Кутюр, – ответила Лакост. – Антуанетта переехала в его дом, и в газете Университета Макгилла появился некролог. Брайан Фицпатрик тоже был выпускником. Он признался, что узнал Джеральда Булла на фотографии.

– Но откуда он вообще узнал про Джеральда Булла? – спросил Коэн. – Он же не физик.

– Нет, но он держал хвост по ветру, – сказала Лакост. – История доктора Булла его очаровала. Сегодня вечером, когда мы его допрашивали, Брайан подтвердил, что узнал про Джеральда Булла и «Проект „Вавилон“», когда обследовал район на предмет проведения геодезической съемки. «Проект „Вавилон“» упоминался в каких-то темных изданиях. Брайан стал копать, нашел туманные ссылки на другую возможную пусковую установку, которую собирался создать Булл. Бóльших размеров, более мощную.

– И которая будет стоить чертову прорву денег, – добавил Бовуар.

– То, что началось вроде как от нечего делать, как желание разузнать о Джеральде Булле и этой тайной экспериментальной площадке, превратилось в одержимость, – сказала Лакост.

– А увидев некролог, – сказал Бовуар, – и поняв, что доктор Кутюр, вероятно, не только работал с Буллом, но был настолько близок к нему, что оказался вместе с ним в Брюсселе, Брайан решил приехать сюда и познакомиться с единственным живым родственником Кутюра.

– Антуанеттой, – кивнул Коэн. – Десять лет назад.

– Он сегодня ничего не скрывал, – сказала Лакост. – Когда чертежи сгорели, а пушка была обнаружена, для него все лишилось смысла.

– Но как вы узнали, что Лорана и Антуанетту убил Брайан Фицпатрик? – спросил Коэн.

– В конечном счете все оказалось очень просто, – начала Изабель Лакост. – Я просматривала материалы дела, показания, вещдоки, последовательность событий, и мне стали ясны несколько моментов. Убийца должен был находиться в бистро в тот день, когда сюда прибежал Лоран. Он слышал историю Лорана и поверил словам мальчика. Это значительно сузило круг подозреваемых. Еще этот человек должен был плохо знать мальчика. Иначе он не оставил бы палку на месте убийства. Дальше. Он должен был знать, что Антуанетта в тот вечер будет одна в доме. Кто отвечал всем этим требованиям? Лишь несколько человек.

– Но лишь один человек знал, что Брайан останется на ночь в Монреале, – сказал Бовуар. – Сам Брайан. Он же находился в бистро, когда прибежал Лоран.

– Бóльшую часть того, что нам стало известно об Антуанетте, и в особенности о вечере, когда ее убили, мы узнали от Брайана, – сказала Лакост. – И почти все, что он нам рассказал, было ложью. Включая и то, что она ожидала гостей. Но он не знал, что она отклонила приглашение Клары и вместо этого отвезла в театр вещи дядюшки. Чтобы они находились как можно дальше от нее.

– И в этом мы увидели еще один ключ, – сказал Бовуар. – В том факте, что Антуанетта увозила вещи, когда Брайан отсутствовал, а не попросила его о помощи.

– Вы думаете, она его подозревала? – спросил Коэн.

– Не уверена, но вполне вероятно. Очевидно, что именно Брайан поднял бучу вокруг пьесы Флеминга, а потом подогревал ее. Именно он сказал нам, что автор пьесы – Флеминг. И он продолжал поддерживать идею постановки, когда все остальные отказались.

– Он хотел скандала, который отвлекал бы наше внимание, – добавил Бовуар.

– Убийца прячется среди хаоса, – сказал Коэн, и следователи заулыбались.

– Меня увела в сторону ложная гипотеза, – признала Лакост. – Я пребывала в уверенности, что убийца связан с Джеральдом Буллом. Участвовал в «Проекте „Вавилон“» либо в качестве разработчика, либо еще одного торговца оружием, либо одного из агентов разведки. Но это означало, что ему далеко за пятьдесят. Мне не приходило в голову, что убийцей может быть человек гораздо моложе, одержимый идеей найти пушку. Но когда я отмела эти соображения и оставила только факты, все прояснилось.

– Брайан говорит, что не хотел убивать Антуанетту, – сказал Бовуар. –

Он говорит, что она вернулась домой и застала его за поиском. Они заспорили, она упала и ударилась головой.

– Вы ему верите? – спросил Коэн.

– Возможно, он говорит правду, – ответила Лакост. – Но по-моему, он в любом случае убил бы ее. У него не было другого выхода. По той же причине он убил и Лорана. Чтобы заставить его замолчать.

– Он потихоньку обыскивал ее дом в течение многих лет, – сказал Бовуар. – Так он и пьесу Флеминга нашел. Потом он получил работу в районе – проведение геодезической съемки местности, что давало ему возможность искать пушку. Он признает, что приближался к ней на расстояние нескольких ярдов, но камуфляж надежно ее скрывал.

– Он почти сдался, когда Лоран прибежал в бистро, – сказала Лакост.

– Вы его подозревали, сэр? – спросил Коэн у Гамаша, который сидел молча и слушал.

– Уже ближе к концу. Правда, мне показалось странным, что все, кроме Брайана, пришли в негодование, узнав, кто автор пьесы. Он говорил, что сохраняет преданность Антуанетте, но дело было не только в этом. По большому счету ему было все равно. Для него пьеса стала лишь инструментом, чем-то вроде зловонной бомбы, которую он швырнул в дело. Но, как выясняется, ему бы следовало уделить пьесе больше внимания. То, что он искал, ради чего убивал, раскрывалось той самой пьесой, которой он пренебрегал. Пьесой Флеминга «Она сидела и плакала».

– Насколько я понимаю, Джон Флеминг не обрадовался, когда его повели назад в ЗООП, – сказал Бовуар, но, увидев лицо агента Коэна, тут же пожалел о своем почти жизнерадостном тоне.

– Это было ужасно. – У Коэна даже губы побелели, и Жан Ги испугался, как бы парень не проснулся утром поседевшим. – Я никогда не поддерживал смертную казнь, но, пока Джон Флеминг жив, я буду бояться.

– Он тебе угрожал? – спросил Гамаш.

– Нет, но… – Молодой агент побледнел еще сильнее. – Я совершил ошибку, сэр.

– Ничего страшного, – сказал Гамаш.

– Вы не понимаете, – возразил Адам.

– Прекрасно понимаю. Мы все ошибаемся. Прошу тебя, не переживай.

Они посмотрели друг другу в глаза, и молодой человек кивнул.

– Значит, Брайан во всем признался? – спросил Коэн, оставляя тему Флеминга.

– Трудно отрицать, когда мы взяли его со спусковым механизмом, который он украл из моего стола, – ответил Гамаш.

– Вы рисковали, да? – спросил Коэн. – А если бы он ушел?

– Это был не настоящий механизм, – усмехнулась Лакост. – Настоящий в сейфе под замком. Мы должны были вывести Брайана на чистую воду. У нас не хватало улик против него. Он должен был подставиться.

– И вы решили: пусть он думает, что украл спусковой механизм, – сказал Коэн Гамашу, и тот кивнул.

Молодой агент Коэн отхлебнул пива, взял чипсы, положил в рот и только тогда понял, что это чипсы не картофельные, а яблочные.

Он посмотрел на старшего инспектора Лакост, на инспектора Бовуара. На своих боссов. И на месье Гамаша. Посмотрел на надежные потолочные балки, прочный дощатый пол, камины, сложенные из плитняка. Он посмотрел в окно, но увидел только собственное отражение.

И наконец почувствовал себя в безопасности.

Глава сорок пятая

Изабель Лакост и Адам Коэн поднялись по ступенькам крыльца в гостиницу. Габри включил лампочку при входе и, конечно, оставил дверь незапертой.

– Ты сказал, что совершил ошибку с Флемингом, – напомнила Изабель. – Что за ошибка?

Адам Коэн пожевал губы, глядя на Гамаша и инспектора Бовуара, которые шли голова к голове к дому Гамашей. Но внезапно они остановились, развернулись и зашагали вокруг деревенского луга.

– Я назвал его имя, – сказал Коэн.

Изабель понадобилось несколько секунд, чтобы понять, о чем он говорит, и тогда она тоже посмотрела на двоих мужчин, идущих по кромке луга.

Адам Коэн, пребывавший в возбужденном состоянии, кричал в трубку сотового. Он назвал его имя. «Месье Гамаш». И Джон Флеминг на заднем сиденье услышал.

– Я хотел вас спросить о профессоре Розенблатте, – проговорил Жан Ги. – Что вы сказали ему на террасе? Вы поблагодарили его?

– Non. Я его предупредил.

– О чем? Он грудью защитил нас. Спас вашу жизнь и, вероятно, мою. И позволил мне сжечь чертежи. Фактически выхватил их из рук агентов КСРБ. Или кто уж они там.

– Я не уверен, что так оно и есть.

– Что вы имеете в виду?

– Вот что. Я не считаю, что профессор Розенблатт совершает необдуманные поступки. Я думаю, он понял, что момент завладеть чертежами упущен. И, становясь перед пистолетом, он знал, что Делорм сможет убить нас, но не его.

Гамаш помнил тот миг очень отчетливо.

Когда Майкл Розенблатт встал перед ним и пистолет оказался направлен в его грудь, у Гамаша возникло твердое впечатление, что Розенблатту не грозит ни малейшая опасность.

В ту долю секунды, когда пламя охватывало чертежи, Делорм должен был стрелять. Но он не выстрелил. Убить Гамаша и Бовуара ради чертежей, которые все равно уже не спасти, означало оказаться в международном

розыске. И потому профессор Розенблатт сделал единственно возможную вещь. Он встал под дуло пистолета, для того чтобы спасти не Гамаша и Бовуара, а ситуацию.

– Вы думаете, Розенблатт – один из них? Агент КСРБ? Или что-то в этом роде?

– Что-то в этом роде, – ответил Гамаш.

Он не считал Майкла Розенблатта убийцей, хотя и полагал, что тот способен на убийство. Но он почти не сомневался, что Розенблатт знал Мэри Фрейзер и Шона Делорма гораздо лучше, чем это могло показаться.

В конечном счете, кто вызвал их в Три Сосны? Кто сообщил им о найденном «Проекте „Вавилон“»?

Именно об этом Гамаш и сказал отставному ученому, когда они расстались на террасе. И предупредил, что будет наблюдать за ним.

– Вы все еще думаете, что я замешан в этом? – спросил его Розенблатт.

– Я думаю, вы знаете гораздо больше, чем говорите.

Розенблатт внимательно посмотрел на него:

– Мы по одну сторону, Арман. Вы должны мне верить.

– Вы клянетесь? – спросил Гамаш. – Жизнью внука?

Профессор Розенблатт улыбнулся, и Гамаш услышал его согласный смешок:

– Клянусь.

Но потом шутливый момент прошел.

– Вы должны знать, – сказал Розенблатт. – Часы не остановились. Просто произошла перезагрузка.

Арман Гамаш провожал его взглядом и думал, что видит корень всех зол. Из которого произросли Мэри Фрейзер, Шон Делорм и Джон Флеминг.

Жан Ги и Арман молча шли вокруг деревенского луга, дыша прохладным, свежим осенним воздухом.

– Профессору Розенблатту ничто не грозило, когда он встал перед дулом пистолета, опасность грозила вам, patron. – Бовуар остановился и повернулся к тестю. – Спасибо.

– Не каждый решился бы сжечь те чертежи, mon vieux. Ничего прекраснее я в жизни не видел. А я – человек, который видел «Manneken Pis».

У Бовуара вырвался смешок и еще какой-то неясный звук, который он сразу заглушил.

– Ты храбрый человек в храброй стране, Жан Ги. Такой замечательный человек должен передать отвагу своим детям.

Дальше они шли молча; со стороны Гамаша молчание было выбором,

со стороны Жана Ги – необходимостью, потому что он пока не мог говорить.

– Merci, – произнес он наконец.

И снова наступило молчание.

Когда они проходили мимо гостиницы, Гамаш увидел в окне тень. Пожилой человек готовился ко сну, в котором ему, вероятно, будут сниться дети, внуки и друзья. Теплый камин, хорошая книга, тихий разговор. Жизнь, которая могла бы у него быть.

На следующее утро к канадско-американской границе близ пропускного пункта Ричмонд со стороны Канады подъехал темный полицейский фургон.

Мужчина и женщина в форме Военно-юридической службы США стояли по другую сторону шлагбаума вместе с офицерами военной полиции.

В ожидании.

Фургон остановился в двадцати метрах от шлагбаума, водитель не выключил двигателя.

Дверь фургона откатилась, и из него выскочил крупный, крепкий человек с растрепанными седыми волосами. Он развернулся и протянул руку, помогая выйти пожилой женщине, а за ней – высокому пожилому человеку.

Они пошли по бокам Ала Лепажа размеренным шагом, с мрачными лицами. Возвращая человека. Завершая начатое.

Шлагбаум поднялся, но, прежде чем Ал пересек границу, Рут остановила его.

– Прости, – сказала она. – Это я послала к тебе Джона Флеминга.

– Я знаю.

– Нет, не знаешь. Я испугалась, когда его увидела. Хотела избавиться как можно скорее. Я отдала ему тебя, чтобы спастись самой.

Ал Лепаж посмотрел на Рут Зардо:

– Я бы тоже мог отправить его к кому-нибудь. Вот в чем разница между нами. Ты увидела зло и не пожелала иметь с ним ничего общего. А я пригласил его в дом.

Ал кинул взгляд на ожидающих его людей. Потом повернулся к мужчине и женщине, которые когда-то спасли его. Он пожал руку месье Беливо, посмотрел на Рут.

– Можно? – спросил он и, когда она кивнула, поцеловал ее в щеку. – Я не имею права просить об этом, но, пожалуйста, присмотрите за Ивлин.

Она ничего не знала.

После этого он перешагнул через границу и снова стал Фредериком Лоусоном.

Тем утром, прежде чем ехать с Алом Лепажем к границе, Рут нужно было сделать одно дело.

Она взяла Розу и направилась в коттедж к Кларе. Войдя, она обнаружила Клару на том месте, где и предполагала ее найти, – у мольберта. Рут расположилась на просиженном пружинном диване, от которого пахло банановой кожурой и огрызками яблок, и посмотрела на Клару, уставившуюся на портрет Питера.

– Но кто тебя обидел так, что ран не залечить? – продекламировала Рут.

– Строка из твоего стихотворения, – сказала Клара.

Она повернулась на табуретке и посмотрела на Рут.

– Я спрашивала тебя, Клара: кто тебя обидел так? – Рут показала на мольберт. – Чего ты ждешь?

– Жду? – переспросила Клара. – Ничего.

– Тогда что тебя заело? Ты как персонажи из этой чертовой пьесы. Ждешь, что кто-то или что-то тебя спасет? Ждешь, чтобы Питер сказал тебе, что ты можешь продолжать жить дальше? Ты ищешь молоко не в том месте.

– Я просто хочу рисовать, – сказала Клара. – Я не хочу, чтобы меня спасали, чтобы меня прощали. Я даже молока не хочу. Хочу рисовать.

Рут с трудом поднялась с дивана:

– Я тоже хотела.

– Чего ты хотела? – спросила Клара.

– Ответа на этот вопрос. Все те годы, что я не могла писать стихов, я винила Джона Флеминга. Но я ошибалась.

Клара проводила взглядом Рут и Розу, покинувших ее дом. Она понятия не имела, о чем тут говорила безумная старуха. Но через некоторое время в голове у нее, сидящей перед незаконченным полотном, стало проясняться.

Кто мог так ее обидеть? Кто знал ее слабости, недостатки? Кто сделал так, что сердце ее обливалось кровью?

Клара посмотрела на портрет Питера.

– Извини, – сказала она, глядя в его неоформленное лицо. – Прости меня.

Она осторожно поставила портрет к стене и взяла новый холст.

Она поняла, что держало ее. Она пыталась написать не тот портрет. Пыталась покаяться, искупить свою вину картиной.

Клара взяла кисть и посмотрела на пустой холст. Она напишет портрет человека, который когда-то обидел ее так, что ран не залечить.

Она принялась писать смелыми мазками. Передавая ярость, печаль, сомнение, страх, чувство вины, радость, любовь и, наконец, прощение.

Она напишет самый сокровенный, самый трудный из портретов, какие когда-либо писала.

Это будет автопортрет.

Ивлин Лепаж сидела в кухне и глядела на газовую плиту. Пыталась найти в себе силы и включить ее. Но все кости ее тела растворились. И она не могла пошевелиться. Ни для того, чтобы спасти свою жизнь, ни для того, чтобы покончить с нею.

В окне она увидела подъезжающую машину. Из нее вышли два пожилых человека.

– Мы пришли взять тебя домой, Иви, – позвала из-за двери пожилая женщина тонким голосом, почти неузнаваемым из-за необычной кротости. – Если ты не против пожить с никуда не годной старой поэтессой и ее уткой.

Жан Ги поднес трубку к уху и посмотрел через окно кабинета Гамаша на тихую деревню. Потом отвернулся от окна и взглянул на бумаги, аккуратно лежащие на столе тестя.

Все приглашения. А с ними и ответ на вопрос «Что дальше?».

Наконец на его звонок ответили.

– Oui, allô? – раздался жизнерадостный голос Анни.

– Арман, – сказала Рейн-Мари, когда они кончили мыть посуду после завтрака. – Ты мне скажешь когда-нибудь, что сделал Джон Флеминг?

Арман поставил тарелку и вытер руки о полотенце.

– То, что он сделал, – это прошлое. Оно там и осталось.

Она внимательно посмотрела на него:

– Так ли?

– Oui. Но если после этого телефонного звонка ты все еще будешь просить меня рассказать о Флеминге, я расскажу.

Рейн-Мари повернулась и увидела в дверях Жана Ги с трубкой. Она взволнованно взяла ее. Прижала к уху.

Двое мужчин смотрели, как разглаживаются морщины на ее лице, как

глаза наполняются светом. И все мысли о Джоне Флеминге, о суперорудии, о Вавилонской блуднице исчезли, вытесненные гораздо более важным.

Рейн-Мари взглянула на Жана Ги, переполненного эмоциями. Потом она повернулась к Арману – он улыбался, его глаза увлажнились. И тогда Рейн-Мари села за старый сосновый стол и заплакала.

От автора

Джеральд Булл – не вымышленный персонаж, он был канадским ученым, конструктором оружия. Впервые его удивительная история попалась мне на глаза в середине 1990-х. Я работала тогда ведущей радиопрограммы новостей на Си-би-си. Мой тогдашний продюсер Аллен Джонсон рассказал об этом человеке, который построил прямо на границе со Штатами, в Квебекских Восточных кантонах, огромную пушку и назвал ее «Беби Вавилон». Он сказал, что это была самая ядреная (Аллен выдающийся журналист с огромным словарным запасом) пусковая установка в мире. И смотрела она на Соединенные Штаты.

Считалось, что Джеральд Булл создавал свою установку для Саддама Хусейна, иракского диктатора, готовившего войну в регионе.

Судя по докладам, «Беби Вавилон» была построена, но оказалось, что она не действует. Это, однако, не остановило Джеральда Булла, и среди оружейников ходили слухи, что «Проект „Вавилон“» предусматривал создание двух установок, а не одной. Что у «Беби Вавилон» существовал брат по имени «Большой Вавилон». Он имел такие размеры, что рядом с ним «Беби Вавилон» казалась детской игрушкой.

И «Большой Вавилон» был действующей установкой. Он мог выводить снаряды на низкую околоземную орбиту. Запад выражал недовольство. Такое оружие не должно попадать в руки психически неустойчивого диктатора.

Джеральда Булла убили в Брюсселе в начале 1990-х пятью выстрелами в голову. Как и жизнь, его смерть покрыта тайной. Убийц так и не нашли, хотя ходили слухи, что они были агентами МОССАДа.

В то время работа Булла, его жизнь и смерть были секретом Полишинеля, хотя и лишь в определенных кругах. Со временем всплывало все больше и больше информации.

Там, где мы живем, в Восточных кантонах, многие помнят Джеральда Булла, ведь над созданием огромной пусковой установки работало немало людей. Муж моей помощницы Дел возил нас на площадку, где создавали «Беби Вавилон». Она все еще огорожена и под замком.

Власть этого человека была так велика, что люди в окрестностях до сих пор не желают говорить ни о нем, ни о его творении.

notes

Сноски

1

Булочки с корицей *(фр.)*.

2

Песня «Old Man» из альбома «Harvest» («Урожай») канадского музыканта Нила Янга.

3

«Черноглазая Сюзанна» – народное название цветка тунбергия крылатая.

4

Эстри – административный район Квебека.

5

Да *(фр.)*.

6

«Стеклянный зверинец» – автобиографическая пьеса Теннесси Уильямса, принесшая ему первый громкий успех.

7

Мишель Трамбле – канадский драматург и прозаик.

8

«Наш городок» – пьеса Торнтона Уайлдера.

9

«Суровое испытание» – пьеса Артура Миллера.

10

Президент США Франклин Рузвельт имел привычку держать во рту мундштук с сигаретой, известно множество его фотографий с мундштуком.

11

Строки из стихотворения «Ожидание» канадской писательницы Маргарет Этвуд.

12

Джеффри Лайонел Дамер – американский серийный убийца, отличавшийся крайней жестокостью.

13

Жак Клузо – старший инспектор полиции, главный герой серии фильмов «Розовая пантера». Рут дала Гамашу это прозвище в их первую встречу.

14

Мой красавец *(фр.)*.

15

Здесь: хорошо *(фр.)*.

16

Остановитесь! *(фр.)*

17

Доктор Сьюз (Теодор Сьюз Гейзель) – американский детский писатель и автор мультфильмов. Самая известная книга Доктора Сьюза – «Зеленые яйца и окорок».

18

Старина *(фр.)*.

19

Зона 51 – засекреченная военная база США на юге штата Невада.

20

Из стихотворения Маргарет Этвуд «Грустный ребенок».

21

Именно *(фр.)*.

22

«Сегодня ночью лев спит», песенка, известная также как «Уимба уей», или «Уимове, уимове», написана южноафриканским певцом зулусского происхождения в 1920-е годы. Стала известна на Западе в том числе благодаря исполнению группой «The Weavers». Названия «Уимба уей» или «Уимове, уимове» являются искаженным зулусским словом «мбубе» – «лев».

23

Слова из Екклесиаста (3: 1), использованные в песне Пита Сигера.

24

Франко-канадское ругательство.

25

Доброй ночи *(фр.)*.

26

Здесь: к сожалению *(фр.)*.

27

«Меккано» – серия развивающих игрушек-конструкторов одноименного производителя.

28

Из сонета Перси Биши Шелли «Озимандия». Перевод Н. Минского.

29

Очень приятно *(фр.)*.

30

Обычно такой жест означает: сохрани то, что услышал, в тайне.

31

Деревенский хлеб *(фр.)*.

32

Принятое в Канаде название Первой мировой войны.

33

«Авро CF-105 Эрроу» – легендарный истребитель-перехватчик, который разрабатывался в Канаде в 1950-х. Программа была свернута в 1959 году.

34

Слово «bull» в английском языке имеет несколько значений: бык; самец; враки.

35

«Лисол», «Мистер Клин», «Спик энд Спэн» – названия чистящих средств.

36

Глазастик, Джим, Страшила Рэдли – персонажи романа Харпер Ли «Убить пересмешника».

37

«Кабинетный гарнитур» – фильм режиссера Уолтера Лэнга с Кэтрин Хепбёрн и Спенсером Трейси в главных ролях.

38

Дон Маклин – американский автор и исполнитель песен.

39

Отлично *(фр.)*.

40

Пожалуйста; будьте добры *(фр.)*.

41

«Ренфрю из Королевской конной полиции» – популярная серия приключенческих книг писателя Лори Йорка Эрскина.

42

Лестер Боулс Пирсон – канадский ученый и государственный деятель, лауреат Нобелевской премии мира за 1957 год, премьер-министр Канады (1963–1968).

43

Базз Лайтер – персонаж серии мультфильмов «История игрушек», космический путешественник.

44

Рош Карье – канадский писатель; одна из самых известных его книг – «Le chandail de Hockey» («Хоккейный свитер»).

45

«Дочери Калеба» – канадский телесериал по роману Арлетт Кустюр.

46

Ночные клубы *(фр.)*.

47

Сожитель *(фр.)*.

48

Владение *(фр.)*.

49

Поселенцы *(фр.)*.

50

Из стихотворения Уильяма Йейтса «Второе пришествие». Перевод Г. Кружкова.

51

Легкая закуска *(фр.)*.

52

Ничего *(исп.)*.

53

Бовуар упустил аллюзию на фильм Орсона Уэллса «Полуночные колокола». Герои фильма – шекспировский Джон Фальстаф и принц, разрывающийся между преданностью Фальстафу и верностью отцу, Генриху IV.

54

Аллюзия на песню американской певицы Эми Ли «And all sorts of funny thoughts…».

55

Молочный магазин *(фр.)*.

56

Атомиум – одна из достопримечательностей Брюсселя. Здание построено к открытию Всемирной выставки 1958 года как символ атомного века.

57

«Беспомощный» – песня Нила Янга.

58

Шоколадный торт *(фр.)*.

59

Намек на знаменитый роман Джорджа Оруэлла «1984».

60

Что? *(фр.)*

61

В Канаде компании могут использовать регистрационный номер в качестве названия.

62

Горячий шоколад, пожалуйста *(фр.)*.

63

На Хиросиму была сброшена бомба «Little Boy» – «Малыш».

64

Название деревни Сонгми по-английски звучит как Son My. А «мой сын» – «my son».

65

Имеются в виду персонажи романа Джона Р. Р. Толкина «Властелин Колец».

66

Искаженная библейская цитата: «Всему свое время, и время всякой вещи под небом» (Екк. 3: 1).

67

Квебекский фастфуд из картофеля фри, творожного сыра и мясного соуса *(фр.)*.

68

Имеется в виду Энди Харди, персонаж популярных семейных комедий 1937–1946 годов.